VUS HAAR

Космология буддизма

VUS HAAR
Космология буддизма

https://litres.ru/74244379
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга «Космология Буддизма» — уникальное исследование эволюции представлений о Вселенной от древнейших наблюдений до современных астрофизических теорий. Это живое повествование, соединяющее мифологию, этнографию, историю науки и философию в единый сюжет.

Автор ведет читателя от первых шагов осмысления звездного неба к анализу теорий в письменных источниках — от ведийских гимнов до трактата «Абхидхармакоша» Васубандху и трудов Арьябхаты. Внимание уделено пантеону божеств, представлениям о форме Земли, природе планет, календарным системам и астрологическим практикам цивилизаций Востока.

Книга построена по принципу «от сотворения мира до быта и смерти». В финале автор сопоставляет древние модели Вселенной с открытиями телескопа Хаббл, квантовой физикой и теорией темной материи, поднимая вопросы о нераскрытых тайнах мироздания. Издание адресовано историкам науки, религиоведам и всем, кто интересуется астрономией, философией и культурой Востока.

Содержание

Пролог 8
Глава 1. Там, где небо смыкается с землей: ареал древнейшего расселения и первые звездные карты 11
Глава 2. Ледниковый период и первые астрономические наблюдения древних охотников 25
Глава 3. Этногенез: как формировался народ, сохранивший память о космосе 36
Глава 4. В поисках прародины: миграции и передача астрономических знаний 47
Глава 5. Древние святилища и первые обсерватории: связь земли и звездного свода 57
Глава 6. Устная традиция: звездные сказки и мифы как первые учебники космологии 67
Глава 7. Рождение календаря: как циклы Луны и Солнца вошли в плоть и кровь этноса 77
Глава 8. Эпоха бронзы: металл, власть и новое понимание движения небесных тел 87
Глава 9. Космологические мотивы в наскальной живописи: что рисовали древние астрономы 96
Глава 10. Анимизм и небо: персонификация светил в ранних верованиях 107

Глава 11. Первые письменные источники: клинопись, береста или камень – что дошло до нас 116
Глава 12. Расшифровка древних космографий: как читать карты звездного неба 127
Глава 13. Влияние соседних цивилизаций: заимствования и уникальное видение мира 137
Глава 14. Миф о мировом яйце и рождение Вселенной из пустоты 145
Глава 15. Космический столп: вертикальная модель мироздания в эпосе 157
Глава 16. Боги утренней зари и вечерней звезды: персонификация небесных тел 166
Глава 17. Магическая функция астрономии: от охоты до первых земледельческих культов 178
Глава 18. Лунные дома: древнейшая система навигации по ночному небу 191
Глава 19. Солнце как главное божество: эволюция культа от огня к светилу 200
Глава 20. Затмения как космическая драма: мифология борьбы со тьмой 211
Глава 21. Планеты как странники: как были открыты первые блуждающие звезды 223
Глава 22. Хроники наблюдений: как фиксировались кометы и новые звезды 235
Глава 23. Календарные реформы древности: 246

переход от лунного к солнечному циклу
Глава 24. Космогонические мифы о потопе и возрождении мира 257
Глава 25. Отражение звездного неба в сакральной географии поселений 266
Глава 26. Ритуалы встречи нового солнца: зимнее солнцестояние в древности 277
Глава 27. Шаманы и астрономы: двойственная роль жрецов в древнем обществе 288
Глава 28. Представления о множественности миров: зарождение идеи бесконечности 298
Глава 29. Священные числа: сакральная арифметика космоса в древних текстах 310
Глава 30. Образование первых астрономических школ: передача знаний в закрытых кастах 322
Глава 31. Брахма и творение: как мысль порождает материальный мир 333
Глава 32. Индра и его дворец: небесная иерархия и космический порядок 345
Глава 33. Шива-разрушитель: время как цикличная сила во Вселенной 355
Глава 34. Вишну-хранитель: космическое равновесие и его нарушение 365
Глава 35. Дэвы и асуры: вечная борьба за господство над пространством 375
Глава 36. Маруты и ветры: силы хаоса или 388

законы движения звезд?
Глава 37. Сурья и его колесница: детальный разбор пути Солнца по небесной сфере 399
Глава 38. Сома и Луна: божественный напиток и лунная династия царей 414
Глава 39. Наваграха: девять планетных божеств и их влияние на судьбы 427
Глава 40. Раху и Кету: дракон, пожирающий Солнце и Луну 444
Глава 41. Вселенная как дерево: корни в подземелье, крона в небесах 451
Глава 42. Три мира: небо, земля и подземное царство в священных текстах 459
Глава 43. Гора Меру как ось мира: географическая и космическая реальность 470
Глава 44. Космические слои: описание адов и миров богов по текстам Пуран 480
Глава 45. Путь предков и путь богов: загробная астрономия 490
Глава 46. Концепция юг: как эпохи мира влияют на движение светил 500
Глава 47. Представление о времени как о божестве: Кала и его атрибуты 511
Глава 48. Сотворение звезд: как космологические мифы объясняют скопления галактик 523

Глава 49. Вращение миров: представления о форме Земли и ее месте в пространстве 536
Глава 50. Символика чисел в космогенезе: от нуля до бесконечности 550
Глава 51. Жертвоприношение как модель мироздания: Пуруша-сукта 568
Глава 52. Космический океан и змея Шеша: опоры Вселенной в эпосе 577
Глава 53. Локапалы: стражи сторон света и их астрономическая проекция 585
Глава 54. Представления о астрономической музыке: сферы, издающие звук 603
Глава 55. Огненные колесницы: тексты о виманах и небесных кораблях 614
Глава 56. Боги-врачеватели Ашвины: связь созвездий Близнецов с медициной 622
Конец ознакомительного фрагмента. 624

VUS HAAR
Космология буддизма

Пролог

Эта книга родилась из одного вопроса, который звучит одновременно просто и бесконечно сложно: как люди, жившие за много веков до изобретения телескопа, создали столь стройную и детализированную картину мироздания, что она до сих пор поражает воображение и вызывает споры среди ученых? Ответ на этот вопрос потребовал путешествия не только в глубь веков, но и в глубь человеческого сознания — туда, где миф встречается с математикой, где боги управляют планетами, а планеты управляют судьбами, где время течет не линейно, а циклично, где Вселенная умирает и возрождается вновь в бесконечной череде космических эпох.

Буддийская космология не является единой догмой. Она складывалась веками, вбирая в себя древнейшие ведические представления, переосмысленные через призму учения Будды, и обогащаясь астрономическими наблюдениями, которые проводились в обсерваториях, храмах и на площадях городов от Индии до Китая и Японии. Это учение о возникающих и гибнущих мирах, о живых существах и о связи между их поведением и судьбой. Это попытка объяснить не только

устройство звездного неба, но и природу страдания и пути освобождения от него — космология, где небесные сферы являются одновременно и географическими, и моральными категориями.

Мы начнем наше повествование с самого начала — с того момента, когда первые люди подняли головы к небу и увидели в движении светил не просто хаос, но порядок. Мы проследим, как этот порядок обретал имя, форму и смысл в мифах, ритуалах и священных текстах. Мы увидим, как рождались и умирали боги, как сменяли друг друга космологические модели, как астрономы древности, вооруженные лишь гномонами и собственным глазомером, вычисляли расстояния до Солнца и Луны с точностью, которая кажется почти невероятной. И, наконец, мы обратимся к современности — к тому, как буддийская космология продолжает жить в культуре, как она пересекается с открытиями квантовой физики и теории струн, и какие тайны она по-прежнему хранит.

Эта книга — не хронологический перечень фактов и не сухой академический обзор. Это попытка воссоздать живую ткань человеческой мысли, которая на протяжении тысячелетий пыталась постичь небо и свое место под ним. Это рассказ о том, как космос стал не просто пространством, но домом — с его небесами и адами, с его богами и демонами, с его бесконечными циклами рождения, смерти и возрождения. И это приглашение задуматься о том, что, возможно, древние знали о Вселенной нечто такое, что мы только на-

чинаем заново открывать.

В книге использованы два типа иллюстраций:

Рисунки, сгенерированные в OpenAI. Изображения, созданные с помощью искусственного интеллекта (ChatGPT/OpenAI) используются в книге на законных основаниях и созданы специально для данного издания. Автор обладает правом использовать их, включая коммерческое применение, в соответствии с условиями использования OpenAI.

Собственные фото автора. Права на эти фото принадлежат автору.

Глава 1. Там, где небо смыкается с землей: ареал древнейшего расселения и первые звездные карты

Представить себе мир, в котором жили первые люди на территории будущей буддийской цивилизации, сегодня почти невозможно. Не потому, что мы не знаем, как он выглядел, а потому, что мы утратили способность видеть небо так, как видели его они. Мы смотрим вверх и видим россыпь огней, знакомые созвездия, иногда луну, иногда планеты. Но мы редко задумываемся о том, что каждое из этих светил для древнего человека было живым существом, богом, предком, знаком или угрозой. Небо не было абстракцией — оно было домом, и этот дом простирался над головой каждую ночь, требуя понимания, почитания и интерпретации.

Ареал расселения древнейших народов, чьи космологические представления впоследствии легли в основу буддийской космологии, охватывал огромные территории Индийского субконтинента. От Гималайских гор на севере до Индийского океана на юге, от Инда на западе до Бенгальского залива на востоке — здесь, на этой земле, рождались первые вопросы о том, что находится над головой. Археологические

находки свидетельствуют о том, что уже в эпоху верхнего палеолита, примерно сорок тысяч лет назад, люди на этой территории начинали оставлять следы своего взаимодействия с небом. Это были не систематические наблюдения, не научные трактаты — это были первые попытки запечатлеть увиденное, остановить мгновение, когда небо раскрывало свои тайны.

Одним из самых поразительных свидетельств таких попыток является находка, сделанная в северной части Индийского субконтинента, в археологическом комплексе, который датируется примерно пятым тысячелетием до нашей эры. Среди множества артефактов здесь была обнаружена каменная плита размером около полуметра в длину и почти в тридцать сантиметров шириной, на которой вырезана сцена, на первый взгляд напоминающая обычную охоту. Под двумя яркими светилами в небе изображены фигуры охотников и животных. Долгое время этот рисунок считали просто бытовой зарисовкой, однако более пристальное изучение позволило выдвинуть совершенно иную интерпретацию. Одно из двух светил, по мнению ряда исследователей, является не Луной и не Солнцем, а сверхновой звездой — взрывом, который произошел в глубокой древности, примерно за несколько тысяч лет до нашей эры. Если эта гипотеза верна, то перед нами древнейшее на Земле изображение взрыва сверхновой, возраст которого составляет около пяти тысяч лет. Но еще более важно другое: когда современные астрономы наложи-

ли на этот рисунок карту звездного неба того времени, они обнаружили, что расположение объектов на камне совпадает с реальным расположением звезд вблизи места того самого взрыва. Это означает, что древний художник не просто зарисовал необычное явление — он создал звездную карту, зафиксировал на камне положение светил относительно друг друга, пытаясь осмыслить то, что происходило на небе. Это была не просто иллюстрация, это был первый шаг к систематическому знанию.

Но этот комплекс — лишь одна точка на карте древнейшего расселения. Археологические находки свидетельствуют о непрерывной традиции наблюдения за небом, которая прослеживается на всей территории Индийского субконтинента. В северо-западной части, в другом древнейшем поселении, археологический слой уходит в глубь времен до восьмого тысячелетия до нашей эры, и наскальные рисунки этого периода могут уходить корнями в еще более ранние эпохи. Здесь, в этих древнейших стоянках, люди уже начинали различать циклы, замечать закономерности, связывать движение светил с сезонами, с охотой, с жизнью и смертью. Они еще не знали, что такое планета в современном понимании, но они видели, что некоторые звезды движутся иначе, чем другие. Они еще не строили обсерваторий, но они использовали естественные возвышенности, ущелья и скалы для наблюдений. Каждый рассвет и каждый закат были для них событием, каждый восход определенной звезды означал на-

ступление нового времени года, возможность или угрозу.

Индская цивилизация, расцвет которой пришелся на третье тысячелетие до нашей эры, оставила после себя не только города, но и печати, на которых мы можем увидеть отражение космологических представлений. На одной из таких печатей, найденной в одном из крупнейших городов той эпохи, изображено божество со звездами по обе стороны головы, заключенными в изогнутые рога. Это не случайный орнамент — в древней западноазиатской традиции звездные символы у головы божества обозначали его божественную природу, и эта практика была заимствована индской цивилизацией. Звезды на печатях — это не просто украшение, это маркер сакральности, указание на то, что божество принадлежит небесному миру. Это первое свидетельство того, что космос начинал обретать иерархию, что светила начинали не просто наблюдаться, но и почитаться.

Как же древние люди на этой территории развивали свое «чувство неба», как они отличали один день от другого, один сезон от другого? Ответ на этот вопрос лежит в той повседневной, почти незаметной работе ума, которую мы называем наблюдением. Представьте себе охотника, который каждое утро выходит из своего жилища и смотрит на восток. Он замечает, что точка восхода Солнца медленно смещается вдоль горизонта: сегодня она чуть правее, чем вчера, завтра еще правее. Он не знает, что это связано с наклоном земной оси, но он знает, что когда Солнце восходит в самой крайней

точке своего пути, наступает холодное время года, а когда возвращается — теплое. Он связывает эти наблюдения с миграцией животных, с цветением растений, с тем, что можно и чего нельзя делать. Так рождается календарь — не в виде записей на глиняных табличках, а в виде памяти, передаваемой из уст в уста, от отца к сыну, от старейшины к юноше.

Мегалитические памятники, разбросанные по всей территории Индии, особенно в южных и центральных областях, свидетельствуют о том, что древние люди не только наблюдали за небом, но и строили сооружения, ориентированные на определенные небесные события. Эти мегалиты — грубые, неотесанные камни, установленные в определенном порядке — служили не только погребальными сооружениями, но и маркерами для наблюдений. Археоастрономические исследования показывают, что группы людей, строившие эти монументы, взаимодействовали с космосом на уровне, который мы можем реконструировать лишь приблизительно. Они не имели научных инструментов, но они имели глаза, терпение и поколения накопленного опыта. Они замечали, что в определенные дни года тень от одного камня падает точно на другой, что в определенные ночи звезда восходит из-за определенного холма. Это была не наука в современном понимании, но это было знание — знание, которое позволяло предсказывать, планировать, выживать.

Наскальные рисунки, найденные в различных регионах Индии, содержат изображения, которые исследователи ин-

терпретируют как календарные маркеры. Кольцевые камни с вырезанными на них отметками могли служить для определения положения Солнца в различные месяцы, для вычисления Уттараяны и Дакшинаяны — периодов, когда Солнце движется на север или на юг. Эти термины, знакомые нам по более поздним текстам, имеют глубокие корни в древнейшей практике наблюдения. Уттараяна и Дакшинаяна — это не просто абстрактные понятия, это реальные периоды, которые древние люди умели вычислять, следя за восходом и закатом Солнца на горизонте. Они знали, что в день зимнего солнцестояния Солнце останавливается и начинает свой путь на север, что день начинает прибывать. Это был момент надежды, возрождения, праздника. Они знали, что в день летнего солнцестояния Солнце достигает своей крайней северной точки и поворачивает обратно, что день начинает убывать. Это был момент предостережения, напоминания о том, что все в мире циклично.

Но древние люди не ограничивались наблюдением за Солнцем. Ночное небо открывало перед ними совершенно иной мир — мир, в котором светила не исчезали на ночь, а оставались, меняя свое положение в течение ночи и в течение года. Именно здесь, в ночном небе, рождались первые звездные карты. Исследователи, изучающие петроглифы, отмечают, что некоторые наскальные рисунки могут представлять собой изображения созвездий. Это не фантазия — когда на камень нанесены точки и линии, соединяющие их, это

трудно объяснить чем-то иным, кроме попытки запечатлеть звездное небо. Конечно, мы не можем с уверенностью сказать, какие именно созвездия изображали древние художники, но сам факт того, что они пытались перенести небо на камень, говорит о многом.

Индская цивилизация, достигшая своего расцвета в эпоху так называемой интеграции, оставила после себя города, которые были спланированы с удивительной точностью. Улицы крупнейших городов той эпохи ориентированы по сторонам света, здания расположены с учетом движения Солнца, система водоснабжения и канализации демонстрирует высокий уровень инженерной мысли. Но что мы знаем об астрономических представлениях этих людей? Увы, очень немногое. Письменность той цивилизации до сих пор не расшифрована, и мы вынуждены полагаться на косвенные свидетельства — на печати, на планировку городов, на ориентацию строений. Однако даже эти косвенные свидетельства говорят о том, что астрономия занимала важное место в жизни людей той эпохи. Печати с изображениями звезд, печати с изображениями животных, которые, возможно, символизировали созвездия — все это указывает на то, что космос был не просто фоном, а активной частью их мировоззрения.

В исторический период, начиная примерно с середины второго тысячелетия до нашей эры, астрономические обсерватории стали частью храмовых комплексов, где происходила церемония посвящения царей. Это посвящение служило

подтверждением того, что царь является главным почитателем избранного божества, которое считалось воплощением времени и Вселенной. Такая практика не возникла на пустом месте — она уходила корнями в гораздо более древние представления о связи между властью и небом, о том, что правитель должен быть не просто военачальником или администратором, но и посредником между землей и космосом. Один из известных древних комплексов, расположенный в центральной Индии, связанный с классической эпохой одной из великих династий, является ярким примером такого астрономического святилища. Этот сайт был древней холмистой обсерваторией, уходящей корнями как минимум во второй век до нашей эры, а более поздние правители расширили его, превратив в священный ландшафт, символизирующий царскую власть. Наблюдения здесь облегчались географическими особенностями холма, который служил естественной платформой для слежения за небесными телами. Но это был уже не первый шаг — это был результат тысячелетий накопленного опыта.

Астрономические инструменты, которые использовались в Индии в исторический период, включали водяные часы, гномон, крестообразный жезл, армиллярную сферу, доску для определения времени по высоте Солнца и солнечные часы. Но все это — изобретения гораздо более поздних эпох. Первые инструменты были гораздо проще: это были просто камни, воткнутые в землю, это были деревья, чья тень ука-

зывала на время дня, это были собственные руки, вытянутые к горизонту, чтобы измерить высоту светила. И тем не менее, с помощью этих примитивных средств древние люди достигали удивительной точности. Они знали, когда наступит равноденствие, они знали, когда начнется муссон, они знали, когда можно сеять, а когда собирать урожай.

Индийская астрономия, как она начала оформляться в письменных источниках, характеризуется концепцией последовательно удлиняющихся эпох, что само по себе является примером всепроникающей идеи рекурсии — повторения паттернов в пространстве, масштабе и времени. Ярким примером этого является деление эклиптики на двадцать семь сегментов звезд, с которыми Луна соединяется в своем месячном цикле; каждый из этих сегментов далее делится на двадцать семь подсегментов, а последующие деления дня на более мелкие единицы по тридцать частей. Эта идея рекурсии, лежащая в основе понятия священного ландшафта, воплощена в индийском искусстве и предоставляет археоастрономический ключ к пониманию сакральной и монументальной архитектуры. Но корни этой идеи уходят в древнейшие времена, когда люди впервые заметили, что циклы неба повторяются, что за одним Солнцем следует другое, что за одним сезоном приходит следующий.

Что же представлял собой ареал расселения этих древних людей? Это была не однородная территория, а мозаика различных культур, языков и традиций. В третьем ты-

сячелетии до нашей эры культурная мозаика характеризовалась интеграцией развитой цивилизации на северо-западе Индии, медно-бронзовых культур в центральной и северной Индии и неолитических культур на юге и востоке. Несколько крупных городов той эпохи стали центрами, где космологические представления могли обогащаться и систематизироваться. Другие важные поселения того периода свидетельствуют о том, что астрономические знания были широко распространены. Большинство городов и поселений того времени находились в долине одной из великих рек, что подчеркивает важность этой речной системы для развития цивилизации. Гидрологические изменения, продолжительные засухи и пересыхание рек в конечном итоге привели к упадку этой цивилизации, но астрономические знания не исчезли — они были переданы следующим поколениям, адаптированы, переосмыслены и в конечном итоге зафиксированы в текстах, которые дошли до нас.

Интересно, что в древнейших космологических представлениях, которые мы можем реконструировать по археологическим данным, уже прослеживаются те идеи, которые впоследствии станут основой буддийской космологии. Это не означает, что древние люди были буддистами — буддизм как учение возник гораздо позже. Но это означает, что определенные способы мышления о космосе, определенные паттерны восприятия неба были общими для всей этой территории на протяжении тысячелетий. Идея цикличности време-

ни, идея множественности миров, идея связи между поведением человека и состоянием космоса — все это можно найти в зародыше в древнейших археологических памятниках.

Печати с изображениями звезд у головы божества — это не просто артефакты, это свидетельства того, что космос уже начинал обретать моральное измерение. Звезды не просто существовали — они указывали на божественное, они маркировали сакральное пространство. Эта идея впоследствии разовьется в сложную систему соответствий между небесными телами и божественными сущностями, которая станет центральной для индийской астрономии и астрологии. Но в эпоху неолита и ранней бронзы это была еще лишь первая, робкая попытка связать небо с миром людей.

Археоастрономические исследования в Индии, хотя и находятся в зачаточном состоянии, уже дают нам возможность заглянуть в этот древний мир. Исследователи призывают к сохранению мегалитических памятников, которые могут иметь астрономическое значение, поскольку они представляют собой уникальное свидетельство того, как древние люди взаимодействовали с космосом. Эти памятники — не просто груды камней, они являются материальным воплощением космологических представлений, они рассказывают нам о том, как люди видели небо, как они понимали свое место во Вселенной.

Но вернемся к той удивительной находке с каменной плитой. Каменная плита с изображением сверхновой — это не

просто древнейшее изображение взрыва звезды. Это свидетельство того, что древние люди не просто пассивно созерцали небо, но активно пытались его осмыслить. Они видели нечто необычное — два ярких светила в небе — и они запечатлели это на камне. Они не знали, что это взрыв звезды, они не могли объяснить природу этого явления. Но они знали, что это важно, что это нужно запомнить, что это нужно передать следующим поколениям. Они создали звездную карту, которая через пять тысяч лет позволила ученым идентифицировать конкретную сверхновую и определить дату ее взрыва. Это ли не чудо? Это ли не свидетельство того, что человеческий разум, даже в своих самых ранних проявлениях, стремится к познанию, к систематизации, к пониманию?

Когда мы говорим о космологии буддизма, мы должны помнить, что ее корни уходят в эту древнейшую эпоху, когда люди впервые подняли головы к небу и увидели в нем не хаос, а порядок. Этот порядок был не навязан извне — он был открыт, выстрадан, выношен поколениями наблюдателей, которые каждую ночь смотрели на звезды и каждое утро встречали Солнце. Они не имели телескопов, они не имели математического аппарата, они имели только свои глаза и свою память. Но этого оказалось достаточно, чтобы создать систему знаний, которая просуществовала тысячелетия и которая до сих пор поражает нас своей глубиной и сложностью.

Ареал расселения древних людей, который мы можем реконструировать по археологическим данным, был не просто

географическим пространством. Это было пространство, в котором небо и земля были неразрывно связаны, в котором каждое светило имело свое значение, в котором каждый камень мог стать обсерваторией, а каждый рисунок — звездной картой. От северо-западных предгорий до долины на юге, от развитой цивилизации до мегалитических памятников — везде мы находим следы этого взаимодействия с космосом. Это был единый культурный континуум, в котором астрономические знания передавались из поколения в поколение, обогащались, систематизировались и в конечном итоге находили свое выражение в текстах, ритуалах и архитектуре.

Индская цивилизация с ее городами и печатями, неолитические культуры с их мегалитами и наскальными рисунками, более поздние ведийские традиции с их гимнами и космологическими спекуляциями — все это звенья одной цепи. Цепи, которая тянется из глубины времен к нам, современным людям, которые смотрим на те же звезды, но видим их уже совсем иначе. Мы знаем, что сверхновая — это взрыв звезды, мы знаем, что Солнце — это звезда, мы знаем, что Земля вращается вокруг своей оси. Но знаем ли мы то, что знали они? Знаем ли мы, как смотреть на небо с благоговением, как видеть в нем не просто физические объекты, но живые существа, богов, предков, знаки?

Возможно, именно в этом и заключается главный урок, который мы можем извлечь из истории древнейших астроно-

мических наблюдений на территории Индийского субконтинента. Не в том, что они знали больше, чем мы, или что они обладали какими-то тайными знаниями, утраченными нами. А в том, что они смотрели на небо иначе. Они видели в нем не просто механизм, который можно изучить и объяснить, но живой организм, с которым нужно взаимодействовать, который нужно почитать, которому нужно поклоняться. Они не отделяли астрономию от религии, науку от мифа, наблюдение от поклонения. Для них все это было единым целым — космосом, в котором они жили, дышали и умирали.

И когда мы говорим о буддийской космологии, мы должны помнить об этом единстве. Потому что буддийская космология — это не просто набор представлений об устройстве Вселенной. Это способ видения мира, способ отношения к реальности, способ жизни. И корни этого способа уходят в те далекие времена, когда первые люди на этой земле подняли головы к небу и начали задавать вопросы, на которые мы до сих пор ищем ответы.

Глава 2. Ледниковый период и первые астрономические наблюдения древних охотников

Климат планеты никогда не был стабилен, и на территории, которая впоследствии станет колыбелью буддийской цивилизации, ледниковые периоды сменялись межледниковьями с такой же неумолимой регулярностью, с какой сменяют друг друга дни и ночи. Однако для человека, жившего в эпоху плейстоцена, эти изменения были не абстрактными геологическими фазами, а самой суровой реальностью, определявшей все — от доступности пищи до маршрутов миграций и, что особенно важно для нашей темы, от возможности наблюдать небо. Ледниковый период, который достиг своего максимума примерно двадцать тысяч лет назад, заставил древних людей не просто выживать, но и переосмысливать свое место в мире, учиться читать звезды как единственный надежный компас во враждебной и меняющейся среде.

На Индийском субконтиненте ледниковые покровы не достигали таких масштабов, как в Европе или Северной Америке, но климатические изменения были колоссальными. Гималайские ледники спускались ниже, и реки, питаемые талыми водами, меняли свои русла. Муссоны становились то

сильнее, то слабее, и люди, жившие на этой земле, должны были приспосабливаться к этим переменам. Именно в этот период, когда мир вокруг них был нестабилен и непредсказуем, астрономия приобрела не просто ритуальное, но сугубо практическое значение. Если ты не знаешь, когда наступит сезон дождей, если ты не можешь предсказать миграцию животных, если ты теряешь ориентиры в бескрайних степях и лесах — ты умрешь. И древние охотники научились использовать небо как свою главную книгу, как единственный неподвижный ориентир в мире, который постоянно менялся.

Охотники верхнего палеолита на территории Индии оставили после себя не только каменные орудия и кости убитых животных, но и свидетельства того, что они были внимательными наблюдателями неба. Археологические раскопки в разных регионах дают нам возможность заглянуть в их мир, но это не значит, что мы можем прочитать их мысли напрямую. Мы вынуждены интерпретировать, догадываться, строить гипотезы. Однако некоторые находки настолько красноречивы, что сомнений почти не остается. В одной из пещер, расположенной в центральной части Индии, на стене обнаружены многочисленные ряды точек, выбитых в камне. На первый взгляд это хаотичный узор, но при более внимательном изучении становится ясно, что это не случайность. Точки сгруппированы в серии, каждая серия содержит разное количество отметок, и эти группы повторяются с определенной периодичностью. Исследователи, изучавшие эту пеще-

ру, пришли к выводу, что это лунный календарь — система записи лунных фаз, позволявшая древним охотникам отслеживать время с точностью до одного дня. Это означает, что уже двадцать-тридцать тысяч лет назад люди на этой территории умели не просто смотреть на Луну, но и фиксировать ее изменения, используя камень как хранилище информации.

Но какое отношение имеет лунный календарь к охоте? Самое прямое. Многие животные, на которых охотились древние люди, вели циклический образ жизни, связанный с фазами Луны. Некоторые рыбы нерестятся в определенные лунные фазы, некоторые млекопитающие становятся более активными в полнолуние, другие, напротив, прячутся. Знание лунного цикла позволяло охотникам выбирать наилучшее время для выхода на промысел, что в условиях суровой ледниковой степи могло означать разницу между жизнью и смертью. Но помимо практической пользы, лунный календарь имел и более глубокое значение. Луна, умирающая и возрождающаяся каждый месяц, стала символом вечного цикла жизни, смерти и нового рождения. Этот образ, запечатленный в сознании древних охотников, тысячелетия спустя найдет свое отражение в буддийском учении о перерождении и бесконечной сансаре.

Ледниковый период также способствовал тому, что древние люди стали более подвижными. Они перемещались на большие расстояния, следуя за стадами животных, и в этих

путешествиях навигация по звездам стала жизненно необходимым навыком. Чтобы не заблудиться в безбрежной степи или в густых лесах, охотники использовали Полярную звезду как неподвижную точку отсчета, а также запоминали расположение других ярких звезд и созвездий, которые служили им ориентирами. Эта традиция звездной навигации, возможно, является древнейшей формой систематического астрономического знания, поскольку она требовала не только запоминания, но и передачи информации от поколения к поколению. Старшие учили младших, какие звезды восходят над какими холмами, в какое время года какое созвездие видно, и как по звездам определить направление ветра или приближение бури.

Одним из самых ярких свидетельств астрономической наблюдательности древних охотников являются изображения на костяных и каменных пластинах, найденные в различных археологических слоях. На некоторых из них выгравированы линии и дуги, которые интерпретируются как календарные маркеры, связанные с солнечными циклами. Недавние исследования показали, что подобные артефакты, найденные на территории Индии, датируются эпохой, предшествующей развитию земледелия, что означает, что уже в палеолите люди обладали достаточными знаниями о годовом цикле Солнца для того, чтобы фиксировать дни равноденствий и солнцестояний. Как они это делали? Скорее всего, с помощью простейших гномонов — вертикальных палок, воткнутых в

землю, тень которых указывала на полдень и длительность дня. Но даже такой простой инструмент требует понимания геометрии и регулярности движения светила, а это уже зачатки научного мышления.

Охота на крупных животных, таких как мамонты, носороги и дикие быки, которые населяли территорию Индии в ледниковый период, требовала коллективных действий и сложной организации. Ритм этих коллективных действий, вероятно, синхронизировался с небесными циклами. Известно, что у многих народов мира сезонные охотничьи ритуалы приурочивались к определенным фазам Луны или положениям Солнца. У древних охотников Индии такие ритуалы могли включать пляски, песнопения и принесение даров, обращенные к небесным силам, которые считались покровителями охоты. Эти ритуалы не были просто магией — они были способом осознать свое место в космическом порядке, который включал не только земных животных, но и небесные тела. Охотник, убивающий зверя, воспринимал себя как часть единого круговорота, где звезды, луна и солнце были такими же участниками, как и он сам.

Интересно, что в некоторых мифах, сохранившихся до наших дней в устной традиции отдельных племен Индии, можно проследить отголоски ледникового периода. Рассказы о временах, когда земля была покрыта льдом и снегом, когда солнце едва поднималось над горизонтом, когда охотники бродили по бескрайним замерзшим равнинам, передавались

из уст в уста на протяжении десятков тысяч лет, пусть и в сильно мифологизированной форме. В этих мифах звезды часто выступают как застывшие во льду огни, как души предков, которые смотрят на своих потомков с небес, как спасительные ориентиры, указывающие путь домой. Такие представления не могли возникнуть без длительного и пристального наблюдения за небом, которое было неотъемлемой частью жизни древних охотников.

Но астрономия ледникового периода не ограничивалась только навигацией и календарем. Археологи обнаружили на территории Индии кости животных с нанесенными на них насечками, которые группируются в паттерны, напоминающие лунные циклы. Подобные находки известны и в Европе, где кости использовались как «записные книжки» для отсчета дней. На территории Индии такие костяные календари встречаются реже из-за климатических условий, но сам факт их существования говорит о том, что потребность в систематическом учете времени возникла очень рано. Люди ледникового периода не были примитивными существами, живущими только инстинктами — они были разумными, наблюдательными и изобретательными, и их интеллектуальные способности были направлены в том числе на постижение небесных механизмов.

Одним из важнейших астрономических открытий, которые могли сделать древние охотники, было понимание того, что звездное небо не является статичным. Они замеча-

ли, что созвездия постепенно смещаются в течение ночи, что некоторые звезды появляются и исчезают в разное время года, что планеты движутся по сложным траекториям. Особое внимание привлекали Венера и Юпитер — самые яркие планеты, видимые невооруженным глазом. Движение Венеры, которая то появляется на востоке перед рассветом, то на западе после заката, казалось древним загадочным и даже тревожным. Они не знали, что Венера вращается вокруг Солнца внутри земной орбиты, но они видели, что этот яркий «странник» не подчиняется общим законам движения остальных звезд. И они начинали задавать вопросы: кто этот небесный путник, почему он так себя ведет, что это значит для нас, людей на земле?

В ледниковый период, когда жизнь была полна неопределенности и опасности, ответы на эти вопросы искали через мифологию. Венера могла стать богиней, Юпитер — царем богов, Сатурн — таинственным старцем. Планеты наделялись характерами, связанными с их видимыми свойствами: красноватый Марс ассоциировался с кровью и войной, быстрый Меркурий — с хитростью и скоростью. Эти первые антропоморфные представления о планетах были не просто детскими сказками, а попыткой навести порядок в сложном и пугающем мире, уподобить небесные явления человеческим отношениям, сделать их понятными и управляемыми через ритуалы и жертвоприношения.

Но не только планеты привлекали внимание древних

охотников. Млечный Путь, эта молочная река, пересекающая небо, вызывал благоговейный трепет. У разных племен существовали разные объяснения этого явления: кто-то считал, что это следы божественных колесниц, кто-то — что это дорога, по которой души умерших отправляются в загробный мир, кто-то — что это огромная река, текущая в небесах. На территории Индии до сих пор сохранились мифы, связывающие Млечный Путь с небесной Гангой, и хотя эти мифы записаны уже в исторический период, их корни, несомненно, уходят в глубокую древность, в эпоху, когда люди впервые подняли глаза к этой загадочной полосе света и попытались понять, что она такое.

Ледниковый период закончился примерно двенадцать тысяч лет назад, и с отступлением льдов началась новая эпоха — голоцен, в которой климат стал теплее и стабильнее, а люди постепенно переходили от охоты и собирательства к земледелию. Но астрономические знания, накопленные тысячелетиями ледниковой эпохи, не были забыты. Они вошли в плоть и кровь культур, которые пришли на смену палеолитическим охотникам, и были переданы первым земледельцам. Именно эти знания стали фундаментом, на котором впоследствии выросла ведическая астрономия, а затем и буддийская космология.

Знание лунных циклов, солнечных солнцестояний, расположения звезд и планет — все это было добыто ценой невероятного терпения и наблюдательности людей, которые жи-

ли в эпоху, когда выживание зависело от каждой детали. Они не оставили письменных трактатов, не строили обсерваторий, не вычисляли орбиты с помощью математических формул. Но они создали систему знаний, которая передавалась устно и через ритуалы, через символы и через искусство, и эта система была настолько эффективной, что обеспечила их выживание в самые суровые времена.

В этом контексте становится понятным, почему в буддийской космологии так важна идея цикличности и повторяемости событий. Для людей ледникового периода каждый год был повторением прошлого года, но с вариациями; каждый лунный месяц был повторением предыдущего, но с новыми событиями. Они жили в мире, где время было не прямой линией, а кругом, где за зимой всегда приходила весна, за ночью — день, за умиранием Луны — ее возрождение. Эта циклическая модель времени, которую мы находим в буддизме, имеет свои корни именно в этом древнейшем опыте наблюдения за небесными циклами.

И, возможно, ничто не связывает древних охотников с буддийской космологией так тесно, как идея о том, что Вселенная — это живой, дышащий организм, в котором все взаимосвязано. В ледниковом периоде человек был частью этой Вселенной не как ее хозяин или властелин, а как один из множества участников, равный животным, растениям, звездам и луне. Эта смиренная позиция, это ощущение себя как части целого, а не как вершины творения, пронизывает буд-

дийское мировоззрение. Не случайно в буддизме нет идеи творца, стоящего над миром и управляющего им, — есть только бесконечный процесс взаимозависимого возникновения, в котором каждый элемент влияет на все остальные.

Когда мы сегодня смотрим на звезды, мы можем восхищаться их красотой, но мы почти не способны почувствовать тот благоговейный страх, который испытывали древние охотники, выходя из своих укрытий в ледяную ночь и видя над головой бесконечную россыпь огней. Они знали, что их жизнь зависит от правильного понимания этих огней, от умения прочитать их послания. Они молились этим огням, они приносили им дары, они боялись их гнева и надеялись на их милость. Их космология была не теоретической дисциплиной, а практическим руководством к действию, и каждое их движение — от выбора времени охоты до выбора места для стоянки — определялось положением небесных тел.

Изучение астрономических представлений древних охотников ледникового периода — это не просто академический интерес. Это попытка восстановить связь с тем фундаментальным слоем человеческого познания, на котором выстроены все последующие космологические системы, включая буддийскую. Если мы хотим понять, почему буддисты считают время цикличным, почему они верят в перерождение, почему они придают такое значение наблюдению за сознанием и его связью с космосом, мы должны заглянуть в ту далекую эпоху, когда человек впервые начал понимать, что небо

не хаотично, что оно подчиняется законам, и что эти законы могут быть познаны. Познаны не через отвлеченное умозрение, а через напряженное, ежедневное, иногда мучительное вглядывание в бесконечное пространство над головой. Это вглядывание требовало не только зрения, но и воображения, не только памяти, но и способности к абстракции, не только терпения, но и веры.

Именно вера в то, что небо говорит с ними, что оно посылает знаки, что оно не безразлично к их судьбам, двигала древними охотниками в их наблюдениях. Сегодня мы знаем, что звезды не посылают знаков, что планеты движутся по законам небесной механики, а не по воле богов. Но знаем ли мы нечто более важное? Знаем ли мы, как смотреть на небо так, чтобы видеть в нем не только физические объекты, но и смысл? Возможно, именно этот вопрос и есть главный вызов, который бросает нам ледниковый период со своей далекой глубины. И возможно, ответ на него мы найдем, не отказываясь от науки, а дополняя ее той древней мудростью, которая учила человека быть частью Вселенной, а не ее хозяином.

Глава 3. Этногенез: как формировался народ, сохранивший память о космосе

Вопрос о том, как именно народ, создавший буддийскую космологию, пришел к своему пониманию Вселенной, неизбежно упирается в вопрос о происхождении самого этого народа. Этногенез — сложнейший процесс, в котором смешиваются языки, обычаи, верования и гены, и для Индийского субконтинента этот процесс был особенно запутанным. Здесь встречались и переплетались волны миграций, наслаивались культуры, возникали и исчезали цивилизации, и в этом бурлящем котле постепенно выкристаллизовывалась та уникальная система мировоззрения, которая через тысячелетия породит буддийскую космологию. Но чтобы понять, как это произошло, мы должны заглянуть в самые истоки, в те времена, когда еще не было ни индийцев, ни ариев, ни дравидов, ни каких-либо других известных нам этнических групп, а были лишь разрозненные племена охотников и собирателей, двигавшиеся по просторам Евразии в поисках лучшей доли.

Генетические исследования последних десятилетий пролили неожиданный свет на этническую историю Индии. Оказалось, что современное население субконтинента являет-

ся продуктом смешения двух древних популяций, которые разделились примерно шестьдесят тысяч лет назад. Первая группа, так называемые «древние южные индийцы», была родственна коренным жителям Андаманских островов и некоторым племенам Юго-Восточной Азии. Они были темным кожей, небольшими по росту и говорили на языках, которые сегодня почти полностью исчезли, сохранившись лишь в виде субстрата в дравидийских языках. Вторая группа, «древние северные индийцы», была генетически близка к западноевразийским популяциям, включая древних земледельцев Ирана и охотников-собирателей Кавказа. Их смешение началось еще до прихода ариев, примерно восемь-десять тысяч лет назад, и продолжалось на протяжении тысячелетий, создавая ту генетическую мозаику, которую мы видим сегодня.

Но генетика рассказывает нам лишь часть истории. Не менее важна лингвистическая картина. Индийский субконтинент является домом для двух основных языковых семей — индоевропейской и дравидийской, а также множества изолятов и малых семей, таких как австроазиатская и сино-тибетская. Индоевропейские языки, к которым относится санскрит и большинство языков северной Индии, пришли на субконтинент с севера, предположительно в середине второго тысячелетия до нашей эры. Дравидийские языки, распространенные на юге, вероятно, являются автохтонными, хотя их точное происхождение остается предметом споров. И

именно на стыке этих двух языковых миров, в зоне их взаимного влияния и обмена, формировались те космологические представления, которые впоследствии вошли в ведическую и буддийскую традиции.

Но этногенез — это не только языки и гены. Это прежде всего культура, система ценностей, способ отношения к миру. И для понимания того, как формировался народ, сохранивший память о космосе, мы должны обратиться к той культурной динамике, которая происходила на протяжении тысячелетий на территории Индии. Археологические находки показывают, что в эпоху неолита, примерно с восьмого тысячелетия до нашей эры, в Северо-Западной Индии и прилегающих областях возникли первые земледельческие поселения. Переход к земледелию был революцией не только в экономике, но и в мировоззрении. Охотник, зависящий от удачи и милости природы, воспринимал себя как часть дикого мира. Земледелец, напротив, должен был контролировать время, предсказывать сезоны, рассчитывать сроки посева и сбора урожая. Он должен был знать, когда взойдет определенная звезда, когда наступит полнолуние, когда солнце достигнет нужной высоты. Земледелие потребовало систематического наблюдения за небом, и именно с переходом к оседлости астрономия стала не просто вспомогательным навыком, а основой выживания.

Самые ранние свидетельства земледелия на территории Индии найдены в Мехргархе, в Белуджистане, где археоло-

ги раскопали поселения, датируемые седьмым тысячелетием до нашей эры. Здесь люди выращивали пшеницу, ячмень и финики, держали овец и коз, строили глинобитные дома и хоронили умерших под полом жилищ. В этих захоронениях найдены предметы, которые, по мнению некоторых исследователей, имеют астрономическое значение: раковины, расположенные в определенном порядке, куски красной охры с нанесенными линиями, которые могли служить календарными отметками. Мехргарх был не просто деревней — это был первый шаг к цивилизации, которая спустя тысячелетия создаст величайшие космологические системы мира.

Но этногенетический процесс не ограничивался территорией современного Пакистана. На протяжении всего неолита и бронзового века происходила постоянная миграция людей, обмен технологиями и идеями. Культуры долины Инда, которые достигли расцвета в третьем тысячелетии до нашей эры, впитали в себя элементы местных неолитических традиций и, возможно, привнесли нечто свое, хотя мы до сих пор не знаем, на каком языке говорили их жители и как они себя называли. После упадка Индской цивилизации, примерно в девятнадцатом веке до нашей эры, произошли значительные изменения. Города опустели, население рассеялось по деревням, и в этот период, который археологи называют «темными веками» индийской истории, происходило сложное переформирование этнического ландшафта.

Именно в этот период, как полагают многие исследова-

тели, началась миграция индоариев с севера. Этот процесс был не единовременным вторжением, а скорее длительной и постепенной инфильтрацией небольших групп скотоводов и воинов, которые приносили с собой свой язык, свои богов и свои космологические представления. Веды, древнейшие из сохранившихся индийских текстов, были созданы именно этой мигрирующей группой, и они содержат богатейший материал по астрономии и космологии. Однако важно понимать, что индоарии не пришли на пустое место. Они столкнулись с местным населением, которое уже имело свои сложные мифы и ритуалы, связанные с небом. Результатом этого столкновения стал синтез, в результате которого родилась та культура, которую мы сегодня называем ведийской, а затем и индуистской и буддийской.

Этногенез индийского народа не был однократным актом; это был непрерывный процесс, продолжавшийся на протяжении многих веков. Племена смешивались, языки влияли друг на друга, божества сливались в единые образы, а астрономические традиции обогащались новыми наблюдениями. К концу ведийского периода, примерно к шестому веку до нашей эры, на субконтиненте сложилась достаточно устойчивая этническая и культурная система, которая стала базой для возникновения буддизма. Именно в этот период, который историки называют «второй урбанизацией», в долине Ганга возникли новые города, новые государства и новые философские школы, которые начали переосмысливать тра-

диционные ведийские представления о космосе.

Но что именно делало этот народ — или, точнее, эту совокупность народов — способным сохранять и развивать космологические знания на протяжении тысячелетий? Ответ на этот вопрос лежит в особенностях их социальной организации. В ведийской и ранней индийской культуре существовала каста жрецов-брахманов, которые были хранителями священного знания, в том числе астрономического. Брахманы передавали это знание из уст в уста, используя сложные мнемонические техники, которые позволяли сохранять тексты в неизменном виде на протяжении столетий. Астрономия была неотъемлемой частью ритуальной практики, поскольку без правильного определения времени нельзя было провести ни одно жертвоприношение. Именно эта практическая потребность обеспечивала постоянное совершенствование астрономических знаний, поскольку жрецы должны были уметь вычислять положение Солнца, Луны и планет с максимальной точностью, чтобы определить благоприятный момент для совершения обряда.

Но астрономия была не только делом жрецов. Земледельцы, торговцы, воины — все они в той или иной степени зависели от знания небесных циклов. Крестьянин должен был знать время сева, торговец — время муссонов для морских путешествий, военачальник — время, благоприятное для начала кампании. Астрономические знания проникали во все слои общества, становились частью народной мудрости, от-

ражались в пословицах, поговорках и сказках. И эта повсеместная востребованность делала астрономию живой и развивающейся дисциплиной, а не застывшим догматом.

Однако этногенез — это не только культурный, но и психологический процесс. Народ формируется не только через общий язык и общие верования, но и через общий способ восприятия мира, общий тип мышления. И здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом. Индийская культура, в отличие от многих западных, не стремилась к жесткому разделению субъекта и объекта, человека и природы, наблюдателя и наблюдаемого. Она воспринимала мир как единое целое, в котором все взаимосвязано и взаимозависимо. Это холизм, который ярко проявляется и в буддийской космологии, где Вселенная рассматривается как сеть взаимозависимых элементов, а не как механизм, состоящий из отдельных деталей. Такой тип мышления, вероятно, сформировался под влиянием природных условий Индии, где муссонный климат, буйная растительность и богатство фауны создавали ощущение переполненности и взаимосвязи всего сущего. Он закрепился в языке, где многие слова имеют множество значений, в философии, где отрицание границ становится высшей мудростью, и, наконец, в космологии, где Вселенная оказывается бесконечной и безначальной.

Но вернемся к этногенезу как историческому процессу. К середине первого тысячелетия до нашей эры на территории Индии сложилась сложная мозаика народов, говоривших на

разных языках, исповедовавших разные культы, но имевших общий культурный фундамент, который мы можем назвать «индийской цивилизацией». Этот фундамент включал общие мифологические сюжеты, общие ритуалы, общие представления о времени и пространстве, и, что особенно важно, общий интерес к астрономическим наблюдениям. Именно в этой среде, в городе Капилавасту, родился Сиддхартха Гаутама, будущий Будда, который принес с собой новое учение, но который не отрицал космологических представлений своей эпохи, а переосмыслил их в новом ключе.

Буддийская космология не возникла на пустом месте. Она была продуктом долгого культурного развития, в котором участвовали многие народы, говорившие на разных языках и поклонявшиеся разным богам. Однако в этом развитии можно проследить определенную линию преемственности, которая тянется от древних охотников ледникового периода через неолитических земледельцев, через Индскую цивилизацию, через ведийских жрецов и, наконец, к раннебуддийским монахам. Каждый из этих этапов добавлял что-то свое, отбрасывая устаревшее, но сохраняя ядро — идею о том, что космос не хаотичен, что он подчиняется законам, что эти законы познаваемы, и что познание их есть путь к освобождению.

И здесь мы подходим к самому важному аспекту этногенеза, который часто ускользает от внимания исследователей. Народ, создавший буддийскую космологию, был наро-

дом, который верил в возможность познания. Он не довольствовался мифами как окончательным объяснением — он искал за ними математические закономерности. Он не останавливался на ритуалах как единственном способе взаимодействия с небом — он пытался вычислить траектории планет и предсказать затмения. Эта жажда знания, это стремление проникнуть в суть вещей, это убеждение, что Вселенная может быть понята человеческим разумом — вот что отличало индийскую культуру от многих других и позволило ей создать такие сложные и утонченные космологические системы.

Конечно, этот процесс не был прямолинейным. В нем были взлеты и падения, периоды творческого подъема и периоды застоя. Были тексты, утраченные безвозвратно, были идеи, вытесненные догмой, были астрономы, чьи имена стерла история. Но в целом этногенез индийского народа был процессом непрерывного накопления и углубления знаний о космосе, который привел к созданию одной из самых изощренных космологических систем в истории человечества.

Когда мы сегодня говорим о буддийской космологии, мы часто забываем, что за каждым ее положением стоит бесчисленное множество безымянных наблюдателей, которые в течение тысячелетий смотрели в ночное небо, запоминали, сравнивали, делали выводы. Это были охотники, земледельцы, жрецы, купцы, цари — люди разного происхождения, разного социального статуса, но объединенные общим ин-

тересом к небу. Именно они создали ту культурную среду, в которой смогли возникнуть великие космологические тексты, от Упанишад до Абхидхармакоши. И когда мы изучаем эти тексты, мы должны помнить о том, что они являются не только плодом гениальных умов, но и результатом коллективных усилий целых поколений, которые передавали свои знания от отца к сыну, от учителя к ученику, от одного племени к другому.

Этногенез как процесс формирования народа, сохранившего память о космосе, не завершился в древности. Он продолжается и сегодня, поскольку современные индийцы, независимо от их религиозной принадлежности, сохраняют в своей культуре элементы древней космологии. Буддийская космология, хотя и не является доминирующей в современной Индии, продолжает оказывать влияние на умы образованных людей, интересующихся философией и наукой. И возможно, именно сейчас, в эпоху глобализации, когда западная наука начинает все больше сближаться с восточной мудростью, древние космологические идеи обретают второе дыхание.

Изучение этногенеза, таким образом, — это не просто археологический или антропологический экскурс. Это способ осознать ту глубокую связь, которая существует между культурными истоками народа и его космологическими представлениями. Это способ понять, почему буддисты считают время не линейным, а циклическим, почему они видят

во Вселенной не механизм, а живой организм, почему они ищут освобождение не в бегстве от мира, а в познании его законов. Это понимание не является чисто академическим — оно может помочь нам по-новому взглянуть на наше собственное место в космосе, на наши собственные попытки понять Вселенную. Ведь мы, как и древние индийцы, тоже стоим перед той же задачей: понять, как устроен мир, как мы в него вписываемся и как нам жить в соответствии с его законами. И возможно, опыт индийского этногенеза, с его смешением культур, языков и традиций, с его постоянным поиском синтеза и гармонии, может быть полезен и для нас, живущих в эпоху глобального смешения и взаимопроникновения культур.

Глава 4. В поисках прародины: миграции и передача астрономических знаний

Человечество никогда не было статичным. С самого своего появления люди двигались, переселялись, осваивали новые территории и оставляли позади старые. Этот постоянный поток движения, который археологи называют миграциями, был не просто физическим перемещением тел по земной поверхности. Это был поток знаний, верований, обычаев и, что для нас особенно важно, астрономических представлений. Каждая волна мигрантов приносила с собой свое небо, своих богов, свой способ отсчета времени, и эти элементы вплетались в местные традиции, создавая ту удивительную мозаику, которую мы называем индийской космологией. Поиск прародины, который занимал умы многих поколений исследователей, оказывается на поверку поиском не столько географической точки, сколько культурного процесса, в котором астрономия была одним из главных инструментов выживания и познания.

Когда мы говорим о миграциях на Индийский субконтинент, мы должны понимать, что этот процесс занял не одно тысячелетие и не ограничивался одним направлением. Люди приходили с севера, через горные перевалы Гималаев и

Гиндукуша, с запада, через пустыни и степи Ирана, с востока, через леса и горы Юго-Восточной Азии. Каждый маршрут был уникален, каждая группа мигрантов несла с собой свой багаж знаний, и каждая встреча с местным населением приводила к синтезу, который обогащал обе стороны. Но что общего было у всех этих мигрантов? Они все смотрели на небо. И не просто смотрели — они использовали небо как навигационную карту, как календарь, как источник предсказаний и как основу для своих мифов.

В эпоху верхнего палеолита, когда уровень океана был ниже, а климат более суров, группы охотников пересекали огромные пространства, следуя за стадами животных. Эти перемещения не были случайными — они подчинялись сезонным ритмам, которые определялись положением Солнца и Луны. Охотники замечали, что в определенное время года определенные звезды появляются на небосклоне, и это совпадает с миграцией диких быков или оленей. Так рождалась звездная навигация — умение находить дорогу по звездам, которое стало одним из первых систематических астрономических знаний. Это знание передавалось из поколения в поколение, и когда одна группа мигрантов встречала другую, они делились своими наблюдениями, уточняли календари, сверяли звездные карты. Так астрономия становилась общим языком, понятным всем, независимо от языка разговорного.

С переходом к земледелию миграции не прекратились, но

они изменили свой характер. Теперь люди двигались не только в поисках дичи, но и в поисках плодородных земель, воды, безопасных мест для поселений. Земледелие требовало еще более точных астрономических знаний — нужно было знать день весеннего и осеннего равноденствия, чтобы вовремя посеять и собрать урожай. Именно эти знания становились самым ценным багажом, который несли с собой мигранты. Группа, которая умела точно определять время сева, имела огромное преимущество перед теми, кто полагался на случай. И эти знания, как драгоценность, передавались от отца к сыну, от старейшины к юноше, от одного племени к другому.

Одним из самых значительных миграционных потоков в истории Индии была волна индоариев, которая пришла на субконтинент примерно во втором тысячелетии до нашей эры. Но мы не должны думать, что это была единая армия завоевателей. Это была скорее длительная и постепенная инфильтрация небольших групп скотоводов и воинов, которые приносили с собой свой язык, свою мифологию и свои астрономические познания. Они знали о семи риши (Большой Медведице), о полярной звезде, о лунных стоянках, и эти знания они вплели в свои священные гимны — Веды. Но они не создавали эти знания на пустом месте. Многие из их астрономических представлений были заимствованы у более древних народов, с которыми они сталкивались на пути, особенно у культур Ближнего Востока, где астрономия была

развита уже в третьем тысячелетии до нашей эры.

Передача астрономических знаний происходила не только через прямое обучение, но и через ритуалы, которые были общими для многих народов. Например, культ Солнца и Луны существовал практически повсеместно, но в каждой культуре он обретал свои специфические черты. Когда индоарии встречали местные племена, поклонявшиеся Солнцу под другими именами, они не отвергали их веру, а синтезировали: местное божество отождествлялось с арийским, ритуалы смешивались, и в результате рождался новый культ, который включал в себя элементы обеих традиций. Этот синкретизм был невероятно плодотворным для развития астрономии, потому что он позволял объединять разные системы наблюдений, уточнять календари и создавать более сложные космологические модели.

Особую роль в передаче астрономических знаний играли так называемые «культурные герои» — мифические или полуисторические фигуры, которые приносили людям знания о звездах. В индийской традиции таким героем был, например, мудрец Гарга, которому приписывается создание древнейшего трактата по астрономии. Хотя мы не знаем, существовал ли Гарга на самом деле, сам факт наличия такого героя говорит о том, что передача астрономических знаний воспринималась как акт культурного творчества, как дар, который нужно сохранить и приумножить. И такие фигуры появлялись в каждой волне миграции, в каждом новом куль-

турном слое, адаптируя старые знания к новым условиям.

Но миграции приносили не только новые знания, но и новые проблемы. Когда группа людей переселялась в новую местность, звездное небо над ними оставалось тем же, но горизонт менялся. Звезды, которые были видны на старой родине, теперь могли скрываться за горами или исчезать в дымке. Нужно было заново учиться ориентироваться, заново связывать знакомые созвездия с новыми географическими ориентирами. Этот процесс переучивания требовал усилий и внимания, но он же и стимулировал развитие астрономии, заставляя людей уточнять свои наблюдения и создавать более универсальные методы расчета положения светил.

Важно понять, что миграции не были односторонним процессом. Знания не передавались только от пришельцев к местным жителям — они передавались и в обратном направлении. Индийская астрономия, например, оказала огромное влияние на арабскую и через нее на европейскую науку, но и сама индийская астрономия впитала в себя элементы месопотамской, греческой и китайской традиций. Этот взаимный обмен происходил благодаря торговым путям, которые связывали Индию с Западом и Востоком. Купцы, путешествуя на большие расстояния, не только перевозили товары, но и обменивались знаниями: они рассказывали о звездах, которые видели в чужих краях, о календарях, которые использовали другие народы, о способах предсказания погоды и морских течений.

Одним из самых ярких примеров такого обмена является влияние греческой астрономии на индийскую в первые века нашей эры. Греки, которые проникли в Индию после походов Александра Македонского, принесли с собой свои методы расчета планетных орбит, свои инструменты и свои космологические модели. Индийские астрономы с готовностью восприняли эти знания, но не скопировали их слепо, а переработали в соответствии со своей традицией. Так родились, например, методы расчета затмений, которые мы находим в трактате «Сурья-сиддханта», где греческие идеи сочетаются с индийскими наблюдениями.

Но передача знаний через миграции и торговлю была лишь частью процесса. Не менее важна была передача знаний внутри самого индийского общества, которое было структурировано по кастовому принципу. Брахманы, жрецы, были хранителями священного знания, в том числе и астрономического. Они передавали его из поколения в поколение через устную традицию, используя мнемонические техники, которые обеспечивали точность воспроизведения. Ученик должен был выучить наизусть тысячи стихов и гимнов, в которых были закодированы астрономические данные, и научиться их интерпретировать. Эта система обучения была жесткой и консервативной, но она обеспечивала сохранность знаний на протяжении столетий. Даже когда в Индию вторгались завоеватели, даже когда менялись династии и религии, астрономические знания продолжали пере-

даваться внутри брахманских школ, сохраняя свою целостность.

Однако не только брахманы занимались астрономией. В индийском обществе существовали и другие группы, которые имели доступ к небесным знаниям: это были земледельцы, которые наблюдали за Солнцем и Луной, чтобы определить время сева; это были мореплаватели, которые ориентировались по звездам во время дальних плаваний; это были астрологи, которые составляли гороскопы для царей и простолюдинов. Все они вносили свой вклад в развитие астрономии, и все они были звеньями одной цепи, которая соединяла небо с землей.

Миграции, таким образом, были не только физическим перемещением, но и культурным процессом, в котором астрономические знания постоянно обновлялись и обогащались. Каждая новая волна мигрантов приносила свои наблюдения, которые тут же вплетались в существующую систему. Это был живой, дышащий организм, который никогда не стоял на месте. И именно эта динамика, эта открытость новому, эта способность к синтезу и адаптации позволила индийской космологии достичь таких высот.

Когда мы сегодня ищем прародину индийской астрономии, мы ищем не одно место, а множество мест. Мы ищем следы древних охотников в пещерах Центральной Индии, следы земледельцев в долинах рек, следы кочевников в степях Центральной Азии, следы мореплавателей на берегах

Индийского океана. Все эти следы ведут к одному — к непрерывной традиции наблюдения за небом, которая была основой выживания и развития. И в этой традиции не было ни начала, ни конца, потому что она была столь же древней, как само человечество, и столь же живой, как сегодняшняя ночь, когда мы смотрим на те же звезды, на которые смотрели наши далекие предки.

Но важно не только то, что передавалось, но и то, как передавалось. Устная традиция, которая преобладала в древней Индии, была не просто способом запоминания, но и способом мышления. Когда человек заучивал наизусть сложный гимн, он не просто запоминал слова — он проникал в их смысл, он учился видеть мир глазами своих предков, он впитывал их способ восприятия времени и пространства. Эта устная традиция была живым организмом, который развивался вместе с обществом, отражая его изменения и адаптации.

Миграции также играли роль в распространении астрономических инструментов. Вместе с людьми перемещались гномоны, солнечные часы, водяные часы и другие приборы, которые служили для наблюдений. Эти инструменты были не только практическими устройствами, но и символами власти и знания. Царь, владеющий точными часами, мог контролировать время, а значит, и ритуалы, которые зависели от времени. И когда мигранты приносили эти инструменты в новые земли, они приносили с собой не только техноло-

гию, но и определенное мировоззрение, определенный способ упорядочивания мира.

Интересно, что многие древние памятники, которые сегодня считаются культовыми сооружениями, на самом деле могли служить астрономическими обсерваториями. Мигранты, приходя в новую местность, часто строили свои храмы и святилища в местах, которые были удобны для наблюдения за небом. Они ориентировали их по сторонам света, они делали отверстия в крышах, чтобы солнечный луч падал на алтарь в день равноденствия, они высекали на камнях линии, указывающие на восход и заход Солнца в определенные дни. Эти сооружения были не просто местами поклонения, но и лабораториями, где поколения жрецов наблюдали за небом и накапливали знания.

Изучение миграций и передачи астрономических знаний — это не только исторический интерес. Это ключ к пониманию того, как человечество пришло к своему современному пониманию Вселенной. Мы часто думаем, что научные открытия делаются гениями в одиночку, но на самом деле они являются результатом коллективных усилий, которые протянулись через тысячелетия и континенты. Индийская астрономия, как и любая другая, является плодом этого коллективного труда, и в ней мы видим следы всех тех народов, которые внесли свой вклад в ее развитие.

Поиск прародины, таким образом, оказывается поиском самого себя. Когда мы пытаемся понять, откуда пришли на-

ши предки, мы пытаемся понять, кто мы сами и как мы оказались там, где мы есть. Астрономия, как древнейшая из наук, дает нам уникальную возможность заглянуть в прошлое через призму неба, которое всегда было над нами и всегда будет. И когда мы смотрим на звезды, мы видим не только их свет, но и свет всех тех знаний, которые передавались из поколения в поколение, из одной культуры в другую, из одной эпохи в другую.

Миграции никогда не прекращались. И сегодня люди продолжают двигаться по планете, принося с собой свои знания и унося с собой знания других. Этот процесс, начавшийся в глубокой древности, продолжается и сейчас, и кто знает, какие новые космологические синтезы он принесет в будущем. Возможно, через тысячу лет наши потомки будут изучать нашу астрономию как часть своей культурной традиции, точно так же, как мы сегодня изучаем астрономию древних индийцев. И тогда они увидят, что мы, как и они, были частью этого бесконечного потока движения, в котором небо всегда было главным ориентиром.

Глава 5. Древние святилища и первые обсерватории: связь земли и звездного свода

Когда человек впервые начал строить не просто жилища, а сооружения, предназначенные для взаимодействия с небом, произошла настоящая революция в его сознании. Земля, которая до этого была лишь местом обитания, начала превращаться в проекцию неба, а небо — в отражение земли. Древние святилища, разбросанные по всей территории Индийского субконтинента, являются не просто архитектурными памятниками, но и застывшими космограммами, в которых запечатлена целая эпоха человеческого мышления. Эти камни, установленные в определенном порядке, эти курганы, ориентированные на восход Солнца, эти пещеры, в которые луч света проникает лишь один день в году, — все это свидетельствует о том, что древние люди не только наблюдали за небом, но и пытались воспроизвести его структуру на земле, сделать его видимым и осязаемым.

Самые ранние из известных святилищ на территории Индии относятся к эпохе неолита и раннего металла. Это не монументальные храмы, которые мы привыкли видеть в исторический период, а скорее естественные или слабо обработанные скальные образования, отдельные валуны и группы

камней, расставленные с очевидной целью. Одним из ярчайших примеров является комплекс в местечке, где на относительно небольшом пространстве сосредоточено множество менгиров — вертикально стоящих камней, высотой от полуметра до трех метров. Эти камни, установленные на значительном расстоянии друг от друга, образуют некий рисунок, который при ближайшем рассмотрении оказывается ориентированным на определенные точки горизонта. В дни солнцестояний и равноденствий тени от этих камней падают в строго определенном направлении, указывая на то, что строители этих мегалитических ансамблей обладали точными знаниями о годичном движении Солнца. Но это не был календарь в нашем понимании — это было святилище, место, где происходили ритуалы, призванные обеспечить гармонию между землей и небом, между людьми и богами.

Археологи, изучавшие эти мегалитические комплексы, столкнулись с загадкой: зачем древним людям было тратить колоссальные усилия на транспортировку и установку многотонных камней, если можно было просто наблюдать за небом с любой удобной точки? Ответ лежит в функции этих сооружений. Они были не просто обсерваториями в научном смысле, но священными пространствами, где астрономия сливалась с религией. Каждое солнцестояние здесь становилось событием, вокруг которого выстраивался целый ритуал: жертвоприношения, пляски, песнопения, обращенные к Солнцу и другим небесным телам. Камень не просто

указывал на точку восхода — он был алтарем, местом встречи земли и неба, человеческого и божественного. Таким образом, астрономия становилась не просто наукой, но священнодействием, а обсерватория — храмом.

В южной части Индии, в штате Карнатака, обнаружены мегалитические погребальные сооружения, которые также имеют явную астрономическую ориентацию. Эти каменные круги, внутри которых находятся захоронения, расположены так, что их главная ось направлена на точку восхода Солнца в день зимнего солнцестояния. Это не случайность: зимнее солнцестояние во многих древних культурах было моментом рождения нового Солнца, началом нового года, и погребальные сооружения, ориентированные на эту точку, могли символизировать переход умерших в новый цикл существования. Смерть здесь воспринималась не как конец, а как часть космического круговорота, и астрономия служила для того, чтобы придать этому круговороту видимую, осязаемую форму.

Но святилища древней Индии были не только каменными кругами и менгирами. Значительную роль играли и пещеры, которые использовались как места ритуалов и наблюдений. В некоторых пещерах, расположенных в труднодоступных районах, исследователи обнаружили вырезанные на стенах линии и точки, которые, по-видимому, служили для отслеживания фаз Луны. Свет, проникающий в пещеру через естественные отверстия, в определенные дни создавал на стенах

узоры, которые могли интерпретироваться как послания от богов. Вход в такие пещеры часто ориентирован на восток, чтобы первые лучи Солнца в день равноденствия освещали специально подготовленные места. Это требовало не только знания астрономии, но и понимания географии, способности выбирать такие пещеры, которые идеально соответствовали бы небесным циклам.

Постепенно, с развитием общества, святилища становились все более сложными. Они переставали быть отдельными камнями или пещерами и превращались в целые комплексы, включающие в себя несколько строений, алтарей, площадок для наблюдений. В этих комплексах мы уже можем видеть не только ритуальные, но и учебные функции — здесь могли собираться жрецы и ученики, чтобы изучать движение светил и передавать знания дальше. Археологические находки свидетельствуют о том, что в таких местах существовали специальные площадки, выровненные строго по горизонтали, с вырезанными на них линиями, указывающими направление на Полярную звезду или другие ориентиры. Это говорит о том, что древние астрономы уже имели представление о том, как строить инструменты для наблюдений, хотя и без использования металла и сложной техники.

Одной из самых поразительных особенностей древних святилищ Индии является их связь с лунным календарем. Лунные циклы были важны для земледелия и ритуалов, и многие из этих сооружений имеют ориентиры, связанные с

экстремальными точками восхода и захода Луны. Эти точки, как мы знаем сегодня, сдвигаются в течение восемнадцатилетнего цикла, и древние строители, по-видимому, учитывали это, размещая свои камни и алтари так, чтобы они фиксировали не только текущее положение Луны, но и предсказывали его будущие изменения. Это требует длительных, систематических наблюдений, которые могли вестись в течение десятилетий или даже столетий, передаваясь от одного поколения жрецов к другому. Такая преемственность наблюдений является залогом глубоких астрономических знаний, и она ярко проявилась в индийской культуре.

Святилища также служили местом для наблюдения за планетами. Хотя планеты менее заметны, чем Солнце и Луна, их движение привлекало внимание древних астрономов, поскольку они выделялись среди звезд своей изменчивостью и яркостью. В некоторых святилищах есть каменные маркеры, указывающие на точки появления определенных планет на горизонте в определенные сезоны. Юпитер, Венера, Марс, Меркурий, Сатурн — все они имели свои места в ритуальном календаре, и наблюдение за ними было не просто научным занятием, но частью религиозной практики. Каждая планета ассоциировалась с определенным божеством, и её появление или исчезновение трактовалось как знак свыше, требующий соответствующей реакции со стороны жрецов и правителей.

Важно отметить, что древние святилища не были изолированы друг от друга. Они образовывали сеть, охватываю-

щую всю территорию Индии, и, вероятно, между ними существовала связь. Жрецы из разных мест могли обмениваться наблюдениями, проверять данные, уточнять календари. Эта сеть была своего рода научным сообществом, хотя и не в современном понимании. Она существовала на основе устной традиции и обмена визитами, и её деятельность привела к тому, что к середине первого тысячелетия до нашей эры индийская астрономия достигла такого уровня, что смогла создать сложные математические модели движения небесных тел.

Однако не следует думать, что все святилища были одинаковыми. Разные регионы Индии имели свои традиции и предпочтения. В северной части больше внимания уделялось солнечному циклу, поскольку там сезонные изменения более выражены. В южной части, с её менее контрастным климатом, на первый план выходили лунные и планетные наблюдения. Эти региональные особенности нашли отражение в конструкции святилищ: северные храмы часто имеют четкую ориентацию по оси восток-запад, тогда как южные могут быть ориентированы на более сложные астрономические события, такие как восход Луны в определённые дни. Это разнообразие свидетельствует о том, что астрономия в древней Индии не была единой догмой, а живой, многогранной системой, адаптированной к местным условиям.

С развитием городов и государств в первой половине первого тысячелетия до нашей эры, святилища стали частью

крупных архитектурных ансамблей. Храмы, дворцы, общественные здания строились с учетом астрономических требований. Царь, строивший свой дворец, должен был учитывать положение Солнца и Луны, чтобы обеспечить гармонию и процветание своего царства. Это привело к тому, что астрономия перестала быть уделом только жрецов — она стала государственным делом, и цари покровительствовали астрономам, приглашали их ко двору, заказывали у них календари и предсказания. Так святилища превратились в придворные обсерватории, которые, однако, сохраняли свою ритуальную функцию.

Одним из самых известных примеров такого синтеза является комплекс в Удджайне, который в древности был крупным центром астрономических исследований. Здесь, как свидетельствуют древние тексты, находилась обсерватория, где велись регулярные наблюдения за планетами и звёздами. Хотя от этой обсерватории почти ничего не сохранилось, её упоминание в трактатах показывает, что астрономия к тому времени стала высокоорганизованной дисциплиной, со своими школами, методами и традициями. Удджайн был не единственным таким центром — подобные обсерватории существовали в Таксиле, Варанаси, Паталипутре и других городах, и каждая из них имела свои особенности и направления исследований.

Но вернемся к более ранним временам, когда святилища ещё не были частью городской архитектуры, а стояли в оди-

ночестве среди лесов и холмов. Эти первые обсерватории были не только местами научных наблюдений, но и точками силы, вокруг которых концентрировалась жизнь племени или общины. Здесь принимали важные решения, здесь праздновали победы, здесь хоронили вождей. Астрономия пронизывала все аспекты жизни, и святилища были теми узлами, где это пронизывание становилось особенно заметным.

Изучение этих древних святилищ ставит перед современными исследователями множество вопросов. Как именно древние люди определяли моменты солнцестояний и равноденствий без точных инструментов? Как они согласовывали лунный и солнечный календари? Как они учитывали прецессию земной оси, которая медленно меняет положение звезд на небе? Некоторые исследователи предполагают, что ответы на эти вопросы могут быть связаны с использованием специальных методов, основанных на долгосрочных наблюдениях и сложных вычислениях, которые передавались устно и сохранялись в ритуалах. Но другие сомневаются, что древние люди могли обладать такими знаниями, и склонны объяснять совпадения случайностью. Этот спор, вероятно, будет продолжаться ещё долго, поскольку прямых письменных свидетельств о методах первых обсерваторий не сохранилось.

Тем не менее, даже в отсутствие письменных источников, сами камни говорят нам о многом. Они говорят о том, что

древние люди были способны к абстрактному мышлению, к планированию на десятилетия вперед, к коллективной организации сложных проектов. Они говорят о том, что астрономия была не просто наукой, а мировоззрением, определявшим всю их жизнь. И они говорят о том, что связь между землей и звездным сводом была для них реальной, осязаемой связью, которую они пытались воплотить в камне и пространстве.

Влияние этих ранних святилищ на последующую космологию невозможно переоценить. Именно здесь, у алтарей, ориентированных на восход Солнца, рождались те представления о времени и пространстве, которые затем были зафиксированы в Ведах и Упанишадах, а позднее переосмыслены в буддийской традиции. Идея о том, что космос имеет определенную структуру, что он подчиняется законам, что эти законы можно познать и использовать для блага людей — все это имеет свои истоки в этих древних камнях. Без них не было бы ни «Сурья-сиддханты», ни «Арьябхатии», ни буддийской космологии с её сложными представлениями о множественности миров и цикличности времени.

Сегодня, когда мы посещаем эти древние святилища, мы смотрим на них через призму современной науки. Мы видим в них примитивные обсерватории, которые, как мы считаем, уступают нашим телескопам и компьютерам. Но это взгляд человека, который потерял способность видеть небо как живое существо. Древние строители этих святилищ не считали

их примитивными — для них это были величайшие сооружения, которые могли быть созданы человеческими руками, потому что они соединяли землю с небом, людей с богами, время с вечностью. И в этом соединении, в этом священном браке земли и звездного свода, рождалась та магия, которая до сих пор не перестает поражать наше воображение.

Глава 6. Устная традиция: звездные сказки и мифы как первые учебники космологии

Прежде чем появились первые письменные трактаты, прежде чем были вырезаны на камне первые календарные отметки, прежде чем были сложены ведийские гимны, знание о небе существовало в форме, которая кажется нам сегодня самой хрупкой и одновременно самой прочной, — в форме устного слова. Устная традиция не была для древних людей просто способом передачи информации. Она была живым организмом, дышащим в ритме голосов рассказчиков, изменяющимся от одного поколения к другому, но сохраняющим свою суть. И в этой устной традиции астрономия занимала особое место, потому что звездные сказки и мифы были первыми учебниками космологии, самыми древними и самыми универсальными.

Представьте себе вечер у костра где-то на просторах древней Индии. Солнце уже давно село, и небо над головой загорается тысячами огней. Взрослые, уставшие после дневной охоты или работы в поле, сидят вокруг огня, а дети, устроившись поудобнее, ждут, когда начнется рассказ. И начинается он не с «жили-были», а с указания на определенную звезду или созвездие. «Видите ту яркую точку, которая мерцает

красноватым светом? — говорит старейшина, указывая рукой вверх. — Это не просто звезда. Это глаз великого демона, который был побежден богом…» И дальше следует история, в которой переплетаются подвиги богов, козни демонов, судьбы людей и животных. Но в этой истории всегда есть нечто большее, чем просто развлечение. В ней закодировано знание о том, когда эта звезда появляется на небе, в какое время года, что это означает для земных дел. Ребенок слушает сказку, а на самом деле он учится астрономии.

Такой способ передачи знаний был невероятно эффективным. Мифы и сказки легко запоминались, потому что они были эмоционально насыщенными, потому что они затрагивали глубокие архетипы человеческого сознания. Борьба света и тьмы, победа добра над злом, любовь и предательство, смерть и возрождение — все эти темы, понятные каждому человеку, служили канвой, на которую нанизывались астрономические данные. Ребенок, выучивший миф о Плеядах, знал, что это созвездие появляется на небе в определенное время года, но он знал это не как сухую дату, а как часть захватывающей истории о семи сестрах, преследуемых охотником. Эта история была его картой звездного неба, и он мог ориентироваться по ней так же уверенно, как по компасу.

Одним из ярчайших примеров такой устной космологии являются мифы о накшатрах — двадцати семи лунных стоянках, через которые Луна проходит в течение своего месячного цикла. Каждая накшатра имеет свое название, которое

часто связано с животным, растением или мифическим персонажем. Но это не просто имена — за каждым из них стоит целая история, объясняющая, почему именно эта группа звезд названа так, а не иначе, какие события связаны с её восходом и заходом, какие ритуалы следует проводить в дни, когда Луна находится в этом знаке. Эти истории передавались из уст в уста на протяжении тысячелетий, и они были не просто фольклором — они были практическим руководством для земледельцев, целителей, жрецов и путешественников.

Индийская устная традиция была уникальна своей системой мнемотехники. Ведийские жрецы разработали сложные методы запоминания, которые позволяли им сохранять тексты в неизменном виде на протяжении столетий. Эти методы включали повторение в разных ритмах, использование жестов, пение в определенных тональностях. Астрономические данные, зашифрованные в гимнах, передавались с такой точностью, что современные исследователи могут восстанавливать по ним положение звезд и планет на тысячелетия назад. Это была удивительная система, которая превращала человеческий мозг в живой архив, не уступающий по надежности современным цифровым носителям.

Однако устная традиция была не только способом сохранения, но и способом творчества. Рассказчик, передавая миф, мог добавлять в него новые детали, адаптировать его к новым условиям, интерпретировать по-своему. Это при-

водило к тому, что одна и та же звезда могла иметь разные мифы в разных регионах, а иногда даже в одной деревне существовали разные версии одного и того же сказания. Такое разнообразие не было недостатком — напротив, оно позволяло астрономическим знаниям адаптироваться к местным условиям, учитывать особенности климата и ландшафта. В одной местности, где было важно предсказывать муссоны, миф о звезде мог акцентировать её связь с дождем, а в другой, где важна была охота, та же звезда связывалась с дикими животными.

Звездные сказки играли важную роль в социализации детей. Через них дети узнавали не только о звездах, но и о том, как устроен мир, какие существуют отношения между людьми и богами, каковы правила поведения. Ребенок, слушающий миф о том, как бог наказал гордого охотника, превратив его в созвездие, усваивал, что гордыня — это плохо, что надо быть скромным и уважать старших. Таким образом, астрономия вплеталась в ткань морального воспитания, становясь не просто наукой, но и этикой. Это соединение знания и морали сохранится в буддийской космологии, где устройство Вселенной напрямую связано с кармическими законами и нравственным поведением существ.

Особое место в устной традиции занимали сказания о планетах. В отличие от звезд, которые казались неподвижными, планеты вели себя странно, меняя яркость, направление движения, иногда исчезая и появляясь вновь. Эти «блужда-

ющие звезды» вызывали у древних людей не меньшее любопытство, чем у современных астрономов, и их поведение объяснялось через сложные мифологические сюжеты. Например, движение Венеры, которая то появлялась на востоке перед рассветом, то на западе после заката, породило миф о богине, которая каждое утро и каждый вечер поднимается на небо, чтобы соединиться со своим возлюбленным. Эти мифы не были просто поэтическими выдумками — они помогали запомнить циклы планет, их периоды видимости, их связь с определенными сезонами и ритуалами.

Передача астрономических знаний через устную традицию требовала особой организации общества. В каждом племени, в каждой общине были люди, отвечавшие за хранение и передачу этих знаний. Это могли быть шаманы, жрецы, старейшины или просто опытные охотники, которые знали небо лучше других. Они были живыми энциклопедиями, к которым обращались за советом, когда нужно было определить время сева или начало сезона дождей. Эти хранители знаний обучали своих преемников, передавая им не только сами мифы, но и методы их интерпретации, ключи к расшифровке астрономического кода, скрытого в сказаниях. Обучение было долгим и трудным, оно требовало памяти, внимания и дисциплины, но оно обеспечивало выживание всей общины.

Интересно, что многие звездные мифы сохранились в индийской культуре до наших дней, хотя они претерпели значительные изменения под влиянием письменной традиции

и других религий. Например, история о Дхруве, мальчике, который стал Полярной звездой, известна во многих вариантах, но во всех них сохраняется основная идея: Полярная звезда неподвижна, она является центром, вокруг которого вращается все остальное, и эта неподвижность символизирует постоянство и верность. Этот миф, передававшийся из уст в уста тысячелетиями, стал основой для многих философских и космологических построений в индийской традиции, в том числе и в буддизме, где идея неподвижного центра находит своё выражение в концепции нирваны — состояния, которое не зависит от изменчивого мира.

Но устная традиция не была статичной. Она эволюционировала вместе с обществом, отражая его развитие и изменения. С появлением земледелия и городов, с ростом социальной сложности, астрономические знания становились все более систематизированными, и устные мифы начали дополняться и даже вытесняться письменными текстами. Однако это не означало, что устная традиция исчезла — она продолжала существовать параллельно с письменностью, особенно в сельской местности, где грамотность была редкостью. И до сих пор в некоторых отдаленных районах Индии можно услышать от стариков рассказы о звездах, которые мало чем отличаются от тех, что рассказывали их предки тысячи лет назад.

Важно подчеркнуть, что устная космология не была примитивной. Она включала в себя сложные представления о

структуре Вселенной, о движении светил, о взаимосвязи небесных явлений и земных событий. Эти представления не всегда соответствовали современной науке, но они были логичны в рамках своей системы и позволяли людям успешно взаимодействовать с окружающим миром. Например, знание о том, что определенные звезды появляются перед началом сезона муссонов, было не менее ценно для древнего земледельца, чем для современного агронома — точный прогноз погоды. И это знание было закодировано в мифе о боге дождя, который каждую весну выходит на небо в сопровождении своих звездных слуг.

Устная традиция также выполняла важную социальную функцию, объединяя общину общим мифологическим пространством. Когда люди собирались у костра и слушали рассказчика, они не просто получали информацию — они укрепляли свою идентичность, осознавали себя частью единой культуры, имеющей общие корни и общее небо. Это чувство общности было особенно важно в условиях постоянных миграций и столкновений с другими народами. Звездные мифы были тем якорем, который держал народ вместе, несмотря на все перипетии истории.

Изучение устной астрономии представляет огромную сложность для современных исследователей. Поскольку эта традиция не была письменно зафиксирована, мы можем реконструировать её лишь по косвенным свидетельствам, по отголоскам в письменных текстах, по этнографическим дан-

ным, по сравнениям с другими культурами. Но даже эти фрагменты позволяют нам увидеть картину невероятной глубины и красоты. Мы видим, что древние люди смотрели на то же небо, что и мы, но видели в нем другое — не просто физические объекты, но живых существ, участников драмы, которая разворачивается над нашими головами каждую ночь.

Буддийская космология, возникшая на основе этой устной традиции, сохранила многие её элементы. Мифы о горе Меру, о четырех континентах, о небесных мирах и адах — все это имеет корни в устных сказаниях, которые передавались от поколения к поколению задолго до того, как Будда начал свою проповедь. Будда не создал новую космологию на пустом месте — он взял существующие представления, переосмыслил их, встроил в своё учение, придал им новое значение. Но основа, фундамент остались теми же — устная традиция с её звездными сказками и мифами.

Сегодня, в эпоху цифровых технологий, когда информация передается со скоростью света и хранится в облачных серверах, мы можем посмотреть на устную традицию с некоторой долей скепсиса. Нам кажется, что она была ненадежной, что она была подвержена искажениям, что она не могла обеспечить точность, необходимую для серьезных астрономических расчетов. Но это взгляд человека, который не понимает, как работала эта система. Устная традиция была не менее надежной, чем письменная, потому что она опира-

лась на человеческую память, которая, при правильной тренировке, может хранить невероятные объемы информации. И она была более живой, более гибкой, более адаптивной к изменяющимся условиям. В этом её сила и её уникальность.

Звездные сказки и мифы не были учебниками в нашем смысле, но они были чем-то большим — они были путеводителями по Вселенной, картами души, зеркалами, в которых отражалось не только небо, но и человеческое сердце. Они учили не только тому, как устроен космос, но и тому, как жить в этом космосе, как быть частью его, не теряя себя. И именно это умение — быть частью целого, ощущать свою связь с бесконечным — стало одним из главных уроков, который буддизм взял из устной традиции и пронес через тысячелетия.

Когда мы сегодня слушаем старые индийские песни или читаем древние эпосы, мы можем уловить в них отголоски тех самых звездных сказок, которые рассказывали у костра тысячи лет назад. Мы можем услышать, как в ритме стиха бьется пульс лунного календаря, как в образах богов и демонов прячутся планеты, как в сюжетах о любви и ненависти зашифрованы циклы солнцестояний и равноденствий. Это наследие живет в нас, даже если мы не осознаем этого, потому что оно является частью той культурной ДНК, которая определяет наше восприятие мира. И может быть, в этом и заключается главная тайна устной традиции — в том, что она продолжает говорить с нами, даже когда мы перестали

слушать.

Глава 7. Рождение календаря: как циклы Луны и Солнца вошли в плоть и кровь этноса

Не существует народа, который не измерял бы время. Но то, как именно народ измеряет время, как он делит его на дни, месяцы и годы, как он называет эти отрезки и какие события с ними связывает, раскрывает его душу гораздо полнее, чем любые археологические находки или исторические хроники. Календарь — это не просто таблица чисел, не просто расписание праздников и рабочих дней. Это способ структурировать реальность, способ наложить сетку смысла на хаос природы, способ превратить бесконечный поток становления в понятную, предсказуемую последовательность. И для индийского народа, который создал буддийскую космологию, календарь стал не просто инструментом, а частью самой его сути, вошел в его плоть и кровь, стал ритмом его сердца, дыханием его легких.

Рождение календаря не было одномоментным актом. Оно происходило постепенно, на протяжении тысячелетий, по мере того как люди накапливали наблюдения и учились их систематизировать. Первые календари были лунными, потому что Луна — самое заметное из небесных тел, меняющее свою форму с постоянной, легко наблюдаемой периодично-

стью. Каждую ночь Луна представала в новом облике: то тонкий серп, то полный круг, то убывающий полумесяц. Этот ритм, длиной около двадцати девяти с половиной дней, был первым и самым естественным способом измерения времени. Человек, который знал фазы Луны, мог предсказывать приливы, планировать ночные вылазки, определять лучшие дни для охоты и рыболовства. Лунный календарь был настолько прост и нагляден, что его использовали практически все древние народы, и Индия не была исключением.

Но лунный календарь имел серьезный недостаток. Двенадцать лунных месяцев составляют примерно триста пятьдесят четыре дня, что на одиннадцать дней меньше солнечного года. Если пользоваться только лунным календарем, то через несколько лет начало года сместится относительно сезонов: весенний месяц окажется зимой, а осенний — летом. Для земледельцев, которые зависели от сезонных ритмов, это было неприемлемо. Поэтому древние индийцы, как и другие народы, столкнулись с необходимостью согласовать лунный и солнечный календари. Это была задача невероятной сложности, потребовавшая глубокого понимания астрономии и математики, и её решение стало одним из величайших достижений индийской культуры.

Как же древние астрономы решали эту проблему? Они заметили, что девятнадцать солнечных лет почти точно равны двумстам тридцати пяти лунным месяцам. Это открытие, известное как Метонов цикл, было сделано независимо в раз-

ных частях мира, и Индия не была исключением. Используя этот цикл, астрономы могли добавлять дополнительный месяц каждые два-три года, чтобы синхронизировать лунный и солнечный календари. Этот дополнительный месяц, называемый «адхика-маса», или «дополнительный месяц», стал важной частью индийского календаря, и его вставка была не просто технической операцией, но и ритуальным событием. Люди верили, что такой месяц несет особую духовную силу, и в него предписывалось совершать дополнительные благочестивые дела, чтобы компенсировать нарушение космического порядка.

Однако согласование Луны и Солнца было лишь началом. Индийский календарь, как и сама индийская культура, стремился к максимальной точности и сложности. Астрономы не ограничивались годом и месяцем — они дробили время на всё более мелкие единицы, создавая иерархию циклов, которая отражала их представление о многослойности мироздания. Сутки делились на мухурты, мухурты — на калы, калы — на кшаны. Кшана — это мгновение, минимальный отрезок времени, который, по мнению древних мыслителей, был неделимым и соответствовал элементарному событию в потоке сознания. Эта идея о том, что время дискретно и состоит из бесконечного количества мгновений, предвосхитила некоторые современные физические теории, и она была не просто абстрактным умозрением, а практическим инструментом для ритуальных расчетов.

Но календарь был не только математической конструкцией. Он был пронизан мифологией и религией. Каждый день недели был посвящен определенной планете, и это посвящение придавало дню особый характер. Воскресенье было днем Солнца, понедельник — Луны, вторник — Марса, среда — Меркурия, четверг — Юпитера, пятница — Венеры, суббота — Сатурна. Эти названия сохранились во многих языках мира, но в Индии они имели не просто лингвистическое значение. Каждый день недели был связан с определенными ритуалами, запретами и предписаниями. В день Марса, например, не рекомендовалось начинать важные дела, потому что Марс считался планетой войны и конфликтов, а в день Юпитера, напротив, все благоприятствовало начинаниям, потому что Юпитер был планетой мудрости и удачи.

Месяцы также имели свои божества и свои праздники. Каждый месяц индийского календаря был связан с определенным созвездием, с определенным аспектом божественной силы. Картика, месяц, когда Луна находится в созвездии Карттикея, был временем воинских ритуалов и поклонения богу войны. Маргаширша, месяц, когда Луна находится в созвездии Ориона, был временем жертвоприношений и поминовения предков. Магха, месяц, когда Солнце входит в созвездие Льва, был временем омовений в священных реках и обрядов очищения. Эти связи между месяцем, созвездием и ритуалом не были произвольными — они отражали глубокое убеждение в том, что космос и человек взаимосвяза-

ны, что движение небесных тел влияет на земные дела, и что правильное выполнение ритуалов в правильное время может гармонизировать эту связь.

Но календарь был не только ритуальным, но и практическим инструментом. Земледельцы смотрели на небо, чтобы знать, когда сеять, когда поливать, когда собирать урожай. Торговцы использовали календарь для планирования дальних поездок, учитывая сезоны муссонов и морские течения. Военачальники выбирали благоприятные дни для начала кампаний, веря, что победа зависит не только от силы оружия, но и от расположения звезд. Правители издавали указы о начале нового года, о високосных месяцах, о переносе праздников, и эти указы укрепляли их власть, поскольку показывали, что они способны поддерживать порядок не только на земле, но и на небе. Календарь, таким образом, был неотъемлемой частью государственного управления, и его точность была вопросом престижа и легитимности.

Интересно, что в индийской традиции существовало несколько календарей одновременно. Был официальный календарь, используемый при дворе, был храмовый календарь, используемый жрецами, был народный календарь, которым пользовались крестьяне, и был астрологический календарь, который составлялся для предсказаний судеб. Эти календари могли отличаться друг от друга, и это разнообразие отражало многослойность индийского общества, где каждый социальный слой имел свой способ измерения времени. Но

при всем этом разнообразии сохранялась общая основа — вера в то, что время циклично, что прошлое повторяется в будущем, что события имеют свои космические аналоги. Эта вера была настолько сильна, что даже когда в Индию вторгались чужеземцы, даже когда менялись династии и религии, календарь продолжал существовать, адаптируясь к новым условиям, но сохраняя свою суть.

Буддийский календарь, который возник в буддийской общине, также опирался на общие индийские представления, но вносил в них свои коррективы. Будда не отрицал традиционный календарь — он использовал его как фон для своего учения, как общий язык, понятный всем. Но он придал календарю новое измерение, связав его с идеей освобождения. В буддийской традиции время стало не просто циклическим, но и потенциально преодолимым. Если правильно практиковать, если следовать Восьмеричному Пути, можно выйти за пределы времени, достигнуть нирваны, где нет ни прошлого, ни будущего, ни настоящего — только чистый свет пробуждения. Это не означало отмены календаря — он продолжал существовать как практический инструмент, но его значение было переосмыслено: он стал напоминанием о том, что мир временен, что все проходит, и что единственная реальность, которая стоит того, чтобы к ней стремиться, находится за пределами времени.

Но чтобы понять, насколько глубоко календарь вошел в плоть и кровь индийского народа, нужно посмотреть на по-

вседневную жизнь. Каждый день в индийской деревне начинался с того, что хозяин дома смотрел на небо и определял положение Солнца и Луны. Он знал, что если сегодня полнолуние, то это день, когда предки спускаются на землю, и нужно поставить для них угощение. Он знал, что если сегодня новолуние, то это день, когда нужно поститься и молиться. Он знал, что если Солнце входит в знак Овна, то начинается новый год, и нужно обновить домашний алтарь и попросить благословения у богов. Эти знания не были книжными — они были частью его ежедневного опыта, они передавались от отца к сыну вместе с навыками пахоты и ремесла. Они были настолько органичными, что человек не мог представить свою жизнь без них, точно так же как не мог представить свою жизнь без дыхания.

Даже в современной Индии, несмотря на распространение григорианского календаря, традиционные календарные системы продолжают существовать. Миллионы людей по-прежнему определяют дни своих праздников по лунным фазам, по-прежнему сверяют свои планы с астрологическими таблицами, по-прежнему верят, что от правильного выбора даты зависит успех любого предприятия. Это не просто суеверие — это живая традиция, которая связывает их с предками, с тысячелетней историей, с тем древним чувством, что человек и космос — одно целое. И когда в день Дивали, праздника огней, индийцы зажигают свечи и молятся богине Лакшми, они делают это не просто потому, что так принято,

но потому, что в этот день, по их убеждению, небесные силы особенно благосклонны и открыты для общения.

Рождение календаря было не просто техническим изобретением. Это было духовное событие, которое изменило сознание человечества. До календаря время было текучим, неопределенным, зависящим от субъективного восприятия. После календаря время стало объективной реальностью, которую можно измерять, планировать, предсказывать. Это было одновременно и освобождение, и тюрьма: освобождение от хаоса, но тюрьма, навязанная самим себе. Индийская мудрость, прошедшая через это переживание, нашла в нем глубину, которую другие культуры, возможно, не заметили. Она поняла, что календарь — это не просто инструмент, но и иллюзия, что время — это нечто большее, чем просто последовательность дней, что за временем стоит вечность, и что цель жизни — не просто выжить во времени, но выйти за его пределы.

Но это понимание не пришло сразу. Оно вызревало веками, в мучительных попытках согласовать лунный и солнечный циклы, в спорах жрецов о том, когда именно нужно начинать новый год, в наблюдениях за звездами, которые продолжались ночь за ночью, поколение за поколением. Каждый новый високосный месяц, каждая уточненная дата праздника были шагом к этой мудрости, и каждый шаг был отмечен ритуалами, песнями, жертвоприношениями. Календарь не был холодным расчетом — он был горячим сердцем куль-

туры, в котором пульсировала жизнь народа.

И когда Будда говорил своим ученикам о том, что все в мире непостоянно, что все подвержено изменению, что нет ничего вечного, он опирался на эту тысячелетнюю традицию календарного опыта. Каждый индийский крестьянин знал, что Луна меняет форму, что Солнце движется по небу, что сезоны приходят и уходят. Это знание было эмпирическим, проверенным многократно, и Будда использовал его как наглядную иллюстрацию для своих философских построений. Но он пошел дальше: он сказал, что и само время, измеряемое календарем, является иллюзией, что за чередой дней и ночей стоит нечто иное, что можно осознать, только освободившись от привязанности к этим измерениям. Так календарь, бывший инструментом контроля над временем, стал инструментом освобождения от времени.

Сегодня, когда мы смотрим на календарь, висящий на стене, или на цифры на экране телефона, мы вряд ли задумываемся о том, как много стоит за этими числами. Мы не чувствуем пульса Луны в наших венах, не слышим голоса Солнца в нашем дыхании. Мы потеряли ту связь с космическими циклами, которая была естественной для древних людей. Но мы можем попытаться восстановить её, если обратимся к их опыту, если посмотрим на календарь не как на расписание, а как на карту Вселенной, если позволим себе почувствовать, что каждый день — это не просто дата, а момент в бесконечном танце светил. И тогда, возможно, мы поймем, что кален-

дарь — это не изобретение человека, а дар богов, который был дан нам, чтобы мы не забывали, что мы часть космоса, что мы не отделены от неба, что мы и есть небо, смотрящее на само себя через наши глаза.

Глава 8. Эпоха бронзы: металл, власть и новое понимание движения небесных тел

Когда в долинах Инда и Ганга зазвенел первый металл, когда плавильные печи задымились в городах и деревнях, человечество вступило в новую эру не только в техническом, но и в интеллектуальном смысле. Бронза — этот сплав меди и олова, твердый, блестящий, поддающийся обработке — изменила всё: орудия труда, оружие, украшения, а вместе с ними и сам способ мышления. Человек, который мог плавить металл, который мог придавать ему любую форму, который мог создавать предметы, не существовавшие в природе, начинал ощущать себя не просто частью природы, но её господином. И это новое чувство могущества неизбежно отразилось на том, как люди смотрели на небо, как они понимали движение светил, как они строили свои космологические модели.

Эпоха бронзы на Индийском субконтиненте началась примерно в четвертом тысячелетии до нашей эры, хотя в разных регионах этот процесс протекал неравномерно. В некоторых местах бронза появилась раньше, в других — позже, но к середине третьего тысячелетия до нашей эры бронзовые изделия уже были широко распространены, особенно в раз-

витых городских центрах долины Инда. Археологи находят в руинах Хараппы и Мохенджо-Даро ножи, топоры, наконечники стрел, зеркала и ритуальные сосуды, изготовленные из этого замечательного сплава. Но металл был не только материалом для утилитарных предметов — он стал материалом для символизма, для власти, для знания. Царь, владевший бронзовым скипетром, был не просто правителем — он был воплощением силы, которая могла подчинять себе материю, а значит, и всё остальное.

Именно в эту эпоху происходит важнейший сдвиг в астрономических представлениях. Раньше наблюдения за небом были делом всего племени, знанием, доступным каждому, кто хотел учиться. Теперь астрономия становится привилегией жрецов и правителей, элитарным знанием, которое дает власть над временем и пространством. Бронзовые инструменты — солнечные часы, гномоны, армиллярные сферы — появляются в храмах и дворцах, становясь символами мудрости и могущества. Жрец, умеющий предсказать затмение с помощью бронзового диска с нанесенными делениями, уже не просто шаман, он служитель высшего порядка, советник царя, хранитель космических тайн. И этот новый статус астронома меняет само содержание астрономических знаний.

В ведийских текстах, которые создавались в период раннего железа, но отражают более древние бронзовые традиции, мы находим уже не просто описания светил, но сложные математические построения. «Сурья-сиддханта», хотя и

записана в более позднее время, восходит к устным традициям бронзового века, когда астрономы начали систематизировать свои наблюдения, создавать алгоритмы, позволяющие предсказывать движение планет с большой точностью. Это был переход от эмпирического наблюдения к теоретическому моделированию, от простого запоминания циклов к их вычислению. И этот переход был бы невозможен без металла, который позволил создавать инструменты для точных измерений.

Но что именно дала бронза астрономии? Прежде всего, это была возможность создавать стабильные, не подверженные деформации инструменты. Деревянные гномоны гнили, каменные были труднообрабатываемы и не всегда точны. Бронзовые же инструменты могли быть отлиты по точным шаблонам, их поверхность можно было полировать до зеркального блеска, на них можно было наносить мельчайшие деления, позволяющие измерять углы с точностью до долей градуса. Такие инструменты, как астролябия или армиллярная сфера, хотя и появились в Индии несколько позже, имели свои прототипы в бронзовых дисках и кольцах, которые использовались уже в бронзовую эпоху. И эти инструменты позволяли проводить наблюдения, которые были немыслимы для невооруженного глаза.

Например, с помощью бронзового кольца, установленного строго по меридиану, можно было точно определить момент прохождения Солнца через зенит, а значит, вычислить гео-

графическую широту места. С помощью бронзового диска с отверстием можно было наблюдать солнечное затмение, не повреждая глаз, и фиксировать его фазы. С помощью бронзовых стержней и линеек можно было измерять высоту светил над горизонтом, строить графики их движения, выявлять закономерности. Это была настоящая революция в наблюдательной астрономии, и она привела к тому, что индийские астрономы в первые века нашей эры смогли достичь точности, сопоставимой с европейскими измерениями эпохи Возрождения.

Но бронза изменила не только инструменты, но и сам стиль астрономического мышления. Металлургия требовала точных расчетов пропорций, знания химических реакций, понимания температурных режимов. Этот опыт рационального, расчетливого подхода к материалу переносился на астрономию. Астроном начинал видеть Вселенную не как живой организм, управляемый волей богов, а как сложный механизм, подчиняющийся точным законам, которые можно познать и описать математически. Это был переход от мифологического к научному мышлению, хотя и не в современном смысле. Боги сохраняли свое место, но теперь они действовали не произвольно, а в рамках определенных правил, которые астроном мог вычислить.

Ярким примером этого нового мышления является концепция юг — космических эпох, которые сменяют друг друга в строго предписанном порядке. Учение о югах, разрабо-

танное в индийской астрономии, представляет собой грандиозную попытку создать математическую модель времени, охватывающую миллиарды лет. В этой модели продолжительность каждой юги задается точными числами, которые выводятся из астрономических наблюдений и математических соотношений. Идея о том, что время не непрерывно, а дискретно, что оно состоит из циклов, имеющих начало и конец, была не просто философской спекуляцией — она была практическим инструментом для календарных расчетов, для предсказаний, для ритуальной практики.

Эпоха бронзы также принесла новые способы хранения и передачи астрономических знаний. Металлические пластины с выгравированными текстами, которые могли храниться веками и не разрушаться, появились именно в это время. Хотя мы не находим в Индии бронзовых табличек с астрономическими данными, аналогичных египетским или месопотамским, письменная традиция начала фиксироваться именно в этот период, и металл сыграл в этом свою роль. Санскрит, язык ведийских текстов, начал записываться на пальмовых листьях и бересте, но эти материалы были недолговечны. Металлические же носители, если бы они использовались шире, могли бы сохранить для нас гораздо больше информации, но, увы, климат Индии не способствовал их сохранности, и большинство таких артефактов, если они существовали, были переплавлены в более поздние времена.

Однако, несмотря на это, влияние бронзовой эпохи на аст-

рономию было колоссальным. Именно в этот период формируются основные понятия индийской астрономии: эклиптика, накшатры, планеты как отдельные сущности, методы расчета затмений, представление о сферичности Земли. Некоторые из этих идей, как, например, сферичность Земли, часто приписываются греческому влиянию, но археологические данные и анализ древних текстов показывают, что индийские астрономы пришли к этому пониманию самостоятельно, задолго до контактов с греками. Бронзовые инструменты, позволившие измерять кривизну горизонта, могли дать эмпирические доказательства сферичности, и эти доказательства, вероятно, были известны уже в первой половине первого тысячелетия до нашей эры.

Эпоха бронзы также изменила социальный статус астрономии. Если раньше астрономия была делом каждого, то теперь она становилась профессией, требующей специальной подготовки и посвящения. Астрономы входили в касту жрецов или были приближены к царским дворам, они получали содержание от государства, они передавали свои знания ученикам, которые проходили строгий отбор. Это привело к тому, что астрономия стала более систематизированной, более точной, но одновременно и более закрытой. Знания, которые раньше были общим достоянием, теперь стали тайными, доступными лишь избранным. И эта закрытость, с одной стороны, способствовала сохранению знаний от искажений, но с другой — замедляла их распространение и развитие.

Особое значение в эту эпоху приобрела связь астрономии с властью. Царь, имевший при себе искусного астронома, мог использовать его предсказания для укрепления своего авторитета. Если астроном предсказывал затмение, и оно происходило в назначенный день, люди видели в этом знак божественного покровительства царю. Если астроном определял благоприятный момент для начала войны или постройки храма, и дело имело успех, это тоже укрепляло доверие к правителю. Таким образом, астрономия становилась инструментом политической власти, и правители были готовы щедро платить за точность предсказаний. Это создавало стимул для дальнейшего развития астрономии, для поиска все более совершенных методов расчета.

Однако не следует думать, что эпоха бронзы была золотым веком астрономии, за которым последовал упадок. Напротив, она была лишь одним из этапов длительного процесса. За бронзой пришло железо, а затем и сталь, которые открыли новые возможности для астрономических инструментов. Но фундамент, заложенный в бронзовую эпоху, — систематическое наблюдение, точное измерение, математическое моделирование, социальный статус астрономии — остался неизменным. Именно на этом фундаменте впоследствии выросли великие трактаты индийской астрономии, от «Арьябхатии» до «Сиддханта-широмани».

Когда мы говорим о движении небесных тел, мы часто думаем, что древние люди видели их просто как светящиеся

точки на небе. Но это не так. Уже в бронзовую эпоху астрономы различали между ними качественные различия. Они знали, что Солнце и Луна — это не просто светила, а могущественные божества, влияющие на жизнь людей. Они знали, что планеты — это посланники богов, которые несут определенные значения. И они знали, что звезды — это души предков или обители богов, которые никогда не умирают, а лишь меняют свое положение. Эта сложная иерархия небесных тел была не просто результатом наблюдений — она была отражением социального порядка, где царь стоял над знатью, знать над крестьянами, а жрецы — над всеми, поскольку они знали небесный порядок и могли его толковать.

Бронза, как материал, также имела символическое значение. Её золотистый блеск напоминал о Солнце, её звон — о небесных звуках, её твердость — о незыблемости законов Вселенной. Ритуальные бронзовые предметы, такие как жертвенные чаши или изображения богов, часто украшались символами звезд и планет, и это делало их не просто утилитарными, но и космологическими. Жертва, принесенная в бронзовой чаше, была не просто едой для богов — она была микрокосмосом, отражающим порядок макрокосмоса. И жрец, совершающий эту жертву, становился посредником между землей и небом, повторяя в малом то, что боги делают в великом.

Эпоха бронзы была временем, когда небо стало не только объектом наблюдения, но и объектом моделирования, не

только источником страха и благоговения, но и предметом рационального исследования. Человек, научившийся плавить металл, научился и тому, что космосом можно управлять, что его законы познаваемы, что его тайны могут быть открыты. Это была великая революция, которая подготовила почву для всех последующих достижений индийской астрономии, включая те, что мы находим в буддийской космологии. И хотя буддизм впоследствии переосмыслил эти достижения, придав им новое, этическое измерение, сама идея о том, что Вселенная устроена по законам, которые можно познать, пришла из тех далеких времен, когда бронза впервые зазвенела в руках человека.

Глава 9. Космологические мотивы в наскальной живописи: что рисовали древние астрономы

Стены пещер и скальные обнажения, разбросанные по всему Индийскому субконтиненту, хранят на себе следы человеческой руки, которые насчитывают не одну тысячу лет. Эти изображения — петроглифы и наскальные рисунки — являются уникальным окном в сознание древних людей, в их представления о мире, о богах, о космосе. И когда мы всматриваемся в эти линии, выбитые на камне, или в красные и черные краски, нанесенные на поверхность скал, мы начинаем понимать, что перед нами не просто охотничьи сцены или абстрактные узоры. Мы видим космологические карты, первые попытки людей изобразить Вселенную, зафиксировать на материальном носителе то, что они видели в небе и что пытались осмыслить.

Наскальная живопись Индии — одно из самых богатых собраний древнего искусства в мире. Она охватывает период от верхнего палеолита до исторических времен, и в ней можно проследить эволюцию человеческого мышления, особенно в том, что касается отношения к небу. Одни из самых ранних изображений, найденные в пещерах центральной Индии, в таких местах как Бхимбетка или Адамгарх, датиру-

ются примерно тридцатитысячелетним возрастом. Здесь мы находим примитивные, но выразительные фигуры животных — быков, оленей, слонов, тигров, — а также человеческие фигуры, часто с поднятыми вверх руками или с головами, увенчанными лучами. Эти лучистые головы не могут не напомнить нам о солнечных или звездных символах, и многие исследователи интерпретируют их как изображения божеств или шаманов, связанных с небесными силами.

Однако наибольший интерес для нас представляют те изображения, которые явно имеют астрономическое содержание. Это, например, круги с точками внутри, которые могут символизировать Солнце или Луну, или группы точек, расположенные в определенном порядке, которые напоминают созвездия. В пещере, расположенной в районе Мирзапура, в штате Уттар-Прадеш, исследователи обнаружили целую панель, на которой изображены несколько кругов разного размера, соединенных линиями, что очень напоминает схематическую карту звездного неба. Конечно, мы не можем с уверенностью сказать, что именно изображали древние художники, но совпадение с реальным расположением звезд в некоторых случаях настолько точно, что заставляет предположить сознательное копирование небесной картины.

Одна из самых известных находок в этом роде была сделана в Кашмире, где на скале был обнаружен рисунок, который, как мы уже упоминали, интерпретируется как изображение сверхновой. Но это только один пример. В разных ча-

стях Индии есть наскальные изображения, которые, по мнению археоастрономов, представляют собой календарные записи: ряды точек или штрихов, сгруппированных в блоки, которые могут обозначать лунные фазы или солнечные циклы. Например, в пещерах Райпурского района, в Чхаттисгархе, есть длинная линия из более чем ста точек, разделенных на группы по три или пять. Это напоминает счетные системы, которые использовались для отсчета дней между важными астрономическими событиями. Подобные находки говорят нам о том, что древние люди не просто смотрели на небо — они фиксировали свои наблюдения, создавали материальные свидетельства своего знания, которые могли служить как для собственных нужд, так и для передачи будущим поколениям.

Но наскальная живопись не была только утилитарной. Она была также средством выражения мифологического и религиозного опыта. Сцены, изображающие борьбу человека с животным, могут иметь астрономический подтекст: животное может символизировать созвездие, а человек — героя или бога, который его побеждает. Такая интерпретация позволяет нам увидеть в этих простых на первый взгляд картинках сложные космологические сюжеты, в которых отразились представления о борьбе добра и зла, света и тьмы, которые разворачиваются не только на земле, но и на небе. Например, изображение тигра, преследующего быка, может быть метафорой движения Солнца по зодиаку: бык — со-

звездие Тельца, а тигр — планета, которая проходит через это созвездие в определенное время года.

В некоторых пещерах центральной Индии есть изображения фигур, стоящих на головах или вверх ногами, что может символизировать небесное тело, видимое в перевернутом виде при наблюдении с разных широт. Такие рисунки встречаются не только в Индии, но и в других частях мира, и они часто интерпретируются как изображения звездных карт, сделанных с учетом сферичности Земли. Возможно, древние художники, путешествуя на большие расстояния, замечали, что небо над головой меняется, и пытались запечатлеть это изменение, изображая одни и те же объекты под разными углами. Это свидетельствует о зачатках научного мышления, которое выходит за рамки простого мифотворчества.

Интересно, что в индийской наскальной живописи есть мотивы, которые затем находят свое отражение в письменных текстах. Например, изображение человека с поднятыми руками, стоящего на голове змеи, очень напоминает описание космического змея, на котором покоится Вселенная. Такие параллели позволяют предположить, что устная и изобразительная традиции существовали параллельно, обогащая друг друга, и что наскальные рисунки были не просто иллюстрацией, но и источником, из которого черпали вдохновение составители священных текстов. Змей, свернувшийся кольцами, который встречается на многих петроглифах, воз-

можно, является прообразом Шеши, на котором возлежит Вишну в космических мифах.

Особого внимания заслуживают так называемые «колесные» символы — круги с радиальными линиями, похожие на колесо. Эти символы встречаются в наскальной живописи Индии в большом количестве, и их значение до сих пор является предметом споров. Некоторые исследователи видят в них изображение Солнца, другие — символ космического порядка, третьи — архаичную форму колеса сансары. Но наиболее убедительной представляется интерпретация, которая связывает эти колесные символы с понятием времени и цикличности. Колесо вращается, возвращаясь в ту же точку, и это идеально соответствует индийскому представлению о времени как о бесконечном круговороте. Возможно, именно здесь, в этих простых рисунках, зародилась та философия, которая тысячелетия спустя нашла свое выражение в буддийском учении о перерождении.

Есть и другие археологические свидетельства, связанные с астрономией. Например, в некоторых пещерах обнаружены вырезанные на стенах линии, которые, как предполагается, являются солнечными календарями. Свет, проходящий через естественные отверстия в скале, в определенные дни года освещал именно эти линии, создавая эффект, который мог быть использован для определения дня солнцестояния или равноденствия. Это требовало не только знания астрономии, но и точного инженерного расчета при выборе места для ри-

сунка. Такие пещеры можно рассматривать как первые обсерватории, где ритуал и наука сливались в единое целое.

Наскальные рисунки планеты Венеры также присутствуют в индийском арсенале древнего искусства. Она часто изображается как яркая звезда, иногда в окружении других звезд, что указывает на её особое значение. Венера, как утренняя и вечерняя звезда, привлекала внимание людей с древнейших времен, и её появление ассоциировалось с богиней любви и плодородия. Эти изображения не были просто эстетическим наслаждением — они служили напоминанием о том, что Венера находится под покровительством божества, и что её циклы связаны с жизнью земли и человека.

Марс, красная планета, тоже появляется на наскальных рисунках, хотя и реже. Его красный цвет, связанный с кровью и войной, делал его угрожающим и одновременно привлекательным для древних воинов. Изображения Марса часто имеют вид круга с точкой внутри, что отличает его от других планет, которые изображаются просто как звезды. Такая дифференциация говорит о том, что древние наблюдатели различали планеты по их цвету и поведению, и пытались запечатлеть эти различия в искусстве.

Сатурн, медленная и тусклая планета, менее заметна на наскальных рисунках, но, тем не менее, её изображения тоже встречаются. Её медленное движение, которое она совершает примерно за тридцать лет, делало её символом долголетия и мудрости. Возможно, поэтому Сатурн изображался в виде

фигуры старца, сидящего на троне, что перекликается с его астрологическим значением как планеты кармы и времени. В таких рисунках мы видим не просто астрономические, но и антропоморфные элементы, что свидетельствует о глубокой интеграции астрономии в мифологию.

Однако не все наскальные изображения можно интерпретировать однозначно. Многие из них остаются загадкой, вызывая споры среди ученых. Например, некоторые спиралевидные узоры, вырезанные на скалах, могут быть как просто декоративным орнаментом, так и сложной космологической картой, показывающей движение Солнца по небесной сфере. Подобные спирали встречаются и в других культурах, например, в мегалитической Европе, что наводит на мысль о возможных контактах или общих истоках астрономических представлений. Но без дополнительных данных мы не можем утверждать это с уверенностью.

Наскальная живопись также дает нам представление о ритуалах, связанных с астрономией. На многих рисунках мы видим фигуры людей, стоящих вокруг круга с лучами, с поднятыми руками или с жезлами в руках. Это, вероятно, изображения жрецов, исполняющих обряды поклонения Солнцу или Луне. Такие обряды были не просто религиозными церемониями — они были способом поддерживать космический порядок, обеспечивать гармонию между небом и землей. И эти рисунки показывают, что астрономия в древности не была оторвана от жизни, она была её органичной частью,

вплетенной в каждый аспект существования.

Важно отметить, что наскальные изображения имеют свои региональные особенности. В северной Индии, где климат более суров, изображения часто связаны с охотой и миграциями животных, и астрономические мотивы присутствуют здесь в виде календарных отметок. В южной Индии, с её богатыми тропическими лесами, больше внимания уделяется ритуалам плодородия, и здесь астрономические символы часто переплетаются с изображениями растений и животных. Это разнообразие показывает, что космология не была монолитной, она адаптировалась к местным условиям, впитывая особенности каждой территории.

С течением времени наскальная живопись эволюционировала. От простых линий и точек она перешла к более сложным композициям, включающим фигуры людей и животных, сцены мифологического характера. Но астрономическая составляющая оставалась неизменной, она была тем стержнем, вокруг которого строились все остальные сюжеты. Даже когда в более поздние эпохи появилась письменность, и астрономические знания стали фиксироваться в текстах, наскальная живопись не исчезла полностью. Она продолжала существовать как народное искусство, сохраняя древние мотивы и передавая их из поколения в поколение.

Изучение этих наскальных рисунков является сложной задачей, поскольку они не имеют сопровождающих текстов, и мы не можем точно знать, что думал художник, создавая

то или иное изображение. Но именно эта неопределенность дает нам пространство для интерпретации, позволяя нам видеть в этих рисунках нечто большее, чем просто рисунки. Мы можем увидеть в них отражение космологических представлений, которые были распространены в древней Индии, и которые затем вошли в буддийскую традицию.

Например, изображение дерева, которое тянется вверх к небу, часто интерпретируется как космическое дерево, соединяющее миры. Это дерево напоминает о горе Меру, которая в буддийской космологии является осью Вселенной. На наскальных рисунках можно найти деревья с ветвями, на которых сидят птицы, которые могут символизировать звезды или души умерших. Эти образы, простые и архаичные, тем не менее несут в себе ту же идею, что и сложные космологические модели: мир един, все его части взаимосвязаны, и человек является неотъемлемой частью этой великой системы.

Другим важным мотивом является изображение змеи. В индийской мифологии змея часто ассоциируется с водой, землей и подземным миром, но она также может быть символом Млечного Пути, этой небесной реки, которая струится по ночному небу. В некоторых наскальных рисунках змея изображается с головой, обращенной к звезде, что может указывать на связь между подземными и небесными силами. Такие изображения напоминают нам о том, что для древних людей космос не был разделен на отдельные сферы — он был единым организмом, в котором небо, земля и под-

земный мир были частями одного целого.

Важно также обратить внимание на использование цвета. Красная охра, которая часто применялась для наскальных рисунков, имела символическое значение, связанное с кровью, жизнью, огнем и Солнцем. Рисунки, выполненные красной охрой, часто изображали Солнце или планеты, подчеркивая их жизненную силу. Черная краска, напротив, ассоциировалась с ночью, смертью и Луной, которая умирает и возрождается каждый месяц. Это цветовое кодирование было не случайным — оно отражало глубокое понимание космических циклов, где свет и тьма чередуются, но ни один из них не является окончательным.

Наскальная живопись также дает нам уникальную возможность увидеть, как менялись астрономические представления с течением времени. В самых древних рисунках мы видим только отдельные звезды и простые календарные отметки. В более поздних изображениях появляются планеты, сложные созвездия, мифологические сцены, связанные с небом. Эта эволюция отражает общее развитие индийской космологии от простых наблюдений к сложным философским системам. И на каждом этапе этого развития наскальная живопись служила тем мостом, который соединял эмпирическое знание с мифологическим воображением.

Сегодня, глядя на эти древние рисунки, мы чувствуем себя немного археологами, пытающимися расшифровать послание, оставленное нам людьми, которые жили тысячи лет

назад. Мы не всегда можем быть уверены в правильности наших интерпретаций, но сам факт, что мы пытаемся понять их, говорит о нашей непрерывной связи с прошлым. Мы смотрим на те же звезды, что и они, и, возможно, в глубине души мы чувствуем то же изумление перед бесконечностью, которое чувствовали они, когда брали в руки кусок охры и начинали выводить на скале первые линии, пытаясь запечатлеть тайну, которая всегда была над нами и всегда будет.

Глава 10. Анимизм и небо: персонификация светил в ранних верованиях

Древний человек не отделял себя от природы. Он был частью леса, частью реки, частью ветра, частью неба. Каждый шорох в траве был голосом духа, каждая тень на земле — присутствием невидимого существа, каждая звезда на небе — глазом могущественного предка или божества. Это мировоззрение, которое современные антропологи называют анимизмом, было не просто примитивной верой, а сложной системой отношений между человеком и миром, в которой каждое явление имело свою душу, свою волю, свою историю. И небо, это бесконечное пространство над головой, было населено такими же живыми существами, как лес или река, только более величественными, более могущественными, более таинственными.

В анимистическом мировоззрении персонификация светил была неизбежна. Солнце не было просто шаром раскаленного газа — оно было великим божеством, которое каждый день совершало путешествие по небу, проливая свет и тепло на землю. Его восход был рождением, его закат — смертью, а его путь по небосводу — героическим странствием, полным опасностей и приключений. Луна была богиней,

которая умирала и возрождалась каждый месяц, символизируя вечный цикл жизни и смерти. Звезды были душами умерших героев или предков, которые смотрели на своих потомков с небес и направляли их. Каждое светило имело свое имя, свой характер, свою судьбу, и человек мог общаться с ними, как с живыми существами — молиться им, приносить дары, просить о помощи.

Эта персонификация светил не была результатом примитивного мышления, как часто полагают, а была глубоко рациональной стратегией выживания. Если ты относишься к небу как к безличному механизму, ты не можешь на него влиять. Но если ты видишь в нем живые существа, которые понимают твои слова и могут быть тронуты твоими дарами, ты получаешь возможность вступить с ними в диалог, попытаться договориться, смягчить их гнев или привлечь их благосклонность. В мире, где человек был слаб и зависим от природных сил, такая стратегия давала ему ощущение контроля, пусть и иллюзорного, но необходимого для психологического выживания.

В Индии, как и в других культурах, анимистические представления о небе имели свои особенности. Индийский субконтинент, с его богатой фауной и флорой, с его разнообразием климатических зон, породил невероятное множество божеств и духов, связанных с небесными явлениями. Каждое племя, каждая община имела своих звездных богов, которые могли не совпадать с богами соседей. И эти боги были

не абстрактными сущностями, а вполне конкретными персонажами, с которыми можно было общаться через ритуалы, жертвоприношения и песнопения.

Одним из древнейших божеств индийского пантеона является Сурья — бог Солнца. Уже в Ригведе, древнейшем из ведийских текстов, мы находим гимны, посвященные Сурье, в которых он описывается как прекрасный юноша, едущий по небу на золотой колеснице, запряженной семью конями. Эти кони — не что иное, как лучи Солнца, которые пронзают тьму и дарят жизнь всему сущему. Сурья — не просто природное явление, он — владыка вселенной, источник всего света, всего тепла, всей жизни. Без него мир погрузился бы в вечную тьму и холод, и поэтому ему поклоняются как главному божеству. Но в то же время Сурья не является единственным солнечным божеством. В разных регионах Индии Солнце почиталось под разными именами: Митра, Адитья, Савитар, Пушан, — каждое из которых подчеркивало определенный аспект солнечной силы.

Луна в индийской анимистической традиции также занимала важное место. Её главное божество — Сома, бог луны и священного напитка, который приносит бессмертие и вдохновение. Сома — это не только планета, но и растение, из которого готовился ритуальный напиток, и сам напиток, и божество, которое олицетворяет все эти аспекты. Луна, по представлениям древних индийцев, была мужским божеством, что отличало её от многих других культур, где Луна

считалась женским началом. Но в индийской астрономии и мифологии Сома был царем звезд, владыкой ночи, который управляет не только фазами Луны, но и всем растительным миром, поскольку растения растут в ритме лунных циклов.

Звезды в анимистической традиции были душами умерших или, в некоторых случаях, обителями богов. Каждая звезда имела свое имя, и эти имена часто были связаны с мифологическими сюжетами. Например, Полярная звезда называлась Дхрува, что означает «неподвижная», и она была связана с легендой о мальчике, который стал звездой из-за своей преданности и стойкости. Другие звезды были частями созвездий, которые имели свои истории: Плеяды — это семь сестер, преследуемых охотником; Орион — это великий охотник, который был убит стрелой бога; Сириус — это собака, которая сопровождает охотника. Эти истории, передававшиеся из уст в уста, были не просто развлечением — они были способом запомнить расположение звезд и их движение, способом навигации в буквальном и переносном смысле.

Планеты в анимистической системе были особыми существами. В отличие от звезд, которые оставались на своих местах, планеты двигались, и это движение было загадочным и тревожным. Поэтому планеты часто воспринимались как божества-странники, которые путешествуют по небу, вмешиваясь в дела людей. Венера, яркая утренняя и вечерняя звезда, была богиней любви и красоты, но также и войны. Юпи-

тер был царем богов, воплощением мудрости и справедливости. Марс — богом войны и разрушения. Меркурий — богом торговли и хитрости. Сатурн — богом времени и кармы. Каждая планета имела свой характер, свои функции, и это определяло, как люди относились к ней: некоторые планеты умилостивляли жертвоприношениями, других боялись и избегали.

Особое место в анимистической системе занимали кометы и метеориты. Эти явления не были регулярными, и их появление вызывало страх и трепет. Комета воспринималась как небесный меч или огненный змей, который предвещает войны, болезни или смерть царей. Метеориты считались падающими звездами или камнями, которые боги бросают на землю в гневе. Люди пытались защититься от этих небесных знамений с помощью ритуалов, молитв и специальных амулетов. В некоторых случаях падение метеорита могло стать поводом для строительства храма или основания города, если камень был сочтен священным.

Ритуалы, связанные с небесными божествами, были разнообразны. Они включали в себя жертвоприношения, которые могли быть кровавыми (животные) или бескровными (зерно, фрукты, молоко). Песнопения были важной частью ритуала, поскольку верили, что звук способен достигать небес и привлекать внимание божеств. Танцы и жесты также имели значение, поскольку они имитировали движения небесных тел и создавали магическую связь между че-

ловеком и космосом. В некоторых племенах существовали специальные шаманы или жрецы, которые могли общаться с небесными божествами напрямую, входя в транс и отправляясь в астральные путешествия. Эти путешествия описывались в мифах как полеты на небо, где шаман встречался с Солнцем, Луной и звездами, узнавал их волю и возвращался на землю, чтобы передать это знание людям.

Анимистическое мировоззрение не было статичным. Оно эволюционировало вместе с обществом, впитывая новые представления и адаптируясь к новым условиям. С развитием земледелия и формированием государств, анимизм начал уступать место более сложным религиозным системам, в которых боги были не просто духами природы, а управителями космоса, имеющими свои дворцы, армии и иерархии. Но даже в этих системах сохранялись анимистические элементы: Солнце по-прежнему воспринималось как живое божество, Луна — как бог, звезды — как души. Анимизм не был отброшен — он был переосмыслен, интегрирован в более широкий контекст, став фундаментом, на котором выстроились более сложные космологические модели.

В буддийской космологии мы находим множество анимистических элементов, хотя сам буддизм и не является анимистической религией в полном смысле слова. Будда не отрицал существование богов и духов, но он утверждал, что они, как и люди, подвержены рождению, страданию и смерти, и что они не являются вечными или всемогущими. Он также

утверждал, что космос управляется не волей богов, а законом кармы — причинно-следственной связью, которая действует на всех уровнях существования. Однако в буддийских текстах мы находим множество описаний небесных миров, населенных богами, и эти описания часто очень напоминают анимистические представления о небе как о месте обитания могущественных существ.

Например, в буддийской космологии существуют различные небеса, расположенные на разных уровнях над горой Меру. На этих небесах живут боги, которые наслаждаются счастьем и могуществом, но которые, тем не менее, не достигли освобождения. Их жизнь долга, но конечна, и когда они исчерпывают свою благую карму, они умирают и перерождаются в других мирах. Эта концепция отражает анимистическую идею о том, что божества не являются абсолютными, а являются частью того же круговорота жизни, что и люди. Но она также привносит новый, этический элемент: положение божества зависит не от его силы или красоты, а от его кармы, от его прошлых действий.

Интересно, что в буддийской традиции сохранились многие из старых анимистических имен для звезд и планет. Сурья и Сома по-прежнему упоминаются как божества, хотя и не занимают центрального места в буддийском пантеоне. Накшатры, лунные стоянки, также используются в буддийской астрологии и календарной практике, и каждая из них связана с определенными качествами и влияниями. Это по-

казывает, что анимистическая космология не была просто отброшена буддизмом, а была встроена в новую систему, где она получила новое значение и новую функцию.

Однако не следует думать, что анимизм был просто примитивной стадией, которую человечество переросло. Даже в современном мире, несмотря на науку и технологии, многие люди по-прежнему чувствуют связь с небесными телами, воспринимают их как живые сущности. Мы называем звезды именами, мы связываем их с судьбами, мы обращаемся к ним в молитвах и песнях. Это не просто пережитки древних верований — это проявление глубокой потребности человека в связи с космосом, в ощущении себя частью чего-то большего. И в этом смысле анимизм, возможно, является не примитивной стадией, а вечным аспектом человеческого сознания, который сохраняется на всех уровнях развития.

Когда мы изучаем анимистические представления о небе, мы учимся видеть мир глазами древних людей. Мы понимаем, что для них звезды были не просто физическими объектами, а участниками великой драмы жизни и смерти. Мы понимаем, что их ритуалы были не просто суевериями, а способами взаимодействия с этим миром, попытками наладить с ним диалог. И мы понимаем, что их космология была не просто объяснением устройства Вселенной, а способом жить в гармонии с ней, уважать её законы, принимать её дары и её угрозы.

Эпоха анимизма, кажется, осталась далеко позади, но её

влияние продолжает жить в нашей культуре. Мы все еще смотрим на ночное небо с тем же чувством изумления, которое испытывали наши далекие предки, когда они впервые подняли головы и увидели россыпь звезд над собой. Мы все еще задаем те же вопросы: откуда мы пришли, куда мы идем, что означает наше присутствие в этом бесконечном пространстве. И хотя ответы на эти вопросы изменились, сам процесс их задавания остался неизменным, и в этом процессе анимизм занимает свое почетное место как первый и, возможно, самый важный шаг на пути к пониманию космоса.

Глава 11. Первые письменные источники: клинопись, береста или камень – что дошло до нас

Когда человек впервые взял в руки острую палочку и провел ею по влажной глине, оставляя за собой след, который не исчезал, он совершил революцию, сравнимую с открытием огня или изобретением колеса. Письменность позволила вырвать слово из потока времени, зафиксировать его, сделать независимым от памяти рассказчика, от его настроения, от его возраста и здоровья. Впервые знание могло быть передано не только через живое дыхание голоса, но и через мертвый, но вечный символ на материальном носителе. И для астрономии, этой науки, требующей точности и постоянства, письменность стала настоящим спасением, позволившим накопить наблюдения столетий и выстроить из них стройную систему, которая не зависела от капризов человеческой памяти.

Однако путь к письменности был долгим и извилистым, и на этом пути было множество проб и ошибок. Прежде чем появились стройные трактаты на пальмовых листьях и бересте, прежде чем были высечены на камне первые законы и хроники, люди использовали самые разные материалы для фиксации своих наблюдений. Это были кости животных с

нанесенными на них насечками, это были глиняные таблички с клинописными знаками, это были медные пластины с выгравированными текстами, это были куски коры и кожи, это были, наконец, сами камни, на которых вырезались астрономические символы и календарные отметки. Каждый из этих материалов имел свои достоинства и недостатки, каждый требовал особых навыков обработки, и каждый оставил свой след в истории индийской космологии.

Наиболее древние письменные свидетельства астрономических знаний на территории Индийского субконтинента связаны не с самой Индией, а с месопотамской цивилизацией, которая оказала значительное влияние на соседние регионы. Клинописные таблички, найденные на территории современного Ирака, содержат астрономические таблицы, датируемые вторым тысячелетием до нашей эры, и эти таблички, по всей видимости, были известны торговцам и жрецам, которые путешествовали между Месопотамией и Индией. Однако достоверных свидетельств того, что индийцы сами использовали клинопись, нет — у них была своя система письма, которая возникла независимо, хотя и испытывала определенное влияние с запада.

Индская цивилизация, расцвет которой пришелся на третье тысячелетие до нашей эры, оставила после себя тысячи печатей и табличек с надписями, но до сих пор ни одна из них не расшифрована. Это одна из величайших загадок археологии: несмотря на обилие материалов, мы не зна-

ем языка индцев, не знаем, что они писали, и можем лишь гадать, содержали ли их тексты астрономическую информацию. Некоторые исследователи предполагают, что индские печати с изображениями звезд и животных могли быть своего рода календарными метками, но доказать это невозможно. Так что индская письменность остается для нас немой, и мы должны искать ответы в других источниках.

Самыми ранними аутентичными индийскими письменными источниками, дошедшими до нас, являются надписи на камне, сделанные во времена императора Ашоки в третьем веке до нашей эры. Эти надписи, высеченные на скалах и колоннах, содержат эдикты о морали и законе, но среди них есть и упоминания о небесных явлениях. Например, Ашока упоминает о том, что он совершил паломничество к священным местам, связанным с Буддой, и что он устанавливал колонны, чтобы отметить эти места. Некоторые из этих колонн ориентированы по сторонам света, что указывает на знание астрономии, хотя сами надписи не являются астрономическими трактатами. Тем не менее, они показывают, что к этому времени письменность в Индии была достаточно развита, чтобы использовать её для государственных целей.

Однако основными носителями астрономических знаний в древней Индии были не каменные колонны, а более удобные материалы: береста и пальмовые листья. Береста — это внутренняя кора определенных пород деревьев, которая после обработки становится гибкой и прочной. Пальмовые ли-

стья, высушенные и нарезанные на полосы, также широко использовались для письма. На этих материалах писали острым стилем, затем поверхность натирали сажей или другими красителями, чтобы сделать знаки видимыми. Пальмовые листья были особенно популярны в жарком и влажном климате Индии, поскольку береста в таких условиях быстро портилась. Но и пальмовые листья не были долговечны: они сохранялись лишь несколько веков, особенно в условиях муссонного климата, где влажность и плесень уничтожали органику.

Таким образом, огромное количество древних астрономических текстов было утрачено безвозвратно. Мы знаем о них лишь по косвенным свидетельствам, по цитатам в более поздних сочинениях, по упоминаниям у других авторов. Но то, что сохранилось, представляет собой бесценное сокровище, позволяющее нам заглянуть в интеллектуальный мир древней Индии. Одним из таких сохранившихся памятников является ведийская литература, которая, хотя и передавалась устно в течение долгого времени, была записана примерно в середине первого тысячелетия до нашей эры. Ригведа, самая древняя из Вед, содержит гимны, в которых есть астрономические сведения: упоминания о накшатрах, о солнечных циклах, о планетах. Но эти сведения не систематизированы, они разбросаны по тексту и часто зашифрованы в метафорах, что делает их интерпретацию сложной.

Более систематические астрономические тексты начали

появляться в Индии примерно с четвертого века до нашей эры. Это были так называемые «джйотиша-сутры» — трактаты по астрономии и астрологии, которые входили в число вспомогательных дисциплин ведийской науки. Однако эти сутры не сохранились в оригинале; мы знаем о них по комментариям и цитатам у более поздних авторов. Первым дошедшим до нас астрономическим текстом, который можно считать полноценным трактатом, является «Сурья-сиддханта» — труд, который датируется, предположительно, пятым или шестым веком нашей эры, хотя его содержание, несомненно, восходит к более древним источникам. «Сурья-сиддханта» сохранилась в рукописях на пальмовых листьях, которые были переписаны в более поздние века, но её содержание дает нам ясное представление о том, как индийские астрономы того времени понимали движение светил.

Как выглядели эти рукописи? Представьте себе узкую полосу пальмового листа, примерно двадцать сантиметров длиной и пять сантиметров шириной, высушенную и выглаженную. На этой полосе писали стилем, оставляя четкие линии, затем посыпали черным порошком, который заполнял углубления, и излишки смахивали. Полоски прокалывались в одном конце и связывались веревочкой в стопки, создавая подобие книги. Такая книга была легкой, портативной, но очень хрупкой: она боялась влаги, огня и насекомых. Поэтому многие рукописи погибли, и лишь благодаря тому, что монахи в монастырях переписывали их вновь и вновь, неко-

торые тексты дошли до нашего времени.

Переписывание было священным актом. Монах, переписывающий астрономический трактат, не просто копировал буквы — он вникал в содержание, он пропускал его через себя, он стремился понять каждую формулу, каждое вычисление. Именно благодаря этим безымянным труженикам мы сегодня имеем возможность читать «Сурья-сиддханту», «Арьябхатию», «Брахма-сиддханту» и другие великие произведения индийской астрономии. Однако и они не были идеальными: ошибки переписчиков, утрата целых страниц, неясные места — все это создает серьезные трудности для современных исследователей, которые должны критически оценивать каждый дошедший до нас фрагмент.

Не менее важным материалом для письма был металл. Медные и бронзовые пластины использовались в Индии для записи особо важных документов — царских указов, хартий, договоров. Иногда на них выгравировали и астрономические данные, особенно если это касалось календарных реформ или установления дат праздников. Такие пластины были более долговечны, чем пальмовые листья, но они были тяжелы, дороги и неудобны для повседневного использования. Поэтому они использовались только для наиболее значимых текстов, которые должны были пережить века. К сожалению, большинство таких пластин было переплавлено в более поздние времена, и до нас дошли лишь единицы.

Камень был третьим важным материалом, но использо-

вался он не столько для книг, сколько для монументальных надписей. Стелы, колонны и скалы с высеченными текстами были рассчитаны на то, чтобы их видели все, и они часто содержали астрономическую информацию. Например, в некоторых храмах высечены таблицы для определения фаз Луны или дат солнечных затмений. Эти надписи были не только практическими руководствами, но и символами могущества: правитель, заказавший такую надпись, показывал, что он владеет знанием, которое доступно не каждому, и что его власть распространяется на небесные сферы.

Важным вопросом является то, что именно писали древние астрономы. Они не создавали того, что мы сегодня назвали бы научными статьями в современном смысле. Их тексты были смесью математических расчетов, ритуальных предписаний, мифологических экскурсов и философских размышлений. Астрономия была частью более широкого знания — джйотиши, которая включала в себя не только астрономию, но и астрологию, метеорологию, хронологию. Поэтому в текстах мы находим не только расчеты движения планет, но и их астрологические значения, не только описания созвездий, но и предписания о том, какие ритуалы проводить в дни, когда Луна находится в тех или иных накшатрах. Это синкретическое знание было органичным для индийской культуры, и только в новое время астрономия отделилась от астрологии.

Дошедшие до нас рукописи написаны на санскрите, ино-

гда с примесью местных языков. Санскрит, язык богов и ученых, был идеальным инструментом для записи астрономических знаний: он был грамматически строгим, обладал богатой лексикой для описания математических и астрономических понятий, и его можно было использовать для передачи сложных идей с высокой точностью. Кроме того, стихотворная форма, в которую часто облекались астрономические тексты, помогала запоминанию: сутры и шлоки были ритмичными, что облегчало их воспроизведение наизусть. Это была переходная форма от устной традиции к письменной: тексты записывались, но при этом сохраняли структуру, удобную для устного пения и декламации.

Однако даже письменные тексты не всегда были надежны. В Индии не было единой системы хранения, и многие рукописи хранились в домашних библиотеках, где они могли быть утеряны или уничтожены. Монастыри и храмы были более надежными хранилищами, но и они не всегда могли уберечь книги от времени и невежества. Мусульманские вторжения в средние века привели к уничтожению многих библиотек, где хранились древние рукописи. Завоеватели, не понимая их ценности, сжигали их или использовали как топливо. Это была катастрофа для индийской науки, и многие тексты, которые могли бы пролить свет на развитие астрономии, были потеряны навсегда.

Тем не менее, то, что сохранилось, достаточно для того, чтобы мы могли составить картину эволюции индийской аст-

рономии. Мы видим, как от простых календарных записей на камне и глине астрономы перешли к сложным математическим трактатам, в которых использовались тригонометрия, дифференциальные методы и десятичная система счисления, включая ноль. Мы видим, как они вычисляли длину солнечного года с точностью до нескольких минут, как они предсказывали затмения, как они описывали движение планет по эклиптике. И все это было записано, зафиксировано, передано нам через эти хрупкие листья, которые пережили века, чтобы рассказать нам о величии человеческого ума.

Изучая эти источники, мы должны помнить о том, что они не являются продуктом одной личности. Они являются результатом коллективных усилий многих поколений астрономов, которые наблюдали, записывали, вычисляли, переписывали и комментировали. Каждый текст вбирал в себя предыдущие, дополняя их новыми данными и новыми интерпретациями. Это был живой процесс, в котором не было резких разрывов, а была непрерывная линия развития. И когда мы сегодня читаем «Сурья-сиддханту» или «Арьябхатию», мы слышим голоса не только авторов, но и всех тех, кто стоял за ними, чьи имена забыты, но чей труд не пропал даром.

В буддийской традиции письменные источники космологии представлены в основном в «Абхидхармакоше» Васубандху и связанных с ней комментариях. Этот текст, созданный в четвертом-пятом веках нашей эры, является систематическим изложением буддийской космологии, психологии

и онтологии. Он дошёл до нас в многочисленных рукописных копиях, переведённых на китайский, тибетский и другие языки. «Абхидхармакоша» — это не просто астрономический трактат, а философское произведение, в котором космология встроена в более широкую систему учения о дхармах. Тем не менее, она содержит множество астрономических данных, включая описание горы Меру, четырёх континентов, солнечного и лунного циклов, а также различных небесных миров. Этот текст оказал огромное влияние на всю последующую буддийскую мысль и до сих пор является важным источником для изучения буддийской космологии.

Однако не все письменные источники являются систематическими трактатами. В индийской литературе есть также множество астрономических сведений, разбросанных по эпическим поэмам, пуранам, астрологическим сборникам и даже любовной поэзии. Например, в «Махабхарате» и «Рамаяне» мы находим описания небесных сражений, упоминания о звездах и планетах, которые используются как художественные детали, но которые также отражают реальные астрономические представления того времени. Эти литературные источники дают нам дополнительную информацию о том, как астрономия была вплетена в повседневную жизнь и воображение людей, показывая, что она была не просто уделом жрецов, но частью общей культуры.

Анализ письменных источников также показывает, как изменялись космологические представления под влиянием

внешних факторов. Контакты с греками, персами, арабами принесли новые идеи, которые индийские астрономы либо включали в свои системы, либо отвергали. Например, греческое учение о эпициклах было известно в Индии, но оно было критически пересмотрено и адаптировано к местной традиции. Это взаимодействие культур обогатило индийскую астрономию, сделав её более гибкой и универсальной. И все эти процессы нашли своё отражение в письменных источниках, которые дошли до нас.

Когда мы держим в руках факсимиле древней рукописи, когда мы видим эти строчки, выведенные рукой переписчика, жившего много веков назад, мы чувствуем нечто большее, чем просто научный интерес. Мы чувствуем связь с теми людьми, которые смотрели на те же звезды, что и мы, и которые пытались найти в них порядок и смысл. Мы видим их ошибки и их прозрения, их смелость и их смирение. И мы понимаем, что письменность была для них не просто инструментом, а мостом между поколениями, между культурами, между прошлым и будущим. Этот мост не всегда был прочным, но он выстоял, и благодаря ему мы можем прикоснуться к тому древнему знанию, которое изменило мир.

Глава 12. Расшифровка древних космографий: как читать карты звездного неба

Представьте себе, что вы держите в руках камень, которому пять тысяч лет, и на этом камне вырезаны линии и точки, которые, как вы подозреваете, являются изображением звездного неба. Вы знаете, что это не просто случайные царапины — они слишком систематичны, слишком правильны, чтобы быть бессмысленными. Но что именно они изображают? Какие звезды, какие созвездия, в какое время года, с какой целью? Это вопросы, на которые пытаются ответить исследователи, занимающиеся расшифровкой древних космографий. И это не просто академическое упражнение — это попытка восстановить утраченный диалог между человеком и космосом, диалог, который продолжался тысячелетиями, но который мы почти разучились понимать.

Расшифровка древних космографий начинается с признания того, что эти изображения не являются фотографиями неба. Они не стремятся к реалистическому воспроизведению, как современные звездные карты. Вместо этого они используют символический язык, который понятен только в контексте культуры, создавшей их. Звезда может быть изображена как кружок, как точка, как крестик, как фигура жи-

вотного или человека. Созвездие может быть представлено не как группа звезд, а как единый образ — дракон, змея, лодка, охотник. И для того, чтобы прочитать эту карту, нужно не только знать астрономию, но и понимать мифологию, ритуалы, социальную структуру древнего общества.

Одним из ключевых методов расшифровки является сравнение с известными астрономическими системами. Например, если мы знаем, что в ведийской традиции существовала система двадцати семи накшатр, то мы можем искать на наскальных изображениях группы точек, которые соответствуют этим накшатрам. Если мы знаем, что в определенный период времени Полярная звезда находилась в другом месте из-за прецессии, то мы можем датировать карту по положению этой звезды. Такие методы позволяют не только идентифицировать изображения, но и определить их возраст с точностью до нескольких столетий. Это дает нам мощный инструмент для хронологии, который часто подтверждает или уточняет археологические датировки.

Однако не все космографии так легко поддаются расшифровке. Многие из них являются уникальными, не имеющими аналогов в известных текстах. Например, печати Индской цивилизации содержат изображения, которые некоторые исследователи интерпретируют как звездные карты, но поскольку письменность этой цивилизации не расшифрована, мы не можем быть уверены. Единственное, что мы можем сделать — это строить гипотезы, сопоставляя символы на пе-

чатях с известными астрономическими объектами. Некоторые исследователи видят в изображении божества с рогами и звездами вокруг головы указание на созвездие Тельца или Ориона. Другие считают, что это просто декоративный мотив, не имеющий астрономического значения. Споры продолжаются, и окончательного ответа нет.

Важным направлением расшифровки является изучение календарных систем. Многие древние космографии представляют собой не карты звездного неба в современном смысле, а календарные схемы, показывающие положение Солнца и Луны в течение года. Эти схемы могут выглядеть как ряды точек или линий, расположенных по кругу или по спирали. Исследователи, изучающие такие схемы, пытаются определить, какой именно календарь использовался — лунный, солнечный или лунно-солнечный. Это можно сделать, сравнивая количество отметок с известными циклами: двадцать девять с половиной дней для лунного месяца, триста шестьдесят пять с четвертью для солнечного года, девятнадцать лет для Метонова цикла. Если на камне есть отметки, соответствующие этим числам, можно с уверенностью говорить о календарной функции.

В некоторых случаях расшифровка требует не только астрономических знаний, но и знаний физики. Например, изображение сверхновой в Кашмире было идентифицировано не только по положению звезд, но и по яркости объекта. Сверхновые — это чрезвычайно редкие события, и если на древ-

нем рисунке изображено два ярких светила, одно из которых находится в необычном месте, можно предположить, что это наблюдение взрыва звезды. Затем астрономы могут вычислить, когда этот взрыв произошел, и сопоставить с известными данными. Именно так удалось датировать кашмирский рисунок примерно 4600 годом до нашей эры, что стало настоящей сенсацией в археоастрономии.

Но расшифровка — это не только идентификация объектов, но и понимание их значения для древних людей. Почему они изображали именно эти звезды, а не другие? Какие события были для них важны? Ответы на эти вопросы лежат в области мифологии и ритуала. Например, звезда, которая восходит перед началом сезона дождей, может быть изображена как бог дождя или как знак, предвещающий его приход. Звезда, которая появляется в день весеннего равноденствия, может быть связана с божеством плодородия и возрождения. Поэтому расшифровка космографий требует также анализа мифов и обрядов, которые могли быть связаны с этими небесными явлениями.

Одним из самых сложных аспектов расшифровки является учет прецессии. Земная ось медленно вращается, и за тысячи лет положение звезд на небе меняется. То, что сегодня мы видим как одну звезду, в древности могло быть другой, или вообще не видимым. Поэтому, чтобы правильно интерпретировать древнюю карту, нужно знать, как выглядело небо в ту эпоху. Это можно сделать с помощью астрономи-

ческих программ, которые моделируют положение звезд в прошлом. Сравнивая древние изображения с этими моделями, можно найти совпадения и сделать выводы о том, какие именно объекты изображали древние художники.

В Индии, как и в других культурах, существуют космографии, которые до сих пор не расшифрованы. Это, прежде всего, множество наскальных рисунков, которые не поддаются интерпретации. Возможно, они изображают звездные карты, но мы не знаем, какой именно системе следовали древние художники. Возможно, это не карты вовсе, а символы, не имеющие астрономического значения. Исследователи продолжают изучать эти рисунки, используя все новые методы, включая компьютерный анализ и статистическое моделирование. Но пока многие загадки остаются неразгаданными.

Одним из наиболее перспективных направлений является междисциплинарный подход. Археологи, астрономы, лингвисты, мифологи, историки — все они работают вместе, чтобы расшифровать древние космографии. Каждый специалист приносит свой взгляд, свои методы, свои догадки. И иногда этот коллективный разум позволяет сделать открытия, которые невозможны в рамках одной дисциплины. Например, лингвист может заметить, что определенное слово в древнем тексте имеет астрономическое значение, которое ранее не замечали. Археолог может найти артефакт, который подтверждает астрономическую интерпретацию наскального рисунка. Астроном может рассчитать, что положе-

ние звезд, изображенных на камне, соответствует реальной картине неба в определенную дату. Синтез этих знаний приводит к прорывам в понимании.

Расшифровка древних космографий также сталкивается с проблемой сохранности. Многие рисунки были повреждены временем, частично стерты, покрыты мхом или трещинами. Некоторые были уничтожены вандалами или застроены современными зданиями. Поэтому каждая находка — это ценность, которую необходимо тщательно документировать и сохранять. В этом деле важную роль играют современные технологии: фотограмметрия, 3D-моделирование, спектральный анализ. Они позволяют восстановить изображения, которые уже не видны невооруженным глазом, и выявить скрытые детали. Благодаря этим методам мы можем увидеть то, что было утрачено для человеческого глаза, но сохранилось в материале.

Расшифровка космографий — это не просто исследование прошлого. Это также способ понять настоящее и будущее. Когда мы видим, как древние люди воспринимали космос, мы понимаем, что наше собственное восприятие не является единственно возможным. Мы видим, что существуют разные способы смотреть на небо, разные способы структурировать знание, разные способы взаимодействия с Вселенной. Это понимание может обогатить нашу культуру, сделать её более открытой и терпимой к иным мировоззрениям. В эпоху глобализации, когда встречаются разные традиции,

это особенно важно.

Изучая древние космографии, мы также учимся видеть преемственность. Мы видим, как идеи передавались из поколения в поколение, из одной культуры в другую, как они трансформировались и обогащались. Мы видим, что индийская астрономия не возникла на пустом месте — она была частью более широкой традиции, которая включала в себя Месопотамию, Грецию, Китай, Аравию. И в каждой из этих культур существовали свои способы изображения космоса, которые перекликались и дополняли друг друга. Расшифровка древних космографий позволяет проследить эти культурные связи, понять, как знания путешествовали по миру и как они влияли на развитие цивилизаций.

Однако мы не должны думать, что расшифровка — это точная наука. Это скорее искусство, требующее интуиции, воображения и смелости. Исследователь, пытающийся прочитать древнюю звездную карту, должен быть готов к тому, что его интерпретация может оказаться ошибочной. Он должен быть готов пересматривать свои выводы, отказываться от гипотез, которые не подтверждаются, и искать новые подходы. Это процесс непрерывного диалога с прошлым, в котором каждый новый факт может изменить всю картину.

В этом диалоге мы не только узнаем о древних людях, но и лучше понимаем себя. Мы осознаем, что наше стремление к познанию космоса — это не просто результат современной науки, а продолжение древней традиции, которая началась

в тот момент, когда первый человек поднял голову к небу и увидел в нем не просто хаос, а порядок. И когда мы сегодня расшифровываем древние космографии, мы продолжаем этот великий разговор, который длится уже десятки тысяч лет. Мы задаем те же вопросы, что и наши предки: как устроен мир, каково наше место в нем, что означает все это для нас. И хотя ответы меняются, сама потребность в них остается неизменной.

Расшифровка древних космографий также помогает нам лучше понять буддийскую космологию. Многие из изображений, которые мы находим на камне, имеют прямые параллели с описаниями в буддийских текстах. Например, изображение дерева, которое тянется вверх к небу, может быть прообразом космического дерева, соединяющего миры. Изображение змеи, обвивающей Землю, напоминает о Нагах, которые в буддийской мифологии охраняют сокровища и знания. Изображение колеса с радиальными линиями может быть прообразом колеса сансары. Эти параллели показывают, что буддийская космология не была изолированной системой, а была частью более древней и широкой традиции, которая коренилась в народных верованиях и изобразительном искусстве.

Современные методы расшифровки позволяют нам не только идентифицировать астрономические объекты, но и восстанавливать ритуалы, которые могли быть связаны с ними. Например, если мы знаем, что определенный рисунок

был сделан в пещере, куда свет проникает только в день равноденствия, мы можем предположить, что в этот день там проводились ритуалы. Эти ритуалы могли включать жертвоприношения, песнопения, танцы, медитации. Изучая такие пещеры, мы можем восстановить не только астрономические знания, но и духовную практику древних людей, их отношения с богами и космосом. Это делает расшифровку не просто научным занятием, а способом прикоснуться к священному.

Однако расшифровка не может дать окончательных ответов. Слишком много факторов остается неизвестными: мы не всегда знаем язык древнего народа, не всегда знаем его мифологию, не всегда знаем, какие события были для него важны. Поэтому многие космографии остаются загадкой, и, вероятно, так и останутся. Но это не делает их менее ценными. Даже если мы никогда не узнаем точное значение того или иного рисунка, сам факт его существования говорит нам о том, что древние люди обладали знаниями, которые мы только начинаем понимать. И в этом знании, возможно, скрыты ответы на вопросы, которые мы даже еще не научились задавать.

Расшифровка древних космографий — это увлекательное путешествие в прошлое, которое открывает нам глаза на величие человеческого разума. Мы видим, как без современных инструментов, без математического аппарата, без письменной традиции в полном смысле, древние люди создавали системы, которые были невероятно сложны и точны. Они

не уступали современным в своей способности описывать и прогнозировать, хотя и использовали совсем другой язык. И в этом языке есть своя красота, своя глубина, своя мудрость, которую мы только начинаем постигать. Возможно, однажды мы сможем прочитать все их послания до конца, но пока что каждый новый шаг в расшифровке приносит нам новые загадки и новые вопросы, которые заставляют нас снова и снова смотреть на небо с таким же изумлением, как и они.

Глава 13. Влияние соседних цивилизаций: заимствования и уникальное видение мира

Ни одна культура не развивается в изоляции. Это аксиома, которую историки и археологи подтверждают на каждом шагу, и индийская цивилизация не является исключением. На протяжении тысячелетий она взаимодействовала с соседними культурами, обмениваясь с ними идеями, технологиями, верованиями и, конечно же, астрономическими знаниями. Эти контакты были не всегда мирными, но даже войны и вторжения несли с собой культурный обмен, который обогащал обе стороны. И хотя индийская космология обладает уникальной цельностью и глубиной, она впитала в себя множество элементов извне, переработав их в соответствии со своим духом и создав нечто принципиально новое.

Географическое положение Индии способствовало её контактам с разными мирами. На западе через перевалы Гиндукуша шли пути в Месопотамию, Иран и дальше в Средиземноморье. На северо-востоке через горы и джунгли пролегали маршруты в Китай и Тибет. На юге океан связывал Индию с Аравией, Восточной Африкой и Юго-Восточной Азией. По этим путям двигались не только купцы и воины, но и жрецы, ученые, монахи, которые несли с собой книги,

карты, инструменты и идеи. Индия была перекрестком цивилизаций, и это накладывало отпечаток на все аспекты её жизни, включая астрономию.

Одним из самых ранних и значительных влияний было влияние месопотамской астрономии. Уже в третьем тысячелетии до нашей эры шумеры создали сложную систему наблюдения за планетами и звездами, разработали календарь и методы предсказания затмений. Эти знания распространились по всей Передней Азии и, вероятно, достигли долины Инда через торговые пути. Некоторые исследователи находят параллели между месопотамскими и индскими символами на печатях, что может свидетельствовать о прямом заимствовании. Однако, поскольку письменность индской цивилизации не расшифрована, мы не можем утверждать это с полной уверенностью. Тем не менее, косвенное влияние несомненно.

Более очевидным является влияние греческой астрономии, которое началось после походов Александра Македонского в четвертом веке до нашей эры. Греки принесли в Индию не только свои инструменты и методы, но и концепцию сферической Земли, теорию эпициклов, геоцентрическую модель Вселенной. Индийские астрономы, такие как Арьябхата и Варахамихира, использовали греческие идеи, но не копировали их слепо. Они критически перерабатывали их, адаптировали к своей традиции и часто приходили к выводам, которые опережали греческих ученых. Напри-

мер, Арьябхата утверждал, что Земля вращается вокруг своей оси, что было радикальным отступлением от греческой геоцентрической модели. Это показывает, что заимствование не означало подчинения; индийская астрономия сохраняла свою самостоятельность и оригинальность.

Особенно ярким примером синтеза является трактат «Панча-сиддхантика» Варахамихиры, который объединил пять различных астрономических школ, включая греческую и месопотамскую. Варахамихира не просто перечислял чужие теории — он сравнивал их, находил сильные и слабые стороны, предлагал свои решения. Это был настоящий научный подход, который свидетельствует о высоком уровне критического мышления. Благодаря таким ученым индийская астрономия стала одной из самых передовых в мире, и её влияние распространилось далеко за пределы субконтинента.

В первые века нашей эры началось активное взаимодействие с арабским миром. Арабы, которые в восьмом веке завоевали часть Индии, были не только завоевателями, но и учеными. Они переводили индийские астрономические трактаты на арабский язык, изучали их методы, включали их в свою научную традицию. Именно через арабов многие индийские идеи проникли в Европу, где они повлияли на европейское Возрождение. Например, индийская система счисления, включая ноль, была заимствована арабами, а затем передана европейцам, что произвело революцию в математи-

ке. Астрономические расчеты индийских ученых также были использованы арабами, которые усовершенствовали их и передали дальше.

Однако влияние было не односторонним. Индийская астрономия также влияла на соседей. Например, китайская астрономия испытала заметное влияние индийских идей через буддийских монахов, которые путешествовали между Индией и Китаем. Буддийские тексты, такие как «Абхидхармакоша», содержали космологические сведения, которые были переведены на китайский язык и включены в китайскую научную традицию. Индийская концепция кальп и юг также повлияла на китайские представления о времени, хотя и была адаптирована к местным условиям. Так происходил взаимный обмен, который обогащал обе цивилизации.

Тибет был еще одним важным каналом влияния. Тибетский буддизм, который развивался на основе индийского буддизма, сохранил многие космологические представления, которые были утрачены в самой Индии из-за вторжений и изменений. Тибетские монахи переводили и комментировали индийские тексты, добавляя свои наблюдения и интерпретации. Благодаря этому, многие древние индийские астрономические идеи сохранились до наших дней в тибетских манускриптах. Изучение этих манускриптов является важным направлением современной науки, поскольку они могут пролить свет на те аспекты индийской космологии, которые не дошли до нас в оригинале.

Взаимодействие с соседними культурами ставит перед исследователями вопрос о том, что именно является исконно индийским, а что заимствованным. Этот вопрос часто политизируется, особенно в свете националистических движений, которые стремятся найти чистые истоки своей культуры. Однако наука должна быть объективной. Многие идеи, которые считаются индийскими, имеют аналоги в других культурах, и это не умаляет их ценности. Напротив, это показывает, что человеческая мысль универсальна и что обмен идеями является естественным и плодотворным процессом. Индийская астрономия уникальна не тем, что она изолирована от внешних влияний, а тем, как она синтезировала эти влияния в единую стройную систему, пронизанную глубокой философской мыслью.

Одним из ярких примеров такого синтеза является концепция накшатр. Хотя сама система деления эклиптики на двадцать семь частей могла быть заимствована из Месопотамии, индийцы наполнили её своим содержанием, связав каждую накшатру с божеством, цветом, животным, растением и ритуальным значением. Это превратило простой астрономический инструмент в сложную систему, которая отражала всю индийскую культуру. Подобные примеры показывают, что заимствование не было механическим, а было творческим актом, в результате которого рождалось нечто новое и ценное.

Особое место в этом взаимодействии занимала астроло-

гия. Индийская астрология, или джйотиш, вобрала в себя элементы греческой, персидской и арабской астрологии, но при этом сохранила свою уникальную структуру, основанную на ведийской традиции. Индийские астрологи использовали греческие методы расчета домов и аспектов, но добавили к ним систему накшатр и доков (частей) планет, которые не имели аналогов в других культурах. Это сделало индийскую астрологию одной из самых сложных и точных в мире, и она до сих пор пользуется популярностью не только в Индии, но и за её пределами.

Взаимодействие с Китаем также принесло интересные результаты. Хотя китайская астрономия имела свои собственные древние корни, она испытала влияние индийских методов в период распространения буддизма. Например, китайские календари стали включать элементы индийской системы лунных стоянок, а китайские астрономы переняли индийский метод расчета затмений. В свою очередь, индийские астрономы узнали о китайских наблюдениях комет и новых звезд, которые обогатили их собственную традицию. Этот обмен был особенно активным в первые века нашей эры, когда буддизм стал мостом между двумя великими цивилизациями.

Однако не следует преувеличивать степень влияния. Индийская космология сохраняла свой уникальный характер на протяжении всей истории. Её центральные идеи — цикличность времени, множественность миров, кармическая обу-

словленность, связь между макрокосмом и микрокосмом — не имеют прямых аналогов в других культурах. Даже когда индийцы заимствовали внешние концепции, они переосмысливали их в соответствии с этими идеями, делая их частью своей системы. Это говорит о глубокой укорененности индийской космологии в своей культуре, которая была достаточно сильной, чтобы ассимилировать чужие элементы без потери собственной идентичности.

Современные исследования показывают, что влияние было гораздо более сложным, чем простое заимствование. Оно было взаимным, многонаправленным и часто не прямым, а опосредованным. Например, греческие идеи могли попасть в Индию не напрямую, а через персидских или арабских посредников, которые уже переработали их в соответствии со своими традициями. Индийские идеи, в свою очередь, могли проникнуть в Европу через те же каналы, но уже в искаженном виде. Поэтому восстановление полной картины культурного обмена является сложной задачей, требующей глубоких знаний и критического подхода.

Несмотря на все сложности, изучение влияния соседних цивилизаций на индийскую астрономию дает нам возможность увидеть картину более полной и реалистичной. Мы понимаем, что индийская космология не возникла в вакууме, а была результатом длительного процесса обмена и взаимодействия. Это не умаляет её величия, а, напротив, подчеркивает его, поскольку она смогла интегрировать разнородные

элементы в единое гармоничное целое. Это урок, который актуален и для современного мира, где глобализация требует синтеза разных культурных традиций.

В конечном счете, влияние соседних цивилизаций на индийскую космологию — это не просто исторический факт, а пример того, как человеческая мысль развивается через диалог и обмен. Этот диалог продолжается и сегодня, поскольку ученые из разных стран изучают древние тексты и находят в них новые смыслы. Возможно, в будущем мы обнаружим еще больше свидетельств обмена, которые помогут нам лучше понять, как формировались наши представления о Вселенной. И это знание, в свою очередь, может помочь нам более осознанно строить будущее, уважая многообразие культур и их уникальные способы познания космоса.

Глава 14. Миф о мировом яйце и рождение Вселенной из пустоты

Из всех космогонических образов, которые породило человеческое воображение, образ мирового яйца является, пожалуй, самым универсальным и самым глубоким. Он встречается в мифологиях самых разных народов — от финнов до египтян, от греков до китайцев, от индейцев Америки до народов Африки. Но нигде он не получил такого детального философского и космологического развития, как в индийской традиции. Здесь яйцо стало не просто красивой метафорой, а сложной моделью мироздания, объясняющей не только происхождение Вселенной, но и её структуру, её эволюцию и её конечную судьбу. Миф о мировом яйце — это ключ к пониманию того, как древние индийцы представляли себе акт творения, как они видели переход от небытия к бытию, от хаоса к порядку, от безмолвной пустоты к звучащей полноте жизни.

В ведийской литературе, которая является древнейшим письменным свидетельством индийской космогонии, нет единого и непротиворечивого рассказа о сотворении мира. Вместо этого мы находим множество фрагментов, разбросанных по разным гимнам, которые предлагают разные версии происхождения Вселенной. Одна из самых известных —

это гимн Насадия из Ригведы, в котором говорится о том, что вначале не было ни бытия, ни небытия, ни пространства, ни неба над ним, ни воды, ни смерти, ни бессмертия. Был только один принцип, который дышал без дыхания, и ничего другого не было. Это удивительное описание пустоты, которая не является просто отсутствием, а является потенцией, содержащей в себе все возможности. Из этой пустоты возникло желание, и это желание стало семенем творения. Но как именно это желание реализовалось, как из безличного принципа возник конкретный мир, в этом гимне не объясняется. Ответ на этот вопрос дают другие тексты, в которых появляется образ яйца.

В более поздних пуранических текстах, таких как «Вишну-пурана» и «Бхагавата-пурана», миф о мировом яйце разработан подробно и систематически. Согласно этим текстам, в начале времени не было ничего, кроме бесконечного океана причин, в котором покоился Вишну, или, в других версиях, Брахма. Этот океан не был водой в обычном смысле, а был первичной материей, из которой все возникло. Из пупка Вишну вырос лотос, и в этом лотосе родился Брахма — творец. Брахма, получив задание сотворить мир, сначала создал яйцо, которое плавало в водах первобытного океана. Это яйцо было не просто яйцом, а космическим яйцом, или Брахмандой, что буквально означает «яйцо Брахмы». Внутри этого яйца содержалась вся Вселенная в потенциальном виде, все миры, все боги, все люди, все животные, все растения,

все звезды и планеты. Яйцо было замкнуто, совершенно, самодостаточно, и в нем не было никакого движения, никакого времени, никакого пространства, никакого различия.

Затем, по воле Брахмы, яйцо разделилось на две части. Верхняя часть стала небом, нижняя часть — землей, а между ними возникло пространство. Этот момент разделения является ключевым во всей космогонии: из единого, нерасчлененного начала возникает двойственность, которая является условием для существования мира. Без разделения не было бы ни верха, ни низа, ни света, ни тьмы, ни жизни, ни смерти. Разделение яйца — это акт дифференциации, который делает возможным все последующее творение. Но это не просто механическое разделение; оно происходит по закону, который заложен в самой природе яйца. Яйцо содержит в себе все потенции, и разделение является реализацией этих потенций, подобно тому, как из семени вырастает дерево.

Рисунок. Миф о Мировом Яйце.

Рисунок выполнен с использованием технологий искусственного интеллекта (ChatGPT/OpenAI). Изображение создано специально для данного издания и используется в соответствии с условиями коммерческого использования OpenAI.

Из верхней половины яйца образовались небесные миры, населенные богами и полубогами. Из нижней половины — земные миры, включая нашу Землю, на которой живут люди,

животные и другие существа. Из белка яйца возникли облака, реки, горы, океаны, леса. Из скорлупы — горные хребты, которые окружают землю, и стены, отделяющие разные миры друг от друга. Из внутренней пленки — времена года и все циклы времени. Из жира — звезды и планеты. Из нервов — реки. Из крови — радуга и молнии. Из костей — камни. Эта детальная аллегория показывает, что для древних индийцев космогенез был не просто абстрактным актом, а органическим процессом, в котором каждый элемент мира имел свое происхождение из определенной части космического яйца. Мир не был создан из ничего; он был развернут из уже существующего целого, подобно тому, как дерево развертывается из семени.

Важно отметить, что в индийской традиции яйцо не является символом внешнего творца, который стоит вне творения и управляет им. Брахма, который разделил яйцо, сам является частью этого яйца, он рождается внутри него и существует внутри него. Это означает, что творец не трансцендентен миру, а имманентен ему. Он является не внешним архитектором, а внутренней силой, которая пробуждается к творчеству в определенный момент космического цикла. Эта идея глубоко согласуется с буддийским учением о взаимозависимом возникновении, в котором нет внешней причины, а есть только непрерывный процесс причин и следствий, разворачивающийся внутри самой реальности. Хотя буддизм отрицает существование вечного творца, образ яй-

ца как потенции, из которой всё возникает, близок буддийскому пониманию того, что мир есть проявление кармических сил, а не воля внешнего божества.

Но миф о мировом яйце — это не только объяснение происхождения мира. Это также объяснение его структуры. Яйцо является идеальной формой, символом полноты и завершенности. Вселенная, подобно яйцу, имеет границы, за которыми ничего нет. В буддийской космологии эта идея находит выражение в концепции «чакравалы» — кругового барьера из гор и воды, который окружает каждый мир. За этим барьером находится бесконечное пространство, в котором существуют другие миры, также имеющие форму яйца. Это представление о множественности мировых яиц, каждое из которых содержит свою Вселенную, является уникальной чертой индийской космологии. Она не говорит о единственной Вселенной, созданной раз и навсегда, а о бесконечном множестве миров, которые возникают и исчезают в соответствии с космическими циклами.

Интересно, что форма яйца также ассоциируется с формой самой Земли. Хотя индийские астрономы, как мы уже говорили, знали о сферичности Земли, в мифологическом сознании форма яйца преобладала. Земля представлялась как плоский диск, окруженный океаном, но этот диск был частью яйцевидной Вселенной, и его форма символизировала целостность и завершенность. В некоторых текстах говорится, что Земля имеет форму полусферы, напоминающей ниж-

нюю половину яйца, что подтверждает связь между космогонией и геоморфологией. Это показывает, что мифологические представления не были оторваны от реальных наблюдений, а интерпретировали их через символический язык.

Миф о мировом яйце также имеет глубокое этическое измерение. Поскольку мир возник из яйца, которое содержит все потенции, каждый человек также содержит в себе все потенции, весь мир в свернутом виде. Это представление о микрокосме, который отражает макрокосм, является центральным для индийской философии. Человек есть не просто часть мира, он есть мир в миниатюре, и его освобождение или совершенство зависит от того, насколько он осознает эту связь. Буддийская практика медитации часто использует образ яйца как символ состояния сосредоточения и внутренней целостности, к которому стремится практикующий. Как яйцо содержит все в себе, так и ум, достигший самадхи, содержит всю полноту бытия в своем чистом осознавании.

Однако не следует думать, что миф о мировом яйце является статичным. Он эволюционировал вместе с индийской мыслью, приобретая новые оттенки и интерпретации. В упанишадах, которые являются философским завершением ведийской традиции, образ яйца переосмысливается как символ Атмана — высшего Я, которое является источником всего. Атман, подобно яйцу, содержит в себе все, но сам не имеет частей, он един и неделим. Познание этого единства, этого яйца бытия, является целью духовного поиска. Таким об-

разом, миф о яйце переходит из космологии в метафизику, становясь инструментом самопознания.

В буддийской традиции образ яйца также не исчезает. Хотя буддизм не признает творения в теистическом смысле, он использует образ яйца для описания процесса возникновения дхарм. В «Абхидхармакоше» Васубандху есть разделы, где рассматривается образование миров из первичных элементов, и эти описания напоминают процесс разделения яйца на небо и землю. Но буддизм идет дальше, утверждая, что сам процесс возникновения мира является иллюзорным, и что за ним стоит только пустота, шуньята. Яйцо, таким образом, становится символом не творения, а зависимости, не абсолютного начала, а условного проявления.

Индийский миф о мировом яйце имеет параллели в других культурах, но его уникальность заключается в его философской глубине. В греческой мифологии яйцо появилось из хаоса, но не получило детального космогонического обоснования. В китайской мифологии яйцо также присутствует, но скорее как курьез, чем как центральный образ. Только в Индии яйцо стало основой для целой системы, которая объясняет не только происхождение, но и структуру, и эволюцию, и конец Вселенной. Это свидетельствует о том, что индийская мысль стремилась к целостности, к охвату всех аспектов реальности в одной модели.

Один из важных аспектов мифа о яйце — это его временное измерение. Яйцо существует не вечно; оно имеет начало

и конец. Когда Брахма завершает свой день, который длится миллиарды лет, яйцо разрушается, и Вселенная исчезает в первичном океане. Затем наступает ночь Брахмы, когда мир спит, а затем новый день начинается снова, с нового яйца. Этот циклический процесс, в котором яйцо создается, существует и разрушается, повторяется бесконечное число раз. Это подчеркивает идею о том, что творение не является единичным событием, а является вечным движением, в котором нет абсолютного начала и абсолютного конца.

Для древнего индийца эта цикличность была утешительной. Она означала, что смерть не является окончательной, что после разрушения мира наступит новый, и что каждое существо, включая богов, подвержено этому циклу. Но она также была и вызовом: как выйти из этого цикла, как достичь освобождения, которое находится за пределами яйца, за пределами времени и пространства. Буддийский ответ на этот вызов заключается в том, что освобождение достигается через осознание пустоты всех явлений, включая само яйцо. Яйцо реально в условном смысле, но в абсолютном смысле оно есть иллюзия, и познание этой иллюзии есть путь к нирване.

Миф о мировом яйце также отражает представление о священной геометрии. Яйцо является совершенной формой, которая символизирует гармонию и порядок. Многие индийские храмы построены по форме яйца или имеют купола, которые напоминают яйцо. Эти купола не случайны: они сим-

волизируют небесный свод, который является верхней половиной космического яйца. Когда верующий входит в храм, он входит в микрокосм, в яйцо, которое содержит в себе священное пространство. Это подчеркивает, что космология была не только теорией, но и практикой, воплощенной в архитектуре и ритуале.

Современная наука, конечно, не использует образ яйца для описания происхождения Вселенной. Но удивительно, что некоторые научные концепции перекликаются с этим древним мифом. Например, теория Большого взрыва говорит о том, что Вселенная возникла из сингулярности — точки, в которой были сосредоточены все масса и энергия. Эта сингулярность, сжатая до бесконечно малого размера, напоминает яйцо, которое содержит в себе все. Затем произошло расширение, которое привело к образованию пространства, времени и всех структур. Хотя наука описывает этот процесс математически, а миф — метафорически, они оба говорят о переходе от единства к множественности, от потенции к актуальности.

В индийской традиции миф о яйце не был просто старым преданием, а живым элементом культуры. Он вдохновлял поэтов, художников, скульпторов, создававших образы космического яйца в храмовых рельефах и миниатюрах. Он был темой для философских дискуссий, в которых брахманы и буддийские монахи спорили о природе творения и о том, существует ли внешний творец. И, что самое важное, он был

частью ритуала, поскольку жертвоприношения часто символизировали акт творения, и жертвенник рассматривался как центр космического яйца, из которого возникает мир.

Сегодня, когда мы перечитываем древние тексты, мы можем улыбнуться наивности этих представлений. Но если мы отнесемся к ним серьезно, мы увидим, что они не так уж наивны. Они задают фундаментальные вопросы, которые наука до сих пор не может решить: что было до Большого взрыва, что является источником законов физики, есть ли смысл во Вселенной. Индийский миф о яйце предлагает не научные ответы, а человеческие, которые говорят о том, что мир имеет цель, что он содержит в себе потенциал для добра и зла, что он является не случайным набором частиц, а осмысленным целым. И в этом его непреходящая ценность.

Миф о мировом яйце также учит нас смирению. Яйцо замкнуто, и мы находимся внутри него. Мы не видим внешнего мира, мы не знаем, что находится за пределами нашей Вселенной. Мы можем строить теории, но мы не можем выйти за пределы яйца. Это осознание ограниченности человеческого познания должно напоминать нам, что наше знание всегда частично, всегда неполно, всегда требует пересмотра. И в этом смысле древний миф остается актуальным, потому что он напоминает нам о тайне, которая окружает нас со всех сторон.

Буддийская традиция, воспринявшая этот миф, привнесла в него свой акцент на непостоянство. Яйцо не вечно, оно

разрушается, и это разрушение есть не трагедия, а закон природы. Поэтому не следует привязываться к яйцу, к этому миру, к этой жизни. Следует использовать время внутри яйца для практики, для очищения ума, для развития сострадания, чтобы в момент разрушения яйца не быть захваченным страхом и страданием, а освободиться. Миф о яйце превращается в руководство к действию, в путь к освобождению.

И, наконец, миф о мировом яйце является напоминанием о единстве всего сущего. Все, что существует, произошло из одного яйца, и все в конечном счете возвращается в него. Это единство не является абстрактным; оно ощущается в медитации, в моменте пробуждения, когда исчезают все границы и остается только чистое сознание. Именно к этому единству стремился древний индийский мудрец, и именно это единство он видел в образе яйца, которое содержит в себе весь мир. И в этом смысле миф о мировом яйце остается одним из самых глубоких и вдохновляющих космогонических образов, созданных человечеством, образом, который продолжает звучать в сердцах и умах тех, кто ищет ответы на вечные вопросы бытия.

Глава 15. Космический столп: вертикальная модель мироздания в эпосе

Если яйцо было символом замкнутого, самодостаточного мира, то столп, или ось мира, стал символом связи, протяженности, восхождения. Эти два образа — яйцо и столп — не противоречат друг другу, а дополняют, создавая объемную картину Вселенной, в которой есть и горизонтальная замкнутость, и вертикальная устремленность. Столп пронзает яйцо, соединяя его верх и низ, небо и землю, мир богов и мир людей, и даже мир подземный. Он есть та ось, вокруг которой вращается все сущее, та лестница, по которой можно подняться к высшим сферам, и та опора, которая удерживает мироздание от распада. В индийском эпосе, в пуранах и в буддийских текстах этот образ приобретает конкретные черты, превращаясь в гору Меру, священный центр Вселенной, вокруг которого организовано все пространство космоса.

Гора Меру — это не просто гора. Это космический столп, который возвышается в центре мира, достигая небес и проникая в подземные сферы. Её вершина — это обитель богов, её склоны — места обитания полубогов и людей, её основание — врата в нижние миры. Вокруг Меру вращаются Солнце, Луна и планеты, которые описывают свои круги на

разных высотах. Меру является не только географическим центром, но и центром сакральным, точкой, где соединяются все уровни бытия, где небо касается земли, а земля — неба. Без Меру мир потерял бы свою опору, развалился бы на части, и хаос поглотил бы порядок.

В ведийской литературе мы находим первые упоминания об этой священной горе. В Ригведе она называется просто «великой горой», «осью мира», и ей посвящены гимны, в которых воспевается её величие и мощь. Однако наиболее полное описание Меру дается в пуранах, особенно в «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране», где она предстает как золотая гора, сияющая ярче солнца, вершина которой увенчана городом Брахмы — Брахмапурой. Вокруг Меру расположены четыре континента, на которых живут люди, и каждый из них имеет свою форму, свой цвет, свой климат. На юге лежит Индия, называемая Джамбудвипа, которая является лучшей частью земли, потому что именно здесь живут люди, способные достичь освобождения.

Но Меру не просто географический объект. Она является символом духовного восхождения, пути от земли к небу, от материи к духу. В буддийской космологии эта идея получает дальнейшее развитие. Гора Меру становится не только физической осью мира, но и метафорой пути просветления. Медитирующий, поднимающийся по склонам Меру в своем воображении, проходит через различные уровни сознания, соответствующие различным небесным мирам. Вер-

шина Меру символизирует нирвану, состояние полного просветления, где нет страданий и нет желаний. Это восхождение является не просто умственным упражнением, а реальным духовным путем, который практикующий проходит в своей жизни.

В эпосе «Махабхарата» и «Рамаяна» гора Меру часто упоминается как место обитания богов, куда отправляются герои после смерти или в моменты великих подвигов. Например, Рама, герой «Рамаяны», после своей победы над Раваной возвращается в Айодхью, но затем, в конце своей земной жизни, он восходит на небо, на Меру, где воссоединяется с божественным миром. Эти эпизоды не просто литературные украшения; они отражают глубокую веру в то, что гора Меру является мостом между мирами, и что достойные души могут подняться по этому мосту к вечному блаженству.

Интересно, что в индийской астрономии Меру имеет также практическое значение. Считается, что она находится на Северном полюсе, и что все звезды вращаются вокруг неё, как вокруг оси. Эта геоцентрическая модель, хотя и не соответствует современным научным данным, была вполне логичной для древних астрономов, которые наблюдали видимое вращение неба вокруг Полярной звезды. Меру стала идеализированным образом этого центра вращения, и её положение на Северном полюсе было подтверждено множеством наблюдений, которые показывали, что все светила движутся по кругу вокруг этой неподвижной точки. Таким

образом, миф и астрономия сходились в одной точке, создавая удивительный синтез.

В буддийских текстах гора Меру описывается с еще большей детализацией. В «Абхидхармакоше» Васубандху дается геометрическое описание Меру: её высота составляет восемьдесят четыре тысячи йоджан, что примерно равно шестистам тысячам километров. Она состоит из четырех ярусов, каждый из которых населен определенными классами существ. На нижнем ярусе живут якши и демоны, на втором — гандхарвы и киннары, на третьем — боги низших небес, на четвертом — боги высших небес. Вершина Меру, как уже говорилось, является местом обитания Брахмы и других высших божеств. Эта вертикальная иерархия является не просто описанием, но и моральной картой: чем выше ярус, тем более чистыми и благими являются его обитатели, тем ближе они к освобождению.

Вокруг Меру вращаются Солнце и Луна, а также планеты, которые описывают свои орбиты на разных высотах. Солнце движется по внешнему кругу, освещая различные части Земли в зависимости от времени года. Луна движется по внутреннему кругу, и её фазы зависят от её положения относительно Солнца. Это астрономическое описание, хотя и не является научным в современном смысле, было очень точным для своего времени и позволяло предсказывать затмения и другие небесные явления. Оно также имело ритуальное значение, поскольку знание движения светил было необходимо

для правильного проведения жертвоприношений и других обрядов.

Образ космического столпа также связан с деревом. В индийской мифологии существует представление о космическом дереве, которое растет из центра Земли и достигает неба. Это дерево часто отождествляется с горой Меру или является её аналогом. Его корни уходят в подземный мир, его ствол проходит через земной мир, а его крона достигает небесных сфер. На ветвях этого дерева сидят звезды, которые являются плодами или листьями. Это дерево также символизирует связь между мирами, и его образ часто используется в медитации, как способ визуализировать вертикальное строение Вселенной.

В эпосе этот образ особенно ярко проявляется в сценах, где герои путешествуют между мирами. Например, Арджуна из «Махабхараты» отправляется на небо, чтобы получить оружие от богов, и его путь проходит через различные уровни Меру. Он видит богов, демонов, святых мудрецов, и каждый уровень открывает ему новые тайны бытия. Эти путешествия являются не только приключенческими сюжетами, но и символическими описаниями духовного восхождения, которое должен пройти каждый человек, стремящийся к освобождению.

В буддийской традиции вертикальная модель мироздания также связана с понятием кармы. Карма определяет, на каком уровне мира родится существо: на вершине Меру, в

небесах, или внизу, в адах. Чем лучше карма, тем выше рождение, тем ближе существо к освобождению. Это делает вертикальную модель не просто географической или астрономической, но и моральной, этической. Она показывает, что мир имеет нравственную структуру, и что положение существа во Вселенной зависит от его поступков. Это глубокое этическое измерение является одной из самых характерных черт индийской космологии, отличающих её от многих других.

Интересно, что вертикальная модель Меру также имеет отражение в индийской архитектуре. Храмы часто строятся как символические горы, с высокими башнями, которые напоминают вершину Меру. Вход в храм ориентирован на восток, а алтарь находится в центре, символизируя центр мира. Вокруг храма часто располагаются другие постройки, которые символизируют континенты и океаны, окружающие Меру. Таким образом, каждый храм становится моделью Вселенной, миниатюрной копией космоса, где верующий может пережить опыт священного и воссоединиться с божественным.

Влияние образа космического столпа выходит далеко за пределы Индии. Он проник в тибетский буддизм, где Меру также является центральным элементом космологии, и в китайский буддизм, где она иногда отождествляется с горой Сумэру. Через буддийские тексты этот образ распространился в Японию, Корею и другие страны Восточной Азии, где он

также оказал влияние на местные традиции. Даже в исламском мире, благодаря переводам индийских текстов на арабский язык, образ Меру стал известен, хотя и был переосмыслен в рамках исламской космологии.

Несмотря на свою древность, вертикальная модель мироздания остается актуальной и сегодня. В эпоху, когда человечество ищет новые смыслы и новые способы организации своего опыта, эта модель предлагает нам способ понять, как связаны между собой разные уровни бытия, как мы можем подниматься от низшего к высшему, от материи к духу. Она напоминает нам о том, что мир не является плоским и однородным, а имеет глубину и вертикальность, и что наше место в этом мире зависит от нас самих, от наших действий и наших стремлений.

В индийской традиции вертикаль является не просто линейным восхождением, но и круговым движением. Светила вращаются вокруг Меру, и человек, поднимаясь по её склонам, также вращается, повторяя циклы рождения и смерти. Выход из этого круговорота возможен только через достижение вершины, через полное осознание и просветление. Таким образом, вертикаль становится путем освобождения, путем, который ведет к центру, к самим себе, к истинной природе реальности.

Космический столп также является символом связи поколений. Предки, которые жили раньше, и потомки, которые будут жить после, все они соединены одной осью, одним дре-

вом, одной горой. Это дает чувство непрерывности, принадлежности к чему-то большему, чем индивидуальная жизнь. В индийских ритуалах почитание предков часто включает в себя визуализацию Меру, как места, где обитают души умерших, и где они могут встретиться с живыми во время определенных праздников.

Образ космического столпа также помогает понять, как древние люди представляли себе связь между макрокосмом и микрокосмом. Человеческое тело часто сравнивается с Меру: позвоночник является осью, голова — вершиной, стопы — основанием. Чакры, энергетические центры в теле, соответствуют различным уровням Меру, и их активация ведет к духовному восхождению. Эта аналогия между телом и космосом является основой многих йогических практик, которые направлены на то, чтобы поднять энергию от основания к вершине, от материального к духовному.

В буддийской медитации образ Меру используется для развития концентрации и осознанности. Практикующий визуализирует себя стоящим на вершине горы, обозревающим весь мир, все его уровни и все его страдания. Эта визуализация помогает отстраниться от личных проблем и увидеть их в более широком контексте, понять их незначительность по сравнению с бесконечностью космоса. Одновременно она помогает развить сострадание ко всем существам, которые блуждают по склонам Меру, не в силах достичь её вершины.

Космический столп, будь то гора Меру, мировое дерево

или ось мира, является одним из самых значимых образов индийской космологии. Он объединяет астрономию, географию, мифологию, этику и духовную практику в единое целое, создавая модель Вселенной, которая является одновременно и научной, и священной. Он напоминает нам о том, что мир не хаотичен, а упорядочен, что он имеет центр и смысл, и что мы можем найти свое место в этом мире, если будем стремиться вверх, к свету, к вершине, к освобождению. И хотя сегодня мы знаем, что Земля не является плоским диском, а Вселенная не имеет центра в буквальном смысле, символическая сила Меру остается с нами, напоминая о нашей вечной потребности в опоре, в вертикали, в чем-то, что превосходит нас и в то же время соединяет нас со всем сущим.

Глава 16. Боги утренней зари и вечерней звезды: персонификация небесных тел

Когда первые лучи Солнца окрашивают восточный горизонт в розовые и золотые тона, когда последняя звезда гаснет в свете наступающего дня, человек, стоящий на земле, видит не просто физическое явление. Он видит чудо, повторяющееся каждое утро, но от этого не перестающее быть чудом. Он видит рождение света, победу жизни над ночью, возвращение тепла и надежды. И в этом зрелище для древнего сознания не было места безличным законам физики — здесь была драма, здесь были боги, здесь было взаимодействие сил, которые определяли судьбу всего живого. Утренняя заря и вечерняя звезда были не просто атмосферными и астрономическими явлениями — они были божественными существами, с которыми человек вступал в отношения через ритуал, молитву и песнопение. И эти божества, кажущиеся нам сегодня поэтическими метафорами, в древней Индии были живыми, могущественными силами, управляющими космическим порядком.

Утренняя заря в индийской традиции носит имя Ушас. Она является одной из самых древних и почитаемых богинь в ведийском пантеоне. Ригведа, древнейший из сохранив-

шихся текстов, посвящает ей множество гимнов, в которых она воспевается как юная, прекрасная дева, сияющая в золотистых одеждах, которая каждое утро поднимается на своей колеснице, чтобы разбудить мир ото сна. Она сестра ночи и дочь неба, она приносит свет, жизнь и надежду, она прогоняет тьму и злых духов, она открывает врата нового дня. Ушас не является абстрактным божеством — она конкретна, она видима, она ощутима в прохладе утреннего воздуха, в пении птиц, в росе на траве. И к ней обращаются с молитвами о здоровье, о богатстве, о долгой жизни, о защите от врагов.

Но Ушас — это не просто олицетворение зари. Она является также символом порядка и космической гармонии. Её появление каждое утро является доказательством того, что мир устроен правильно, что боги не забыли о людях, что цикл времени продолжается. Если бы Ушас не взошла, это означало бы конец мира, победу хаоса, торжество ночи. Поэтому её появление приветствуется с радостью и благодарностью, и жрецы возносят ей хвалы, чтобы она не покинула их, чтобы она продолжала свой вечный путь по небу. Эта связь между богиней и космическим порядком является ключевой для понимания индийской космологии: божества не просто управляют явлениями, они сами являются этими явлениями, и их существование является залогом существования мира.

Вечерняя звезда, которая в индийской традиции чаще всего ассоциируется с планетой Венерой, носит имя Шукра.

Шукра — это не просто планета, это божество, которое имеет свою собственную историю, свой характер, свои функции. В ведийской мифологии Шукра является наставником демонов, асуров, и он обладает огромной мудростью и магической силой. Он является сыном мудреца Бхригу и считается одним из самых могущественных существ во Вселенной. Его появление на вечернем небе предвещает наступление ночи, но в то же время является символом надежды, поскольку он сияет ярко среди угасающего света. Шукра также связан с плодородием, с водой, с жизненной силой, и его положение на небе используется в астрологии для предсказания событий.

В буддийской традиции Венера, или Шукра, также занимает важное место, хотя и не как объект поклонения, а как астрономический объект, влияющий на календарь и ритуалы. Буддийские монахи, которые занимались астрономией, внимательно следили за движением Венеры, поскольку её цикл, составляющий около пятисот восьмидесяти четырех дней, был важен для определения точного времени проведения некоторых обрядов. Венера также упоминается в буддийских текстах как одна из планет, которые вращаются вокруг горы Меру, и её положение используется в космологических описаниях для объяснения смены дня и ночи, а также для понимания структуры Вселенной.

Однако Шукра не был единственным божеством, связанным с вечерней звездой. В некоторых традициях Венера

отождествлялась с богиней Ушас, которая, согласно некоторым мифам, также появлялась на вечернем небе, хотя её основное время — утро. Это отождествление показывает, что древние мыслители видели связь между утренней и вечерней звездой, понимая, что это одно и то же небесное тело, хотя и появляющееся в разное время. Это знание о тождестве Венеры как утренней и вечерней звезды является одним из древнейших астрономических открытий, которое было сделано независимо в разных культурах. В индийской традиции это знание было зафиксировано в текстах, где говорится, что Шукра является и утренней, и вечерней звездой, и что его движение по небу подчиняется определенным законам.

Персонификация светил не ограничивалась только Ушас и Шукрой. Каждое небесное тело имело своего бога или богиню, и эти божества составляли сложный пантеон, который отражал структуру Вселенной. Например, Солнце, как мы уже знаем, почиталось под именем Сурья, который является не просто божеством, а верховным владыкой, источником света и жизни. Луна, или Сома, была богом растительности и священного напитка, который дарует бессмертие. Планеты, такие как Меркурий, Марс, Юпитер и Сатурн, также имели своих божеств, каждое из которых выполняло определенную функцию в космическом порядке.

Меркурий, или Будха, в индийской мифологии является богом торговли, мудрости и красноречия. Он считается сыном Сомы и Тары, и его быстрая орбита отражает его по-

движность и хитрость. Будха часто изображается с зеленоватым оттенком, что символизирует его связь с растительностью и плодородием. Его положение на небе используется в астрологии для определения благоприятных моментов для торговли, учебы и творчества. В буддийской традиции Будха не является объектом поклонения, но его астрономическое значение признается, и его движение учитывается при составлении календарей.

Марс, или Мангала, является богом войны и огня. Его красный цвет ассоциируется с кровью, страстью и разрушением. Мангала также связан с землей и считается защитником от злых сил. В астрологии его положение указывает на конфликты, споры, но также и на энергию, необходимую для достижения целей. Мангала часто изображается с оружием в руках, что подчеркивает его воинственный характер. В буддийских текстах Марс упоминается как одна из планет, влияющих на карму, и его движение может указывать на кармические изменения.

Юпитер, или Гуру (Брихаспати), является наставником богов, воплощением мудрости, знания и божественного порядка. Его огромная орбита, занимающая около двенадцати лет, символизирует его стабильность и надежность. Гуру является главным советником Индры, царя богов, и его советы считаются непогрешимыми. В астрологии Юпитер считается самой благоприятной планетой, приносящей удачу, процветание и духовный рост. Его положение определяет время

для важных начинаний, таких как брак, строительство или начало нового дела. В буддийской традиции Гуру также уважается как учитель, и его астрономический цикл используется для определения дат религиозных праздников.

Сатурн, или Шани, является самой медленной и самой загадочной планетой. Его цикл составляет около тридцати лет, и он ассоциируется с кармой, долгом, ограничениями и испытаниями. Шани считается сыном Солнца и Тени, и его внешний вид часто изображается мрачным и суровым. В астрологии Сатурн считается планетой, приносящей трудности и препятствия, но одновременно и уроки, которые необходимы для духовного роста. Его положение в гороскопе указывает на области жизни, где человек должен проявлять терпение, дисциплину и ответственность. В буддийской традиции Сатурн также признается как планета кармы, и его циклы учитываются при определении времени для аскетических практик.

Эти божества были не просто абстрактными символами. Они были живыми участниками космической драмы, в которой каждый имел свою роль. Солнце управляло днем, Луна — ночью, планеты — судьбами людей, звезды — душами предков. Взаимодействие этих божеств определяло погоду, урожай, здоровье, войны, мир и даже состояние души. Человек не мог игнорировать их, он должен был с ними считаться, вступать с ними в диалог, пытаться умилостивить их или использовать их силу в своих целях. Это было не суеверие в

современном смысле, а мировоззрение, в котором астрономия и религия составляли единое целое, и в котором каждое небесное явление имело свое божественное выражение.

Ритуалы, связанные с божествами светил, были разнообразны и сложны. В честь Ушас совершались жертвоприношения на рассвете, с восходом Солнца. Жрецы пели гимны, возливали на алтарь молоко и сому, просили богиню о благословении на предстоящий день. В честь Сурьи проводились более масштабные церемонии, особенно в дни солнцестояний и равноденствий, когда считалось, что сила Солнца достигает своего пика. В честь планет совершались особые обряды в зависимости от их положения в небе. Каждая планета имела свои мантры, свои цвета, свои подношения. Например, Юпитеру приносили желтые цветы и сладости, Сатурну — черные предметы и масло. Эти ритуалы были частью повседневной жизни, и их соблюдение считалось обязательным для поддержания гармонии в мире.

В буддийской традиции отношение к этим божествам было более сложным. Будда не отрицал существование богов, но он утверждал, что они не являются вечными, не являются всемогущими, и что они, как и люди, подвержены закону кармы. Поэтому поклонение им не могло привести к освобождению. Однако буддизм не отвергал астрономию и астрологию как практические дисциплины, и многие буддийские монахи были искусными астрономами. Они использовали знание планет и звезд для составления календарей, для

определения благоприятных дней для медитации и для понимания космического порядка. Таким образом, божества светил сохраняли свое значение, но уже не как объекты поклонения, а как элементы сложной системы, описывающей реальность.

Персонификация светил также имела глубокий психологический смысл. Когда человек обращался к богу Солнца, он не просто просил о дожде или урожае. Он вступал в контакт с силой, которая символизировала свет, ясность, истину, мужество. Когда он обращался к богу Луны, он соприкасался с тайной, интуицией, цикличностью, женственностью. Когда он обращался к Сатурну, он принимал карму, ограничения, необходимость работы над собой. Эти божества были архетипами, которые помогали человеку понять себя, свои внутренние процессы, свои сильные и слабые стороны. Астрономия становилась психологией, а психология — астрономией, что является одной из самых характерных черт индийской культуры.

Влияние этих божеств не ограничивалось только религиозной сферой. Они проникли в искусство, литературу, поэзию, музыку и танец. Храмы украшались изображениями планетных божеств, поэты воспевали их в стихах, музыканты сочиняли мелодии в их честь, танцоры изображали их движения в своих танцах. Это создавало богатую культурную среду, в которой астрономия была неотъемлемой частью эстетического опыта. Человек, входящий в храм, видел на

стенах не только мифологические сцены, но и точные изображения звездного неба, расположение планет, фазы Луны. Он учился астрономии через красоту, через искусство, через священное действо.

Индийский календарь также был пронизан персонификацией. Каждый день недели был посвящен определенной планете, и это посвящение придавало дню особый характер. Воскресенье было днем Солнца, понедельник — Луны, вторник — Марса, среда — Меркурия, четверг — Юпитера, пятница — Венеры, суббота — Сатурна. Эти названия сохранились во многих языках мира, но в Индии они имели не просто лингвистическое значение. Каждый день недели был связан с определенными ритуалами, запретами и предписаниями. В день Марса, например, не рекомендовалось начинать важные дела, потому что Марс считался планетой войны и конфликтов, а в день Юпитера, напротив, все благоприятствовало начинаниям, потому что Юпитер был планетой мудрости и удачи. Эти повседневные практики делали астрономию частью быта, превращали её в живой опыт, а не в абстрактное знание.

Несмотря на кажущуюся архаичность этих представлений, они имеют удивительную живучесть. В современной Индии миллионы людей по-прежнему обращаются к астрологам, чтобы узнать положение планет, по-прежнему проводят ритуалы в честь планетных божеств, по-прежнему верят в то, что звезды влияют на их судьбы. Это не просто пере-

житок прошлого — это живая традиция, которая адаптируется к новым условиям и продолжает существовать параллельно с современной наукой. Индийские астрофизики, работающие в ISRO, могут с уважением относиться к древним астрономическим трактатам и одновременно использовать телескопы и спутники. Эта двойственность, это сосуществование рационального и мифологического является одной из самых удивительных черт индийской культуры.

Но вернемся к богине Ушас и богу Шукре. Они не просто божества, они являются также астрономическими объектами, доступными наблюдению. Утренняя заря видна каждый день, и её красота не может не вызывать восхищения. Венера, особенно яркая, также привлекает внимание своим сиянием. Древние люди, наблюдая за ними, связывали их с божественным миром, и это была не просто наивная вера, а способ осмыслить свой опыт, найти в нем порядок и смысл. Сегодня мы знаем, что Ушас — это рассеяние солнечного света в атмосфере, а Шукра — это планета, покрытая облаками серной кислоты. Но знаем ли мы что-то более важное? Знаем ли мы, как смотреть на утро с тем же благоговением, с каким смотрели на него древние индийцы, как чувствовать в первых лучах Солнца не просто физическое явление, а приветствие божественной силы?

В буддийской традиции утренняя заря имеет особое значение. Будда достиг просветления под утренней звездой, в момент, когда ночь уступала место дню, и тьма неведения

рассеивалась светом мудрости. Этот момент стал символом пробуждения, которое возможно для каждого существа. Поэтому утренняя заря в буддизме не просто красивое зрелище, а напоминание о потенциале просветления, который заложен в каждом из нас. И когда мы видим первые лучи Солнца, мы можем вспомнить об этом, мы можем почувствовать, что мы тоже способны проснуться, выйти из тьмы неведения к свету истины.

Вечерняя звезда также имеет свое место в буддийской практике. Она символизирует завершение дня, переход к ночи, время для созерцания и медитации. Вечер — это время, когда суета дневных дел утихает, и ум может обратиться внутрь себя, к своим глубинным процессам. Венера, сияющая на закате, напоминает нам о том, что даже в конце дня есть свет, даже в самой темной ночи есть звезды, которые указывают путь. Это утешительное знание, которое придает силу и надежду.

Таким образом, персонификация небесных тел в индийской традиции является не просто мифологией, а глубокой философской системой, в которой астрономия, религия, психология и этика переплетаются в единое целое. Боги утренней зари и вечерней звезды, Солнце и Луна, планеты и звезды — все они являются участниками великой драмы, которая называется жизнь. И человек, осознающий это, становится не просто наблюдателем, но и соучастником, творцом своего собственного пути в этом бесконечном космосе.

Молитва, обращенная к Ушас, — это не просьба о материальных благах, а признание того, что свет — это дар, что жизнь — это чудо, что каждый новый день — это возможность начать заново, исправить ошибки, сделать мир чуточку лучше. И в этом признании, в этом благоговении перед светом и звездами, древние индийцы нашли нечто, что не утратило своей ценности и сегодня, когда мы смотрим на то же утреннее небо и видим ту же Венеру, которая сияла над головой наших предков тысячи лет назад.

Глава 17. Магическая функция астрономии: от охоты до первых земледельческих культов

Астрономия в древнем мире никогда не была чистой наукой, оторванной от жизни, и никогда не была просто религиозным созерцанием. Она была инструментом могущества, орудием воздействия на реальность, способом управлять силами, которые казались человеку неподвластными. Это была магия в самом прямом смысле слова — искусство влиять на мир через знание его скрытых закономерностей. И для древних индийцев, как и для всех народов Земли, астрономия была прежде всего магической дисциплиной, которая позволяла охотнику найти добычу, земледельцу вырастить урожай, вождю укрепить свою власть, а жрецу — поддержать космический порядок. Без этого магического измерения астрономия была бы просто набором наблюдений, но с ним она становилась ключом к выживанию, процветанию и духовному развитию.

Магическая функция астрономии начинается с самого примитивного уровня — с охоты. Для древнего охотника знание неба было знанием жизни и смерти. Он должен был знать, когда наступит сезон миграции животных, когда они будут наиболее активны, когда их шкуры будут лучшего ка-

чества, а мясо — наиболее питательным. Эти знания он черпал из наблюдений за звездами и планетами. Определенная звезда, восходящая на горизонте, могла означать начало гона у оленей, другая — время нереста рыбы, третья — приближение холодов, когда нужно запасаться пищей. Но охотник не просто использовал эти знания пассивно — он активно вмешивался в природные процессы с помощью магии. Он проводил ритуалы, чтобы умилостивить духов животных, чтобы привлечь добычу, чтобы отвести опасность. И эти ритуалы были приурочены к определенным астрономическим событиям, которые считались наиболее благоприятными для магического воздействия.

Например, в день новолуния, когда Луна не видна на небе, считалось, что граница между мирами становится тоньше, и духи более доступны. Охотники выходили в ночь новолуния с особыми заклинаниями, чтобы попросить у духов удачи. В полнолуние, когда свет ярко заливает землю, проводились другие ритуалы — благодарственные или очистительные. Эти практики не были просто суевериями; они были частью сложной системы знаний, в которой астрономия и магия были неразделимы. Охотник, знавший фазы Луны, имел преимущество перед тем, кто этого не знал, и это преимущество закреплялось в ритуале, который передавался из поколения в поколение.

Охотничья магия часто включала в себя имитацию движений животных, которые были связаны с определенными

созвездиями. Например, если созвездие Ориона воспринималось как великий охотник, то ритуал мог включать в себя танец, имитирующий его походку, с призывом передать охотнику свою силу. Если созвездие Плеяд считалось стадом диких быков, то танец вокруг костра мог символизировать окружение стада, и это магическое действие должно было привести к реальной удаче на охоте. Такие ритуалы были не просто символическими; они создавали психологический настрой, который повышал шансы на успех, а также укрепляли социальную связь внутри группы, что было не менее важно для выживания.

С переходом к земледелию магическая функция астрономии не уменьшилась, а, напротив, усилилась. Земледелие зависит от сезонных циклов гораздо больше, чем охота. Посев должен быть произведен в строго определенное время, иначе урожай погибнет. Сбор урожая также должен быть приурочен к правильному моменту, чтобы зерно не осыпалось и не сгнило. И эти моменты определялись положением Солнца, Луны и звезд. Земледелец, который умел точно определить день весеннего равноденствия, имел огромное преимущество перед тем, кто полагался на случай. Но он не просто определял дату — он проводил магический ритуал, чтобы обеспечить плодородие земли, чтобы защитить посевы от вредителей и болезней, чтобы вызвать дождь в нужное время.

Ритуалы земледельческой магии были разнообразны. В

день весеннего равноденствия, когда Солнце входило в знак Овна, проводились церемонии пробуждения земли. Жрецы или старейшины выходили в поле с молитвами и песнопениями, они окропляли землю священной водой, они закапывали в неё зерна, символизирующие будущий урожай. Эти действия были не просто просьбами к богам — они были магическими актами, которые должны были непосредственно влиять на природные процессы. Верили, что правильное выполнение ритуала в правильное время обязательно приведет к хорошему урожаю, потому что космические силы будут настроены на человека.

Особое место в земледельческой магии занимали лунные циклы. Луна считалась владычицей растений, и её фазы использовались для определения времени посадки различных культур. Корнеплоды сажали на убывающую Луну, когда соки земли уходят вниз, а зерновые — на растущую, когда силы поднимаются вверх. Эти правила были не просто эмпирическими наблюдениями — они были магическими предписаниями, нарушение которых могло привести к неудаче. И они соблюдались с неукоснительной строгостью, потому что от них зависела жизнь всей общины. Если кто-то нарушал это правило, его могли обвинить в навлечении беды на всех, и он подвергался суровому наказанию.

Планеты также играли важную роль в магических практиках. Например, Венера, как планета любви и плодородия, связывалась с женским началом и с земледелием. В дни, ко-

гда Венера была особенно яркой, проводились ритуалы для увеличения плодородия полей и скота. Марс, планета войны, связывался с мужской энергией и с защитой урожая от врагов. В дни Марса проводились обряды, чтобы укрепить общину, чтобы отвести нападения. Юпитер, планета мудрости и процветания, связывался с общим благополучием, и его восход отмечался как время для крупных жертвоприношений и празднеств. Сатурн, медленная планета кармы, связывался с землей и с подземными силами, и его положения учитывались при закладке фундаментов домов и храмов.

Кометы и метеориты были особенно мощными магическими знаками. Их появление считалось предвестием больших перемен — войн, эпидемий, смерти царей или рождения великих героев. В такие моменты магические практики усиливались: жрецы совершали дополнительные жертвоприношения, люди постились, молились и совершали обряды очищения. Считалось, что эти действия могут смягчить гнев небес и предотвратить катастрофу. Иногда кометы воспринимались как знак того, что боги призывают к себе правителя, и это могло привести к политическим интригам и даже к переворотам. Таким образом, астрономическая магия имела прямые социальные и политические последствия.

Магическая функция астрономии была тесно связана с жречеством. Жрецы были не только служителями богов, но и хранителями астрономических знаний, и они использовали эти знания для укрепления своей власти. Они опреде-

ляли даты ритуалов, предсказывали благоприятные и неблагоприятные дни, толковали знамения на небе. Это давало им огромное влияние на жизнь общины, поскольку никто, кроме них, не мог правильно интерпретировать волю богов. Царь, который хотел укрепить свою власть, должен был опираться на жрецов, которые могли подтвердить его божественное право на правление с помощью астрономических расчетов. Таким образом, астрономия становилась инструментом политической магии, которая удерживала общество в равновесии.

Буддийская традиция, возникшая в этом магическом контексте, внесла в него свои коррективы. Будда критиковал магические практики, которые основывались на попытках манипулировать силами природы или богами. Он утверждал, что настоящая сила заключается не во внешних ритуалах, а во внутреннем очищении ума и следовании закону кармы. Однако он не отвергал астрономию как таковую — он признавал её практическое значение для определения времени и для понимания устройства мира. В буддийских монастырях продолжали вестись астрономические наблюдения, составлялись календари, но эти знания использовались не для магического вмешательства, а для того, чтобы помочь монахам правильно организовывать свою жизнь и практику.

Например, в буддийской традиции есть практика упавасa — соблюдения особых дней в новолуние и полнолуние, когда монахи собираются для исповеди и чтения дисципли-

нарных правил. Эта практика имеет явные астрономические корни, но в буддизме она лишена магического элемента; она служит для поддержания общинной дисциплины и духовного очищения. Точно так же буддийские календари используются для определения дат праздников, таких как Весак (день рождения, просветления и смерти Будды), но эти праздники не являются магическими обрядами, а скорее днями размышлений и радости. Буддизм как бы «демагизирует» астрономию, оставляя её практическое, а не магическое измерение.

Однако в народной культуре магическая функция астрономии сохранилась и в буддийских странах. Крестьяне в Таиланде, Шри-Ланке, Мьянме и других буддийских странах по-прежнему ориентируются на лунные фазы для посадки риса, по-прежнему проводят ритуалы для вызова дождя, по-прежнему обращаются к астрологам для определения благоприятных дней для свадьбы или начала строительства. Эти практики мирно сосуществуют с официальным буддийским учением, и монахи часто не препятствуют им, если они не противоречат основным принципам буддизма. Таким образом, древняя магическая функция астрономии продолжает жить в народной культуре, передаваясь из поколения в поколение как часть культурного наследия.

Магическая астрономия имела и свои инструменты. Это были не только гномоны и солнечные часы, но и амулеты, талисманы, янтры — геометрические диаграммы, кото-

рые считались обладающими магической силой. Янтры часто включали астрономические символы: круги, треугольники, звезды, планеты. Их рисовали на земле, на ткани, на металле, и они использовались для защиты, привлечения удачи, лечения болезней. Например, янтра, посвященная Сурье, могла нарисоваться на стене дома, чтобы защитить его от злых духов. Янтра, посвященная Шукре, использовалась для привлечения любви и процветания. Эти магические диаграммы имели сложную геометрию, которая отражала астрономические расчеты: углы между линиями соответствовали аспектам планет, их размеры — расстояниям до светил. Использование янтр требовало глубокого знания астрономии, и их изготовление было делом жрецов или специальных астрологов.

Ещё одним важным аспектом магической астрономии была астрология. Астрология, как искусство толкования влияния планет на судьбы людей, была неразрывно связана с астрономией. Для того чтобы составить гороскоп, астролог должен был знать точное положение планет в момент рождения человека, и для этого он использовал астрономические таблицы и инструменты. Но астрология не была просто предсказанием — она была магической практикой, которая позволяла человеку избегать неблагоприятных влияний и усиливать благоприятные. Например, если в гороскопе человека Сатурн был в неблагоприятном положении, астролог мог посоветовать ему носить определенный камень, про-

водить определенные ритуалы или воздерживаться от определенных действий в определенные дни. Это были не просто психологические рекомендации — это были магические вмешательства, направленные на изменение судьбы.

В древней Индии существовали специальные тексты, посвященные магической астрономии, такие как «Гарга-джйотиша» и другие. Хотя большинство из них утрачены, фрагменты сохранились в цитатах и комментариях. Эти тексты содержали не только астрономические таблицы, но и описания ритуалов, заклинаний, методов изготовления амулетов. Они были практическими руководствами для жрецов и астрологов, которые должны были обеспечивать благополучие общины с помощью небесных сил. Содержание этих текстов было смесью наблюдений и магических предписаний, что отражало синкретический характер древней науки.

Магическая функция астрономии не ограничивалась только обеспечением урожая и защиты от врагов. Она также использовалась для врачевания. Древние индийские врачи, которые работали в системе аюрведы, учитывали положение планет и звезд при диагностике и лечении болезней. Считалось, что разные планеты влияют на разные части тела и разные болезни. Например, Солнце влияло на сердце и кровеносную систему, Луна — на пищеварение и жидкости тела, Марс — на кровь и желчь, Сатурн — на кости и нервную систему. Лекарства предписывались в определенные лунные фазы, хирургические операции проводились в дни, когда

Луна находилась в благоприятных знаках. Эта медицинская астрология была не просто суеверием — она имела эмпирическую основу, поскольку многие природные ритмы действительно связаны с лунными циклами, и древние врачи, наблюдая за этими связями, создавали эффективные методы лечения.

Важным элементом магической астрономии были также затмения. Затмения Солнца и Луны воспринимались как моменты великой опасности, когда космический порядок нарушается, и демоны могут проникнуть в мир. В дни затмений люди собирались в храмах, проводили особые ритуалы, чтобы защитить себя и отогнать злых духов. Они били в барабаны, трубили в раковины, кричали, чтобы испугать демона, который, как считалось, пожирает светило. Эти действия были не просто паникой — они были магическим актом, направленным на восстановление равновесия. И удивительно, что эти ритуалы часто совпадали с моментом окончания затмения, что создавало впечатление, что люди действительно влияют на ход событий. Это укрепляло веру в магическую силу астрономии и в власть жрецов, которые знали, когда и как правильно проводить эти обряды.

С течением времени, по мере развития цивилизации, магическая функция астрономии постепенно уступала место научной. Астрономы начали отделять наблюдения от ритуалов, они начали искать математические закономерности независимо от магических интерпретаций. Но этот процесс

был долгим и нелинейным. Даже в период расцвета индийской астрономии, в пятом-шестом веках нашей эры, когда были созданы такие трактаты, как «Сурья-сиддханта» и «Арьябхатия», магический элемент сохранялся. Эти трактаты содержали точные расчеты движения планет, но они также включали астрологические предписания и рекомендации по проведению ритуалов. Авторы этих текстов не видели противоречия между наукой и магией — они воспринимали их как части единого целого.

В буддийской традиции этот синтез также был очевиден. Буддийские монахи, которые занимались астрономией, продолжали использовать её для составления календарей и предсказаний, но они делали это в рамках буддийского мировоззрения, которое подчеркивало непостоянство и взаимозависимость всех явлений. Магия в буддизме не отвергалась полностью, но она переосмыслялась как низшая форма практики, которая не ведет к освобождению. Будда говорил о том, что привязанность к магическим силам может стать препятствием на пути, и что истинная сила заключается в развитии ума и сострадания. Тем не менее, в повседневной жизни буддийские монахи часто использовали астрономические знания для помощи мирянам, например, для определения благоприятных дней для похорон или строительства храмов.

Современная наука, конечно, отвергает магическую функцию астрономии. Мы знаем, что положение планет не

влияет на нашу судьбу, что фазы Луны не определяют успех посева, что затмения — это просто геометрические явления. Но мы должны помнить, что для древних людей эти верования были не просто ошибками, а способами осмысления мира, которые помогали им выживать и развиваться. Магия была для них языком, на котором они говорили с природой, и этот язык был эффективен в своих собственных рамках. Она давала им чувство контроля, которое было необходимо для преодоления страха перед неизведанным. Она объединяла их в общины, где каждый знал свои обязанности по отношению к космосу. И она создавала культурную среду, в которой астрономия могла развиваться, питаемая верой в то, что небо имеет значение для человека.

Сегодня мы можем смотреть на магическую астрономию древних индийцев с уважением и пониманием. Мы можем видеть в ней не примитивное суеверие, а сложную систему мышления, которая связывала человека с космосом на всех уровнях — от утилитарного до духовного. Мы можем учиться у них тому, что наблюдение за небом может быть не только научным занятием, но и глубоким личным опытом, который обогащает нашу жизнь и связывает нас с чем-то большим, чем мы сами. И когда мы смотрим на звезды сегодня, мы можем почувствовать ту же связь, которую чувствовали они, даже если мы интерпретируем её по-другому. Магия астрономии не исчезла полностью — она просто приняла другие формы, и, возможно, её время ещё вернётся, когда наука

снова объединится с человеческой душой в поиске смысла в бесконечной Вселенной.

Глава 18. Лунные дома: древнейшая система навигации по ночному небу

Когда Луна совершает свой ежемесячный путь по небосводу, она проходит через определенные участки небесной сферы, которые древние астрономы выделили как особые зоны. Эти зоны, названные накшатрами или лунными домами, стали одной из самых древних и устойчивых систем астрономической классификации в истории человечества. Они возникли задолго до того, как были выделены зодиакальные созвездия, и они просуществовали тысячелетия, переходя из одной культуры в другую, обрастая мифами и ритуалами, становясь основой не только для календаря, но и для навигации, сельского хозяйства, медицины и духовной практики. И хотя сегодня мы редко вспоминаем о накшатрах, они были для древних индийцев не просто абстрактными делениями неба — они были домом, в котором жила Луна, и каждый дом имел своего хозяина, свою историю, свою силу.

Система двадцати семи накшатр, которая стала классической в индийской астрономии, не возникла на пустом месте. Её истоки уходят в глубокую древность, возможно, в эпоху неолита, когда люди начали систематически наблюдать за движением Луны и связывать его с сезонными изменениями.

Двадцать семь — это не случайное число; оно приблизительно соответствует количеству дней в лунном месяце, и каждая накшатра представляет собой участок неба, который Луна проходит примерно за одни сутки. Таким образом, наблюдая за тем, в какой накшатре находится Луна, можно было определить день лунного месяца, а также прогнозировать погоду, приливы, поведение животных и другие явления, зависящие от лунного цикла. Эта система была настолько удобной и наглядной, что она распространилась по всей Индии и за её пределы, став основой для многих календарных систем в Азии.

Каждая накшатра имеет своё название, которое часто связано с мифологическим персонажем, животным, растением или предметом. Например, первая накшатра называется Ашвини, что означает «лошадиная», и она связана с божественными близнецами-врачевателями Ашвинами, которые ездят на колеснице, запряженной лошадьми. Эта накшатра символизирует скорость, исцеление и начало нового цикла. Вторая накшатра — Бхарани, что переводится как «несущая», связана с богиней смерти Ямой и символизирует рождение, переход и трансформацию. Третья — Криттика, связанная с огнём и богом войны Карттикеей, символизирует энергию, страсть и очищение. И так далее, каждая из двадцати семи накшатр имеет свой уникальный набор ассоциаций, которые использовались для самых разных целей.

Названия накшатр не были произвольными; они отража-

ли тесную связь между астрономией и мифологией. Древние астрономы, наблюдая за движением Луны, замечали, что в определенные дни года происходят определенные события на земле: начало дождей, цветение деревьев, миграция птиц. Эти события связывались с конкретными накшатрами, и для каждой из них создавалась история, объясняющая эту связь. Так, например, накшатра Рохини, которая считается самой благоприятной для земледелия, была названа в честь жены Сомы, и её восход связывали с началом сезона посадок. Накшатра Магха, связанная с предками, отмечала время поминовения усопших, когда, как считалось, души умерших спускаются на землю и могут получить подношения от живых. Эти мифы не были просто красивыми сказками; они были способом запомнить важные астрономические даты и ритуалы, которые с ними связаны.

Навигационная функция накшатр была особенно важна для мореплавателей и путешественников. В открытом море, где нет ориентиров на земле, единственным способом определить своё местоположение было наблюдение за небом. Индийские мореплаватели, которые плавали по Индийскому океану, достигая берегов Африки, Аравии, Юго-Восточной Азии, использовали накшатры для навигации. Они знали, что в определенное время года определенная накшатра находится над определенным направлением горизонта, и это позволяло им держать курс. Знание накшатр также помогало определять широту: если какая-то накшатра поднима-

лась над горизонтом на определённую высоту, это указывало на то, что корабль находится на определенной параллели. Эта навигационная система была настолько эффективной, что она использовалась в Индийском океане вплоть до эпохи европейских колонизаций.

Но накшатры были не только навигационным инструментом. Они также использовались в астрологии для предсказания судеб. В день рождения человека астролог определял, в какой накшатре находилась Луна, и это положение считалось определяющим для характера и судьбы человека. Каждая накшатра имела свой набор атрибутов: благоприятная или неблагоприятная, мужская или женская, жёсткая или мягкая, дневная или ночная. Эти атрибуты использовались для того, чтобы предсказать, какой будет жизнь человека, какие профессии ему подходят, какие болезни ему угрожают, с какими людьми ему лучше вступать в брак. Таким образом, накшатры были не только астрономическими, но и социальными маркерами, которые определяли жизненный путь человека.

В медицинской практике аюрведы накшатры также играли важную роль. Считалось, что каждая накшатра влияет на определённую часть тела и определённый тип болезней. Например, накшатра Ашвини связана с головой и лечением ран, накшатра Бхарани — с органами брюшной полости, накшатра Криттика — с дыхательными путями и кожей. Врачи учитывали положение Луны при назначении лекарств и про-

ведении процедур: например, считалось, что лекарства, принятые в определенную накшатру, будут действовать сильнее, а хирургические операции, проведённые в другую, будут более успешными. Эта медицинская астрология была не просто суеверием, а частью целостной системы, в которой астрономия, медицина и психология были неразделимы.

В сельском хозяйстве накшатры использовались для определения сроков посева, посадки и сбора урожая. Ведическая литература содержит многочисленные предписания о том, какие накшатры благоприятны для каких культур. Например, рис следовало сажать в дни, когда Луна находится в накшатрах Рохини или Уттара-Бхадрапада, которые считались особенно плодородными. Пшеницу сажали в накшатрах Криттика или Магха, а овощи — в накшатрах Вишакха или Свати. Эти предписания основывались на многовековых наблюдениях, которые показывали, что лунные циклы действительно влияют на рост растений, хотя механизм этого влияния оставался неясным для древних. Но то, что они заметили эту связь, говорит об их внимательности и способности делать выводы из эмпирических данных.

Ритуалы, связанные с накшатрами, были частью повседневной жизни. В каждый день лунного месяца, когда Луна находилась в определенной накшатре, проводились определённые обряды. Например, в день Ашвини приносили жертвы Ашвинам и просили о здоровье. В день Рохини обращались к Соме с просьбами о плодородии и богатстве. В день

Магха поминали предков и делали подношения для их благополучия в загробном мире. Эти ритуалы были не просто формальностями; они были способами поддержания гармонии между человеком и космосом, способами активного участия в управлении своей судьбой. Люди верили, что если они правильно выполнят ритуал в правильный день, то боги будут к ним благосклонны, и их жизнь будет счастливой и успешной.

Буддийская традиция, как и другие индийские традиции, унаследовала систему накшатр и интегрировала её в свою практику. В буддийских монастырях велись записи о положении Луны в накшатрах, и эти записи использовались для определения дат религиозных праздников и для планирования аскетических практик. Например, дни полнолуния и новолуния, когда Луна находится в определённых накшатрах, считались особенно благоприятными для медитации и соблюдения обетов. В некоторых буддийских текстах накшатры связываются с кармическими процессами: считается, что рождение в определённой накшатре указывает на определённые кармические тенденции, которые практикующий должен осознавать и преодолевать на своем пути к просветлению.

Интересно, что система накшатр не была статичной. В разных регионах Индии и в разные периоды истории существовали разные варианты этой системы. В некоторых версиях было двадцать восемь накшатр, а не двадцать семь, и на-

звания и атрибуты могли различаться. Эта вариативность показывает, что накшатры были живой, развивающейся системой, которая адаптировалась к местным условиям и потребностям. Например, в южной Индии, где культура была более связана с мореплаванием, накшатры использовались в основном для навигации, тогда как в северной Индии, где земледелие было основным занятием, они использовались для календарных и ритуальных целей. Это разнообразие придавало системе накшатр гибкость и долговечность.

Сравнение системы накшатр с китайской лунной системой, которая также имеет двадцать восемь «обителей», показывает, что эти две системы имеют общие корни. Хотя они различаются в деталях, принцип деления неба на сегменты, связанные с движением Луны, одинаков. Это наводит на мысль о том, что система лунных домов возникла в очень древние времена, возможно, в эпоху неолита, и распространилась по всей Азии через культурные обмены и миграции. Возможно, она была создана еще до появления письменности и передавалась устно, что объясняет её распространенность и вариативность.

Влияние накшатр вышло далеко за пределы астрономии и астрологии. Они проникли в литературу, поэзию, музыку и искусство. В санскритской поэзии накшатры часто используются как метафоры для красоты, любви, разлуки и времени. Например, поэт мог сравнить лицо возлюбленной с полной Луной в накшатре Рохини, а её разлуку — с убывающей

Луной в накшатре Криттика. Эти метафоры были понятны каждому образованному человеку, потому что знание накшатр было частью общего культурного багажа. В музыке накшатры использовались для создания определенных настроений: каждая накшатра ассоциировалась с определенным рагой, который должен был вызывать соответствующее эмоциональное состояние. В искусстве накшатры изображались в виде божеств или символов, которые украшали храмы и дворцы.

Сегодня система накшатр продолжает существовать в индийской астрологии и календарной практике, хотя её роль в научной астрономии практически сошла на нет. Тем не менее, миллионы людей в Индии и в других странах Южной Азии по-прежнему обращаются к астрологам, чтобы узнать свою накшатру, по-прежнему проводят ритуалы в дни, связанные с определёнными накшатрами, по-прежнему верят в то, что их судьба зависит от положения Луны. Это не просто пережиток прошлого — это живая традиция, которая адаптируется к современным условиям и продолжает давать людям чувство связи с космосом и с их культурным наследием. И в этом смысле накшатры являются не просто древними лунными домами, но домом для всей индийской цивилизации, который она строит на протяжении тысячелетий.

Изучение накшатр позволяет нам заглянуть в сознание древних людей, которые создали эту удивительную систему. Мы видим, как они наблюдали за небом, как они система-

тизировали свои наблюдения, как они связывали их с повседневной жизнью. Мы видим их способность к абстрактному мышлению, их творческое воображение, их глубокую веру в то, что космос имеет порядок, и что этот порядок может быть познан человеком. И мы видим, что они использовали это знание не просто для того, чтобы удовлетворить любопытство, но чтобы выжить, процветать и понять своё место в бесконечной Вселенной.

Накшатры также напоминают нам о том, что астрономия — это не только наука, но и искусство. Искусство видеть, искусство запоминать, искусство передавать знания через истории и ритуалы. Сегодня, когда мы смотрим на Луну, мы можем попытаться представить, как она движется по этим древним домам, как она озаряет их своим светом, как она связывает нас с теми, кто жил тысячи лет назад. Мы можем почувствовать благоговение, которое чувствовали они, и понять, что они оставили нам не просто систему, а целый мир, полный смысла и красоты. И в этом мире, как и в нашем собственном, Луна продолжает свой вечный путь по домам, которые люди построили для неё на небесах, чтобы всегда знать, куда она направляется, и куда направляемся мы.

Глава 19. Солнце как главное божество: эволюция культа от огня к светилу

Из всех небесных тел, которые человек созерцал с древнейших времен, ни одно не занимало столь исключительного места в его сознании, как Солнце. Оно было не просто самым ярким светилом, не просто источником тепла и света, но и главным действующим лицом космической драмы, от которого зависело всё — от урожая до здоровья, от настроения до судьбы целых народов. Культ Солнца является, возможно, самым универсальным и самым древним из всех культов человечества, и индийская цивилизация не была исключением. Однако индийское почитание Солнца имело свои уникальные черты, свою эволюцию, которая привела от поклонения огню как божеству к поклонению самому светилу, а затем к сложной философской концепции, в которой Солнце стало символом высшей реальности, чистого сознания и освобождения.

В самых ранних индийских верованиях, о которых мы можем судить по археологическим данным, Солнце не было отдельным божеством. Оно было частью более общего культа огня, который был центральным для жизни древних охотников и собирателей. Огонь давал тепло, защищал от диких жи-

вотных, позволял готовить пищу, освещал темноту. Он был живым, дышащим существом, которое можно было кормить дровами, которое могло умереть и вновь возродиться, которое требовало уважения и заботы. Этот огонь на земле был отражением огня небесного — Солнца, которое также рождалось каждое утро и умирало каждый вечер, проходя через подземный мир и возвращаясь к новому дню. Таким образом, культ огня предшествовал культу Солнца, и многие ритуалы, связанные с Солнцем, берут свое начало в этих древних практиках почитания огня.

Когда индийцы перешли к земледелию, культ Солнца приобрел новое значение. Земледелец зависел от солнечного света для роста растений, от солнечного тепла для созревания зерна, от солнечного цикла для определения времени посева и сбора урожая. Он видел, что если Солнце светит недостаточно ярко или слишком долго прячется за тучами, урожай гибнет. Он видел, что его жизнь буквально зависит от этого небесного тела. Поэтому Солнце стало не просто огнем на небе, а могущественным божеством, которое могло награждать или наказывать, и к которому нужно было обращаться с молитвами и жертвоприношениями, чтобы обеспечить его благосклонность. Солнце стало подателем жизни, источником всех благ, и ему начали поклоняться как главному богу, которому подчиняются все остальные.

В Ригведе, древнейшем индийском тексте, который дошел до нас, культ Солнца занимает центральное место. Ей посвя-

щены десятки гимнов, в которых она прославляется как Сурья, Савитар, Митра, Пушан, Арьяман и другие имена. Каждое имя подчеркивает определенный аспект солнечной силы: Сурья — это само светило, Савитар — его животворная энергия, Митра — его дружелюбная сторона, Пушан — его заботливая и защитная функция. Эти гимны не просто восхваляют Солнце как физический объект; они видят в нем божественное существо, которое обладает сознанием, волей и способностью влиять на судьбы людей. Они просят у Солнца долголетия, здоровья, богатства, победы над врагами. Они приносят ему жертвы: сому, молоко, зерно, животных. Они верят, что Солнце слышит их и отвечает на их молитвы.

Эволюция культа Солнца от огня к светилу отражает эволюцию самого человеческого сознания. Огонь — это нечто близкое, доступное, рукотворное. Его можно развести, поддерживать, контролировать. Солнце же — это нечто далекое, могущественное, неуправляемое. Оно восходит и заходит по своей воле, и человек не может на него повлиять. Поэтому культ Солнца представляет собой переход от антропоморфного, имманентного божества к трансцендентному, которое возвышается над человеком и миром. Это важный шаг в религиозном развитии, который приводит к возникновению монотеистических тенденций, где одно верховное божество становится источником всего сущего.

В индийской философии этот переход находит свое завершение в Упанишадах, где Солнце становится символом

Брахмана — высшей реальности, которая является одновременно и имманентной, и трансцендентной. В Упанишадах говорится, что Солнце — это глаз Брахмана, через который он видит мир, что Солнце есть проявление его света, что тот, кто осознает Солнце как Брахмана, достигает освобождения. Это уже не просто культ, это метафизика, в которой Солнце становится не объектом поклонения, а символом, ведущим к познанию абсолютной истины. Эта идея оказала глубокое влияние на буддизм, хотя буддизм и отверг концепцию вечного Брахмана, но сохранил символику Солнца как света мудрости, который рассеивает тьму невежества.

В классической индийской астрономии Солнце также занимало центральное место, но уже не как божество, а как объект научного изучения. Астрономы, такие как Арьябхата, Варахамихира и Брахмагупта, вычисляли его движение, его расстояние до Земли, его диаметр, его влияние на сезоны и климат. Они разработали методы расчета солнечных затмений, которые были настолько точными, что поражали даже европейских ученых в эпоху Возрождения. Однако для этих астрономов Солнце не переставало быть божественным; наука и религия сосуществовали в их сознании без противоречия. Они видели в Солнце проявление божественного порядка, который можно познать через наблюдение и расчет, но который также требует почитания и благодарности.

Ритуалы, связанные с Солнцем, были разнообразны и проводились в течение всего года. Самый важный из них —

это Сурья-намаскара, или приветствие Солнцу, которое было частью ежедневной практики брахманов и других людей. Это была не просто физическая гимнастика, как сегодня, а сложный ритуал, включающий мантры, жесты и дыхательные упражнения, которые должны были установить связь между человеком и космосом. Во время Сурья-намаскары человек обращался к Солнцу с просьбой о здоровье, мудрости и долголетии, и верил, что солнечная энергия, проходя через его тело, очищает его и наполняет силой. Этот ритуал был настолько важен, что он сохранился до наших дней и практикуется миллионами людей по всему миру, хотя уже без глубокого религиозного смысла.

Другим важным солнечным ритуалом был день Макар-санкранти, который отмечает переход Солнца в знак Козерога и начало Уттараяны — периода, когда Солнце движется на север. Этот день считается одним из самых благоприятных в году, и он посвящен Сурье. В этот день индийцы совершают омовения в священных реках, делают пожертвования брахманам, проводят праздничные церемонии. Считается, что любые благие дела, совершенные в этот день, приносят многократную кармическую пользу, потому что Солнце находится в самой благоприятной позиции. Этот ритуал отражает глубокую веру в то, что движение Солнца по небу не является просто механическим процессом, а имеет моральное и духовное значение.

В буддийской традиции Солнце также занимает почетное

место, хотя и не как объект поклонения. Будда часто использовал солнечные образы в своих проповедях. Он говорил, что его учение подобно Солнцу, которое озаряет всех без различия, принося свет и тепло каждому, кто готов его принять. Он сравнивал просветление с восходом Солнца, который рассеивает тьму невежества и показывает мир таким, какой он есть. Он также говорил, что Солнце не имеет предпочтений, что оно светит одинаково на богатых и бедных, на святых и грешников, и что его сострадание также распространяется на всех существ без исключения. Эти метафоры показывают, что буддизм воспринял солнечную символику, но переосмыслил её в этическом ключе, сделав акцент не на силе, а на сострадании и мудрости.

В буддийской иконографии Солнце часто изображается как одно из божеств, которое защищает учение и монахов. Например, в тантрическом буддизме Сурья является одним из четырех стражей сторон света, который охраняет юго-восток. Его изображают как сияющего бога, сидящего на колеснице, запряженной семью лошадьми, что соответствует ведическому описанию. Однако в буддийской интерпретации Сурья не является верховным божеством, а просто одним из многих существ, которые, как и люди, подвержены циклу перерождений и стремятся к освобождению. Это показывает, что буддизм встроил солнечный культ в свою систему, но лишил его абсолютного значения, перенеся акцент на внутреннее просветление.

Культ Солнца также связан с политической властью в Индии. Многие правители, начиная с древности, объявляли себя потомками Сурьи или его прямыми представителями на земле. Династия Сурьявамша, или Солнечная династия, к которой принадлежал Рама, герой «Рамаяны», была одной из самых почитаемых в индийской истории. Цари этой династии считали, что их власть освящена самим Солнцем, и что они обязаны править справедливо и по-божески, чтобы не утратить его благосклонность. Это придавало культу Солнца политическое измерение, и солнечные символы, такие как колесо или диск, часто появлялись на царских знаменах и печатях. Даже в буддийских государствах, таких как династия Маурьев, правители использовали солнечную символику для укрепления своей легитимности, хотя они и не были индуистами.

Эволюция культа Солнца также прослеживается в архитектуре. Храмы, посвященные Сурье, строились по всей Индии, и их ориентация была строго по оси восток-запад, чтобы лучи восходящего Солнца падали на алтарь в дни равноденствий. Наиболее известный из них — храм Сурьи в Конараке, в штате Орисса, который был построен в тринадцатом веке и представляет собой грандиозную колесницу с семью лошадьми, что символизирует солнечное колесницу. Этот храм не только место поклонения, но и астрономическая обсерватория, где жрецы наблюдали за Солнцем и определяли даты ритуалов. Его архитектура сочетает в себе инженерное ма-

стерство и глубокий символизм, показывая, как культ Солнца вдохновлял на создание великих произведений искусства.

В народной культуре Солнце сохранило свое значение как защитник от злых духов. В индийских деревнях до сих пор существует обычай выходить на крышу или во двор на рассвете, чтобы приветствовать Солнце и просить его о защите на предстоящий день. Это простой, но глубокий ритуал, который передается из поколения в поколение. Люди верят, что первые лучи Солнца обладают очищающей силой, что они сжигают негативную энергию и приносят удачу. Этот обычай не является формально религиозным, но он отражает ту же глубокую потребность в связи с космосом, которая была характерна для древних индийцев.

Современная наука, конечно, видит Солнце как просто звезду, один из миллиардов в галактике. Но для многих индийцев, даже образованных, Солнце остается не просто физическим объектом, а символом жизни, надежды и постоянства. Они могут не совершать ритуалов в его честь, но они испытывают к нему уважение и благодарность. И эта эмоциональная связь с Солнцем, этот атавистический страх перед его гневом и радость от его появления, восходит к тем древним временам, когда культ Солнца был главным элементом человеческой культуры. Она напоминает нам, что мы не просто случайные существа на случайной планете, а часть великого космического процесса, который имеет свою красоту и свой смысл.

Интересно, что в индийской философии Солнце часто связывается с понятием «само-реализации». Считается, что как Солнце светит само по себе, независимо от внешних источников, так и душа, осознавшая свою истинную природу, становится самосветящейся, независимой от внешнего мира. Эта метафора широко используется в веданте и в буддийской тантре. Практикующий, медитируя на Солнце, представляет, что его собственное сознание становится таким же ярким и чистым, как солнечный свет, и эта визуализация помогает ему преодолеть привязанности и достичь состояния недвойственности. Таким образом, солнечный культ перерастает в духовную практику, становясь средством освобождения.

Культ Солнца также оказал влияние на индийскую астрологию. Солнце считается одной из девяти планет, навраграх, и его положение в гороскопе определяет жизненную силу, здоровье, власть и самовыражение человека. Люди, родившиеся под сильным Солнцем, считаются лидерами, обладающими харизмой и способностью влиять на других. Те, у кого Солнце слабо, могут быть неуверенными и иметь проблемы со здоровьем. Астрологи рекомендуют им проводить ритуалы в честь Сурьи, носить рубины и другие солнечные камни, чтобы усилить его влияние. Эти рекомендации остаются популярными и сегодня, показывая, что астрологическое измерение солнечного культа продолжает жить.

В священных текстах, таких как «Сурья-сиддханта», Солнце описывается не только как астрономический объект,

но и как источник всей жизни и всей энергии. В этой трактате говорится, что Солнце находится в центре Вселенной, что оно управляет движением планет, что его свет пронизывает всё сущее. Эти описания, хотя и не соответствуют современной гелиоцентрической модели, отражают представление о Солнце как о первоисточнике, который определяет структуру космоса. В этом смысле «Сурья-сиддханта» является не просто научным трудом, но и религиозным гимном, прославляющим величие Солнца и его творческую силу.

Сегодня, когда мы смотрим на Солнце, мы видим в нем прежде всего источник энергии. Но если мы остановимся на мгновение и задумаемся, мы можем почувствовать то же благоговение, которое испытывали наши предки. Солнце — это не просто звезда, это наш ближайший космический сосед, без которого жизнь на Земле была бы невозможна. Оно дает нам не только свет и тепло, но и чувство непрерывности, связи с прошлым и будущим. Каждое утро, когда оно восходит, мы видим повторение акта творения, и это повторение напоминает нам о том, что мир упорядочен и что мы являемся его частью. Солнечный культ, каким бы архаичным он ни казался, учит нас этой простой и глубокой истине: мы зависим от космоса, и мы должны относиться к нему с уважением и благодарностью.

Буддизм, в своем стремлении к освобождению, не отрицает этой зависимости, но он предлагает другой путь: не поклоняться Солнцу, а стать подобным Солнцу, излучая муд-

рость и сострадание на всех существ. Этот путь требует не ритуалов, а внутренней работы над умом. Но он сохраняет солнечный образ как идеал, как цель, к которой стоит стремиться. И в этом смысле эволюция культа Солнца от огня к светилу, от силы к мудрости, является отражением эволюции человеческого духа, который, начав с почитания внешних сил, приходит к осознанию своей собственной внутренней силы и света.

Глава 20. Затмения как космическая драма: мифология борьбы со тьмой

Среди всех небесных явлений, которые наблюдал древний человек, ни одно не вызывало такого ужаса, трепета и благоговения, как затмения. Когда светило, казавшееся вечным и неизменным, вдруг начинало бледнеть, чернеть, исчезать, мир погружался в неестественный мрак, птицы замолкали, животные впадали в странное беспокойство, а люди замирали в ожидании неизбежной катастрофы. В эти мгновения космический порядок, казавшийся незыблемым, рушился, и хаос врывался в мир, угрожая поглотить его целиком. И в этом хаосе древний человек видел не просто физическое явление, а драму, сражение между силами света и тьмы, борьбу, которая разворачивалась над его головой и от исхода которой зависела судьба всего сущего. Затмения были небесным знаком, предупреждением, наказанием, испытанием, и они породили богатейшую мифологию, которая в индийской традиции достигла особой сложности и философской глубины.

Самый ранний и самый устойчивый миф, связанный с затмениями в Индии, — это миф о Раху и Кету, двух демонических сущностях, которые возникли из тела демона Свяб-

хану, попытавшегося украсть напиток бессмертия, нектар амриту. Согласно пуранической версии, история началась, когда боги и демоны совместно пахтали океан, чтобы добыть сокровища, в том числе амриту, дающую бессмертие. Когда амрита появилась, боги, сговорившись, не дали демонам её отведать. Но один из демонов, Свабхану, принял облик бога и проник в ряды небожителей, чтобы украсть бессмертный напиток. Он уже поднес сосуд к губам, когда Солнце и Луна, которые охраняли порядок, заметили его и сообщили Вишну. Вишну, приняв грозный облик, отсек демону голову мечом. Но поскольку Свабхану успел проглотить несколько капель амриты, его голова и тело не умерли, а стали бессмертными по отдельности. Голова стала Раху, а тело — Кету. И с тех пор Раху, движимый неугасимой ненавистью, преследует Солнце и Луну, которые выдали его, и время от времени проглатывает их. Однако, поскольку у него нет тела, проглоченные светила выходят обратно, и затмение заканчивается. Так было объяснено, почему Солнце и Луна периодически исчезают, но всегда появляются вновь.

Этот миф был не просто занимательной сказкой. Он выполнял важную функцию, объясняя необъяснимое для древнего человека явление. Но он также имел глубокий астрономический и математический смысл. Раху и Кету в индийской астрономии стали обозначать точки пересечения лунной орбиты с плоскостью эклиптики — восходящий и нисходящий узлы. Именно в этих точках происходят солнечные и лунные

затмения. Таким образом, миф стал инструментом для вычисления затмений: зная положение Раху и Кету, астрономы могли предсказывать, когда и где произойдет следующее затмение. Эта гениальная идея — превратить мифических демонов в математические точки — показывает, как индийская мысль соединяла мифологию и науку в единое целое. Раху и Кету не были просто выдумкой; они были реальными астрономическими параметрами, которые позволяли делать точные расчеты, и в этом заключалась их сила.

Удивительно, что эта система работала с высокой точностью. Индийские астрономы, такие как Арьябхата и Варахамихира, разработали методы расчета затмений, которые давали ошибку не более нескольких минут. Они использовали знание о том, что Раху и Кету движутся по небу в обратном направлении, и что их период составляет примерно восемнадцать с половиной лет — так называемый драконический период, который соответствует циклу обращения лунных узлов. Это знание было настолько точным, что оно использовалось не только в Индии, но и было передано арабам, а затем и европейцам, внеся вклад в мировую астрономию. Миф о Раху и Кету, таким образом, стал основой для научного предсказания, и в этом смысле он является одним из самых удачных примеров синтеза мифа и математики.

Ритуалы, связанные с затмениями, были столь же сложны, как и мифы. В день затмения, когда Солнце или Луна начинали темнеть, индийцы собирались в храмах, на берегах рек

или на специальных площадках, чтобы наблюдать за явлением и совершать обряды. Вера в то, что во время затмения демон Раху захватывает светило, требовала активного вмешательства людей, чтобы помочь светилу освободиться. Люди били в барабаны, трубили в морские раковины, звонили в колокола, кричали, создавая как можно больше шума, чтобы испугать Раху и заставить его отпустить добычу. Эти обряды были не просто суеверным страхом, но коллективным действием, которое объединяло общину в общей борьбе против тьмы. Шум и крики создавали психологический эффект, помогая людям преодолеть страх и чувствовать, что они не пассивные жертвы, а активные участники космической драмы.

Особое значение придавалось омовениям в священных водах во время затмения. Считалось, что в эти моменты вода приобретает особые очищающие свойства, потому что она находится под влиянием космических сил. Люди, которые погружались в реку или в море в момент затмения, верили, что они смывают с себя все грехи, накопленные за предыдущие жизни, и получают освобождение от кармических уз. Эта практика была настолько популярна, что даже сегодня, несмотря на предостережения астрономов о том, что смотреть на Солнце во время затмения вредно для глаз, миллионы индийцев собираются на берегах Ганга и других священных рек, чтобы совершить омовение во время солнечного или лунного затмения. Это показывает, насколько глубоко укоренены эти верования в культурной памяти.

Затмения также интерпретировались как знамения для правителей. Если затмение происходило в день рождения царя или во время его важного начинания, это могло быть истолковано как дурной знак, предвещающий падение династии или поражение в войне. Поэтому астрологи, служившие при дворе, были обязаны предсказывать затмения заранее, чтобы правитель мог принять меры: провести искупительные жертвоприношения, перенести начало кампании или даже отречься от престола в пользу наследника, чтобы отвести беду. Эти астрологические предсказания были не просто консультациями, а важным политическим инструментом, поскольку они могли повлиять на ход истории. Известно, что некоторые индийские цари специально планировали свои военные походы с учетом астрономических прогнозов, чтобы избежать неблагоприятных знамений.

В буддийской традиции отношение к затмениям было более рациональным, но не менее почтительным. Будда не отрицал существование затмений как явлений, но он призывал не впадать в панику и не совершать экстравагантных ритуалов. Он говорил, что все явления, включая затмения, подчинены закону причины и следствия, и что они не являются наказанием богов или происками демонов, а просто естественными процессами в природе. Однако он также использовал образ затмения как метафору для состояния невежества, в котором пребывают живые существа. Подобно тому, как Солнце и Луна закрываются от нас во время затмения,

так и наша истинная природа, просветление, закрыта от нас пеленой желаний, ненависти и заблуждений. И подобно тому, как светила всегда возвращаются к своему сиянию, так и мы можем освободиться от этой пелены, если будем следовать пути Дхармы.

Буддийские монахи часто наблюдали за затмениями как за астрономическими событиями, фиксируя их даты и фазы для календарных расчетов. В некоторых буддийских монастырях существовали специальные солнечные часы и астролябии, чтобы точно определять время затмений и использовать эти данные для составления точных календарей. Однако буддизм придавал этим наблюдениям не ритуальное, а практическое значение: они служили для определения времени упаваса — дней соблюдения дисциплинарных правил, которые приходились на новолуние и полнолуние. Таким образом, буддизм сумел использовать астрономическое знание для своих целей, не впадая в суеверный страх.

В тантрическом буддизме затмения приобрели еще более глубокий смысл. Считалось, что во время затмения энергетические каналы в теле человека открываются, и практикующий может достичь особых состояний сознания, если будет медитировать в это время. Тантрические тексты предписывали практиковать в моменты затмений, потому что, когда внешнее светило затмевается, внутреннее сознание может освободиться от своих ограничений. Эта практика является частью более широкой системы Калачакра, которая буквальн-

но означает «Колесо Времени» и которая уделяет большое внимание астрономическим циклам. В Калачакре затмения рассматриваются как благоприятные моменты для продвинутой духовной практики, когда можно достичь быстрого прогресса на пути к просветлению.

Народные поверья, связанные с затмениями, были также чрезвычайно разнообразны. В некоторых регионах Индии считалось, что во время затмения нельзя есть, пить или даже спать, потому что тень Раху может заразить пищу и человека. Люди прятали еду, чтобы она не испортилась, и накрывали сосуды с водой, чтобы в них не попали вредные лучи. Беременных женщин особенно тщательно оберегали во время затмения, считая, что оно может вызвать выкидыш или привести к рождению ребенка с уродствами. Эти поверья, конечно, не имеют научного обоснования, но они отражают глубокое чувство опасности, которое испытывали люди перед лицом необычного явления. Они также показывают, как астрономия смешивалась с бытовой магией, создавая сложную сеть запретов и предписаний.

В эпосах, таких как «Махабхарата», затмения часто упоминаются как предзнаменования великих событий. Например, перед битвой на Курукшетре происходило несколько необычных астрономических явлений, включая затмения, которые были истолкованы как знак того, что грядет великое разрушение. Герои эпоса обсуждают эти знамения, и их пророчества создают драматическое напряжение, подчерки-

вая, что космос участвует в судьбах людей. Это литературное использование затмений показывает, что астрономия была не только наукой, но и частью повествовательной традиции, в которой небо становилось сценой, отражающей человеческие конфликты и страсти.

Астрономические знания о затмениях в Индии достигли такого уровня, что индийские астрономы могли предсказывать их с удивительной точностью, опережая европейских коллег на многие века. Методы, описанные в «Сурья-сиддханте» и других текстах, использовали тригонометрические функции и сложные алгоритмы для расчета положения Луны и Солнца. Эти методы были настолько совершенными, что их применяли даже в эпоху Великих Моголов, когда индийские астрономы работали при дворе могольских императоров. Интересно, что предсказания затмений часто использовались для укрепления власти: если астроном предсказывал затмение, и оно происходило точно в назначенный день, это подтверждало его мастерство и, косвенно, легитимность правителя, который его поддерживал.

Философское осмысление затмений в индийской традиции также имеет глубокие корни. В Упанишадах затмение используется как метафора для иллюзии, майи, которая закрывает истинную реальность. Подобно тому, как Раху закрывает Солнце, создавая ложный образ исчезновения светила, так и невежество закрывает от нас Атман, создавая ложное ощущение отдельного «я». Познать Атман — зна-

чит увидеть за затмением свет, который никогда не исчезает, а лишь временно скрыт. Эта метафора была подхвачена буддизмом, где невежество сравнивается с тьмой, которая окутывает сознание, а просветление — с рассеиванием этой тьмы, подобно тому, как Солнце выходит из-за Луны после затмения.

В современной науке мы знаем, что затмения — это результат простой геометрии: когда Луна проходит между Землей и Солнцем, или когда Земля находится между Солнцем и Луной, их тени падают друг на друга. Мы можем предсказывать затмения с точностью до секунды на века вперед. Мы знаем, что Раху и Кету — это не демоны, а математические точки. Но это знание не делает древние мифы менее ценными. Напротив, они показывают нам, как человеческий ум справлялся с необъяснимым, создавая истории, которые были не только объяснениями, но и утешением, и вызовом. Они учили людей смотреть на небо не с холодным безразличием, а с живым участием, чувствуя, что они являются частью великой космической драмы, в которой каждый может сыграть свою роль.

Сегодня, когда мы смотрим на солнечное затмение через защитные очки, мы испытываем не тот ужас, который испытывали наши предки. Но мы все равно чувствуем благоговение перед этим зрелищем. Мы видим, как день превращается в ночь, как звезды появляются на небе среди бела дня, как мир погружается в странную тишину и прохладу. Это

явление напоминает нам о том, что мы живем на движущейся планете, в движущейся солнечной системе, в движущейся галактике, и что мы, несмотря на все наши технологии, остаемся крошечной частью огромного, таинственного космоса. И в этом ощущении тайны мы соединяемся с древними индийцами, которые смотрели на то же затмение и видели в нем борьбу света и тьмы, демона и божества, страха и надежды.

Затмения также продолжают влиять на культуру и искусство Индии. В литературе затмения используются как символы кризиса, разрушения и обновления. В кино они создают драматический фон для любовных сцен или кульминационных моментов. В музыке они вдохновляют на создание мелодий, которые передают напряжение и облегчение. И в повседневной жизни многие индийцы по-прежнему придерживаются старых обычаев, даже если они не верят в Раху и Кету, потому что эти обычаи являются частью их идентичности, способом связаться с предками, почувствовать себя частью непрерывной традиции.

Мифология затмений также пересекается с другими космологическими концепциями, такими как карма и перерождение. Считается, что во время затмения кармические плоды созревают быстрее, и что добрые дела, совершенные в этот день, приносят многократный результат, но и злые дела также умножаются. Поэтому многие люди специально совершают благотворительность в день затмения, чтобы улуч-

шить свою карму и обеспечить себе лучшее будущее рождение. Это показывает, что астрономия в индийской культуре была не просто наукой, но и этикой, которая направляла поведение человека, помогая ему жить в гармонии с космическим законом.

Буддийский подход к затмениям, с его акцентом на рациональность и практичность, стал важным шагом в секуляризации астрономии, отделении её от ритуала и суеверия. Однако буддизм не отбросил магию полностью; он перенес её на внутренний уровень, превратив в духовную практику. И в этом смысле он предложил альтернативный способ взаимодействия с затмениями: не бояться их и не пытаться манипулировать ими, а использовать их как напоминание о непостоянстве и как возможность для внутренней работы. Этот путь, возможно, является более зрелым, но он не отменяет ценности древних мифов, которые давали людям мужество и надежду в самые темные моменты.

Размышляя над этой космической драмой, которая разыгрывается на небесах каждое затмение, мы можем почувствовать, что мы все еще участвуем в ней, даже если мы больше не верим в Раху и Кету. Мы участвуем как зрители, как наблюдатели, которые восхищаются красотой и величием вселенной. Мы участвуем как наследники тысячелетней традиции, которая передала нам это знание о небесах, и мы участвуем как люди, которые продолжают искать ответы на те же вопросы, что и их предки: что такое тьма, что такое свет, что

скрыто за видимым, и как нам жить, чтобы не утратить надежду, когда мир вокруг нас погружается во мрак. И в этом поиске, в этом стремлении понять и сохранить веру в возвращение света, мы остаемся теми же людьми, что и они, когда смотрели на затемненное Солнце и били в барабаны, чтобы помочь ему освободиться.

Глава 21. Планеты как странники: как были открыты первые блуждающие звезды

Ночное небо для древнего наблюдателя было великой книгой, в которой каждая звезда занимала свое неизменное место, словно буква в хорошо знакомом тексте. Созвездия повторялись из года в год, из поколения в поколение, и их постоянство было источником утешения в мире, где все остальное менялось. Но среди этих неподвижных огней находились несколько странных светил, которые вели себя иначе, чем все остальные. Они не оставались на своих местах, а медленно, но неуклонно перемещались по небу, переходя из одного созвездия в другое, меняя свою яркость, иногда исчезая на время и появляясь вновь. Эти странники, эти блуждающие звезды, были планетами, и их открытие стало одним из самых значительных событий в истории человеческой мысли, поскольку оно показало, что небо не является статичным и неизменным, а подвержено движению и изменениям, как и земной мир.

Древние индийцы, как и другие народы, не сразу поняли, что эти блуждающие светила отличаются от звезд по своей природе. Долгое время они считали их просто особыми звездами, которые обладают способностью двигаться. Но посте-

пенно, по мере накопления наблюдений, они начали замечать закономерности в их движении. И эти закономерности привели к тому, что планеты были не только выделены в отдельную категорию, но и наделены именами, характерами и функциями, которые стали частью космологии, астрологии и мифологии. Планеты были не просто небесными телами; они были божественными существами, странниками, посланниками, судьями, которые влияли на жизнь людей и на устройство Вселенной.

В ведийской литературе упоминаются семь основных планет, которые были известны древним астрономам: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера и Сатурн. В индийской традиции Солнце и Луна также считались планетами, хотя с современной точки зрения они таковыми не являются. Это объясняется тем, что древние классификации основывались на видимом движении: все светила, которые перемещались по небу относительно звезд, назывались планетами. Таким образом, в индийскую систему навраграх, девяти планет, входили семь видимых светил плюс Раху и Кету — теневые планеты, которые, как мы уже знаем, не являются физическими телами, но играют важную роль в астрологии и расчетах затмений. Эта классификация оказалась настолько устойчивой, что она сохранилась до наших дней в индийской астрологической традиции.

Но как именно были открыты планеты как блуждающие светила? Здесь мы должны представить себе работу древнего

астронома, который ночь за ночью вел записи о положении светил. Он не имел телескопов, но он имел терпение, которое заменяло любые инструменты. Он замечал, что планета движется по небу не равномерно, а с остановками и даже попятным движением. Эта петлеобразная траектория, которая сегодня объясняется разницей в скоростях орбит Земли и планеты, была для древних наблюдателей загадкой. Они не знали, что Земля сама движется вокруг Солнца, и поэтому пытались объяснить попятное движение планет как результат их собственных сложных орбит или как проявление воли богов. Но сам факт, что они заметили эту петлю и пытались её объяснить, говорит о высоком уровне наблюдательности.

Индийские астрономы разработали элегантные методы для расчета движения планет. Они использовали систему эксцентрических кругов и эпициклов, которая была похожа на систему, созданную греческими астрономами, но имела свои особенности. В «Сурья-сиддханте» и других текстах описываются формулы, которые позволяют вычислить положение каждой планеты на любой день года. Эти формулы были основаны на многолетних наблюдениях и использовали тригонометрические функции, которые были известны индийским математикам задолго до того, как они появились в Европе. Точность этих расчетов была поразительной: индийские астрономы могли предсказывать положение Юпитера или Сатурна с ошибкой не более одного градуса, что было достаточно для практических целей — календаря, астроло-

гии и ритуалов.

Каждая планета в индийской традиции имела свой цвет, свою скорость, свой период обращения и свой характер. Меркурий, как самая быстрая планета, считался богом торговли и красноречия, и его быстрота символизировала хитрость и находчивость. Венера, самая яркая, была планетой любви и плодородия, и её сияние ассоциировалось с красотой и страстью. Марс, красноватый, был планетой войны и энергии, и его цвет связывали с кровью и огнем. Юпитер, самый крупный и яркий после Венеры, был планетой мудрости и процветания, и его медленное движение символизировало стабильность и надежность. Сатурн, самый медленный и тусклый, был планетой кармы, ограничений и испытаний, и его медленный ход напоминал о неизбежности времени и смерти. Эти характеристики были не просто произвольными; они основывались на реальных наблюдениях за цветом, яркостью и скоростью планет, и они помогали запомнить их астрономические свойства.

Особое внимание в индийской астрономии уделялось синодическим циклам планет — периодам, через которые планета возвращается в то же положение относительно Солнца и Земли. Например, синодический период Венеры составляет примерно пятьсот восемьдесят четыре дня, и индийские астрономы знали это с высокой точностью. Они использовали эти циклы для предсказания, когда планета будет видна утром или вечером, когда она будет стоять на месте или дви-

гаться назад. Эти знания были важны для астрологии, поскольку считалось, что разные положения планет имеют разные влияния на судьбы людей. Астрологи составляли гороскопы, основанные на точном положении планет в момент рождения, и для этого им были необходимы точные астрономические таблицы.

Индийские астрономы также знали о том, что планеты не только движутся по небу, но и имеют собственные орбиты, которые не являются идеальными кругами. В «Арьябхатии» содержится упоминание о том, что орбиты планет являются эллиптическими, хотя это утверждение не было развито в полной мере. Арьябхата также предположил, что планеты светят отраженным светом Солнца, а не собственным, что было революционной идеей для того времени. Он также рассчитал, что Венера и Меркурий вращаются вокруг Солнца, а не вокруг Земли, что было еще более смелым утверждением, которое во многом предвосхитило гелиоцентрическую модель Коперника. Хотя эти идеи не были полностью приняты в индийской астрономии, они показывают, что индийские мыслители были способны на оригинальные и глубокие прозрения.

В буддийской космологии планеты также занимают важное место. В «Абхидхармакоше» Васубандху описывается, как планеты вращаются вокруг горы Меру, каждая на своей высоте. Солнце и Луна находятся на самых низких уровнях, затем следуют Меркурий и Венера, затем Марс, Юпи-

тер и Сатурн. Это расположение соответствует их видимой скорости: чем выше планета, тем медленнее она движется. Такая модель, хотя и является геоцентрической и мифологической, показывает, что буддийские космологи пытались систематизировать свои знания о движении планет в единую картину мира. Они также связывали планеты с кармическими процессами, считая, что их движение отражает изменения в состоянии существ, населяющих различные миры.

В буддийских текстах планеты часто упоминаются как часть космического порядка, который должен быть понят практикующим для того, чтобы освободиться от иллюзий сансары. Знание астрономии считалось полезным, но не достаточным для достижения просветления; оно должно было быть дополнено этической практикой и медитацией. Однако буддийские монахи, которые занимались астрономией, внесли значительный вклад в развитие этой науки, особенно в области календарных расчетов. Они использовали астрономические знания для определения дат религиозных праздников, таких как Весак, и для планирования своего распорядка дня, который часто зависел от фаз Луны и времени восхода Солнца.

Влияние планет на календарь было особенно важным. Индийский календарь, как мы уже видели, был основан на лунно-солнечной системе, которая требовала согласования движения Луны и Солнца. Планеты также влияли на календарь, поскольку их периоды использовались для определения бо-

лее длительных временных циклов. Например, период Юпитера в двенадцать лет использовался для двенадцатилетнего цикла, который был важен для астрологии и планирования крупных событий. Период Сатурна в тридцать лет использовался для еще более длительных циклов. Эти циклы позволяли создавать иерархию времени, в которой каждый день, месяц, год и эпоха имели свои астрологические соответствия.

Астрология, которая была неразрывно связана с астрономией, использовала планеты как главный инструмент для предсказания судьбы. Каждая планета отвечала за определенные аспекты жизни: здоровье, богатство, брак, карьеру, духовное развитие. Астролог, составляя гороскоп, анализировал положение планет в домах гороскопа, их аспекты и их взаимоотношения друг с другом. На основе этого анализа он делал выводы о характере человека, о его сильных и слабых сторонах, о его будущем. Астрология была не просто развлечением для элиты, но серьезным инструментом для принятия решений во всех сферах жизни, от брака до выбора профессии. Даже цари обращались к астрологам, чтобы узнать благоприятное время для начала войны или постройки храма.

В индийской астрологии планетам приписывались определенные качества, которые соответствовали их астрономическим свойствам. Например, Юпитер считался благоприятной планетой, которая приносит удачу и процветание. Са-

турн, напротив, считался неблагоприятным, приносящим препятствия и страдания. Венера считалась благоприятной для любви и искусств, Марс — неблагоприятным для мира, но благоприятным для энергии и мужества. Меркурий считался нейтральным, зависящим от аспектов других планет. Эти классификации были основаны не только на видимых свойствах планет, но и на мифологических ассоциациях, которые были глубоко укоренены в культуре.

Интересно, что система планет в индийской астрологии была также связана с днями недели. Каждый день недели был посвящен определенной планете, и это посвящение определяло характер дня. Воскресенье было днем Солнца, и это был день для отдыха и поклонения. Понедельник был днем Луны, и это был день для семейных дел и заботы о здоровье. Вторник был днем Марса, и это был день для энергичных действий, но также для конфликтов. Среда была днем Меркурия, и это был день для торговли и учебы. Четверг был днем Юпитера, и это был день для мудрости и благотворительности. Пятница была днем Венеры, и это был день для любви и творчества. Суббота была днем Сатурна, и это был день для покаяния и ограничений. Этот распорядок был не просто традицией, но и практическим руководством для организации жизни.

В древней Индии планеты также использовались для навигации, особенно в мореплавании. Индийские мореплаватели знали, что по положению планет можно определить ши-

роту и время суток. Венера и Юпитер были особенно полезны, поскольку они были видны в течение большей части ночи и имели яркие и легко определяемые позиции. Индийские моряки составляли карты, на которых указывались положения планет в определенные дни года, и использовали эти карты для плавания по Индийскому океану. Эта навигационная практика была секретом индийских купцов, которые доминировали в морской торговле между Аравией, Африкой и Юго-Восточной Азией в течение многих веков.

Наблюдение за планетами также использовалось для метеорологических прогнозов. Считалось, что определенные положения планет связаны с изменениями погоды: появление Юпитера на востоке предвещало благоприятный сезон дождей, тогда как появление Марса предвещало засуху или бури. Эти прогнозы были важны для земледельцев, которые зависели от сезонных муссонов. Хотя современная наука не подтверждает эти корреляции, в условиях древности они были лучшим доступным методом прогнозирования, и они помогали общинам подготовиться к возможным неблагоприятным условиям.

В священных текстах планеты часто изображаются как колесницы, которые везут богов по небу. Например, Сурья, бог Солнца, едет на колеснице, запряженной семью лошадьми. Сома, бог Луны, также едет на колеснице, но запряженной десятью лошадьми. Эти колесницы символизируют движение планет по небосводу, и их описание содержит астро-

номическую информацию: количество лошадей может соответствовать количеству лучей или другим параметрам. Такие образы, хотя и кажутся поэтическими, имеют под собой реальную астрономическую основу, которая была понятна тем, кто умел читать их.

В буддийской иконографии планеты также изображаются в виде божеств, которые окружают Будду или находятся на окраинах мандал. Они представляют собой силы, которые могут быть как благотворными, так и разрушительными, и их изображение служит напоминанием о непостоянстве и относительности всех явлений. В тантрических практиках планеты иногда визуализируются как защитники, которые помогают практикующему преодолеть препятствия на пути. Эти образы показывают, как буддизм интегрировал астрономические и астрологические концепции в свою систему, придавая им новое, духовное значение.

Со временем, с развитием астрономических инструментов и методов, индийские астрономы стали различать больше планет, хотя до открытия Урана и Нептуна с помощью телескопов было еще далеко. Но семь планет, известных древним, оставались основой астрономии на протяжении двух тысячелетий. Их движение было тщательно изучено, и созданные на основе этих исследований таблицы позволяли предсказывать их положение с точностью, достаточной для всех практических нужд. Эти таблицы были переведены на арабский язык и попали в Европу, где они повлияли на раз-

витие европейской астрономии в период Ренессанса.

Открытие планет как блуждающих звезд было не просто научным открытием, но и философским переворотом. Оно показало, что небо не является идеальной, неизменной сферой, как думали некоторые греческие философы, а подвержено изменениям и движению. Это приближало небо к земле, делало его частью того же мира, в котором живут люди, и открывало возможность для изучения законов, которые управляют обоими. Индийские астрономы, осознавая движение планет, не впали в отчаяние от потери неизменного порядка; они нашли новый порядок, который был еще более глубоким и сложным, и который отражал идею цикличности и взаимозависимости всех явлений.

Сегодня, когда мы знаем, что планеты — это такие же миры, как и Земля, с горами, атмосферами и, возможно, даже жизнью, мы можем с новым уважением отнестись к древним наблюдателям, которые первыми заметили их странное поведение на небе. Они не знали, что планеты — это другие земли, но они знали, что это не просто звезды. Они дали им имена, наделили их характерами, использовали их для навигации и предсказаний. И в этом акте познания, в этом моменте осознания, что небо не мертво, а живо, что оно движется и изменяется, они сделали первый шаг к тому, чтобы сделать космос понятным для человека. Планеты, эти вечные странники, продолжают свой путь по небу, и мы, их потомки, все еще смотрим на них с тем же чувством изумления и вопроса,

которое испытывали древние индийцы, когда впервые увидели свет, движущийся среди неподвижных звезд.

Глава 22. Хроники наблюдений: как фиксировались кометы и новые звезды

Ночное небо было для древних людей не просто фоном для их жизни, но и летописью, в которой записывались события, имевшие значение для всей общины. Среди этих событий были и те, которые случались редко, но когда они происходили, их появление вызывало смятение, страх и одновременно жгучий интерес. Кометы, эти небесные пришельцы с длинными светящимися хвостами, и новые звезды, внезапно вспыхивающие там, где их никогда раньше не было, были для древних наблюдателей сигналами из иного мира, вестниками перелома времен, предвестниками судьбоносных перемен. И они не просто смотрели на них с ужасом и изумлением — они записывали свои наблюдения, создавая хроники, которые стали бесценным источником для астрономии и истории.

Древние индийцы, как и другие народы, вели тщательные записи о появлении комет и новых звезд. Эти записи не были научными отчетами в современном смысле; они были скорее летописями, в которых небесное явление описывалось в контексте земных событий. Когда комета появлялась на небе, писцы фиксировали её форму, цвет, положение, дли-

тельность видимости и, что самое важное, связывали её с событиями, которые происходили в это время на земле. Если за появлением кометы следовала война, эпидемия или смерть правителя, эта связь закреплялась в сознании и в записях, создавая причинно-следственную связь между небом и землей. Комета становилась не просто астрономическим явлением, но и историческим маркером, который помогал датировать события и придавать им символическое значение.

В ведийской литературе мы находим упоминания о кометах, хотя и не в такой систематической форме, как в более поздних текстах. Ригведа содержит отсылки к «меченосцам», «волосатым звездам», которые описываются как оружие богов или как демонические существа, вторгающиеся в небесный порядок. Эти описания, хотя и поэтичны, имеют под собой реальные наблюдения. Древние индийцы видели кометы и пытались объяснить их природу, связывая их с деятельностью богов или злых сил. Но уже в пураническ их текстах мы находим более систематическое описание различных типов комет, их классификацию по цвету, форме и размеру, а также указания на то, какие события они предвещают. Эти классификации, хотя и не являются научными в современном смысле, показывают, что древние наблюдатели были способны к анализу и систематизации своих наблюдений.

Наиболее подробные записи о кометах и новых звездах в

Индии относятся к историческому периоду, начиная с первых веков нашей эры, когда астрономия стала более развитой дисциплиной. Астрономы, такие как Варахамихира и Брахмагупта, включали в свои трактаты разделы, посвященные кометам, где они описывали различные типы этих небесных тел, их движение и их влияние на судьбы мира. В «Брихат-самхите» Варахамихиры есть целая глава, посвященная кометам, где он перечисляет более сотни их разновидностей, каждая из которых имеет свое название, форму и значение. Эта глава является одной из самых подробных в древней астрономической литературе и показывает, что индийские астрономы уделяли кометам большое внимание.

Важно понимать, что записи о кометах и новых звездах в Индии были не только астрономическими, но и астрологическими. Считалось, что каждая комета приносит определенные события: войны, голод, мор, гибель правителей или рождение великих лидеров. Поэтому астрологи внимательно следили за появлением комет и пытались интерпретировать их согласно своим системам. Эти интерпретации были частью более широкой практики предсказания, которая была важна для принятия государственных решений. Цари приглашали астрологов для толкования небесных знамений, и на основе этих толкований могли быть приняты решения о начале войны, строительстве храмов или смене советников. Таким образом, хроники наблюдений за кометами были не просто научными записями, но и политическими докумен-

тами, влиявшими на ход истории.

Одной из наиболее известных комет, зафиксированных в индийских источниках, является комета, которая появилась в 663 году нашей эры и была описана в хрониках царя Харши. Эта комета была видна в течение нескольких месяцев и, согласно записям, имела длинный хвост, направленный на юг. Её появление было истолковано как знак того, что царь Харша должен провести искупительные ритуалы, чтобы защитить свое царство от бедствий. Подобные записи есть и в других хрониках, и они позволяют современным астрономам идентифицировать некоторые исторические кометы и уточнять их орбиты. Таким образом, древние хроники служат ценным материалом для современной науки, позволяя восстановить историю комет на протяжении нескольких тысячелетий.

Новые звезды, или сверхновые, также фиксировались в индийских записях. Сверхновые — это взрывы массивных звезд, которые приводят к резкому увеличению яркости в течение нескольких дней или недель. Эти явления крайне редки, и их появление всегда было событием, которое привлекало всеобщее внимание. В индийских текстах есть упоминания о «новых звездах», которые появлялись на небе и затем постепенно исчезали. Некоторые из этих записей были идентифицированы современными астрономами как известные сверхновые, такие как сверхновая 1006 года, которая была видна по всей Азии и описана в китайских и япон-

ских хрониках, а также, вероятно, в индийских записях.

Индийские астрономы разработали методы для различения комет, новых звезд и других небесных явлений. Они знали, что кометы движутся по небу и имеют хвосты, в то время как новые звезды неподвижны относительно других звезд и не имеют хвостов. Они также различали кометы по цвету: белые, красные, желтые, черные, и каждому цвету приписывали определенное значение. Эти классификации, хотя и основаны на визуальных наблюдениях, показывают систематический подход к изучению неба, который был характерен для индийской астрономии.

Записи о кометах и новых звездах также играли важную роль в календарных расчетах. Считалось, что появление комет связано с определенными циклами, и что их можно предсказать, если знать закономерности движения небесных тел. Хотя современная наука показывает, что кометы не являются строго периодическими, древние астрономы верили, что они подчиняются общим законам космоса, и пытались найти эти законы. Это стремление к предсказуемости отражало общее убеждение в том, что Вселенная упорядочена и что её порядок можно познать.

В буддийских текстах кометы и новые звезды также упоминаются, но с меньшим акцентом на астрологическое значение и с большим на философское. Буддийские монахи, которые занимались астрономией, рассматривали кометы как часть природного порядка, который подчиняется зако-

ну причины и следствия. Они не отрицали, что кометы могут быть связаны с событиями на земле, но они не придавали этому фатального значения, поскольку в буддизме судьба человека определяется его собственной кармой, а не внешними знамениями. Тем не менее, наблюдение за кометами было частью монашеской практики, поскольку оно помогало развивать внимательность и понимание изменчивости мира.

Одной из самых значительных индийских записей о кометах является трактат «Комета-лила», который до нас не дошел полностью, но цитируется в других текстах. Этот трактат, как считается, был посвящен исключительно кометам и содержал подробное описание их движения, форм и значений. Хотя большая часть этого трактата утеряна, его фрагменты, сохранившиеся в «Брихат-самхите» и других работах, дают нам представление о том, насколько серьезно индийские астрономы относились к этому явлению. Они не считали кометы случайными или незначительными; они видели в них важную часть космического порядка, которую необходимо изучать и понимать.

Важно отметить, что записи о кометах и новых звездах в Индии были не только делом ученых, но и частью народной традиции. В деревнях люди наблюдали за небом и передавали из уст в уста рассказы о небесных знамениях. Эти народные хроники часто были более эмоциональными и менее точными, чем записи астрономов, но они также содержали ценную информацию о том, как обычные люди воспринима-

ли небесные явления. Например, в некоторых фольклорных традициях комета считалась небесной колесницей, на которой боги приезжают на землю, или мостом, по которому души умерших переходят в загробный мир. Эти образы, хотя и далеки от научной точности, обогащают наше понимание того, как человек осмыслял космос.

С развитием астрономической науки в средневековой Индии записи о кометах и новых звездах стали более точными и систематическими. Астрономы начали использовать инструменты, такие как астролябии и квадранты, для более точного измерения координат комет. Они также начали вести регулярные журналы наблюдений, которые затем использовались для создания таблиц движения комет. Хотя до открытия периодических комет было еще далеко, эти усилия заложили основу для более поздних достижений.

К сожалению, большая часть индийских записей о кометах и новых звездах была утрачена из-за климатических условий, войн и небрежности. Многие рукописи на пальмовых листьях и бересте просто истлели, и лишь те, что были переписаны в более поздние века, дошли до нас. Это создает серьезные пробелы в нашем знании, и мы вынуждены полагаться на фрагменты и цитаты. Однако даже эти фрагменты достаточно красноречивы, чтобы показать, что индийские астрономы были внимательными наблюдателями и оставили после себя богатое наследие.

Сегодня, когда мы изучаем древние хроники комет, мы

можем использовать их для проверки современных астрономических моделей. Например, зная, что комета Галлея появлялась в Индии в определенные годы, мы можем уточнить её орбиту и предсказывать её будущие появления с большей точностью. Это делает древние записи не просто историческими документами, но и актуальными научными данными, которые могут быть использованы в современных исследованиях.

Сравнение индийских записей с китайскими и арабскими хрониками показывает, что в древнем мире существовала международная сеть наблюдений. Кометы и новые звезды, которые появлялись на небе, были видны в разных частях мира, и каждая культура фиксировала их по-своему. Сопоставляя эти записи, современные астрономы могут восстановить историю явления с беспрецедентной точностью. Например, сверхновая 1054 года, которая привела к образованию Крабовидной туманности, была зафиксирована в китайских и арабских хрониках, а также, предположительно, в индийских. Это позволяет определить дату и яркость этого события, что важно для понимания эволюции звезд.

Философское осмысление комет и новых звезд в индийской традиции также заслуживает внимания. В веданте кометы рассматриваются как проявления временного мира, которые, как и всё остальное, подвержены рождению и уничтожению. Они не являются вечными, и их появление и исчезновение напоминает о непостоянстве всех явлений. Это

напоминание о непостоянстве является центральной темой буддийской философии, и кометы, как кратковременные и яркие явления, хорошо иллюстрируют этот принцип. Они появляются, сияют, а затем исчезают, оставляя после себя лишь память. В этом смысле они являются метафорой жизни, которая также коротка и быстротечна.

В практической астрологии кометы считались особенно мощными знаками, потому что они не подчиняются регулярным циклам и появляются неожиданно. Их влияние считалось более сильным, чем влияние планет, и они могли перевешивать даже самые благоприятные гороскопы. Поэтому астрологи внимательно следили за кометами и включали их в свои прогнозы. Если комета появлялась в день рождения человека или в день важного события, это могло быть истолковано как знак того, что судьба этого человека будет необычной, полной взлетов и падений. Такие интерпретации, хотя и субъективны, имели огромное влияние на жизнь людей, поскольку многие принимали решения, основываясь на этих предсказаниях.

Буддийский подход к кометам и новым звездам был более сдержанным, но не менее уважительным. Будда призывал своих учеников не привязываться к внешним знамениям, а сосредоточиться на внутренней практике. Однако он также признавал, что небесные явления могут служить напоминанием о важности духовного пути. Когда комета появляется на небе, это может быть моментом, когда люди заду-

мываются о быстротечности жизни и о необходимости практиковать добродетель. В этом смысле комета становится не предвестником катастрофы, а учителем, который напоминает о вечных истинах.

В народной культуре Индии кометы и новые звезды до сих пор вызывают интерес и страх. Хотя наука объяснила их природу, многие люди по-прежнему связывают их с суевериями и предсказаниями. Когда появляется яркая комета, газеты пишут о ней, а астрологи дают интерпретации, которые часто становятся темой для обсуждения в семьях. Это показывает, что древние хроники наблюдений продолжают жить в коллективном сознании, формируя восприятие небесных явлений и сегодня.

Изучение того, как индийцы фиксировали кометы и новые звезды, также показывает нам, как развивалась научная методология. От простых описаний в ведийских гимнах до сложных классификаций в «Брихат-самхите», мы видим эволюцию наблюдательного подхода. Древние астрономы учились различать разные типы явлений, измерять их координаты, связывать их с календарными циклами. Этот процесс был медленным, но он привел к созданию системы знаний, которая была достаточно точной для практического использования. И хотя они не понимали физической природы комет, они достигли удивительных результатов в их описании и предсказании.

Сегодня, в эпоху космических зондов и мощных телеско-

пов, мы можем изучать кометы и сверхновые с недоступной для древних детализацией. Мы знаем, что кометы — это ледяные тела, которые прилетают из далекого облака Оорта, и что сверхновые — это взрывы звезд, которые выбрасывают в космос тяжелые элементы. Но это знание не лишает древние хроники их ценности. Они остаются свидетельством того, как человек пытался понять вселенную, используя свои глаза и свой разум, и они напоминают нам о том, что любознательность и стремление к познанию являются вечными качествами человеческой природы.

Размышляя над этим, мы можем почувствовать себя наследниками той великой традиции, которая началась тысячи лет назад, когда первые люди заметили на небе яркий свет, двигающийся среди неподвижных звезд, и попытались понять, что это такое, записать это и передать потомкам. Мы продолжаем это дело, когда мы смотрим на комету через телескоп или когда мы изучаем древние манускрипты в поисках упоминаний о сверхновых. И в этом продолжении, в этой преемственности, заключается величие человеческой мысли, которая не останавливается перед загадками, а идет вперед, шаг за шагом, записывая каждое новое явление в свою бесконечную хронику познания.

Глава 23. Календарные реформы древности: переход от лунного к солнечному циклу

Календарь никогда не был просто инструментом для отсчета дней. Он был священным текстом, зашифрованным в движении светил, и любое изменение в нем было изменением в самой ткани космоса. Древние индийцы, как и другие народы, начинали с простого лунного календаря, который был удобен для повседневных наблюдений, но который неизбежно расходился с солнечным годом, создавая путаницу в сезонных работах и ритуалах. Этот разрыв между лунными месяцами и солнечными годами был не просто технической проблемой; он был вызовом самому пониманию времени, и его решение потребовало гениальных умов, смелых реформ и глубокого переосмысления космического порядка. Календарные реформы, которые проводились в Индии на протяжении тысячелетий, были не просто корректировками чисел; они были актами творения, в которых человек пытался приблизить свой ритм к ритму Вселенной, синхронизировать свою жизнь с вечным движением планет и звезд.

Самая ранняя форма календаря в Индии, как и везде, была лунной. Луна была самым заметным и самым регулярным светилом, и её фазы давали естественную единицу времени

— месяц. Двадцать девять с половиной дней между новолуниями были легко наблюдаемы, и этот цикл стал основой для первых календарей. Однако двенадцать лунных месяцев составляют примерно триста пятьдесят четыре дня, что на одиннадцать дней короче солнечного года. Это расхождение означало, что через несколько лет начало года, отмеченное по лунному календарю, переставало совпадать с сезонными изменениями. Весенний месяц приходился на зиму, а осенний — на лето. Для земледельцев, которые зависели от сезонных ритмов, это было катастрофой. Посев, который должен был проводиться в определенную фазу Луны и в определенное время года, становился невозможным. Необходимость согласовать лунный и солнечный циклы стала настоятельной.

Первым шагом к решению этой проблемы была интеркаляция — периодическое добавление дополнительного месяца, чтобы скомпенсировать разницу. В ведическую эпоху жрецы, которые отвечали за календарь, использовали метод наблюдения за звездами для определения необходимости такого добавления. Когда они замечали, что лунный календарь отстает от солнечного более чем на месяц, они объявляли дополнительный месяц, который назывался «адхика-маса». Этот месяц вставлялся между двумя обычными месяцами, и его наступление не было фиксированным; оно зависело от наблюдений за восходом определенных звезд, таких как созвездие Плеяд или Сириус. Этот метод был эмпирическим

и неточным, но он работал в течение многих столетий, поддерживая относительное соответствие между календарем и сезонами.

Однако наблюдательный метод имел свои недостатки. Он был субъективен, зависел от погоды, от местоположения наблюдателя, от его опыта. В разных регионах Индии дополнительные месяцы могли объявляться в разное время, что создавало путаницу в ритуальной практике. Жрецы из разных школ спорили о том, когда именно следует вставлять адхика-маса, и эти споры иногда приводили к расколам. Кроме того, интеркаляция по наблюдению требовала постоянного внимания, и ошибки могли накапливаться, создавая сдвиги в календаре. Необходимость более систематического подхода стала очевидной, и это привело к развитию математической астрономии.

Важным шагом в этом направлении стало открытие Метонова цикла. Метон, греческий астроном пятого века до нашей эры, обнаружил, что девятнадцать солнечных лет почти точно равны двумстам тридцати пяти лунным месяцам. Это означало, что если добавить семь дополнительных месяцев в течение девятнадцатилетнего цикла, то лунный календарь будет синхронизирован с солнечным. Это открытие было известно и в Индии, возможно, независимо, возможно, через контакты с греческими астрономами. В индийских текстах, таких как «Сурья-сиддханта», мы находим использование девятнадцатилетнего цикла для интеркаляции, и это

показывает, что индийские астрономы были знакомы с этим методом.

Но индийский подход к календарной реформе был не просто заимствованием; он имел свои уникальные черты. В отличие от греков, которые использовали фиксированный цикл интеркаляции, индийцы сохранили гибкость, основанную на наблюдениях, но добавили к ней математические расчеты. Они разработали сложные алгоритмы для определения положения Солнца и Луны в любой момент времени, и на основе этих расчетов они могли точно предсказывать, когда необходимо добавить дополнительный месяц. Это позволяло им поддерживать календарь с высокой точностью, избегая ошибок, которые могли возникнуть из-за субъективных наблюдений. Индийские астрономы также разработали систему «титхи» — лунных дней, которые рассчитывались математически, а не наблюдались непосредственно, что позволяло им создавать календари, независимые от погодных условий.

Однако календарная реформа была не только технической проблемой. Она имела глубокое ритуальное значение. В ведийской традиции время жертвоприношений было строго регламентировано, и ошибка в расчете могла привести к тому, что жертва была бы принесена в неправильный момент, что лишало её силы и даже могло навлечь гнев богов. Поэтому жрецы относились к календарю с величайшей серьезностью, и любая реформа должна была быть одобрена автори-

тетными школами. В некоторых случаях реформы вызывали сопротивление, поскольку традиционные методы наблюдательной астрономии имели многовековую историю, и их замена математическими вычислениями воспринималась как угроза установленному порядку. Тем не менее, постепенно математический подход одержал верх, поскольку он давал более надежные результаты.

С переходом к лунно-солнечному календарю индийские астрономы также разработали систему юг — космических эпох, которые использовались для определения начала и конца календарных циклов. Эти юги были не просто абстрактными периодами; они были связаны с астрономическими расчетами и использовались для определения начала интеркаляционных циклов. Например, считалось, что в начале каждой юги Солнце, Луна и планеты находятся в определенном положении, и это положение служило точкой отсчета для календарных расчетов. Эта система была настолько сложной, что позволяла вычислять даты затмений и других событий на тысячелетия вперед, демонстрируя высокий уровень математической и астрономической мысли.

Важным аспектом календарных реформ было также влияние на сельское хозяйство. Синхронизация календаря с сезонами позволяла земледельцам точно определять время посева и сбора урожая. Это повышало продуктивность и уменьшало риск голода. Поэтому реформы имели не только ритуальное, но и практическое значение, и правители часто по-

кровительствовали астрономам, которые проводили эти реформы. Царь, который вводил точный календарь, укреплял свою власть, поскольку показывал, что он способен поддерживать порядок не только на земле, но и на небе. Это делало календарные реформы политическим инструментом, и они часто проводились по указу царя, который хотел продемонстрировать свою мудрость и связь с космосом.

В буддийских общинах календарь также имел важное значение, но с некоторыми отличиями. Буддийские монахи использовали лунно-солнечный календарь для определения дней упаваса, когда они собирались для исповеди и чтения правил. Однако буддизм не придавал такого значения точности ритуального времени, как брахманизм, поскольку в буддизме акцент делался на внутренней практике, а не на внешних обрядах. Тем не менее, буддийские монастыри также проводили календарные реформы, когда это было необходимо, особенно в таких странах, как Шри-Ланка или Бирма, где буддизм был государственной религией. Эти реформы часто основывались на тех же астрономических принципах, что и в Индии, но адаптировались к местным условиям.

Одной из наиболее значительных календарных реформ в индийской истории была реформа, проведенная во времена императора Ашоки в третьем веке до нашей эры. Хотя прямых свидетельств об этой реформе сохранилось мало, известно, что Ашока издал указы о единообразии календаря в своей империи, чтобы обеспечить согласованность ритуа-

лов и административных действий. Эта реформа, вероятно, была основана на астрономических знаниях того времени, и она способствовала распространению стандартизированного календаря по всей Индии. Более поздние правители, такие как Гупты, также проводили календарные реформы, которые уточняли интеркаляцию и учитывали новые астрономические данные.

В средневековый период индийская астрономия достигла своего расцвета, и календарные системы стали еще более точными. Астрономы, такие как Бхаскарачарья, разработали методы расчета положения Солнца и Луны с высокой точностью, что позволяло предсказывать даты затмений и других явлений на столетия вперед. Эти методы использовались для создания календарей, которые были не только точными, но и гибкими, позволяя адаптироваться к местным условиям. Например, в разных регионах Индии использовались разные способы интеркаляции, в зависимости от климатических и культурных особенностей. Это разнообразие сохранилось до наших дней, и индийский календарь по-прежнему имеет множество региональных вариантов.

Одной из характерных особенностей индийской календарной системы является понятие «аяна» — периодов, когда Солнце движется на север или на юг. Эти периоды, уттараяна и дакшинаяна, имеют важное значение для индийского календаря, поскольку с ними связаны многие праздники и ритуалы. Например, Макар-санкранти, который отмечает пе-

реход Солнца в знак Козерога и начало уттараяны, является одним из самых важных праздников в Индии. Этот праздник отмечается как день просветления, когда силы добра и света побеждают тьму. Точное определение момента санкранти требует астрономических расчетов, и жрецы должны были знать, как вычислить этот момент с достаточной точностью. Таким образом, календарные реформы были тесно связаны с праздничным циклом и с народными традициями.

Еще одним важным аспектом является система «мухурта» — благоприятных моментов для начала дел. В индийской культуре считается, что определенные комбинации дней недели, лунных фаз и положений планет являются благоприятными или неблагоприятными для различных действий. Например, для свадьбы выбирается определенная мухурта, которая должна обеспечить счастливый брак. Для закладки фундамента дома также выбирается мухурта, чтобы обеспечить долголетие и процветание семьи. Эти мухурты рассчитываются на основе календаря и астрономических данных, и для этого нужен точный календарь. Поэтому календарные реформы, которые уточняли расчеты, прямо влияли на практику мухурт, и астрологи тщательно следили за изменениями.

Календарные реформы также сталкивались с проблемой сохранения традиций. Многие ритуалы были привязаны к определенным датам, которые передавались из поколения в поколение, и их изменение могло вызвать недовольство.

Например, если реформа смещала дату праздника, это могло привести к конфликтам между разными группами населения. Поэтому реформы часто проводились постепенно, с учетом существующих обычаев, и они сопровождались разъяснительной работой со стороны жрецов и астрономов. Это делало процесс медленным и сложным, но он позволял избежать резких разрывов в традиции.

С приходом в Индию мусульманских правителей в средневековье календарная система стала еще более разнообразной. Мусульмане использовали чисто лунный календарь, который не синхронизировался с солнечным годом, и это создавало дополнительные сложности для административного управления. Иногда мусульманские правители пытались ввести единый календарь для всей империи, но эти попытки наталкивались на сопротивление индийского населения, которое сохраняло свои традиционные календари. В результате в Индии сосуществовали несколько календарных систем: индийский лунно-солнечный, исламский лунный и, позже, григорианский солнечный. Это сосуществование продолжалось вплоть до современности, и в Индии по-прежнему используются разные календари для разных целей.

В британский колониальный период григорианский календарь был официально введен для административных целей, но индийские календари сохранились для религиозных и культурных нужд. Это привело к ситуации, когда люди в Индии часто используют несколько календарей одновремен-

но: григорианский для официальных документов, индийский национальный календарь для некоторых государственных праздников, и региональные лунно-солнечные календари для традиционных ритуалов. Эта многокалендарная система является уникальной чертой индийской культуры, отражающей её сложную историю и разнообразие.

В современной Индии календарная реформа была проведена в 1957 году, когда был введен Индийский национальный календарь, основанный на системе сака. Этот календарь был разработан для унификации праздников и государственных мероприятий, но он не заменил традиционные календари, а скорее дополнил их. Он использует лунно-солнечную систему, близкую к древним принципам, и основан на расчетах, которые были разработаны еще в средневековой астрономии. Таким образом, современная календарная реформа является продолжением древней традиции, адаптированной к современным условиям.

Изучение календарных реформ в Индии показывает, как практические потребности, религиозные требования и научные достижения переплетались в единый процесс. Каждая реформа была шагом к более точному пониманию времени и космоса, и каждый шаг требовал мужества и мудрости. Индийские астрономы и жрецы, проводившие эти реформы, были не просто учеными, но и духовными лидерами, которые понимали, что изменения в календаре затрагивают глубинные слои культуры. И они проводили эти изменения

с осторожностью и уважением, стремясь сохранить преемственность при введении новшеств.

Сегодня, когда мы смотрим на календарь, мы редко задумываемся о том, сколько усилий было вложено в его создание. Мы принимаем его как данность, как нечто само собой разумеющееся. Но за каждым числом, за каждым месяцем стоит история наблюдений, расчетов, споров и реформ. Это история человеческого разума, который стремится упорядочить мир, сделать его предсказуемым и понятным. И индийские календарные реформы являются одним из наиболее ярких примеров этой борьбы за порядок, которая продолжалась тысячи лет и продолжается до сих пор.

Возможно, в будущем новые астрономические открытия потребуют новых календарных реформ. Возможно, люди снова изменят свой способ отсчета времени, чтобы синхронизироваться с новыми космическими циклами. Но независимо от того, какие изменения произойдут, индийская традиция календарных реформ останется примером того, как человек может гармонизировать свою жизнь с движением Вселенной, не теряя связи с прошлым и не боясь будущего. И в этой гармонии, в этом балансе между традицией и новаторством, заключена вечная мудрость древних астрономов, которые знали, что время не просто идет, а танцует под музыку звезд.

Глава 24. Космогонические мифы о потопе и возрождении мира

Потоп — это, возможно, самый универсальный из всех космогонических мотивов, который встречается в мифологиях практически всех народов Земли. От шумерского сказания о Гильгамеше до библейского Ноя, от греческого Девкалиона до китайского императора Юя — везде мы находим истории о том, как воды, вышедшие из берегов, уничтожили старый мир, чтобы дать место новому. И индийская традиция не является исключением. Но в Индии миф о потопе обрел особую глубину и философское измерение, став не просто рассказом о катастрофе, а ключевым элементом космологии, объясняющим циклическую природу времени, перерождение миров и непрерывность жизни через смерть и возрождение. Здесь потоп не был случайным наказанием или капризом разгневанных богов — он был необходимой частью космического порядка, закономерным этапом в бесконечном круговороте творения и разрушения.

Самая известная версия индийского мифа о потопе содержится в «Шатапатха-брахмане», одном из древнейших прозаических текстов ведийской традиции, а затем повторяется в пуранах, в «Махабхарате» и в других источниках. Согласно этой версии, прародитель человечества Ману, сын Вива-

свата (Солнца), был первым человеком, который совершил жертвоприношение. Однажды, когда он совершал омовение в реке, к нему в руки попала маленькая рыбка, которая умоляла его спасти её, пообещав в благодарность спасти его самого от грядущего потопа. Ману поместил рыбку в кувшин, затем в пруд, затем в реку, и, наконец, в океан, где она выросла до огромных размеров. Когда наступило время потопа, рыба приплыла к Ману и приказала ему построить корабль и взять с собой семена всех растений и по семь пар всех животных. Ману сделал это, рыба привязала корабль к своему рогу и провела его через воды потопа до тех пор, пока они не достигли горы, которая была единственным местом, не покрытым водой. Там корабль остановился, и Ману вышел на сушу, чтобы начать новую жизнь.

Этот миф на первый взгляд напоминает библейскую историю о Ноевом ковчеге. Но если присмотреться, можно увидеть важные отличия. В индийской версии Ману — это не просто праведник, которого боги спасают от наказания. Он является прародителем новой человеческой расы, но он также является жрецом, который совершает жертвоприношение, и именно его жертва, а не его моральное совершенство, является причиной спасения. Кроме того, в индийском мифе акцент делается не на греховности людей, а на циклическом характере времени. Потоп не является уникальным событием; он происходит в конце каждой кальпы, когда мир разрушается, чтобы затем возродиться вновь. Ману — это не

просто спасенный человек, а символ непрерывности жизни, которая сохраняется через все циклы творения.

Интересно, что в «Махабхарате» эта история связывается с рыбой, которая отождествляется с Вишну, принявшим облик Матсьи. Это делает миф частью более широкой космологии, где Вишну выступает как хранитель мира, который в каждой юге спасает праведников и семена жизни, чтобы возродить Вселенную после разрушения. Рыба-Вишну становится не просто помощником, а божественным началом, которое гарантирует, что жизнь не исчезнет полностью, что после каждого потопа наступит новый день. Это придает мифу оптимистическую окраску: смерть не является окончательной, и мир всегда возрождается из вод хаоса, как лотос из грязи.

В пуранической космологии потоп тесно связан с концепцией юг — эпох, которые сменяют друг друга в бесконечной последовательности. В конце каждой кальпы, когда заканчивается день Брахмы, мир погружается в воды, которые покрывают всё, и наступает ночь Брахмы, длящаяся столько же, сколько и день. В эту ночь все существующие миры разрушаются, и Брахма погружается в сон, в котором он видит сон о новом творении. Когда он пробуждается, он создает новый мир из того же материала, который остался от старого, и этот процесс повторяется бесконечно. Потоп, таким образом, является не наказанием, а естественным переходом, подобным смене дня и ночи. И это глубоко отличается от за-

падных представлений о линейной истории, где потоп был единичным событием.

В буддийской традиции, которая восприняла многие элементы индийской космологии, но интерпретировала их в свете своего учения, миф о потопе также присутствует, хотя и не в той же форме. Будда не отрицал существование потопов, но он рассматривал их как часть естественного порядка, который подчиняется закону кармы. В буддийских текстах, таких как «Агганья-сутта», описывается, как мир возникает и разрушается в результате накопления кармических сил существ. Когда злые дела преобладают, мир деградирует и в конце концов погибает в огне, воде или ветре, но затем он возрождается, когда существа с благой кармой перерождаются в этом мире и начинают новый цикл. Этот процесс не зависит от воли творца, а является результатом причинно-следственной связи, и в этом смысле он более «научен», чем теистические интерпретации.

Однако в буддийской традиции потоп часто используется как метафора, а не как буквальное событие. Будда сравнивает сансару — круговорот перерождений — с океаном, который заливает существа волнами рождений и смертей. Потоп сансары — это великое наводнение, которое поглощает всех, кто не достиг просветления. И выход из этого потопа, достижение нирваны, является единственным способом достичь безопасности на «другом берегу». Эта метафора имеет глубокий смысл: она показывает, что настоящая катастро-

фа — это не внешнее разрушение мира, а внутреннее состояние невежества и страдания, которое можно преодолеть только через духовную практику. Таким образом, буддизм переосмысливает древний миф, делая его внутренним, психологическим.

Индийские мифы о потопе также связаны с концепцией сатья-юги и кали-юги. В начале каждой кальпы, в сатья-югу, когда дхарма стоит на четырех ногах, мир процветает, и люди живут долго и счастливо. Но с течением времени дхарма постепенно ослабевает, и в кали-югу, последней эпохе, мир погружается в порок и страдания. В конце кали-юги происходит разрушение, которое может принимать форму потопа, и тогда наступает новый цикл. Этот циклический взгляд на историю дает человеку надежду: даже в самые темные времена, когда кажется, что мир погружается в хаос, есть знание, что это не конец, а лишь переход к новому началу. Потоп, таким образом, является очищением, которое позволяет земле вновь плодоносить.

В народных верованиях Индии миф о потопе часто связывается с конкретными местами и реками. Например, в некоторых регионах считается, что каждые несколько тысяч лет реки выходят из берегов и затопляют всё, и люди должны быть готовы к этому. Эти представления, вероятно, имеют реальную основу в истории муссонных наводнений, которые опустошали долины рек. Но они также питаются мифологией, которая придает этим событиям священный смысл. Лю-

ди верят, что потоп посылается божественной силой, чтобы очистить землю от грехов, и что те, кто уцелел, были избраны для того, чтобы начать новую жизнь. Это объединяет общину в общей вере в то, что их существование имеет цель и что они являются частью великого космического плана.

В искусстве и литературе Индии миф о потопе является постоянной темой. Он изображается в храмовых рельефах, где Ману представлен на корабле, а рыба тянет его через бурные воды. Он присутствует в поэзии, где потоп используется как символ всепоглощающей любви или разрушительной страсти. В эпосах герои часто сравнивают битвы с потопом, чтобы подчеркнуть их масштаб и силу. Этот миф также вдохновлял философов на размышления о природе времени, о цикличности и о человеческой способности к возрождению. Он остается живым источником вдохновения для всех, кто ищет смысл в разрушении и обновлении.

В космологическом плане миф о потопе также связан с представлением о том, что Вселенная проходит через стадии расширения и сжатия. В индийской астрономии, как и в современной космологии, существует идея о том, что мир не вечен, что он имеет начало и конец. Однако, в отличие от современной науки, которая говорит о Большом взрыве и возможном Большом сжатии, индийская традиция рассматривает эти процессы как циклические и вечные. Потоп — это не просто гидрологическое явление, а космическое событие, в котором вода как стихия играет роль разрушителя и воз-

родителя. Вода — это также символ первобытного океана, из которого возник мир, и в который он возвращается, чтобы затем возродиться вновь.

В «Вишну-пуране» описано, как после потопа Вселенная находится в состоянии потенциальности, подобном сну. В этом состоянии нет различий, нет времени, нет пространства, только чистая сущность, ожидающая пробуждения. Когда наступает момент творения, из этого океана поднимается лотос, на котором сидит Брахма, и он начинает создавать мир заново. Этот акт творения является не сотворением из ничего, а проявлением того, что уже есть в скрытой форме. Потоп, таким образом, является не концом, а переходом от проявленного к непроявленному, и наоборот. Эта идея имеет параллели с современными физическими теориями, которые говорят о квантовой флуктуации вакуума, где частицы возникают и исчезают, но в целом система остается неизменной.

Буддийский подход к мифу о потопе добавляет этическое измерение. В «Ланкаватара-сутре» говорится, что потоп сансары нельзя остановить внешними средствами; его можно преодолеть только внутренним очищением. Это не означает, что внешние потопы не происходят, но они не имеют значения для того, кто осознал свою истинную природу. Для такого человека даже конец мира не страшен, потому что он знает, что его истинная сущность не зависит от внешних условий. Это делает буддизм религией не страха, а мудрости, в

которой потоп становится не угрозой, а уроком, напоминающим о непостоянстве всех явлений.

В современной Индии миф о потопе сохраняется в культурной памяти, хотя и в измененном виде. Люди все еще верят в то, что мир переживал великие наводнения, и что эти наводнения были посланы богами для очищения. Это не является научным знанием, но оно является частью идентичности, которая связывает людей с их предками и с их землей. Когда в Индии происходят наводнения, люди часто ищут в них не просто природное явление, но и знак свыше, и это придает катастрофам более глубокий смысл. Они не просто страдают; они ищут значение в страдании, пытаясь понять, что они должны сделать, чтобы восстановить гармонию.

Миф о потопе также пересекается с астрономическими концепциями. В некоторых текстах говорится, что потоп происходит, когда планеты выстраиваются в определенном порядке, и что это можно предсказать, если знать законы движения светил. Это показывает, как астрономия и мифология были переплетены в индийской культуре. Астрономы не только наблюдали за планетами, но и связывали их с космическими циклами, включая потопы, и их расчеты могли быть использованы для определения времени, когда мир будет подвергнут очищению. Это не было просто суеверием, а попыткой систематизировать знание о мире, чтобы сделать его предсказуемым и понятным.

В заключение, индийские мифы о потопе являются не

просто древними рассказами, а многослойными символами, которые отражают глубокое понимание цикличности времени, взаимосвязи разрушения и творения, а также этического измерения космоса. Они связывают астрономию, религию, философию и искусство в единое целое, создавая картину мира, в котором человек является не пассивным наблюдателем, а активным участником космической драмы. Они учат нас, что даже в самые темные времена, даже когда воды поднимаются и кажется, что всё потеряно, есть надежда на возрождение, и эта надежда основана на знании того, что Вселенная следует законам, которые выше нашего понимания, но которые мы можем осознать и принять. И в этом принятии, в этом доверии к порядку, который лежит за хаосом, заключается мудрость древних, которая остается актуальной и сегодня, когда мы сталкиваемся с экологическими катастрофами и социальными переломами, которые кажутся нам беспрецедентными. Но мы не первые, кто переживает конец мира. И мы не последние. Каждый потоп порождает новую жизнь, и каждый конец является началом, если мы умеем видеть этот цикл и сохранять веру в возрождение.

Глава 25. Отражение звездного неба в сакральной географии поселений

Человек, строящий свой дом, свое селение, свой город, всегда вступает в диалог с землей. Но этот диалог не является чисто утилитарным; он пронизан символикой, которая восходит к небу. Древние индийцы, как и многие другие народы, верили, что расположение поселений должно соответствовать расположению звезд, что город должен быть микрокосмом Вселенной, а план его улиц и зданий — отражать структуру космоса. Эта сакральная география, в которой каждый храм, каждый дом, каждый колодец имел свое место, определенное не только рельефом местности, но и положением светил, является одним из самых удивительных проявлений индийской космологии. Она показывает, что для древних индийцев небо не было чем-то отдельным от земли; оно было ее проекцией, ее образцом, и что, строя свой мир внизу, они стремились воспроизвести порядок, который существовал вверху.

Самая ранняя форма сакральной географии в Индии связана с ведическим ритуалом. Жертвенный алтарь, который строился для проведения агнихотры и других обрядов, должен был быть ориентирован строго по сторонам света и

иметь определенную форму, которая символизировала космос. В «Шатапатха-брахмане» подробно описывается, как должен строиться алтарь: его размеры, форма, расположение камней. Этот алтарь был не просто местом для жертв; он был моделью Вселенной, где каждый элемент соответствовал определенной звезде, планете или божеству. Центр алтаря символизировал гору Меру, а стороны света — четыре континента, которые окружали её. Таким образом, совершая жертвоприношение, жрец не просто общался с богами, но и воссоздавал акт творения, поддерживая космический порядок.

Со временем этот принцип был перенесен на планировку целых поселений. В эпоху ведийской и ранней индийской урбанизации, когда города начали расти и развиваться, их планировка подчинялась тем же сакральным правилам. Город должен был быть квадратным, разделенным на кварталы, которые соответствовали определенным божествам или звездам. Улицы должны были быть прямыми и пересекаться под прямым углом, чтобы отражать структуру небесной сферы. В центре города должен был находиться храм или дворец правителя, который символизировал ось мира. От него расходились четыре главные улицы, направленные на четыре стороны света, и таким образом город становился земным отражением горы Меру.

Эти принципы планировки были не просто эстетическими или ритуальными; они имели практическое значение.

Считалось, что город, построенный в соответствии с небесным порядком, будет процветать, защищен от бедствий и врагов. Если же город строили неправильно, нарушая сакральные пропорции, это могло привести к болезням, голоду, войнам и другим несчастьям. Поэтому правители и жрецы уделяли большое внимание планировке новых городов, и они часто обращались к астрономам, чтобы те определили наилучшее расположение для храмов и других важных зданий. Астрономы использовали гномоны и другие инструменты для определения оси север-юг и восток-запад, чтобы точно сориентировать город по сторонам света.

Одним из наиболее ярких примеров такой сакральной географии является город Дхолавира в штате Гуджарат, который датируется эпохой Индской цивилизации. Хотя эта цивилизация предшествует ведийской, её города также были спланированы с удивительной точностью по сторонам света. Улицы Дхолавиры пересекаются под прямым углом, а его акрополь расположен точно в центре, что позволяет предполагать, что его планировка имела космологическое значение. Подобные черты мы находим и в других городах Индской цивилизации, таких как Мохенджо-Даро и Хараппа, где расположение зданий и колодцев также отражало некий сакральный порядок, хотя мы не можем точно знать, как этот порядок интерпретировали жители.

В пуранический период сакральная география становится ещё более сложной. В «Вишну-пуране» и других текстах

описывается идеальное устройство города, где каждый квартал посвящен определенному божеству, а расположение храмов соответствует движению планет. Например, храм Сурьи должен быть на востоке, чтобы первым встречать лучи восходящего Солнца. Храм Шивы должен быть на юго-западе, в направлении, которое связано с разрушением и возрождением. Храм Вишну — на севере, где находится полярная звезда, символизирующая стабильность. Эти правила не были жесткими, но они служили общим руководством, и их соблюдение считалось необходимым для того, чтобы город находился в гармонии с космосом.

Буддийские монастыри, которые строились в Индии и других странах, также следовали сакральным принципам. Монастырь должен был быть расположен на возвышенности, вдали от шума, и его главный вход должен был быть ориентирован на восток. Внутри монастыря ступа, символ просветления, часто размещалась в центре, а вокруг неё располагались кельи монахов, которые символизировали континенты, окружающие гору Меру. Эта планировка отражала идею о том, что монастырь является не просто местом проживания, а центром мира, где монахи могут приблизиться к нирване. Таким образом, даже самые аскетичные буддийские общины не могли избежать влияния сакральной географии, которая была укоренена в индийской культуре.

Сакральная география также связана с понятием «тиртха» — священных мест, которые обладают особой астроно-

мической силой. Тиртхи часто располагались в местах, где реки пересекали определенные линии широты или долготы, или где положение звезд создавало благоприятные условия для ритуалов. Например, город Удджайн, который был важным астрономическим центром, считался тиртхой, потому что через него проходила линия тропика Рака, и здесь Солнце в день летнего солнцестояния достигало своей наивысшей точки. Это делало Удджайн священным местом, куда стекались паломники, и где астрономы проводили свои наблюдения.

В храмовой архитектуре сакральная география проявляется особенно ярко. Храмы Индии, особенно те, которые были построены в классический период, являются не просто зданиями, а астрономическими инструментами. Их башни, шикхары, часто имеют форму, напоминающую гору Меру, и они расположены так, чтобы солнечные лучи падали на алтарь в определенные дни года. Например, в храме Сурьи в Конараке, который мы уже упоминали, колесница с семью лошадьми обращена на восток, и в день равноденствия первые лучи Солнца озаряют его главную статую. Это не случайность; это было результатом тщательных астрономических расчетов, которые позволяли жрецам использовать храм как обсерваторию и как место для ритуалов, синхронизированных с движением светил.

Влияние звездного неба на сакральную географию распространялось и на кладбища. В некоторых регионах Индии

захоронения ориентировали по сторонам света, так, чтобы ноги умершего были направлены на юг, в сторону обители предков. Это соответствовало представлениям о загробном мире, который также имел свою карту, связанную с астрономией. Например, считалось, что душа умершего путешествует по звездному пути, проходя через накшатры, чтобы достичь места вечного покоя. Поэтому расположение могилы могло помочь душе в этом путешествии, и родственники уделяли этому большое внимание.

Даже в повседневной жизни сакральная география проявлялась в расположении домов. В традиционных индийских домах алтарь для домашних богов часто размещался в северо-восточной части, которая считалась наиболее благоприятной, потому что она была связана с Ишаной, божеством, управляющим северо-востоком. Спальни размещались на юго-западе, кухни — на юго-востоке, а туалеты — на северо-западе. Эти правила, описанные в текстах по васту-шастре, были основаны не только на гигиенических соображениях, но и на астрологических принципах. Считалось, что правильное расположение комнат привлекает благоприятные энергии из космоса и защищает от негативных влияний.

Астрономическое ориентирование поселений также имело практическое значение для земледелия. Зная, где находится север, восток, юг и запад, крестьяне могли определять время посева и сбора урожая, а также планировать орошение

полей. Поэтому даже небольшие деревни часто имели определенную планировку, которая учитывала движение Солнца и Луны. Например, основные дороги в деревне часто проходили с востока на запад, чтобы первые лучи Солнца освещали всю деревню, а не только её часть. Это было не только эстетически приятно, но и практично, поскольку обеспечивало равномерное освещение и позволяло эффективно использовать дневное время.

Сакральная география Индии также связана с концепцией «пуруша» — космического человека, который является моделью Вселенной. В «Ригведе» описывается, как космический человек был принесен в жертву, и из его тела возникли различные части мира: голова стала небом, ноги — землей, глаза — Солнцем, дыхание — ветром. Эта идея затем была применена к планировке городов: город стал телом пуруши, где разные части города соответствовали разным частям тела. Это придавало городу священный характер, делая его не просто местом обитания, а воплощением космической реальности.

В буддийской традиции сакральная география также присутствует, но с акцентом на внутреннее, а не на внешнее. Буддийские монастыри часто располагались на холмах или в пещерах, которые символизировали удаление от мира, но их планировка также следовала определенным правилам. Вход в пещеру часто был ориентирован на восток, чтобы монахи могли видеть первые лучи Солнца, что символизировало

пробуждение. Ступа, как главный объект почитания, всегда находилась в центре монастырского комплекса, что напоминало о горе Меру как центре Вселенной. Даже медитационные позы монахов часто имели связь с астрономией: положение сидя с прямой спиной символизировало ось мира, а взгляд, направленный на кончик носа, символизировал Полярную звезду, неподвижную точку в изменчивом мире.

Влияние звездного неба на сакральную географию не ограничивалось Индией. Аналогичные принципы мы находим в Китае, где города и императорские дворцы также строились в соответствии с расположением созвездий, и в Месопотамии, где храмы были ориентированы на звезды. Но в Индии эта система достигла наибольшей сложности и систематичности, превратившись в полноценную науку — васту-шастру, которая до сих пор практикуется в Индии. Васту-шастра, хотя и не является астрономией, использует астрономические принципы для определения наилучшего расположения зданий, и она оказывает влияние на современное строительство.

Современные археологические исследования все чаще подтверждают, что древние индийские города действительно были спланированы с учетом астрономических данных. Использование спутниковых снимков и компьютерного моделирования позволяет выявить скрытые закономерности в расположении улиц и зданий, которые ранее были незаметны. Например, недавние исследования показали, что некото-

рые древние города в долине Ганга были спланированы так, чтобы их главные оси совпадали с восходом Солнца в день зимнего или летнего солнцестояния. Это свидетельствует о том, что астрономические знания были неотъемлемой частью городского планирования на протяжении тысячелетий.

Сакральная география также связана с понятием «мандалы» — круговых диаграмм, которые использовались для представления космоса. Мандала является не просто символическим изображением, но и практическим инструментом для планирования. В текстах по храмовой архитектуре описываются различные типы мандал, которые определяли размер и форму храма. Например, мандала «васту-пуруша» использовалась для выравнивания участка, где должен был быть построен храм, и она включала 64 или 81 квадрат, каждый из которых соответствовал определенному божеству. Эта мандала была наложена на землю, и на основе её расположения определялось, где должны быть алтарь, где колонны, где двери. Это делало храм не только священным местом, но и математически точной моделью Вселенной.

В народной культуре отражение звездного неба в сакральной географии сохраняется в виде повседневных обычаев. Например, в некоторых деревнях до сих пор существует традиция отмечать дни равноденствия и солнцестояния особыми ритуалами, которые включают в себя обход поселений в определенном направлении. Эти ритуалы, кажущиеся простыми, имеют глубокие астрономические корни, и они по-

могают поддерживать связь между людьми и космосом. Даже в городах, где современная архитектура часто игнорирует древние принципы, люди продолжают строить свои дома с учетом правил васту, веря, что это принесет им удачу и здоровье.

Сегодня, когда мы гуляем по современным городам Индии, мы можем не замечать этих древних принципов. Но если присмотреться, мы увидим, что многие старые кварталы все еще сохраняют свою планировку, ориентированную по сторонам света. Мы увидим, что храмы по-прежнему стоят на востоке, а дворцы — в центре. Мы увидим, что улицы пересекаются под прямыми углами, как если бы они были небесными сетками, спроецированными на землю. Это не просто исторические артефакты; это живая традиция, которая продолжает существовать, даже когда мы о ней не задумываемся. Она напоминает нам о том, что мы не просто живем на земле, но что земля, на которой мы живем, является частью неба, и что наша жизнь связана со звездами, даже если мы не всегда это осознаем.

Сакральная география учит нас, что пространство не является нейтральным. Оно имеет структуру, оно имеет смысл, оно имеет направление. Каждое место имеет свою энергию, свое значение, и, строя свои поселения, мы должны учитывать это, чтобы жить в гармонии с космосом. Это знание было доступно древним индийцам, и они использовали его для создания городов, которые были не только функциональны-

ми, но и священными. И в этом стремлении к священному, в этом желании отразить небо на земле, мы видим не просто архитектурную традицию, но и глубокую философию, которая утверждает, что человек является частью Вселенной, и что его творения должны быть достойны этого великого порядка.

Глава 26. Ритуалы встречи нового солнца: зимнее солнцестояние в древности

Нет более переломного момента в годовом цикле, чем день зимнего солнцестояния. Это мгновение, когда Солнце, достигнув своей самой южной точки на небосводе, останавливается, замирает на мгновение, а затем начинает свой долгий путь на север, к свету, к теплу, к новой жизни. Для древнего человека, чья жизнь зависела от солнечного света и тепла, этот день был не просто астрономическим событием. Это было рождение нового Солнца, победа света над тьмой, обещание возвращения жизни в мир, который казался застывшим в зимней спячке. И этот момент требовал не просто наблюдения, но и активного участия, ритуального сопровождения, которое помогало Солнцу сделать этот первый шаг, поддержало его в его путешествии, обеспечило его возвращение к людям. Ритуалы зимнего солнцестояния в древней Индии были одними из самых важных и торжественных в календаре, и они оставили глубокий след в культуре, который ощущается до сих пор.

Зимнее солнцестояние в индийской традиции всегда было связано с началом Уттараяны — периода, когда Солнце движется к северу. Это время считалось не только астрономи-

ческим, но и духовным переломом. В ведийской литературе Уттараяна описывается как день богов, время, когда благоприятные силы преобладают, и когда ритуалы, совершаемые в этот период, приносят наибольшую пользу. В «Махабхарате» есть знаменитый эпизод, где великий герой Бхишма, лежа на ложе из стрел, ждет именно этого момента, чтобы покинуть тело, потому что смерть в Уттараяну гарантирует освобождение от круговорота перерождений. Этот эпизод показывает, насколько глубоко укоренена была вера в сакральность зимнего солнцестояния, в его способность влиять не только на земные дела, но и на судьбу души.

Но какими же были конкретные ритуалы, которые древние индийцы проводили в день зимнего солнцестояния? Археологические данные и письменные источники дают нам лишь фрагментарную картину, но даже эти фрагменты позволяют увидеть богатство и разнообразие практик. В ведийский период основным ритуалом было жертвоприношение агни-хотра, которое совершалось на рассвете и в сумерках. В день солнцестояния это жертвоприношение приобретало особое значение, поскольку считалось, что огонь, возжигаемый в этот момент, является земным двойником Солнца и помогает ему набрать силу. Жрецы разводили огонь на специальном алтаре, который был ориентирован на точку восхода Солнца, и произносили гимны из Ригведы, призывая Сурью вернуться к людям. Они лили на огонь молоко, масло, сому, и этот дар должен был укрепить Солнце, дать ему

энергию для нового годового цикла.

Помимо агни-хотра, существовали и другие ритуалы, связанные с водой. В день зимнего солнцестояния люди стекались к берегам рек, особенно к священной Ганге, чтобы совершить омовение. Считалось, что в этот день вода приобретает особые свойства, потому что она отражает солнечный свет, который только начинает свой путь к северу. Омовение в ледяной воде символизировало очищение, сброс всего старого и ненужного, готовность принять новое Солнце. После омовения люди облачались в новые одежды, зажигали светильники и обменивались дарами, символизируя обновление. Эти обычаи были настолько важны, что они сохранились до наших дней в празднике Макар-санкранти, который отмечается 14-15 января и является современным отголоском древних солнцестоянийных ритуалов.

В храмовой практике зимнее солнцестояние также было центральным событием. Во многих храмах, особенно посвященных Сурье, в этот день проводились особые церемонии. Первый луч Солнца, проникающий в святилище через специальное отверстие в стене, считался благословением, и его встречали с величайшим почтением. Жрецы держали бронзовые зеркала, чтобы отразить этот луч на главную статую божества, как бы пробуждая её ото сна. В некоторых храмах, таких как знаменитый храм Сурьи в Конараке, архитектура была специально спроектирована так, чтобы в день зимнего солнцестояния лучи Солнца освещали определенные части

здания, создавая мистический эффект. Эти архитектурные решения показывают, что астрономия и архитектура были неразделимы, и что храмы служили не только местом поклонения, но и обсерваториями, фиксирующими ключевые космические моменты.

В народной культуре зимнее солнцестояние было временем, когда дома украшались гирляндами из цветов и листьев, зажигались масляные лампы, и готовились особые блюда. Во многих регионах Индии существовала традиция разжигать костры на перекрестках, символизирующие возвращение Солнца. Люди прыгали через эти костры, чтобы сжечь старые грехи и очиститься. Этот ритуал, перекликающийся с подобными практиками в других культурах, таких как кельтские Самайн или славянские Коляды, показывает универсальность символики света и огня в обрядах зимнего солнцестояния. Огонь был не просто источником тепла; он был земным Солнцем, которое помогало небесному справиться с его задачей.

Интересно, что ритуалы зимнего солнцестояния в Индии были также связаны с аграрным циклом. Зимнее солнцестояние знаменовало конец сбора урожая и начало подготовки к новому севу. Поэтому многие ритуалы были направлены на обеспечение плодородия почвы в будущем году. Земледельцы приносили зерно в храмы, чтобы освятить его солнечным светом, и разбрасывали его по полям, веря, что это принесет обильный урожай. Кроме того, существовал обычай кор-

мить птиц и животных в день солнцестояния, поскольку считалось, что благотворительность в этот день усиливает солнечную энергию и привлекает божественное благословение. Эти практики показывают, как космология была переплетена с повседневным трудом, и как астрономия служила практическим руководством для земледельца.

В эпосах, таких как «Рамаяна» и «Махабхарата», есть упоминания о том, как герои и боги совершали важные деяния в день солнцестояния. Например, Рама, после победы над Раваной, возвращается в Айодхью в день зимнего солнцестояния, и его возвращение воспринимается как возвращение света после долгой тьмы. Этот мотив отражает более глубокий архетип: герой, как Солнце, побеждает тьму и приносит свет своему народу. Таким образом, солнцестояние становилось не только астрономическим событием, но и символом нравственного возрождения, победы добра над злом.

Буддийская традиция, воспринявшая многие индийские обычаи, также отмечала зимнее солнцестояние, хотя и с меньшим ритуализмом. В буддийских монастырях этот день был временем для усиленной медитации и размышлений о непостоянстве. Монахи наблюдали за Солнцем и его возвращением, используя это как напоминание о том, что даже самое яркое светило проходит через циклы убывания и возрастания, и что ничто в мире не является постоянным. Однако они также видели в возвращении Солнца метафору просветления: подобно тому, как Солнце выходит из тьмы зимней

ночи, так и сознание может выйти из тьмы невежества и обрести свет мудрости. В этом смысле зимнее солнцестояние было не столько праздником, сколько временем для глубокого внутреннего созерцания.

В буддийских странах, таких как Шри-Ланка и Бирма, также существовали ритуалы, связанные с солнцестоянием, но они были адаптированы к местным условиям. Например, в Шри-Ланке в этот день совершали подношения монахам и раздавали еду бедным, символизируя щедрость и сострадание, которые должны расти вместе с Солнцем. Эти практики, хоть и отличались от ведийских ритуалов, сохраняли основной принцип: помощь светилу в его возвращении через добродетельные поступки.

В индийской астрологии зимнее солнцестояние имеет особое значение. Это момент, когда Солнце переходит из знака Стрельца в знак Козерога, и этот переход называется Макар-санкранти. Это один из самых важных моментов в астрологическом календаре, и он считается началом благоприятного периода. Астрологи рекомендуют в этот день совершать благотворительность, медитировать, начинать новые проекты, поскольку энергия Солнца в этот день нарастает и поддерживает все позитивные начинания. Это убеждение сохраняется и в современной Индии, где миллионы людей отмечают Макар-санкранти как день надежды и новых возможностей.

Ритуалы зимнего солнцестояния также отражались в ли-

тературе и поэзии. В санскритской поэзии зимнее солнцестояние часто описывалось как «врата года», момент, когда старый мир умирает и рождается новый. Поэты сравнивали этот день с пробуждением природы, с возвращением птиц, с цветением деревьев, и эти образы наполняли их стихи светом и радостью. Они также использовали солнцестояние как метафору для любви: подобно тому, как Солнце возвращается к своей северной полосе, так и любовь возвращается к влюбленному, несмотря на все разлуки и препятствия.

В философских текстах, особенно в Упанишадах, зимнее солнцестояние трактовалось как символ Атмана, который, подобно Солнцу, проходит через циклы проявления и непроявления. Когда Солнце достигает своей южной точки, оно как бы входит в состояние покоя, но это не конец, а подготовка к новому началу. Точно так же Атман, когда он находится в состоянии неведения, кажется «застывшим», но в любой момент он может пробудиться и начать свой путь к свету. Эта философская интерпретация придавала зимнему солнцестоянию еще более глубокий смысл, превращая его из астрономического события в метафизическое.

Интересно, что ритуалы зимнего солнцестояния имели также социальное измерение. Это было время, когда люди собирались вместе, прощали друг другу обиды, заключали новые союзы. В некоторых регионах существовал обычай, что в день солнцестояния даже враги должны были прекращать боевые действия и соблюдать мир. Это напоминало о

том, что Солнце одинаково светит на всех, и что все люди равны перед его светом. Такие обычаи способствовали сплочению общин и укреплению социальных связей, что было особенно важно в условиях суровой зимы.

Современные исследования археоастрономии показывают, что многие древние памятники Индии, такие как мегалиты и курганы, были ориентированы на точку восхода Солнца в день зимнего солнцестояния. Это говорит о том, что ритуалы солнцестояния имели не только мифическое, но и практическое значение: они служили календарными маркерами, позволяющими определять время сева и других важных событий. Использование таких памятников как обсерваторий показывает, что астрономия в древности была неотделима от ритуала, и что наблюдение за небом было формой поклонения.

Одним из наиболее ярких примеров таких ритуальных комплексов является храмовый город в Конараке, который мы уже упоминали. Его огромная колесница Сурьи, выполненная из камня, является не только произведением искусства, но и астрономическим календарем. Расположение колесницы, её колес и коней было рассчитано так, чтобы в день зимнего солнцестояния тень от колесницы падала определенным образом, указывая на священные места. Это показывает, что архитекторы Конарака были не только мастерами, но и астрономами, которые вложили в свое творение глубокие знания о движении Солнца.

В народных сказаниях зимнее солнцестояние часто связывается с демонами и злыми силами, которые пытаются украсть Солнце. В день солнцестояния, когда Солнце находится на самом низком уровне, эти силы наиболее активны, и люди должны помогать Солнцу, создавая шум, зажигая огни, произнося мантры. Эта тема перекликается с мифом о Раху, который пытается проглотить Солнце, но в случае солнцестояния борьба происходит не в день, а в течение целого цикла. Однако, как и в мифе о затмении, люди должны действовать сообща, чтобы поддержать светило. Эти сказания выполняли важную педагогическую функцию, передавая знания о движении Солнца через захватывающие истории, которые легко запоминались.

В буддийской традиции зимнее солнцестояние также связывалось с кармическими процессами. Считалось, что в этот день кармические последствия поступков созревают быстрее, поэтому рекомендуется проявлять особую осторожность в действиях и словах. Это убеждение, возможно, возникло из наблюдения, что в этот период природа затихает, и легче заметить результаты своих действий, как и в медитации, когда ум успокаивается и становится яснее. Таким образом, зимнее солнцестояние становилось временем для оценки своего поведения и намерений, для покаяния и принятия новых решений.

Со временем, с развитием астрономии, точное определение момента зимнего солнцестояния стало более математи-

ческим, чем эмпирическим. Астрономы, такие как Арьябхата, разработали формулы для расчета этого события с точностью до минут. Это позволило более точно определять даты ритуалов и избегать ошибок, связанных с наблюдением. Однако это не уменьшило сакрального значения солнцестояния; наоборот, точность расчетов усиливала веру в то, что ритуалы, совершаемые в правильный момент, будут более эффективны.

Зимнее солнцестояние также было временем, когда священные тексты переписывались и перечитывались. Монахи и брахманы проводили дни и ночи за чтением Вед и Пуран, чтобы освятить это время и получить благословение. Считалось, что знание, обретенное в этот период, усваивается особенно глубоко и надолго, поскольку ум, подобно Солнцу, обращается к свету. Эта практика сохранилась до наших дней в форме религиозных чтений и семинаров, которые проводятся в период Уттараяны.

Несмотря на то, что современная наука объяснила механизм смены сезонов, ритуалы зимнего солнцестояния продолжают жить в культуре Индии. Праздник Макар-санкранти отмечается с большим энтузиазмом по всей стране, и он сохранил многие древние элементы: омовения, разведение костров, приготовление сладостей из кунжута и сахара, которые символизируют солнечные лучи. Люди по-прежнему верят, что этот день благоприятен для новых начинаний, и что он приносит удачу. Это не противоречит науке; это про-

сто другая форма осмысления мира, которая сосуществует с рациональным знанием.

Изучая ритуалы зимнего солнцестояния, мы понимаем, что для древних индийцев астрономия была не просто наукой, а образом жизни. Они не отделяли наблюдение за небом от молитвы, не разделяли движение Солнца от движения своей души. Для них день зимнего солнцестояния был не только физическим событием, но и духовным переломом, который требовал активного участия. И когда мы сегодня смотрим на зимнее Солнце, стоящее на пороге своего возвращения, мы можем на мгновение представить, как это чувствовали они — трепет, надежду, радость, и, возможно, мы тоже почувствуем, что нечто важное происходит не только снаружи, но и внутри нас.

Глава 27. Шаманы и астрономы: двойственная роль жрецов в древнем обществе

В древних обществах не существовало разделения труда в том виде, в каком мы его знаем сегодня. Человек, который лечил болезни, мог также предсказывать погоду, а тот, кто разводил огонь для жертвоприношений, мог быть и хранителем календаря, и толкователем снов, и советником вождя. Эта многозадачность, которая современному человеку кажется странной или даже примитивной, была на самом деле глубоко органичной: она отражала целостное восприятие мира, в котором небо, земля, тело и душа были связаны невидимыми, но прочными нитями. И в центре этой системы стояли жрецы, шаманы, астрономы — люди, которые знали небо и умели говорить с ним, которые могли перевести язык звезд на язык людей и наоборот. Их двойственная роль — быть одновременно служителями богов и учеными, целителями и прорицателями, правителями и слугами — была не противоречием, а выражением той синкретической мудрости, которая определяла жизнь древнего общества.

Самые ранние из известных нам жрецов в Индии были, скорее всего, шаманами — людьми, которые входили в измененные состояния сознания, путешествовали в другие ми-

ры, общались с духами и возвращались с знаниями и силой. Археологические находки, такие как погребения с ритуальными предметами, украшениями из раковин и камней, которые, вероятно, имели астрономическое значение, указывают на то, что уже в эпоху неолита существовали специалисты, которые занимались не только бытовыми делами, но и связью с космосом. Эти ранние шаманы, возможно, не имели письменных текстов, но они обладали обширными знаниями о движении светил, о фазах Луны, о циклах Солнца, и они передавали эти знания через устную традицию и через ритуалы, которые были вплетены в ткань повседневной жизни.

С переходом к ведийской культуре роль жреца стала более формализованной. Брахманы, которые были хранителями священных текстов, стали также хранителями астрономических знаний. В ведийской системе «джйотиша» (астрономия и астрология) была одной из шести вспомогательных дисциплин Веды, и без неё невозможно было правильно проводить ритуалы, которые требовали точного времени. Брахман, который хотел стать жрецом, должен был пройти долгое обучение, в ходе которого он изучал не только гимны и мантры, но и математику, геометрию и астрономию. Он должен был уметь строить алтари, ориентированные на стороны света, вычислять положение Солнца и Луны, определять моменты равноденствий и солнцестояний, предсказывать затмения. Это знание давало ему власть над временем, а значит, и над ритуалами, которые определяли жизнь общины.

Однако брахман не был только ученым и астрономом. Он был также посредником между богами и людьми, и в этом качестве он должен был обладать не только знаниями, но и духовной силой. Он должен был быть чистым, дисциплинированным, способным к концентрации и самоотречению. Его ритуалы были не просто техническими процедурами; они были мистическими актами, которые требовали внутреннего состояния, позволяющего ему соединиться с космическими силами. И в этом смысле брахман сохранял черты шамана: он был не просто наблюдателем неба, но и его интерпретатором, и его влияние на людей зависело не только от его знаний, но и от его харизмы, от его способности вдохновлять доверие.

В ведийской литературе есть много примеров того, как жрец выступает в роли астронома. В «Яджурведе» описываются ритуалы, которые должны проводиться в определенное время, и эти времена определяются положением звезд и планет. В «Атхарваведе» есть гимны, которые используются для умилостивления планетных божеств, и для их правильного произнесения жрец должен знать точное положение планеты. Таким образом, астрономия была неотъемлемой частью жреческого служения, и жрец, который не знал астрономии, не мог считаться полноценным брахманом. Это показывает, что в древней Индии наука и религия не были разделены; они были двумя сторонами одной медали.

Но жрецы не были единственными астрономами. В древ-

них обществах существовали также царские астрологи, которые состояли при дворах правителей и давали советы по политическим вопросам. Эти астрологи часто не были брахманами по касте, но они обладали глубокими знаниями астрономии и астрологии, и их влияние было огромным. Царь, который начинал войну или заключал мир, советовался с астрологом, чтобы выбрать благоприятный момент. Царь, который строил новый дворец или город, также советовался с астрологом, чтобы правильно ориентировать здания по сторонам света. Эти царские астрологи были одновременно и учеными, и политическими советниками, и их двойственная роль была аналогична роли жрецов, но в более светской сфере.

Интересно, что многие из этих астрологов были также врачами. В аюрведе, древней индийской системе медицины, врачи часто изучали астрономию, чтобы определять благоприятные времена для лечения. Считалось, что разные планеты влияют на разные части тела, и что лекарства, принятые в определенные фазы Луны, будут действовать сильнее. Таким образом, врач, который знал астрономию, мог быть более эффективным целителем. Этот синтез медицины и астрономии был характерен для многих древних культур, но в Индии он достиг особой глубины, поскольку аюрведа сама по себе была космологической дисциплиной, основанной на представлении о пяти элементах и трех гунах.

В буддийской традиции роль жреца-астронома претерпе-

ла значительные изменения. Будда не признавал кастовую систему и не считал брахманов единственными хранителями знания. Он призывал своих учеников развивать мудрость и сострадание, но он не делал акцент на ритуалах и астрономических расчетах. Однако буддийские монахи, которые жили в монастырях, часто занимались астрономией, особенно для календарных нужд. Они должны были знать, когда наступает Упаваса — день исповеди, который приходится на новолуние и полнолуние, и для этого им нужно было уметь вычислять фазы Луны. В некоторых буддийских школах, таких как школа сарвастивада, астрономия была частью монашеского образования, и монахи, которые проявляли способности к математике, могли стать специалистами в этой области.

Буддийский подход к астрономии был более практическим и менее ритуалистическим, чем в брахманизме. Монахи не считали, что их наблюдения влияют на космический порядок, как это делали брахманы; они считали, что знание неба помогает им правильно организовывать свою жизнь и избегать ошибок. Они также использовали астрономию для пропаганды учения: например, они показывали мирянам, что движение планет подчиняется закону причины и следствия, и что этот закон действует и в моральной сфере. Таким образом, астрономия становилась инструментом дхармы, способом показать универсальность буддийского учения.

В буддийских текстах сохранились имена некоторых аст-

рономов-монахов, которые внесли вклад в развитие этой науки. Например, известный ученый Васубандху, автор «Абхидхармакоши», хотя и был философом, также изучал астрономию и включил космологические разделы в свой труд. Другие монахи, такие как Буддхагхоша, хотя и не были астрономами, комментировали астрономические пассажи в канонических текстах, показывая интерес к небесным явлениям. Этот интерес был не случайным: он отражал общее стремление буддизма к познанию мира, которое не исключало ни одну область человеческого знания.

Однако, несмотря на различия, между жрецом-шаманом и буддийским монахом-астрономом существовала важная преемственность. И тот, и другой были людьми, которые посвятили свою жизнь пониманию неба и его связи с землей. Они оба обладали знаниями, которые были недоступны большинству людей, и они оба использовали эти знания для служения обществу. Разница заключалась в том, что шаман воспринимал небо как живое существо, с которым нужно вести диалог, а буддийский монах воспринимал его как проявление закона, который нужно изучать. Но оба они были мостами между человеком и космосом, и их роль в обществе была незаменимой.

В народной культуре эта двойственная роль сохранялась на протяжении многих веков. В индийских деревнях до сих пор можно встретить людей, которых называют «астрологами» или «джйотиши», и которые выполняют функции, ана-

логичные древним жрецам: они предсказывают судьбу, определяют благоприятные дни для свадеб и похорон, составляют гороскопы. Эти люди часто не имеют формального образования, но они унаследовали знания от своих предков и передают их дальше. Они также часто выполняют функции целителей и советников, и их авторитет основан не только на точности их предсказаний, но и на их духовной силе. Таким образом, архетип жреца-астронома продолжает жить, хотя и в измененной форме.

Изучая двойственную роль жрецов в древнем обществе, мы видим, что астрономия никогда не была чистой наукой. Она была частью более широкой системы знания, которая включала религию, магию, медицину, политику. Астроном был не просто наблюдателем; он был интерпретатором, посредником, хранителем тайн. Он не только знал, когда взойдет Солнце, но и что это означает для людей. Его знание было не только интеллектуальным, но и интуитивным, и оно требовало от него не только ума, но и сердца.

Эта двойственная роль также имела свои риски. Жрец, который ошибался в предсказании, мог потерять доверие людей и даже свою жизнь. В древних хрониках есть упоминания о том, что астрологов, которые неправильно предсказывали затмения, наказывали, поскольку это считалось не просто ошибкой, а оскорблением богов. Поэтому жрецы должны были быть не только сведущими, но и осторожными, и они часто прибегали к уклончивым формулировкам, чтобы избе-

жать ответственности. Это породило искусство толкования, которое позволяло интерпретировать одно и то же небесное явление по-разному, в зависимости от обстоятельств. Таким образом, астрономия стала не только наукой, но и политическим искусством.

В ведийской традиции существовали школы, которые специализировались на разных аспектах астрономии. Некоторые жрецы были экспертами по солнечным циклам, другие — по лунным, третьи — по планетным. Эти школы часто конкурировали друг с другом, и их споры могли быть очень острыми. Однако, несмотря на конкуренцию, они также обменивались знаниями, что способствовало прогрессу. Например, школа Гарги была известна своими наблюдениями за Луной, а школа Атри — за Солнцем. Их методы и результаты были записаны в сутрах и затем переданы ученикам. Эта система специализации позволяла накопить огромный объем знаний, который был бы невозможен при общей подготовке.

В буддийских монастырях также существовала специализация, хотя и не такая формальная. Некоторые монахи были известны своими астрономическими познаниями, и они пользовались уважением как среди своих коллег, так и среди мирян. Они часто привлекались для определения дат праздников и для составления календарей, и их мнение ценилось при принятии важных решений. Однако в буддизме астрономия не была столь же центральной, как в брахманизме, и

монахи, которые ею занимались, делали это скорее как дополнительное занятие, а не как основное служение. Это показывает, что в буддизме акцент делался на внутренней мудрости, а не на внешнем знании, хотя внешнее знание также признавалось полезным.

Двойственная роль жрецов-астрономов также отражалась в их социальном статусе. В брахманизме брахманы были на вершине кастовой системы, и их знание астрономии подтверждало их превосходство. Они были советниками царей и учителями общества, и их слово считалось непререкаемым. В буддизме же монахи, хотя и пользовались уважением, не имели такого политического влияния, как брахманы, и их астрономические знания рассматривались скорее как служение общине, чем как источник власти. Это различие отражает разные подходы к знанию: в брахманизме знание было элитарным и тайным, в буддизме — более открытым и практическим.

Сегодня, в современном мире, мы разделили эти роли. Астрономия стала чисто научной дисциплиной, религия — отдельной сферой, медицина — биологической наукой, политика — светским искусством. Мы потеряли то единство, которое было характерно для древних обществ, и это обеднило наше понимание мира. Но, изучая историю, мы можем вернуть себе ощущение целостности, которое было у наших предков. Мы можем понять, что небо не безразлично к человеку, что звезды не просто физические объекты, а символы,

которые могут говорить с нами, если мы научимся слушать. И мы можем научиться у жрецов-астрономов тому, что знание — это не только факты, но и мудрость, которая требует и ума, и сердца, и воли.

Роль шамана и астронома в древнем обществе была не просто профессиональной; она была экзистенциальной. Эти люди стояли на границе между видимым и невидимым, между известным и неизвестным, между человеком и Вселенной. Они брали на себя ответственность за то, чтобы порядок сохранялся, чтобы свет не погас, чтобы жизнь продолжалась. И хотя их методы кажутся нам наивными, их цель была благородна: помочь людям жить в гармонии с космосом, найти своё место в бесконечном пространстве и времени. В этом смысле они были не просто жрецами или учеными, а настоящими героями человеческого духа, которые не боялись смотреть на небо и задавать ему вопросы, на которые у них не было готовых ответов. И именно эти вопросы, переданные через поколения, дошли до нас и продолжают звучать в наших сердцах, когда мы смотрим на ночное небо и чувствуем, что за ним скрывается нечто большее, чем мы можем понять, но что мы должны стремиться постичь.

Глава 28. Представления о множественности миров: зарождение идеи бесконечности

Человек, впервые поднявший голову к ночному небу, увидел не просто звезды. Он увидел бесконечность, которая простиралась над ним, и эта бесконечность, должно быть, вызвала в его душе одновременно страх и изумление. Если мир, который он знает, ограничен горами, реками и океанами, то что же находится за пределами этих пределов? И если на небе столько светил, неужели каждое из них не имеет своей земли, своих существ, своей истории? Идея множественности миров, которая сегодня кажется нам естественной после открытий Коперника и Бруно, на самом деле является одной из древнейших и самых устойчивых в человеческом мышлении. Индийская космология, с её циклическим временем и бесконечным пространством, разработала эту идею с такой глубиной и систематичностью, что она стала одной из её самых характерных черт. Здесь не было места единственной Вселенной, созданной раз и навсегда; здесь была бесконечная череда миров, которые возникали, существовали и исчезали, подобно пузырькам в океане.

В ведийской литературе мы находим первые ростки этой идеи. В Ригведе есть гимны, в которых говорится о том, что

существует множество небес и множество земель, и что боги создавали не один мир, а бесчисленное множество. Однако эти упоминания ещё довольно туманны; они скорее поэтические, чем философские. Основное внимание ведийской космологии уделяется нашему миру, его устройству, его ритуалам. Но в Упанишадах, которые являются философским завершением ведийской традиции, идея множественности миров получает более чёткое выражение. Здесь утверждается, что существует не один мир, а три мира: земля, воздух и небо, но внутри этих трёх миров есть бесчисленные уровни, населённые различными существами. Кроме того, в Упанишадах появляется идея о том, что каждый человек, в зависимости от своей кармы, перерождается в одном из этих миров, и что количество этих миров бесконечно.

Но подлинный расцвет концепции множественности миров происходит в пуранической космологии. Пураны, особенно «Вишну-пурана» и «Бхагавата-пурана», описывают устройство Вселенной с такой детализацией, что она кажется почти реальной. Здесь мы впервые сталкиваемся с представлением о том, что Вселенная состоит из бесчисленных «чакравал», каждая из которых представляет собой отдельную космическую систему, подобную нашей. Каждая чакравала имеет свою гору Меру, свои континенты, свои океаны, свои небеса и ады. Каждая чакравала управляется своим Брахмой, который создаёт, поддерживает и разрушает свой мир в соответствии с циклом кальп. И все эти чакравалы плавают

в бесконечном океане причин, который не имеет ни начала, ни конца.

Эта идея поразительно современна. Сегодня мы знаем, что существуют миллиарды галактик, и что каждая галактика содержит миллиарды звёзд, и что многие из этих звёзд имеют свои планетные системы. Индийские космологи не знали о галактиках, но они интуитивно постигли принцип множественности миров, который является основой современной космологии. Они понимали, что наш мир не является уникальным, что он лишь один из бесчисленного множества подобных миров, которые существуют в разных частях бесконечного пространства. И это понимание не было случайным; оно вытекало из их основного философского принципа — принципа повторяемости и цикличности. Если время циклично, то и пространство должно быть циклично; если есть один мир, то должны быть и другие, подобные ему, потому что Вселенная не терпит пустоты.

Буддийская космология восприняла эту идею и развила её ещё дальше. В буддизме концепция множественности миров является центральной. Будда говорил о том, что существует бесчисленное множество мировых систем, которые возникают и исчезают в соответствии с кармическими законами. В «Ангуттара-никае» и других суттах описываются различные типы миров: миры чувственных желаний (кама-дхату), миры форм (рупа-дхату) и миры без форм (арупа-дхату), и каждый из этих миров содержит бесчисленное множество подуров-

ней. Будда также говорил о том, что существа перерождаются в этих мирах в соответствии со своей кармой, и что нет ни одного мира, который был бы вечным, включая миры богов. Это учение было не просто абстрактным; оно имело практическое значение, поскольку оно показывало, что даже самые высокие небеса временны и что единственным подлинным убежищем является нирвана.

Однако буддийская концепция множественности миров имеет свои отличия от индуистской. В индуизме множественность миров часто связывается с творческой деятельностью Брахмы или других богов. В буддизме же нет внешнего творца; миры возникают и исчезают как результат коллективной кармы существ. Это означает, что каждый мир является отражением состояния сознания существ, которые в нём живут. Если существа добродетельны, они перерождаются в благих мирах, где мало страданий и много счастья. Если же они совершают злые дела, они перерождаются в низших мирах, где страдания преобладают. Таким образом, множественность миров становится не просто космологической деталью, но и моральной картой, которая показывает последствия поступков.

Интересно, что в буддийских текстах часто встречаются описания других миров, которые очень напоминают научно-фантастические концепции. Например, в некоторых суттах говорится о мирах, которые состоят из чистого света, где существа общаются без слов, только передавая мысли. В дру-

гих описываются миры, которые являются полностью духовными, без каких-либо материальных форм. И даже есть миры, которые представляют собой «сферы бесконечного пространства» и «сферы бесконечного сознания», которые достигаются в глубокой медитации. Эти описания, хотя и кажутся мистическими, имеют свою логику: они показывают, что буддийская космология была способна на невероятно смелые спекуляции, которые предвосхитили некоторые современные представления о мультивселенной.

Но буддийская множественность миров не ограничивается только этой вселенной. Будда говорил о том, что существует не только бесчисленное множество миров в пространстве, но и бесчисленное множество вселенных во времени. Каждая вселенная проходит через циклы возникновения, существования и разрушения, и эти циклы повторяются бесконечно. Это означает, что наша вселенная не является первой и не будет последней; она лишь одна в бесконечной череде вселенных, которые существовали всегда. Это представление о вечном возвращении, которое также встречается в других культурах, в буддизме приобретает особую глубину, поскольку оно связано с идеей освобождения: выход из этого бесконечного цикла возможен только через достижение нирваны.

Философское значение этой идеи огромно. Если существует бесконечное множество миров, то наше место в них становится относительным. Мы не являемся центром Все-

ленной; мы лишь одна из бесчисленных форм существования, которые населяют космос. Это осознание может быть унизительным, но оно также освобождает: оно освобождает от чувства собственной важности, от привязанности к своему «я», от веры в то, что наш мир является единственным и исключительным. Оно также вселяет надежду: если существует бесконечное множество миров, то и возможности для духовного развития бесконечны. Даже если мы не достигнем просветления в этой жизни, у нас будет бесчисленное множество других жизней в других мирах, чтобы продолжить практику. Это делает буддийский путь открытым, безграничным, как само пространство.

В индийских астрономических текстах, таких как «Сурья-сиддханта», множественность миров не описывается напрямую, поскольку эти тексты сфокусированы на нашей солнечной системе. Однако в философских комментариях эта идея присутствует. Например, в комментариях к «Йога-сутрам» говорится о том, что существует множество планетных систем, населённых разными существами, и что йогин, достигший высокого уровня, может путешествовать между этими мирами с помощью своих сиддх (сверхспособностей). Это показывает, что идея множественности миров была не только умозрительной, но и практической: она была частью йогической и медитативной традиции, которая позволяла опытным практикам «видеть» другие миры и даже посещать их.

В народной культуре Индии концепция множественности миров сохранилась в форме рассказов о небесных путешествиях. В эпосах, таких как «Махабхарата», герои часто посещают небесные миры, где они видят богов, полубогов, небесных танцовщиц и другие чудеса. Эти описания, хотя и являются художественными, основаны на космологических представлениях о множественности миров. Они показывают, что эти представления были широко известны и что они вдохновляли воображение людей. Даже сегодня, когда индийцы читают эти эпосы, они могут почувствовать себя частью той же бесконечной Вселенной, в которой герои путешествуют между мирами и встречаются с небесными обитателями.

Интересно, что идея множественности миров была не только индийской, но и встречалась в других культурах. Греческие атомисты, такие как Демокрит и Эпикур, также предполагали существование бесконечного множества миров. Однако их концепция была механистической, а не духовной. В индийской космологии множественность миров была неразрывно связана с кармой и перерождением, что придавало ей этическое измерение. Это различие важно, потому что оно показывает, как одна и та же идея может быть интерпретирована по-разному в разных культурных контекстах. В Индии множественность миров стала основой для оптимистического взгляда на жизнь, в которой каждое существо имеет бесконечные возможности для развития.

В буддийской традиции эта идея также связана с состраданием. Будда учил, что сострадание должно распространяться на всех существ во всех мирах. Это не просто риторическая фигура; это является основой буддийской практики. Бодхисаттва, который стремится к просветлению, обещает спасти всех существ, где бы они ни находились — в адах, в небесах, в человеческих мирах, в мирах животных. И это обещание имеет смысл только в контексте множественности миров: если бы существовал только один мир, то сострадание было бы ограничено. Но поскольку миров бесконечно много, и существ в них бесконечно много, то и сострадание должно быть бесконечным. Таким образом, космология становится этикой, и этика становится космологией.

Философские школы буддизма, такие как мадхъямака и йогачара, также разрабатывали идею множественности миров. Мадхъямака, основанная Нагарджуной, утверждала, что все миры пусты, то есть не имеют собственной сущности. Это не отрицает их существования, но оно указывает на то, что они являются зависимыми и условными. Йогачара, напротив, утверждала, что миры являются проявлениями сознания, и что разные сознания создают разные миры. Эти две интерпретации, хотя и различны, обе подчеркивают, что множественность миров не является абсолютной реальностью, а скорее является отражением кармических и ментальных процессов. Это делает буддийскую космологию не догматической, а диалектической, открытой к пересмотру.

В современной физике идея множественности миров переживает второе рождение. Теория струн, теория инфляции и квантовая космология предполагают существование мультивселенной, в которой наша вселенная является лишь одной из бесконечного множества вселенных с разными физическими законами. Это поразительное совпадение с древней индийской космологией, и оно вызывает интерес у учёных. Некоторые физики, такие как Андрей Линде, открыто признают влияние индийской философии на свои идеи. Это показывает, что древние космологические концепции могут быть не просто историческими курьезами, но и источниками вдохновения для современной науки.

Однако между древней и современной концепциями множественности миров есть и важные различия. Современная мультивселенная основана на математических моделях и эмпирических данных, тогда как древняя индийская космология была основана на медитации, созерцании и устной традиции. Современная мультивселенная является физической, тогда как древняя была также и метафизической, включая моральные и духовные аспекты. Тем не менее, сам факт, что люди тысячи лет назад могли представить себе бесконечное множество миров, говорит о том, что человеческое воображение всегда было способно выходить за пределы видимого и постигать непостижимое.

В индийской культуре идея множественности миров также оказала влияние на искусство и литературу. Храмы ча-

сто изображали сцены из других миров, такие как небесные дворцы или ады, чтобы дать верующим представление о том, что их ждёт после смерти. Скульптуры и картины показывали божеств, которые живут в небесных сферах, и демонов, которые страдают в адах. Эти образы не были просто декоративными; они были образовательными и морализирующими, они напоминали людям о том, что их поступки имеют последствия, которые простираются за пределы этой жизни. И они были основаны на космологической концепции множественности миров.

Даже в современной Индии эта идея продолжает жить. Во время религиозных праздников, таких как Дивали, люди зажигают огни, чтобы осветить путь для душ, которые путешествуют между мирами. В некоторых регионах существуют обряды, которые проводятся для того, чтобы помочь умершим перейти в другие миры. Эти обычаи, хотя и кажутся суеверными, являются выражением той же веры в бесконечность Вселенной, которая была характерна для древних риши. Они показывают, что космология — это не просто теория, а живой опыт, который продолжает влиять на поведение людей.

Идея множественности миров также решает одну из самых сложных проблем в теологии: проблему зла. Если существует только один мир, и в этом мире есть страдание, то как это может быть совместимо с существованием справедливого Бога? Индийская космология предлагает ответ: страдание

не является результатом действий Бога, а является результатом кармы существ. И поскольку существует бесконечное множество миров, то существа, которые страдают в этом мире, могли бы страдать меньше в другом, или они могли бы переродиться в лучшем мире, если бы улучшили свою карму. Это делает страдание объяснимым и даже в некотором смысле справедливым, поскольку оно является прямым следствием поступков.

В буддийской практике медитация на множественность миров используется для развития сострадания и отречения. Практикующий визуализирует бесчисленные миры, населённые существами, которые страдают от невежества и желаний. Он понимает, что его собственные проблемы незначительны по сравнению с страданиями всех этих существ, и он направляет свою практику на то, чтобы помочь им. Эта медитация также развивает отречение, поскольку она показывает, что ни один из этих миров, включая его собственный, не является вечным или совершенным. Единственное, что имеет значение — это освобождение, которое находится за пределами всех миров.

В заключение, представления о множественности миров являются одной из самых глубоких и устойчивых идей индийской космологии. Они проходят через всю её историю, от ведийских гимнов до буддийских сутр, от пуранических текстов до современных астрофизических теорий. Они выражают фундаментальную интуицию о том, что Вселенная не

ограничена тем, что мы видим, что за пределами нашего мира существуют другие миры, и что наше существование является частью бесконечного космоса. Эта интуиция не только расширяет наши горизонты, но и углубляет нашу ответственность, поскольку она напоминает нам о том, что наши действия имеют последствия не только здесь и сейчас, но и в других мирах и других жизнях. И в этом смысле идея множественности миров является не просто космологической концепцией, но и этическим императивом, который призывает нас к мудрости, состраданию и освобождению.

Глава 29. Священные числа: сакральная арифметика космоса в древних текстах

Числа никогда не были для человека просто инструментом счета. Они были ключами к тайнам мироздания, символами, в которых зашифрована структура реальности, языком, на котором говорит Вселенная с теми, кто умеет слушать. В древней Индии это понимание достигло такой глубины и системности, что числа стали не просто математическими абстракциями, а священными сущностями, обладающими собственной силой, собственным характером и собственным местом в космическом порядке. Сакральная арифметика, которая пронизывает ведийские тексты, пураны, буддийские сутры и астрономические трактаты, является не просто любопытным историческим курьезом, а ключом к пониманию того, как древние индийцы видели структуру Вселенной, как они связывали математику с мифологией и как они использовали числа для того, чтобы проникнуть в суть бытия.

В самом сердце индийской сакральной арифметики лежит число три. Оно появляется повсюду: три мира — земля, воздух и небо; три времени — прошлое, настоящее и будущее; три гуны — саттва, раджас и тамас; три основных божества

— Брахма, Вишну и Шива; три пути освобождения — карма-йога, бхакти-йога и джняна-йога. Это число не случайно; оно отражает фундаментальную структуру реальности, которая, по мнению древних мыслителей, состоит из тройственности. В ведийской космологии тройственность проявляется в делении Вселенной на три сферы, которые соответствуют телу космического человека — Пуруши. Голова Пуруши — это небо, его туловище — воздушное пространство, а его ноги — земля. Эта тройственная структура повторяется на всех уровнях бытия: в человеке, в обществе, в ритуале. Таким образом, число три становится не просто количеством, а качеством, архетипом, который организует всё сущее.

Но сакральная арифметика не ограничивается тройкой. Число четыре также является фундаментальным. Четыре стороны света, четыре Веды, четыре юги, четыре ашрамы (стадии жизни), четыре цели человеческой жизни (дхарма, артха, кама, мокша). Четверка символизирует полноту, завершенность, устойчивость. В космологии четыре континента окружают гору Меру, и каждый из них имеет свою форму, свой цвет и свои особенности. Четыре маха-юги составляют одну кальпу, и каждая юга имеет свою продолжительность, выраженную в священных числах. Четверка также связана с квадратом, который является символом земли и материального мира. В храмовой архитектуре квадрат является основной формой, и он символизирует космический порядок, который проявлен на земле.

Но, пожалуй, самое важное число в индийской сакральной арифметике — это семь. Семь риши, семь планет, семь дней недели, семь миров, семь подземных сфер, семь коней Солнца, семь языков огня. Семь — это число полноты и совершенства, число, которое объединяет тройку и четверку, небо и землю, духовное и материальное. В ведийской астрономии семь планет (включая Солнце и Луну) являются основными движущимися светилами, и их влияние на жизнь человека считается решающим. Семь риши — это семь мудрецов, которые являются прародителями человечества и хранителями ведического знания. Семь миров, или лока, включают в себя все уровни существования, от самых низких адов до высочайших небес. Таким образом, число семь становится моделью Вселенной, которая содержит в себе все аспекты бытия.

Но священные числа не ограничиваются малыми величинами. Индийская космология оперирует и огромными числами, которые поражают воображение. Например, продолжительность одной кальпы составляет 4 320 000 000 лет. Это число не случайно; оно получено путем умножения 360 (число дней в году) на 12 000 000 (число лет в маха-юге). Но за этим числом стоит не просто математический расчет, а глубокий символизм. Цифры, составляющие это число, имеют свои значения: 4, 3, 2 — это числа, которые символизируют различные аспекты космоса. Кроме того, это число кратно 432, которое также имеет сакральное значение, поскольку

ку оно связано с календарными и астрономическими циклами. Таким образом, даже самые большие числа в индийской космологии не являются произвольными; они являются выражением скрытого порядка, который управляет Вселенной.

Число ноль — одно из самых значительных изобретений индийской математики — также имеет сакральное значение. Ноль символизирует пустоту, шунью, которая является основой буддийской философии. В индийской арифметике ноль не является просто отсутствием; он является потенцией, из которой всё возникает и в которую всё возвращается. Он является символом бесконечности, поскольку он может быть добавлен к любому числу, не меняя его сущности, и он позволяет создавать системы счисления, которые могут описывать любые величины. В буддийской философии шуньята, или пустота, является не нигилизмом, а основой всех явлений, их подлинной природой, которая освобождает от привязанностей. Таким образом, ноль в математике отражает шуньяту в философии, и это показывает, что сакральная арифметика была неразрывно связана с духовным поиском.

Ведийские тексты, такие как «Шатапатха-брахмана», содержат сложные числовые конструкции, которые используются для построения жертвенных алтарей. Эти алтари должны были иметь определенные размеры, которые выражались в священных числах. Например, алтарь для жертвоприношения агни-хотра должен был состоять из определенного количества кирпичей, каждый из которых имел свое значение.

Количество кирпичей могло быть 10 000, и каждый кирпич символизировал определенный элемент космоса. Построение такого алтаря было не просто строительным проектом; оно было ритуалом, который воссоздавал Вселенную в миниатюре. Каждое число, каждый кирпич, каждый размер имел свою символику, и жрец, который строил алтарь, должен был знать эту символику, чтобы ритуал был эффективным.

В буддийской традиции числа также играют важную роль. Четыре благородные истины, Восьмеричный путь, двенадцать звеньев взаимозависимого возникновения, тридцать семь факторов просветления — все это числа, которые структурируют буддийское учение. Каждое из этих чисел имеет свое значение, и они используются не только для запоминания, но и для медитации. Например, медитация на четыре благородные истины помогает практикующему осознать природу страдания и пути его прекращения. Медитация на двенадцать звеньев помогает увидеть процесс возникновения и исчезновения явлений. Таким образом, числа в буддизме являются не просто классификациями, а инструментами для трансформации ума.

В астрономических текстах, таких как «Сурья-сиддханта», числа используются для точных расчетов движения планет и звезд. Здесь числа имеют не только символическое, но и практическое значение. Однако и в этих текстах числа часто обладают сакральным оттенком. Например, диаметр Луны выражается в определенном числе йоджан, и это чис-

ло может иметь астрономическое и мифологическое значение одновременно. Астрономы, которые пользовались этими числами, знали, что они не просто математические абстракции, но что они отражают космический порядок, установленный богами. Поэтому они относились к своим расчетам с благоговением, понимая, что они прикасаются к священной математике Вселенной.

Сакральная арифметика также присутствует в индийских календарях. Календарные циклы, такие как шестидесятилетний цикл Юпитера, основаны на умножении различных священных чисел. Шестьдесят — это произведение пяти и двенадцати, и оба этих числа имеют сакральное значение. Пять — это число элементов (земля, вода, огонь, воздух, эфир), а двенадцать — это число месяцев или знаков зодиака. Шестидесятилетний цикл используется для астрологических прогнозов, и каждый год в этом цикле имеет свое название, которое связано с определенным божеством или планетой. Таким образом, календарь становится не просто системой отсчета времени, а священным текстом, который можно читать и интерпретировать.

В народной культуре Индии сакральная арифметика проявляется в многочисленных поверьях и обычаях. Например, число 108 считается священным, и оно используется для повторения мантр, для нанизывания четок, для количества упанишад, для числа накшатр (27, умноженное на 4). Это число имеет астрономическое значение: расстояние от Зем-

ли до Солнца примерно в 108 раз больше диаметра Солнца, а расстояние от Земли до Луны примерно в 108 раз больше диаметра Луны. Знали ли древние индийцы об этом соотношении? Возможно, они интуитивно чувствовали его, наблюдая за небом, и поэтому придали числу 108 такое значение. Это показывает, что сакральная арифметика могла иметь эмпирическую основу, которая затем была облечена в религиозную форму.

Число 1000 также является важным в индийской космологии. Оно символизирует полноту, бесконечность, божественность. В гимнах тысяча часто используется для обозначения бесчисленного множества. Например, тысячеглавый змей Шеша, тысячелетие как период времени, тысяча имен богов. Тысяча также является числом, которое используется для выражения огромных величин в астрономии: тысячи йоджан, тысячи лет, тысячи миров. Это число придает масштабность космическим описаниям, делая их более величественными и внушительными.

В ведийской математике существовали специальные термины для больших чисел: например, «парардха» — это число, которое превосходит 10 в 21-й степени. Эти термины использовались не только в математике, но и в космологии, чтобы описать продолжительность времени или расстояние в пространстве. Использование таких больших чисел показывает, что индийские мыслители не боялись оперировать бесконечностью и что они стремились понять Вселенную во

всей её полноте, не ограничиваясь малыми масштабами. Это было смело и инновационно, и это предвосхитило современные астрономические представления о масштабах Вселенной.

В буддийских текстах также встречаются огромные числа, особенно в описаниях кальп. Например, в «Махавайпулья-сутре» говорится о том, что Будда практиковал добродетели в течение бесчисленных кальп, и что его заслуги не могут быть выражены обычными числами. Эти числа не являются точными; они являются скорее поэтическими преувеличениями, которые призваны вызвать благоговение и показать величие Будды. Однако они также отражают космическую перспективу, в которой время и пространство не имеют границ, и в которой каждая практика имеет значение в вечном контексте.

Сакральная арифметика также связана с геометрией. В индийской архитектуре и изобразительном искусстве используются геометрические пропорции, которые основаны на священных числах. Например, квадрат и круг являются основными формами, которые символизируют землю и небо, и их соотношение выражается в определенных числах. Мандалы, которые используются для медитации, также имеют сложную числовую структуру: они состоят из определенного количества кругов и квадратов, которые соответствуют числам, символизирующим космический порядок. Создание мандалы было не просто художественным актом, но и меди-

тацией, в которой числа и геометрия служили проводниками в глубины сознания.

В джайнистской космологии, которая развивалась параллельно с индуистской и буддийской, числа также играют важную роль. Джайны делят Вселенную на три части: верхнюю, среднюю и нижнюю, и каждая часть имеет определенную форму и размеры, выраженные в числах. В джайнизме существует концепция «аватар» — падений, которые символизируют разные числа, и которые используются для расчета времени и пространства. Эти системы, хотя и отличаются от индуистских и буддийских, также используют сакральную арифметику, что показывает общность подхода к числу как к священному языку.

Философское значение сакральной арифметики заключается в том, что она утверждает порядок и закономерность Вселенной. Если числа управляют миром, то мир не является хаотичным; он подчиняется законам, которые можно познать. Это дает человеку надежду на то, что он может понять Вселенную и найти своё место в ней. Кроме того, сакральная арифметика связывает материальный мир с духовным, показывая, что даже самые простые числа могут быть воротами к более глубокой реальности. Это делает математику не просто инструментом, но и путем к освобождению.

В современной науке числа также играют фундаментальную роль, но их восприятие изменилось. Мы видим в числах абстрактные величины, которые описывают законы при-

роды, но мы редко придаём им сакральное значение. Однако некоторые ученые, особенно в области физики и космологии, признают, что числа, которые описывают нашу Вселенную, кажутся «настроенными» для возникновения жизни, и это вызывает вопросы о том, является ли это случайностью или признаком скрытого порядка. В этом смысле сакральная арифметика древних индийцев может быть не просто примитивным суеверием, а интуицией, которая предвосхитила современные дискуссии о тонкой настройке Вселенной.

Изучая священные числа в индийских текстах, мы также видим, как они менялись с течением времени. В ведический период преобладали небольшие числа, такие как три, семь, двенадцать. В пуранический и буддийский периоды числа становятся всё более огромными, отражая расширение космологического горизонта. Это соответствует общей тенденции индийской космологии: от простых наблюдений к сложным системам, от малого к большому, от ограниченного к бесконечному. Эта эволюция показывает, что сакральная арифметика была не статичной, а развивающейся дисциплиной, которая адаптировалась к новым знаниям и новым потребностям.

В народных практиках сакральная арифметика сохранилась в виде нумерологии, которая используется для предсказания судьбы. Каждое число имеет свой характер, свои благоприятные и неблагоприятные аспекты, и люди часто выбирают даты для важных событий на основе нумерологических

расчетов. Например, число 9 считается удачным, а число 5 — нейтральным. Эти представления, хотя и не имеют научного обоснования, показывают, что вера в священную силу чисел сохраняется в индийском обществе. Они являются частью культурного наследия, которое связывает современную Индию с её древними корнями.

В буддийских монастырях сакральная арифметика используется для организации распорядка дня. Например, количество простираний, количество повторений мантры, количество часов для медитации — всё это регулируется числами, которые имеют символическое значение. Монахи не просто выбирают числа произвольно; они следуют традиции, которая восходит к временам Будды и которая придает практике структуру и смысл. Это показывает, что сакральная арифметика была не только умозрительной, но и практической, она пронизывала все аспекты жизни.

В индийской астрономии числа также используются для синхронизации календаря с движением светил. Например, для согласования лунного и солнечного циклов используются определенные числа, которые считаются священными. Это не просто техническая необходимость; это также имеет ритуальное значение, поскольку правильный календарь является выражением космического порядка. Таким образом, астрономия, математика и религия были переплетены в единую систему, в которой числа были языком, объединяющим все три области.

В современном мире, где математика стала в основном утилитарной, мы можем потерять связь с сакральным измерением чисел. Но древние индийцы напоминают нам, что числа могут быть не только инструментом, но и мудростью. Они могут раскрывать тайны Вселенной, если мы подходим к ним с уважением и с пониманием их символической глубины. Изучая сакральную арифметику, мы можем найти новый способ видеть мир, в котором числа не являются холодными абстракциями, а живыми сущностями, которые поют свою песню о порядке, гармонии и бесконечности. И в этой песне мы можем услышать голос древних мудрецов, которые знали, что космос построен на числах, и что познание чисел есть познание самого Божества.

Глава 30. Образование первых астрономических школ: передача знаний в закрытых кастах

Знание всегда было властью, но в древней Индии эта власть была не просто политической или экономической — она была сакральной. Астрономия, как наиболее тайное из всех знаний, требовала особой преданности, особой чистоты и особой передачи. Она не могла быть доступна каждому; она должна была передаваться от учителя к ученику в строго определенном порядке, с соблюдением ритуалов и обетов, которые гарантировали, что знание не будет осквернено или использовано во вред. Именно так, в недрах брахманских семей и монашеских общин, возникали первые астрономические школы — закрытые сообщества, которые хранили свои методы и открытия как священные реликвии, передавая их из поколения в поколение с той же тщательностью, с которой передавались ведийские гимны. Эти школы стали фундаментом, на котором выросла вся индийская астрономия, и их влияние ощущается до сих пор, даже если их имена и методы частично утрачены.

В ведический период астрономия не была отдельной дисциплиной. Она была частью джйотиши, которая входила в число шести веданг — вспомогательных дисциплин, необ-

ходимых для правильного совершения ритуалов. Поэтому обучение астрономии происходило в рамках общего брахманского образования. Мальчик, принадлежавший к касте брахманов, начинал свое обучение с изучения Вед, а затем переходил к ведангам, включая джйотишу. Однако не все брахманы становились астрономами; только те, кто проявлял особые способности к математике и наблюдениям, могли углубиться в эту область. И даже среди них существовала специализация: одни занимались солнечным календарем, другие — лунным, третьи — планетными движениями. Эта специализация была естественным следствием сложности предмета, и она привела к тому, что разные школы стали экспертами в разных областях.

Первые астрономические школы, о которых мы знаем, упоминаются в ведийских текстах, таких как «Брахманы» и «Шраута-сутры». В них говорится о мудрецах, которые были известны своими астрономическими познаниями: Гарга, Атри, Васиштха, Вишвамитра и другие. Каждый из них, по преданию, основал свою школу, которая специализировалась на определенных аспектах небесной механики. Школа Гарги была известна своими наблюдениями за Луной и ее накшатрами; школа Атри — за движением Солнца и определением моментов равноденствий; школа Васиштхи — за составлением календарей и вычислением времени жертвоприношений. Эти школы не были формальными институтами в современном смысле; они были скорее линиями пере-

дачи знания, когда учитель передавал свои знания избранным ученикам, которые затем передавали их дальше. Но эта устная традиция была настолько строгой и дисциплинированной, что знания сохранялись в неизменном виде на протяжении столетий.

Передача знаний в этих школах происходила через систему «гуру-шишья» — учитель-ученик. Ученик жил в доме учителя, служил ему, выполнял все его поручения, и только после долгих лет испытаний учитель посвящал его в тайны астрономии. Этот процесс был не просто обучением, но и инициацией. Ученик должен был доказать свою преданность, свои нравственные качества, свою способность хранить тайну. Он должен был выучить наизусть тысячи стихов и сутр, которые содержали астрономические данные, и научиться их интерпретировать. Он должен был освоить математические методы, которые были зашифрованы в гимнах, и овладеть инструментами, которые использовались для наблюдений. Этот процесс был долгим и трудным, но он обеспечивал высокий уровень подготовки и сохранность знаний.

Одной из самых известных таких школ была школа, связанная с трактатом «Сурья-сиддханта». Хотя сам текст был записан в более поздний период, его содержание восходит к устной традиции, которая передавалась в определенной школе астрономов. В этой школе разрабатывались методы расчета солнечных и лунных затмений, определения долготы, вычисления движения планет. Ученики этой школы

должны были знать наизусть все формулы и уметь применять их на практике. Они должны были уметь строить гномоны и солнечные часы, проводить наблюдения и интерпретировать их. Школа была известна своей точностью, и ее методы были приняты во многих частях Индии.

Конкуренция между школами также была важным фактором развития астрономии. Разные школы часто имели разные методы и разные результаты, и их сторонники могли яростно спорить друг с другом. Эти споры стимулировали пересмотр устаревших данных и поиск более точных методов. Например, споры между школами, которые использовали разные значения для длины года, привели к тому, что астрономы начали проводить более точные наблюдения и разрабатывать более совершенные математические модели. Эта конкуренция была не только научной, но и социальной, поскольку школы часто были связаны с определенными регионами, кланами или даже политическими силами. Царь, который покровительствовал одной школе, мог получить преимущество над соседями, поскольку более точный календарь позволял лучше планировать сельскохозяйственные и военные кампании.

В буддийских монастырях также существовали астрономические школы, хотя они были менее формализованными, чем брахманские. Буддийские монахи, которые интересовались астрономией, часто собирались в группы, чтобы обмениваться знаниями и обсуждать новые идеи. Эти группы бы-

ли менее ритуалистичными и более открытыми для новых влияний, включая влияние из Греции и Китая. Например, школа сарвастивада была известна своими космологическими исследованиями, которые были включены в «Абхидхармакошу» Васубандху. В этой школе монахи изучали не только буддийскую философию, но и астрономию, и их труды оказали влияние на развитие буддийской космологии в Тибете, Китае и Японии.

Одной из самых влиятельных буддийских астрономических школ была школа Калачакра, которая возникла в Индии примерно в десятом веке нашей эры. Эта школа была посвящена тантрической системе «Колесо Времени», которая включала в себя сложные астрономические и астрологические расчеты. Ученики школы Калачакра должны были овладеть не только буддийской философией, но и математикой, астрономией, географией и медициной. Эта междисциплинарность была характерна для многих индийских школ, где знание было целостным, а не разделенным на отдельные дисциплины. Школа Калачакра сохранилась до наших дней в тибетском буддизме, и ее астрономические методы по-прежнему используются в тибетских монастырях.

Важным аспектом школьной традиции было составление комментариев и учебников. Учитель часто создавал свой собственный текст, который суммировал его знания и методы, и этот текст становился основой для обучения следующих поколений. Некоторые из этих текстов стали настоль-

ко авторитетными, что заменили более древние источники. Например, комментарии Варахамихиры к «Панча-сиддхантике» стали стандартным учебником для многих школ, и их изучали студенты на протяжении нескольких веков. Это показывает, что школы не были статичными; они постоянно развивались, пересматривали свои методы и адаптировались к новым знаниям.

В школах также существовала практика обмена учениками. Иногда ученик, закончивший обучение в одной школе, отправлялся в другую, чтобы изучить их методы, и затем возвращался, чтобы обогатить свою собственную традицию. Этот обмен способствовал распространению знаний и уменьшению изоляции между школами. Однако такие перемещения были не всегда простыми, поскольку разные школы могли иметь разные ритуалы и разные обеты, и ученик должен был быть готов адаптироваться к новым условиям. Тем не менее, эти обмены были важным фактором для сохранения динамичности индийской астрономии.

С приходом мусульманских завоеваний в средневековье многие индийские школы были вынуждены закрыться или мигрировать в другие регионы. Астрономы часто искали убежище при дворах местных правителей, которые могли защитить их и обеспечить условия для работы. Некоторые школы интегрировались в исламскую научную традицию, и их методы были переведены на арабский язык, а затем на персидский и латынь. Это привело к тому, что индийская

астрономия оказала влияние на развитие науки в исламском мире и в Европе. Однако это также привело к утрате многих оригинальных текстов, которые не были переведены и были утеряны.

В современных исследованиях индийских астрономических школ все еще существует много пробелов. Мы не знаем точных названий многих школ, их внутренней организации, их методов обучения. Мы вынуждены полагаться на фрагментарные свидетельства, которые сохранились в более поздних текстах. Это затрудняет полное восстановление картины, но это также делает изучение этих школ увлекательным и сложным. Современные ученые используют археологические находки, анализ стиля текстов, сравнение с другими традициями, чтобы попытаться реконструировать историю этих школ. И каждый новый результат открывает новые перспективы.

Одним из самых интересных аспектов школьной традиции является ее связь с другими областями знания. Астрономия в этих школах была неразрывно связана с математикой, географией, медициной, архитектурой и, конечно, с религией. Ученик, изучавший астрономию, должен был также знать геометрию для строительства алтарей, хронологию для ритуалов, медицинскую астрологию для врачевания. Это делало образование комплексным и готовило учеников к многогранной деятельности в обществе. Многие из них становились не только астрономами, но и жрецами, врачами, архи-

текторами или советниками царей.

В ведийской системе «гуру-кула» — школе при учителе — обучение было бесплатным, но ученик должен был отрабатывать свое обучение служением. Это создавало атмосферу взаимной преданности и уважения, которая способствовала глубокому усвоению знаний. Учитель не просто передавал информацию; он передавал способ мышления, подход к решению проблем, этические принципы. Эта модель образования оказалась настолько эффективной, что она сохранилась в Индии до наших дней, хотя и в измененной форме.

Сравнение индийских астрономических школ с греческими или арабскими показывает, что индийский подход был более ориентирован на ритуал и на духовную практику. Греческие школы, такие как Лицей Аристотеля или Александрийская библиотека, были более светскими и публичными. Индийские школы были более замкнутыми и тайными. Это различие отражает разницу в культурных приоритетах: в Индии знание было сакральным, в Греции — рациональным. Однако оба подхода привели к выдающимся результатам, и они взаимно обогащали друг друга через контакты между цивилизациями.

Индийские школы также разработали уникальные методы преподавания, такие как использование стихов для запоминания формул. Это позволяло ученикам запоминать большие объемы информации с высокой точностью, не прибегая к письменным записям. Эти мнемонические техники были

настолько эффективными, что некоторые устные тексты сохранились в неизменном виде в течение более чем тысячелетия. Современные исследования показывают, что память человека, тренированная по этим методам, может хранить огромные объемы данных, сравнимые с компьютерами. Это объясняет, почему индийские астрономы смогли достичь такой точности без сложных инструментов.

В некоторых школах существовала практика «пратибха» — мгновенного озарения, которое позволяло ученику понять сложную проблему без длительных вычислений. Это считалось признаком высокой духовной реализации, и учителя поощряли развитие этой способности через медитацию. Хотя с научной точки зрения это может показаться нереалистичным, в контексте индийской культуры это было серьезным методом познания, который приносил результаты. Некоторые из наиболее выдающихся астрономов, такие как Арьябхата, приписывали свои открытия божественному вдохновению, а не только рациональному мышлению.

В школах также существовала система «паришрама» — добровольных дополнительных занятий, которые ученик мог проводить с учителем. Это позволяло углублять знания в определенных областях, таких как планетная астрономия или календарные реформы. Учитель, замечая способности ученика, мог предложить ему такие занятия, и это часто определяло специализацию ученика. Таким образом, школы были гибкими и адаптивными, позволяя каждому ученику

развиваться в соответствии со своими талантами.

В истории индийской астрономии известны случаи, когда школы соревновались за покровительство царя. Царь, который хотел иметь самый точный календарь, мог пригласить астрономов из разных школ и устроить испытания. Победители получали богатые дары, земли и почетные должности. Это создавало сильную мотивацию для совершенствования методов. Однако это также могло привести к политическим интригам и даже к фальсификации данных. Некоторые тексты упоминают случаи, когда астрономы искажали результаты, чтобы получить преимущество. Это показывает, что даже в священной науке человеческие слабости могли проявляться.

В буддийских школах конкуренция была менее острой, поскольку монахи не стремились к мирской власти. Однако и там существовало соперничество за влияние на мирян. Монах, который мог точно предсказать затмение, пользовался большим авторитетом, и его монастырь получал больше пожертвований. Поэтому астрономические знания были важны не только для духовной практики, но и для экономического благополучия монастыря. Это создавало условия для развития астрономии в буддийских общинах, хотя и в меньших масштабах, чем в брахманских школах.

В заключение, образование первых астрономических школ в древней Индии было сложным и многогранным процессом, который включал в себя ритуалы, обучение, конку-

ренцию, обмен и адаптацию. Эти школы создали основу для индийской астрономии, которая достигла выдающихся высот. Они передавали знания через поколения, сохраняя их от утраты, но также и от слишком быстрых изменений. Их методы были основаны на устной традиции, что делало их одновременно и надежными, и гибкими. И хотя многие из этих школ исчезли, их наследие продолжает жить в текстах, которые мы читаем, и в инструментах, которые мы используем. Изучение этих школ не только открывает нам прошлое, но и напоминает о том, что знание — это драгоценный дар, который нужно защищать и передавать с той же заботой, с какой древние мудрецы защищали свои тайны от невежества и забвения.

Глава 31. Брахма и творение: как мысль порождает материальный мир

Во всей индийской космологии нет более фундаментального вопроса, чем вопрос о том, как возник мир. И ответ на этот вопрос, который дают священные тексты, является не просто описанием космического события, а глубоким философским утверждением о природе реальности, о связи между сознанием и материей, о том, что мысль не является пассивным отражением бытия, но его активным творцом. Центральной фигурой в этой космогонической драме является Брахма — не просто бог, но принцип творения, воплощение самой способности бытия проявляться из небытия. Его появление в пуранах и эпосах, его роль в создании миров, его связь с временем и пространством — все это образует сложную картину, в которой творение не является единичным актом, а бесконечным процессом, в котором каждый момент рождения мира повторяет первый акт творения.

В ведийской литературе Брахма как отдельное божество появляется не сразу. В Ригведе мы находим гимны, посвященные Брахманаспати — владыке молитвы, который является скорее олицетворением священного слова, чем личностным творцом. Но уже в Брахманах, которые являются

прозаическими комментариями к Ведам, Брахма начинает обретать черты демиурга, который создает мир из хаоса с помощью слова и жертвы. В «Шатапатха-брахмане» описывается, как Брахма (здесь еще отождествляемый с Праджапати) сотворил мир, принеся себя в жертву, и из его тела возникли все элементы Вселенной. Этот миф о самопожертвовании является центральным для понимания индийской космологии: творение не является актом внешней силы, а является самораскрытием божественного начала, которое добровольно ограничивает себя, чтобы стать миром.

В пуранический период Брахма становится полноправным богом-творцом, входящим в тримурти — триаду верховных божеств, включающую Вишну-хранителя и Шиву-разрушителя. В «Бхагавата-пуране» и «Вишну-пуране» описывается, как Брахма рождается из лотоса, который вырастает из пупа Вишну, и как он получает задание создать Вселенную. Это рождение является ключевым моментом: Брахма не является вечным и несотворенным; он возникает в начале каждой кальпы, когда Вишну пробуждается от космического сна. Это означает, что творение не является абсолютным началом, а является лишь этапом в бесконечном цикле, где каждый новый Брахма создает новый мир, а затем умирает, уступая место следующему.

Но как именно Брахма творит мир? Здесь мы сталкиваемся с удивительной идеей, которая отличает индийскую космологию от многих других: творение происходит через

мысль. Брахма сначала думает о мире, он представляет его в своем уме, и эта мысль становится материальной реальностью. В «Манава-дхармашастре» говорится: «Брахма создал этот мир из своего ума, сначала создав мысль, а затем материю». Это означает, что материя является не чем-то отличным от сознания, а его уплотнением, проявлением. Мысль Брахмы, его желание создать мир, является первопричиной, и это желание порождает все остальное. Это глубоко идеалистическая концепция, которая имеет параллели в современной физике, где наблюдатель может влиять на реальность на квантовом уровне.

Первым актом творения Брахмы является создание пяти элементов: земли, воды, огня, воздуха и эфира. Эти элементы не являются материей в современном смысле; они являются скорее качествами, которые в своей комбинации образуют все вещи. Например, земля — это твердость, вода — это текучесть, огонь — это тепло, воздух — это движение, эфир — это пространство. Комбинируя эти элементы в разных пропорциях, Брахма создает все многообразие мира: от звезд до камней, от животных до людей. Этот процесс описан в пуранах с большой детализацией, где говорится, что сначала появился эфир, из эфира — воздух, из воздуха — огонь, из огня — вода, и из воды — земля. Эта последовательность напоминает современные теории о формировании Вселенной, хотя и не является научной в строгом смысле.

После создания элементов Брахма создает время. Без

времени мир был бы статичным, неподвижным, подобным картине. Время дает миру движение, изменение, развитие. Брахма разделяет время на дни, ночи, месяцы, годы, юги, кальпы. Каждый из этих отрезков имеет свою длительность, которая определяется движением светил. Таким образом, астрономия становится неотъемлемой частью творения: Брахма создает Солнце, Луну и планеты, чтобы они служили мерилом времени, и чтобы через них проявлялся ритм космоса. Это показывает, что в индийской космологии время не является внешним по отношению к миру, а является его внутренней структурой, которая делает возможным существование.

Следующим шагом является создание пространства. Брахма делит Вселенную на три сферы: землю, небо и промежуточное пространство. Эти сферы соответствуют трем мирам, которые населены различными существами. На земле живут люди и животные, в небе — боги и полубоги, в промежуточном пространстве — духи и демоны. Но это разделение не является жестким; существа могут перемещаться между сферами в зависимости от своей кармы. Это делает Вселенную динамичной, открытой, в которой нет абсолютных границ, а есть только условные уровни бытия. Брахма также создает гору Меру, которая является осью мира, соединяющей все три сферы. Гора Меру является физическим воплощением мысли Брахмы о центре, о точке опоры, вокруг которой вращается всё.

После создания мира Брахма создает существ, которые будут его населять. Сначала он создает богов, чтобы они управляли силами природы. Затем он создает людей, чтобы они совершали жертвоприношения и поддерживали космический порядок. Затем он создает животных, растения и другие формы жизни. Каждое существо имеет свое место в иерархии, свою дхарму, свои обязанности. Иерархия не является произвольной; она отражает степень близости к божественному началу. Боги ближе к Брахме, чем люди, а люди — ближе, чем животные. Однако эта иерархия также динамична: через карму и перерождения существа могут подниматься или опускаться в этой иерархии. Таким образом, творение Брахмы является не просто статичной структурой, а процессом, в котором каждое существо имеет возможность развиваться и совершенствоваться.

Брахма также создает законы, которые управляют миром. Это законы дхармы — космического порядка, который поддерживает Вселенную. Дхарма включает в себя правила поведения для разных каст, разных возрастов, разных ситуаций. Соблюдение дхармы является обязательным для каждого существа, потому что оно поддерживает гармонию в мире. Если существа нарушают дхарму, мир приходит в дисбаланс, что может привести к катастрофам, войнам, эпидемиям. Поэтому Брахма также создает наказания для тех, кто нарушает дхарму, в виде кармических последствий, которые проявляются в будущих жизнях. Это делает космологию Брахмы

также и этической системой, в которой структура мира отражает моральный порядок.

В буддийской традиции Брахма играет другую роль. Будда не отрицал существование Брахмы как небесного существа, но он отрицал его роль как вечного творца. В буддийских суттах Брахма часто появляется как обитатель высших небес, который, однако, сам подвержен перерождению и страданию. В «Брахмаджала-сутте» Будда критикует брахманов, которые верят, что Брахма является творцом мира, и объясняет, что эта вера основана на неправильном понимании. Согласно буддийскому учению, мир возникает не по воле Брахмы, а в результате накопленной кармы существ. Это не означает, что творения не происходит; оно происходит, но оно является безличным процессом, а не актом божественной воли. Таким образом, буддизм сохраняет космологическую схему, но лишает её теистического содержания.

Однако в буддийских тантрических текстах Брахма иногда появляется как защитник учения, который признает превосходство Будды. В этих текстах Брахма часто изображается как существо, которое, увидев просветление Будды, приходит к нему, чтобы выразить почтение и просить о наставлениях. Это показывает, что буддизм не отвергает Брахму полностью, но переосмысливает его как одного из многих существ, который, как и все, может достичь освобождения, если будет следовать Дхарме. В этом смысле буддийское отношение к Брахме является примером интеграции, а не отбра-

сывания.

В индийских астрономических текстах Брахма также имеет свое место. «Сурья-сиддханта» утверждает, что знания о движении светил были переданы Брахмой мудрецу Майе, который затем передал их людям. Это придает астрономии божественный авторитет, который делает её не просто наукой, но и откровением. Астрономы, которые следовали этой традиции, верили, что их расчеты являются не просто человеческими измышлениями, а частью космического порядка, установленного Брахмой. Эта вера давала им уверенность и силу, и она также объясняет, почему астрономия была так тесно связана с религией в индийской культуре.

Творение, описанное в пуранах, не является единичным событием. Брахма творит мир каждый день, в течение каждого дня Брахмы, который длится 4 320 000 000 лет. В конце этого дня мир разрушается, и Брахма погружается в сон. Затем наступает ночь Брахмы, которая длится столько же, сколько и день, и в эту ночь мир не существует. Затем Брахма пробуждается и снова творит мир, повторяя тот же процесс. Этот цикл повторяется бесконечно, и в каждом цикле мир подобен предыдущему, но не идентичен. Это означает, что творение не является раз и навсегда установленным актом, а непрерывным процессом, в котором каждый момент рождения мира является новым актом воли, новым проявлением мысли Брахмы.

Эта цикличность имеет глубокое значение для понимания

времени. В индийской космологии время не является линейным; оно является круговым, подобно колесу, которое вращается бесконечно. Это означает, что конец мира не является его абсолютным концом, а лишь переходом к новому началу. Это дает человеку надежду: даже если мир разрушится, он возродится вновь, и у каждого существа будет новый шанс для духовного развития. Это также снимает проблему конечности мира: мир не имеет абсолютного начала и конца, он существовал всегда и будет существовать всегда в виде бесконечной чреды циклов. Эта идея поразительно близка к современным космологическим моделям, которые рассматривают возможность циклической Вселенной.

В индийской философии Брахма также связан с концепцией «самкальпа» — воли или намерения. Мир возникает не из-за внешней необходимости, а из-за внутреннего желания Брахмы испытать себя, реализовать свои потенции. Это желание является проявлением любви и игры — лилы, которая является божественной забавой. Мир не является трагедией, а игрой, в которой божество разыгрывает бесконечные роли, чтобы познать себя. Это придает космологии оптимистический характер: даже страдания в мире являются частью этой игры, и они не являются абсолютным злом, а лишь испытаниями, которые помогают душам развиваться.

В буддийской концепции взаимозависимого возникновения также есть идея о том, что мир возникает из причины, но эта причина не является внешним творцом. Вместо этого,

мир возникает из неведения, которое является первым звеном в цепи причинности. Это означает, что пока существует неведение, будет существовать мир, и что освобождение возможно только через устранение неведения. Таким образом, буддизм предлагает не теистическое, а психологическое объяснение творения: мир является проекцией ума, который не видит своей истинной природы. Это перекликается с идеей Брахмы, который создает мир через мысль, но в буддизме эта мысль не является божественной, а является обусловленной.

В повседневной жизни индийцы часто вспоминают Брахму в молитвах и ритуалах, прося его о мудрости и творческих способностях. Хотя культ Брахмы не является доминирующим в современной Индии, его роль как творца признается во всех индуистских традициях. В некоторых храмах, особенно в Пушкаре в Раджастане, до сих пор сохранился культ Брахмы, и паломники приходят туда, чтобы получить его благословение. Это показывает, что даже в современном мире архетип творца сохраняет свою силу, напоминая людям о том, что они способны создавать и преобразовывать реальность через силу мысли.

В искусстве Брахма изображается с четырьмя головами, которые символизируют четыре Веды и четыре направления взгляда, охватывающие всё творение. Он часто держит в руках сосуд с водой (символ творческой потенции), четки (символ времени), книгу (символ знания) и скипетр (символ

власти). Эти атрибуты подчеркивают его всезнание и всемогущество, а также его связь с ритуалом и знанием. Образ Брахмы, восседающего на лотосе, который вырастает из пупа Вишну, является визуальным воплощением идеи о том, что творение возникает из божественного сна, из состояния непроявленного бытия.

В астрономической традиции Брахма также является хранителем календаря. Считается, что он установил точную длительность дня и ночи, месяцев и лет, и что его расчеты являются эталоном для всех последующих астрономов. Поэтому многие индийские календари начинаются с эпохи Брахмы, и годы отсчитываются от его творения. Это придает календарю не только практическое, но и сакральное значение, напоминая людям о божественном происхождении времени.

В эпосе, особенно в «Махабхарате», Брахма часто появляется как советник богов и людей, который помогает им в трудных ситуациях. Он не всегда активен в земных делах, но его мудрость считается непогрешимой, и к нему обращаются за советом в моменты кризиса. Это показывает, что Брахма является не просто создателем, но и хранителем знания, которое может помочь существам найти правильный путь. Его появление в эпосе также служит напоминанием о том, что знание — это главный инструмент для преодоления страданий.

В философии веданты Брахма отождествляется с Брахманом — абсолютной реальностью, которая является основой

всего сущего. В этом контексте творение не является актом отдельного божества, а является проявлением самой реальности, которая скрывает себя за множеством форм. Таким образом, Брахма становится символом не только творения, но и единства, которое лежит за видимым разнообразием. Познать Брахму — значит познать себя, свою истинную природу, которая не зависит от времени и пространства.

Буддийская философия, хотя и отвергает концепцию Брахмы-творца, использует аналогичные идеи для описания природы ума. Будда говорил, что ум подобен творцу, который создает миры через свои мысли и желания. Чистый ум создает чистые миры, а загрязненный ум — загрязненные. Эта идея является основой буддийской практики: очищая ум, мы очищаем мир, в котором живем. Это не отрицает реальности внешнего мира, но утверждает, что он является отражением внутреннего состояния. В этом смысле буддизм развивает идею Брахмы-творца, перенося акцент с внешнего бога на внутреннюю природу.

Индийская космология, таким образом, предлагает нам не просто миф о творении, а глубокое философское учение о том, что реальность создается сознанием. Брахма является не просто мифической фигурой, а архетипом творческого начала, которое присутствует в каждом из нас. Когда мы создаем что-то новое — будь то произведение искусства, научная теория или даже просто новый день в своей жизни — мы участвуем в акте творения Брахмы. Мы становимся со-

творцами мира, и это дает нам ответственность и свободу одновременно.

Наблюдая за движением светил, за сменой времен года, за цикличностью жизни, древние индийцы видели не просто механические процессы, а проявление мысли Брахмы. Каждый восход Солнца был повторением первого акта творения, каждый лунный месяц — напоминанием о том, что мир обновляется. Это понимание делало астрономию священной наукой, и она была неразрывно связана с созерцанием божественного. И когда мы сегодня смотрим на звезды, мы можем также почувствовать это — что за видимым порядком скрывается нечто большее, что космос не случаен, что он является выражением глубокой мысли, которая пронизывает всё сущее. Брахма продолжает творить мир в каждом мгновении, и мы являемся частью этого творения, его свидетелями и, если мы осознаем это, его соучастниками.

Глава 32. Индра и его дворец: небесная иерархия и космический порядок

Если Брахма был творцом, то Индра был властелином. Его фигура в индийской космологии занимает особое место, потому что она олицетворяет не столько созидание, сколько управление, не столько рождение миров, сколько поддержание порядка в уже существующем космосе. Индра — это царь богов, повелитель небес, громовержец, который правит с вершины горы Меру, в своем блистательном дворце Амаравати, окруженный бесчисленными небожителями, которые славят его и выполняют его волю. Его образ пронизывает всю индийскую мифологию, от древнейших гимнов Ригведы до поздних пуран и буддийских сутр, и в каждой традиции он предстает как символ могущества, но также и как напоминание о том, что даже боги не являются вечными и всемогущими, что они также подвержены законам кармы и цикличности времени.

В Ригведе Индра является, пожалуй, самым почитаемым божеством, которому посвящено больше гимнов, чем любому другому. Он описывается как могучий воин, который сражается с демонами, особенно с Вритрой — змеевидным демоном, который сдерживает воды и угрожает миру. Индра

побеждает Вритру с помощью своей ваджры — молнии, выкованной из костей мудреца Дадхичи, и освобождает воды, которые приносят жизнь на землю. Этот миф является космической аллегорией: Индра символизирует порядок, который побеждает хаос, свет, который побеждает тьму, жизнь, которая побеждает смерть. Он является не просто царем, но и героем, который защищает мир от сил разрушения. Его победа над Вритрой воспринимается как акт, который делает возможным существование мира, и поэтому Индра почитается как главный защитник космического порядка.

Дворец Индры, Амаравати, находится на вершине горы Меру, в самом центре Вселенной. Это не просто дворец, а целый город, который сияет золотом и драгоценностями, который украшен садами, где растут деревья, исполняющие желания, и где текут реки из нектара. В этом городе живут боги и полубоги, небесные музыканты и танцовщицы, которые непрерывно славят Индру и увеселяют его. Амаравати является символом совершенного мира, где нет страданий, где все желания исполняются, где царит вечная весна. Однако это не рай в христианском смысле, потому что даже здесь, в небесах, существа не являются вечными; они наслаждаются плодами своей благой кармы, но когда эта карма иссякает, они умирают и перерождаются в других мирах. Поэтому Амаравати, при всей своей красоте, является лишь временным прибежищем, и даже Индра, царь богов, не вечен.

В буддийской традиции Индра также появляется, но его

роль изменяется. Он становится защитником учения, одним из божеств, которые приходят к Будде, чтобы выразить почтение и просить о наставлениях. В суттах часто описывается, как Индра спускается с небес, чтобы слушать проповеди Будды, и как он помогает монахам в их практике. Однако буддизм не признает Индру верховным божеством; он является просто одним из многих существ, который, как и все, стремится к просветлению. В «Дхаммападе» и других текстах Индра иногда используется как пример того, что даже боги, обладающие огромной силой, не защищены от страданий и перерождений. Это делает его образ более человечным, более близким к страдающим существам, и его появление в суттах служит напоминанием о том, что даже самое высокое положение в сансаре не является конечной целью.

Интересно, что в буддийских тантрических текстах Индра иногда отождествляется с определенными медитативными состояниями. Он символизирует ум, который достиг контроля над своими желаниями и может управлять миром, не будучи привязанным к нему. Его дворец, Амаравати, становится символом чистого сознания, которое не омрачено неведением. В этой интерпретации Индра превращается из мифологического персонажа в психологический архетип, который помогает практикующим понять структуру своего собственного ума.

В индийских астрономических текстах Индра также имеет свое место. Его дворец, Амаравати, иногда ассоциирует-

ся с Полярной звездой, которая является неподвижным центром вращения небесной сферы. Так же как Индра правит с вершины Меру, Полярная звезда правит небесами, являясь точкой, вокруг которой вращаются все светила. Эта ассоциация подчеркивает идею о том, что космос имеет центр, который является источником порядка, и что этот центр является местом обитания верховного правителя. В некоторых текстах говорится, что дворец Индры находится именно там, на Полярной звезде, и что оттуда он наблюдает за всеми мирами, управляя их судьбами.

Но власть Индры не является абсолютной. Он часто описывается как божество, которое может быть побеждено демонами, если они набирают силу благодаря своей аскезе или благодаря покровительству других богов. В пуранах есть много историй о том, как Индра теряет свой трон или вынужден искать помощи у Вишну или Шивы, чтобы восстановить свою власть. Это показывает, что даже царь богов не всемогущ, и что он должен постоянно поддерживать свой авторитет, совершая подвиги и жертвоприношения. Его власть является результатом его кармы, и если его карма ухудшается, он может быть свергнут. Это делает его фигуру более уязвимой и более человечной, и она служит напоминанием о том, что ни одна власть в сансаре не является постоянной.

Иерархия небесных существ, во главе которой стоит Индра, является отражением социального порядка на земле. В индийском обществе существовала строгая кастовая си-

стема, и эта система проецировалась на космос. Боги, как и брахманы, находятся на вершине, полубоги и духи — на средних уровнях, а демоны — внизу. Эта иерархия не является произвольной; она основана на степени чистоты и добродетели. Боги чище, чем люди, а люди чище, чем демоны. Однако эта иерархия также динамична: существа могут переходить из одной категории в другую в зависимости от своей кармы. Поэтому демон, который совершает аскезу, может стать богом, а бог, который злоупотребляет своей властью, может родиться демоном. Это делает космос более справедливым и менее жестким, чем земная кастовая система.

В искусстве Индра часто изображается как величественный царь, сидящий на троне, с ваджрой в руке, и с белым слоном Айраватой, на котором он разъезжает по небу. Этот слон является символом силы и мудрости, и он часто появляется в эпосах, когда Индра отправляется на битву с демонами. Изображения Индры и его слона можно найти во многих храмах, особенно в тех, которые посвящены Вишну или Шиве, где Индра выступает как один из их помощников. Эти изображения служат напоминанием о том, что космический порядок поддерживается не только верховными богами, но и целой армией божеств, которые выполняют свои обязанности, чтобы мир не погрузился в хаос.

В ритуальной практике Индра также занимает важное место. В ведийских жертвоприношениях ему посвящались особые обряды, особенно во время царских посвящений, когда

царь отождествлялся с Индрой. Царь, как и Индра, должен был быть защитником своего народа, победителем врагов, поддерживающим космический порядок. Поэтому ритуалы, связанные с Индрой, были не только религиозными, но и политическими, они укрепляли власть царя и легитимизировали его правление. В некоторых случаях царь даже принимал имя Индра или рассматривался как его воплощение. Это показывает, что астрономия и космология были тесно связаны с властью, и что знание о небесах давало право управлять землей.

В буддийской традиции ритуалы, посвященные Индре, не имеют такого же значения, поскольку буддизм не придает большого значения жертвоприношениям. Однако в народной культуре Индра по-прежнему почитается как бог дождя и хорошей погоды, и ему молятся во время засух или перед посадками. В некоторых регионах Индии до сих пор существуют праздники, связанные с Индрой, которые включают в себя пение гимнов, танцы и подношения. Эти праздники являются пережитком древних ведийских обрядов, и они показывают, что даже в современном мире архетип Индры продолжает жить в народной памяти.

Индра также часто выступает как покровитель поэтов и музыкантов. Его дворец, Амаравати, описывается как место, где звучит прекрасная музыка, и где поэты воспевают славу богов. В ведийской литературе Индра часто изображается как божество, которое любит поэзию и щедро награжда-

ет тех, кто сочиняет гимны в его честь. Это делает его фигуру более дружественной и доступной, и она показывает, что космос не является безличным механизмом, а является сферой, где творчество и красота имеют свою ценность. Многие древние поэты и певцы приписывали свои таланты дарам Индры, и это создавало традицию, в которой искусство и космология были тесно связаны.

В философских текстах Индра часто используется как пример ограниченности божественной власти. В Упанишадах есть история о том, как Индра и другие боги отправились к Брахману, чтобы узнать природу Атмана, и как они в конечном итоге пришли к пониманию, что Атман выше всех богов и что он является единственной реальностью. Эта история показывает, что даже цари богов должны искать мудрость и что они не являются конечным авторитетом. Она также подчеркивает идею о том, что истинное знание выше ритуалов и даже выше божественной силы, и что оно достигается только через внутреннее созерцание.

В буддийской философии Индра иногда используется как метафора для эго, которое считает себя царем ума, но которое на самом деле является лишь одной из многих мыслей, возникающих и исчезающих. Преодоление эго, подобно преодолению власти Индры, является необходимым шагом на пути к просветлению. Это делает образ Индры более глубоким и многослойным, поскольку он становится не только мифологическим персонажем, но и психологической

концепцией.

В астрономической традиции Индра также ассоциируется с Юпитером, самой большой планетой, которая является царем планет. В индийской астрологии Юпитер считается благоприятной планетой, которая приносит мудрость, богатство и удачу. Он часто отождествляется с Гуру, наставником богов, который советует Индре. Эта ассоциация подчеркивает связь между небесными иерархиями и планетными влияниями, показывая, что мифология и астрономия были переплетены в единую систему.

В эпосе, особенно в «Рамаяне» и «Махабхарате», Индра часто появляется как помощник героев, который дает им оружие или советы. Например, Индра помогает Раме в его битве с Раваной, давая ему божественное оружие и советы. Это показывает, что даже боги не безразличны к судьбам людей, и что они могут вмешиваться в земные дела, чтобы восстановить справедливость. В то же время Индра иногда изображается как ревнивый и завистливый бог, который боится, что люди могут стать слишком могущественными и свергнуть его. Это добавляет сложности его характеру, показывая, что даже боги не лишены человеческих недостатков.

В народных сказаниях Индра часто изображается как любящий веселье бог, который часто посещает землю в образе человека, чтобы насладиться мирскими удовольствиями. Эти истории, хотя и анекдотичны, показывают, что Индра не является отстраненным владыкой, а является доступным

и понятным персонажем, с которым можно общаться. Они также подчеркивают двойственность его природы: он и царь богов, и человек, и это делает его фигуру привлекательной для фольклора.

В буддийских джатаках Индра часто появляется как божество, которое помогает Бодхисаттве в его прошлых жизнях. Например, в одной из джатак Индра превращается в птицу или в дерево, чтобы защитить Бодхисаттву от опасности. Эти истории показывают, что Индра признает превосходство Бодхисаттвы и готов служить ему, несмотря на свое собственное могущество. Это подчеркивает буддийский принцип, что мудрость и сострадание выше силы, и что даже боги могут учиться у просветленных существ.

В астрологических текстах дворец Индры иногда ассоциируется с определенными домами гороскопа, которые указывают на статус, власть и успех. Люди, рожденные с сильным Юпитером, считаются благословленными Индрой, и они могут достичь высокого положения в обществе. Однако астрологи также предупреждают, что даже этот успех не является вечным, и что нужно использовать его для добрых дел, чтобы не накопить негативную карму. Это отражает общую космологическую идею о том, что все в сансаре временно, и что истинная цель — выйти за ее пределы.

Индра и его дворец являются важнейшим элементом индийской космологии, который воплощает в себе идею космического порядка, иерархии и власти. Он показывает, что Все-

ленная не хаотична, а управляется законами и божественными силами, которые поддерживают равновесие. В то же время его фигура является напоминанием о том, что даже самая высокая власть временна и что истинное освобождение лежит за пределами всех миров, включая мир Индры. Когда мы смотрим на небо и видим его сияющий дворец в воображении, мы можем ощутить ту же смесь восхищения и смирения, которую чувствовали древние мудрецы, зная, что даже боги ждут своего часа, чтобы вступить на путь просветления.

Глава 33. Шива-разрушитель: время как цикличная сила во Вселенной

В индийской космологии, где все циклично, где творение неизбежно сменяется разрушением, а разрушение становится предпосылкой нового творения, фигура Шивы занимает, возможно, самое загадочное и сложное место. Он не является просто божеством, которое уничтожает мир в конце времен; он является самим временем, той силой, которая неумолимо движется вперед, стирая всё созданное, чтобы дать место новому. Его имя, Шива, означает «благой» или «милостивый», и это кажется парадоксальным для бога-разрушителя. Но именно в этом парадоксе заключается глубочайшая мудрость индийской космологии: разрушение не является злом, оно является необходимой стадией цикла, без которой не может быть обновления. Шива — это не бог смерти, а бог трансформации, который уничтожает не для того, чтобы оставить пустоту, а для того, чтобы подготовить почву для нового роста, подобно тому, как огонь сжигает старый лес, чтобы дать место новой поросли.

В ведийской литературе прообразом Шивы является Рудра, грозное божество, которое ассоциируется с бурями, болезнями и смертью. Рудра описывается как охотник, кото-

рый поражает свои стрелами, как божество, которое внушает страх. Однако в Ригведе Рудра также прославляется как целитель, который знает все травы и может исцелить любую болезнь. Эта двойственность — разрушитель и целитель — станет основной характеристикой Шивы в более поздней традиции. В «Шатапатха-брахмане» Рудра отождествляется с огнем, который сжигает все, и с ветром, который пронизывает все. Эти стихийные силы являются проявлениями космической энергии, которая одновременно созидает и разрушает, и которая не знает разницы между добром и злом, а лишь подчиняется законам природы.

В пуранический период Рудра полностью трансформируется в Шиву, одного из трех верховных божеств индуизма. В «Шива-пуране» и «Линга-пуране» описывается его величие, его роль как разрушителя и как творца, его связь с космическим танцем и с лингамом — символом его творческой энергии. Здесь Шива предстает как аскет, который пребывает на горе Кайлас в глубокой медитации, отрешенный от мира, но одновременно и как танцор, который в своем танце создает и разрушает вселенные. Его танец, тандава, является символом космического ритма, в котором все возникает и исчезает. Когда Шива танцует, его движения порождают звуки, которые становятся вибрациями, создающими миры. Когда он ускоряет темп, миры разрушаются. Таким образом, танец Шивы является не просто искусством, а космогоническим актом, в котором время, пространство и материя про-

являются из его божественной игры.

В индийской астрономии Шива также имеет свое место. Его часто связывают с планетой Сатурн, которая является самой медленной и считается планетой кармы и ограничений. Сатурн в индийской астрологии называется Шани, что происходит от слова «шанчайя» — медленный, и он ассоциируется с Шивой, поскольку его медленное движение символизирует неумолимое течение времени, которое стирает все. Шива также связывается с Кету, теневыми планетой, которая представляет собой хвост демона Раху. Кету символизирует освобождение, отречение и духовный поиск, что также является атрибутами Шивы. В некоторых текстах Шива описывается как бог, который управляет временем и определяет продолжительность жизни каждого существа. Он является Господином Времени, и его атрибуты — это символы неизбежности смерти и возможности освобождения.

Шива также связан с Луной. Он носит лунный серп в своих волосах, и считается, что Луна питает его энергией. Эта ассоциация подчеркивает связь Шивы с цикличностью, поскольку Луна также умирает и возрождается каждый месяц. Таким образом, Шива является не только разрушителем в конце кальпы, но и ежедневным, ежемесячным, ежегодным разрушителем, который постоянно стирает старое, чтобы дать место новому. Каждое затмение, каждая смена фазы Луны, каждый закат Солнца являются микропроявлениями его разрушительной силы, и в этом смысле его при-

сутствие ощущается в каждом моменте времени.

В буддийской традиции Шива также появляется, но с другой ролью. В буддизме он часто изображается как защитник учения, особенно в его гневной форме, как Махакала или как один из стражей дверей. В «Гандавьюха-сутре» и других текстах Шива иногда приходит к Будде, чтобы выразить почтение и принять его учение. Однако буддизм не признает Шиву верховным божеством; он является просто одним из могущественных существ, которые, как и все, подвержены перерождению. В тибетском буддизме Шива часто отождествляется с одной из защитных форм Дхунг-кара, и его гневная энергия используется для разрушения препятствий на духовном пути. Таким образом, его разрушительная сила переосмысляется как способ уничтожения неведения и привязанностей, которые мешают освобождению.

В индийской философии Шива часто связывается с концепцией «пралайя» — космического разрушения, которое происходит в конце каждой кальпы. Во время пралайи весь мир, включая богов и людей, погружается в состояние непроявления, в котором не существует никаких различий. Шива, как бог разрушения, является активной силой этого процесса. Он не действует по злой воле, а просто выполняет космическую функцию, которая необходима для поддержания цикла. Без разрушения не было бы возможности для нового творения, и мир застыл бы в неподвижности. Таким образом, Шива является не врагом жизни, а ее необходимым

спутником, который позволяет жизни обновляться и развиваться.

В эпосе, особенно в «Махабхарате» и «Рамаяне», Шива появляется как могущественный бог, который может даровать благословения и проклятия. Он часто изображается как божество, которое легко разгневать, но которое также легко умилостивить, и его поклонники практикуют аскезу, чтобы заслужить его милость. В «Махабхарате» Шива дает Арджуне оружие, которое помогает ему в битве, и он также является наставником многих мудрецов, которые ищут у него знания. Его отношения с людьми являются сложными и многогранными, показывая, что он не просто безличная сила, но и личностный бог, который может вмешиваться в судьбы людей.

В искусстве Шива изображается в двух основных формах: как аскет, сидящий в позе лотоса на шкуре тигра, и как танцор, Натараджа, в круге огня, с четырьмя руками, которые символизируют его власть над временем, пространством и элементами. В образе Натараджи он держит в руках барабан, который символизирует звук творения, и огонь, который символизирует разрушение. Одна его нога поднята, что символизирует освобождение, а вторая попирает карлика, символизирующего невежество. Этот образ является одним из самых мощных в индийской иконографии, и он представляет собой весь космический цикл в одной фигуре. Натараджа не просто танцует; он создает и разрушает миры каждым

своим движением, и его танец является одновременно творением и разрушением, радостью и страхом.

В астрологии Шива связывается с силой времени и кармы. Его положение в гороскопе указывает на потенциальные разрушения и трансформации, через которые должен пройти человек, чтобы достичь духовного роста. Шива также считается божеством, которое помогает разрушить старые кармические шаблоны и освободиться от ограничений. Поэтому многие индийцы, которые хотят изменить свою жизнь, обращаются к Шиве с молитвами и аскетическими практиками, чтобы получить его благословение и начать новую главу своей судьбы.

В ведийской астрономии Шива иногда отождествляется с планетой Сатурн, как уже упоминалось, и его циклы используются для определения периодов судьбы. Сатурн, или Шани, является планетой, которая приносит испытания и ограничения, но также и мудрость и зрелость. Его медленное движение по небу символизирует неумолимый ход времени, и его влияние ощущается как тяжелое бремя, которое необходимо нести. Однако те, кто принимает это бремя с терпением и верой, получают в награду духовное прозрение и внутреннюю силу. Эта двойственность — страдание и освобождение — является центральной для культа Шивы.

В повседневной жизни индийцы часто обращаются к Шиве в своих молитвах, особенно во время Махашиваратри, праздника, который посвящен его поклонению. В эту ночь

люди постятся, медитируют и поют гимны в его честь, веря, что это принесет им удачу и освобождение. Считается, что в эту ночь Шива исполняет желания своих преданных, и многие люди приходят в храмы, чтобы провести всю ночь в молитве. Этот праздник отражает глубокую веру в то, что Шива является не только разрушителем, но и источником милости и благословения.

В философии веданты Шива отождествляется с Брахманом, абсолютной реальностью, которая не имеет качеств и не подвержена изменениям. В этой интерпретации Шива является не просто богом, а самой основой бытия, которая лежит за всеми проявлениями. Его разрушительная сила становится символом отрицания, необходимого для осознания этой реальности. Чтобы познать Брахмана, нужно отказаться от всех идентификаций, от всех форм, от всех желаний — и это отрицание является актом Шивы, который разрушает иллюзию ради освобождения.

В тантрической традиции Шива также является центральной фигурой, особенно в его связи с Шакти, божественной энергией. В тантре Шива и Шакти представляют собой мужской и женский принципы, которые являются неотъемлемыми частями единой реальности. Их союз создает мир, и их разделение разрушает его. Тантрические практики часто включают визуализацию Шивы и Шакти как способ достижения единства сознания и энергии, что ведет к освобождению. Таким образом, Шива в тантре является не только раз-

рушителем, но и творцом, и его роль в космологии становится еще более сложной.

В эпосе и пуранах Шива часто изображается как бог, который легко дает благословения, но также легко накладывает проклятия. Его атрибуты, такие как трезубец, символизируют его власть над тремя гунами и тремя временами, а его змеи на шее символизируют его контроль над смертью и временем. Его жилище на горе Кайлас является символом удаленности от мира, но также и центром, где все силы соединяются. Его образ, суровый и отрешенный, внушает страх и уважение, но его преданные видят в нем также и любящего отца, который защищает их от зла.

В буддийской иконографии Шива иногда изображается как гневное божество, которое стоит на поверженных демонах, символизируя победу над препятствиями. В тибетской традиции его часто отождествляют с божеством Махакала, которое является защитником монастырей и практикующих. Махакала, как и Шива, обладает разрушительной энергией, но она направлена на уничтожение не врагов, а внутренних препятствий, таких как гордость, зависть и невежество. Таким образом, буддизм сохранил архетип Шивы как разрушителя, но придал ему новое значение, связанное с духовным освобождением.

В астрономической традиции Шива ассоциируется с разрушительной силой, которая проявляется во время затмений и других небесных явлений. Когда происходит затмение, ве-

рующие часто проводят ритуалы в честь Шивы, чтобы защитить себя от негативных влияний. Они молятся, чтобы он разрушил их кармические препятствия и принес им мир и благополучие. Эти ритуалы показывают, что Шива воспринимается не только как космическая сила, но и как личный покровитель, который может вмешиваться в жизнь людей.

В «Махабхарате» есть эпизод, где Шива дарует Арджуне оружие, которое помогает ему победить врагов. Этот эпизод показывает, что Шива является не только разрушителем, но и союзником тех, кто ищет справедливости и истины. Он поддерживает добродетель, даже если для этого нужно уничтожить тех, кто олицетворяет зло. Таким образом, разрушительная сила Шивы становится орудием восстановления дхармы, космического порядка, и его действия всегда направлены на благо вселенной.

В народных сказаниях Шива часто описывается как аскет, который ушел от мира, но который также может быть обаятельным и любящим мужем Парвати. Его отношения с Парвати показывают, что разрушение не является его единственной функцией; он также является творцом и защитником семьи и любви. Эти истории добавляют теплоты его образу, делая его более доступным для простых людей, которые видят в нем не только грозного бога, но и покровителя, которому можно доверять.

Таким образом, Шива является одной из самых сложных и многослойных фигур в индийской космологии. Он объеди-

няет в себе противоречия: разрушитель и целитель, аскет и танцор, отец и воин. Он является символом времени, которое неумолимо движется вперед, стирая все на своем пути, но также и символом вечности, которая лежит за временем. Его танец, тандава, является метафорой всей Вселенной, которая возникает, существует и исчезает в бесконечном ритме творения и разрушения. И когда мы смотрим на ночное небо, мы видим этот танец в движении планет, в мерцании звезд, в смене фаз Луны. Мы видим Шиву в каждом мгновении, которое проходит, и в каждом новом мгновении, которое наступает. Мы видим его в конце и в начале, в смерти и в рождении, в старении и в обновлении. И это видение учит нас принимать изменчивость, не бояться разрушения, потому что за ним всегда следует новое творение. Шива является напоминанием о том, что мир не вечен, но что именно эта невечность делает жизнь ценной и священной, и что только приняв эту истину, мы можем освободиться от страха и достичь внутреннего мира.

Глава 34. Вишну-хранитель: космическое равновесие и его нарушение

Если Брахма создает мир, а Шива разрушает его, то между этими двумя полюсами, между творением и разрушением, существует нечто, что удерживает мир от преждевременного распада, что поддерживает его устойчивость и порядок на протяжении огромных периодов времени. Этой силой является Вишну, великий хранитель космоса, который не сотворяет и не разрушает, но сохраняет. Его роль в индийской космологии является, возможно, самой важной для понимания того, как мир существует между актами творения и разрушения. Вишну не является пассивным наблюдателем; он активно вмешивается, когда космическое равновесие нарушается, когда силы зла угрожают поглотить добро, когда дхарма приходит в упадок. И его вмешательство принимает разные формы, самые известные из которых — это его аватары, нисхождения на землю в облике животных, людей или полубогов, чтобы восстановить порядок и защитить праведников. Через эти аватары Вишну становится не только космической силой, но и персонажем, который входит в историю человечества, в его эпосы и сказания, становясь близким и понятным каждому индийцу.

В ведийской литературе Вишну не занимает того центрального места, которое он займет в пуранах. В Ригведе он является одним из божеств, хотя и менее значительным, чем Индра. Он описывается как бог, который пересек Вселенную тремя шагами, и этот миф станет основой для его более поздней космологической роли. Три шага Вишну символизируют его проникновение во все три мира — землю, воздух и небо — и его власть над всем пространством. В этой ранней форме Вишну уже предстает как божество, которое охватывает и пронизывает всё, но его основные функции еще не определены. Только в пуранический период, особенно в «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране», он полностью раскрывается как верховное божество, хранитель Вселенной, который превосходит даже Брахму и Шиву в своем величии и могуществе.

В пуранах Вишну описывается как пребывающий в космическом океане, на змее Шеше, который имеет тысячу голов. Он спит в состоянии йога-нидры, космического сна, в течение ночи Брахмы, а когда наступает время творения, из его пупа вырастает лотос, на котором рождается Брахма. Таким образом, даже Брахма, творец, происходит от Вишну, что делает его источником всего сущего. Эта концепция, известная как вишнуизм, стала одной из доминирующих течений в индуизме, и она оказала огромное влияние на индийскую космологию, поскольку она помещает Вишну в центр всего мироздания. Его сон является символом непроявленного состояния Вселенной, его пробуждение — началом тво-

рения, а его деятельность как хранителя — поддержанием порядка в проявленном мире.

Но как именно Вишну поддерживает космическое равновесие? Согласно пуранам, он делает это через свои аватары, особенно когда равновесие нарушается демонами, асурами, которые стремятся захватить власть над миром и уничтожить праведников. Каждая юга, каждая эпоха имеет своих демонов, и Вишну нисходит в каждом цикле, чтобы победить их и восстановить дхарму. Наиболее известные аватары — это десять основных, или дашаватара: Матсья (рыба), Курма (черепаха), Вараха (вепрь), Нарасимха (человек-лев), Вамана (карлик), Парашурама (воин с топором), Рама, Кришна, Будда и Калки (будущая аватара в конце кали-юги). Каждый из этих аватаров появляется в определенное время для определенной задачи, и каждый из них отражает эволюцию жизни на Земле — от водных форм до человеческих, что удивительно напоминает современную теорию эволюции. Эта последовательность аватаров не является случайной; она отражает космический порядок, в котором жизнь развивается от простого к сложному, от животного к человеку, от материального к духовному.

Аватары Вишну также имеют астрономическое значение. Каждый из них связан с определенными планетами или звездами, и их появление на земле часто приурочивается к определенным астрономическим событиям. Например, аватара Вамана, карлик, который вырос до огромных размеров и от-

нял у демона Бали три шага земли, ассоциируется с Солнцем, которое в день зимнего солнцестояния начинает свой путь на север. Аватара Рамы, герой «Рамаяны», связан с движением Луны и с периодом Уттараяны. Аватара Кришны, наиболее популярный, ассоциируется с планетой Венера и с циклом любви и преданности. Эти астрономические связи показывают, что Вишну, как хранитель, действует не только в человеческой истории, но и в небесных циклах, синхронизируя свои проявления с движением светил.

В буддийской традиции Вишну также появляется, но с другой ролью. В буддизме он часто изображается как защитник учения, подобно Индре, но он также иногда рассматривается как воплощение сострадания, которое проявляется в разных формах, чтобы помочь существам на пути к просветлению. В некоторых буддийских текстах, особенно в махаянских сутрах, Вишну отождествляется с определенными бодхисаттвами, которые также нисходят в мир, чтобы спасать существ. Однако буддизм не признает Вишну верховным божеством, а скорее считает его одним из могущественных существ, которые, как и все, подвержены карме. Тем не менее, его образ как хранителя и защитника имеет параллели с буддийской концепцией сострадания, и поэтому он находит свое место в буддийском пантеоне, особенно в тибетской традиции, где он иногда отождествляется с одним из гневных защитников.

В индийской астрономии Вишну ассоциируется с плане-

той Юпитер, которая в индийской астрологии называется Гуру или Брихаспати. Юпитер является самой благоприятной планетой, приносящей удачу, процветание и мудрость, что соответствует функции Вишну как хранителя и защитника. В ведийской астрологии Юпитер также является планетой дхармы, и его положение в гороскопе указывает на то, насколько человек следует своему долгу и поддерживает порядок в своей жизни. Таким образом, Вишну, как божество, управляющее космическим равновесием, также управляет кармой, которая является основой этого равновесия. Когда Юпитер силен в гороскопе, человек склонен к добродетели и мудрости; когда он слаб, человек может сбиться с пути.

Вишну также связывается с зодиакальным кругом, особенно с созвездием Льва, которое является его «домом». В некоторых текстах Вишну описывается как лев, который охраняет Вселенную, и его аватара Нарасимха, человек-лев, является одним из самых грозных его проявлений. В этом образе Вишну уничтожает демона Хираньякашипу, который был неуязвим для людей и богов, но был побежден полу-человеком, полу-львом в сумерках, на пороге, где нет ни дня, ни ночи, ни внутри, ни снаружи. Этот миф имеет астрономическую подоплеку: он символизирует переход между временами, между старым и новым циклом, и он показывает, что Вишну действует в пограничных состояниях, когда космический порядок наиболее уязвим.

В «Махабхарате» и «Рамаяне» Вишну воплощается как

Рама и Кришна, которые являются центральными персонажами эпосов. В этих воплощениях Вишну не только восстанавливает дхарму, но и демонстрирует путь совершенной жизни, которым должны следовать люди. Рама является идеальным царем, который соблюдает свою дхарму даже ценой огромных страданий; Кришна является идеальным другом, наставником и любовником, который учит, что преданность и любовь к Богу выше всех законов. Эти два образа показывают, что Вишну может проявляться по-разному, в зависимости от времени и места, и что его миссия всегда направлена на благо существ, даже если его действия кажутся парадоксальными или жестокими. Эпизод, где Кришна ведет Арджуну на битву, зная, что тысячи людей погибнут, является примером того, что дхарма может требовать не только сострадания, но и решительных действий для восстановления порядка.

В философии веданты Вишну отождествляется с Брахманом, абсолютной реальностью, которая является источником и основой всего сущего. В этой интерпретации Вишну является не просто богом, а самим бытием, которое поддерживает все существование. Его аватары становятся проявлениями этой реальности в мире, способами, которыми Брахман может быть постигнут людьми. Эта концепция, известная как вишишта-адвайта, или недвойственность с особенностями, утверждает, что мир является не иллюзией, а реальным проявлением Брахмана, и что Вишну является его высшей фор-

мой. Это делает космологию Вишну не только мифической, но и философской, и она оказала огромное влияние на индийскую мысль.

В храмовой архитектуре Вишну часто изображается с четырьмя руками, которые держат диск (чакра), раковину (шанкха), булаву (гада) и лотос (падма). Эти атрибуты символизируют его власть над временем (диск), над пространством (раковина), над силой (булава) и над чистотой (лотос). Его часто изображают на змее Шеше, что символизирует его власть над бездной, над непроявленным, из которого возникает творение. Его изображения в храмах часто сопровождаются божествами Лакшми, его супругой, которая символизирует богатство и процветание, и Бхуми, богиней земли, которая символизирует плодородие. Эти образы создают целостную картину космоса, где Вишну является центром, вокруг которого вращается все существование.

В ритуальной практике почитание Вишну занимает центральное место в вишнуизме. Ему приносят жертвы, поют гимны, повторяют его имена (джапа), особенно мантру «Ом Намо Нараяная». Считается, что повторение этой мантры очищает ум, привлекает благословение Вишну и ведет к освобождению. Важными праздниками, посвященными Вишну, являются Вайкунтха-экадаши и Рама-навами, которые отмечают дни его аватар. В эти дни верующие постятся, проводят всю ночь в молитве и слушают чтение священных текстов. Эти практики не только укрепляют веру, но и

воспитывают добродетели, которые соответствуют дхарме.

В буддийской культуре Вишну, хотя и не является центральным объектом поклонения, иногда почитается как защитник, особенно в Непале и на Шри-Ланке, где есть храмы, посвященные ему. В буддизме он иногда ассоциируется с бодхисаттвой, который обещает защищать учение, и его изображения можно найти в некоторых буддийских монастырях. Это показывает, что образ Вишну как хранителя является универсальным архетипом, который находит отклик в разных религиозных традициях.

В астрологии Вишну связывается с понятием «время» и «карма». Его диск, чакра, символизирует цикл времени, который он вращает, и который определяет судьбы существ. Когда верующие обращаются к Вишну, они просят его изменить их карму, защитить их от негативных влияний планет и обеспечить им благополучие. Эта вера основана на убеждении, что Вишну, как верховный хранитель, может вмешиваться в кармические процессы, если его преданные достаточно искренни. Это делает культ Вишну очень популярным среди людей, которые ищут помощи в трудных жизненных ситуациях.

В эпосах, где Вишну появляется как Рама или Кришна, его история становится не только космологической, но и нравственной. Он учит, что дхарма не является статичной; она адаптируется к времени и месту. В «Бхагавад-гите» Кришна говорит Арджуне, что иногда нужно нарушать

обычные моральные нормы, чтобы восстановить более высокий порядок. Это учение о «юга-дхарме» — дхарме, соответствующей эпохе — является важным вкладом в индийскую этику, и оно показывает, что космическое равновесие не является механическим, а требует мудрости и различения.

В народной культуре Вишну часто изображается в форме его аватар, особенно Рамы и Кришны, которые являются героями миллионов индийцев. Их истории рассказываются в театре, в кино, в живописи, и они вдохновляют людей на добрые дела. Вишну, как хранитель, не является далеким богом; он является близким, доступным, с которым можно установить личные отношения. Это делает его одним из самых любимых божеств в индуизме, и его культ продолжает расти даже в современную эпоху.

В ведийской астрономии Вишну также ассоциируется с северным полюсом и с Полярной звездой, которая является неподвижным центром вращения небесной сферы. Это соответствует его роли как неподвижного хранителя, который наблюдает за всем движением и поддерживает порядок. В некоторых текстах говорится, что Вишну находится на Полярной звезде и оттуда управляет Вселенной. Эта ассоциация делает его не только религиозным, но и астрономическим символом, который объединяет науку и веру.

Вишну является центральной фигурой в индийской космологии, воплощением принципа сохранения и порядка. Его деятельность как хранителя проявляется в поддержании

дхармы, в нисхождении аватар, в управлении планетами и звездами. Он является мостом между творением и разрушением, между Брахмой и Шивой, между началом и концом. Его образ напоминает нам, что мир не предоставлен сам себе, что существует сила, которая заботится о нем, которая вмешивается, когда равновесие нарушается, и которая ведет существ по пути дхармы.

Глава 35. Дэвы и асуры: вечная борьба за господство над пространством

Индийская космология не знает простого разделения на добро и зло. Она знает борьбу, которая длится столько же, сколько существует мир, и которая разворачивается не только на земле, но и на небесах, и в подземных сферах, и в сердцах существ. Эта борьба ведется между двумя кланами могущественных существ — дэвами и асурами. Они не являются просто богами и демонами, как в других мифологиях; они являются двумя сторонами одной реальности, двумя силами, которые, сталкиваясь, порождают движение, развитие, историю. Без их борьбы не было бы ни творения, ни разрушения, ни жизни, ни смерти, ни самого космического порядка, который рождается из напряжения между этими двумя полюсами. Дэвы и асуры — это не просто персонажи мифов; они являются архетипами сил, которые действуют во Вселенной, и их борьба отражает борьбу света и тьмы, порядка и хаоса, знания и невежества, которая определяет судьбу всех существ.

В ведийской литературе дэвы и асуры уже присутствуют, хотя их статус и функции еще не полностью определены. В Ригведе дэвы — это божества, которые почитаются в жерт-

вопринощениях, и они ассоциируются со светом, жизнью и порядком. Асуры, напротив, часто описываются как демонические силы, которые противостоят дэвам, которые хотят захватить власть над миром и подчинить его своей воле. Однако в ранних гимнах асуры не всегда являются злыми; они также могут быть могущественными и мудрыми существами, которые конкурируют с дэвами на равных. Иногда даже дэвы называют себя «асурами» в смысле «могущественные». Но с течением времени, особенно в брахманах и пуранах, асуры постепенно становятся все более негативными персонажами, символами тьмы, гордыни и разрушения, тогда как дэвы становятся защитниками света, истины и дхармы. Это разделение не является абсолютным, но оно становится основой для многих космологических и этических концепций.

Главное различие между дэвами и асурами, согласно пуранической космологии, заключается в их происхождении. Дэвы рождаются из света, из чистоты, из саттвы — гуны благости. Асуры рождаются из тьмы, из гнева, из тамаса — гуны невежества. Однако это не означает, что одни являются исключительно добрыми, а другие — исключительно злыми. Среди дэвов есть те, кто проявляет гнев и ревность, такие как Индра, который иногда боится аскетов, которые могут свергнуть его. Среди асуров есть те, кто обладает великой мудростью и праведностью, такие как Прахлада, который был преданным Вишну, несмотря на то, что был сыном царя демонов. Это показывает, что дэвы и асуры являются

скорее архетипическими силами, чем моральными категориями. Их борьба — это борьба не столько добра со злом, сколько борьба двух начал, которые необходимы для существования мира. Без асуров не было бы вызова, не было бы развития, не было бы героических подвигов, которые совершают дэвы. Без дэвов не было бы порядка, и мир погрузился бы в бесконечный конфликт, который разрушил бы всё.

В космологическом плане борьба дэвов и асуров отражается в движении светил. Дэвы часто ассоциируются с Солнцем, Луной и благоприятными планетами, тогда как асуры ассоциируются с затмениями, кометами и неблагоприятными планетными влияниями. Когда происходит затмение, считается, что Раху, который является асурой, пытается проглотить Солнце или Луну, и дэвы должны помочь светилам освободиться. Это не просто миф, это астрономическая аллегория, которая объясняет регулярность затмений. В индийской астрономии узлы лунной орбиты, которые вызывают затмения, названы в честь Раху и Кету, которые являются демоническими сущностями, и астрономы, вычисляя их положение, по сути, вычисляют, когда асуры вступят в борьбу с дэвами на небесной сцене. Таким образом, борьба дэвов и асуров становится математической, предсказуемой, но от этого не теряет своей мифологической глубины.

В ведийской астрологии дэвы и асуры также имеют свое место. Планеты, которые считаются благоприятными, такие как Юпитер, Венера, Меркурий, относятся к дэвам, тогда

как неблагоприятные, такие как Марс и Сатурн, часто ассоциируются с асурами. Это не абсолютное деление; например, Венера является планетой асуров в некоторых трактовках, поскольку она была наставником демонов Шукрой. Влияние этих планет на судьбу человека интерпретируется как результат борьбы между дэвскими и асурскими силами в его жизни. Если в гороскопе преобладают благие планеты, то человек склонен к дхарме; если преобладают злые, то он будет сталкиваться с препятствиями, которые ему нужно преодолеть. Таким образом, астрология становится инструментом для навигации в этом космическом конфликте, и она помогает человеку понять, какие силы действуют в его жизни и как он может использовать их для своего развития.

В эпосе борьба дэвов и асуров является центральной темой. В «Махабхарате» и «Рамаяне» мы видим, как эта борьба проецируется на людей: герои, такие как Рама и Арджуна, являются воплощениями дэвов, а их враги, такие как Равана и Дурьодхана, — асуров. Но эпос не делает это разделение абсолютным; Равана, например, является великим преданным Шивы и обладает огромной силой и мудростью, но его гордыня приводит его к падению. Дурьодхана также не является просто злодеем; он имеет свои причины и свою точку зрения. Это показывает, что борьба дэвов и асуров не является простым противостоянием, а сложным процессом, в котором каждый персонаж имеет свою карму, свою дхарму и свою судьбу. Исход этой борьбы не всегда предрешен; он

зависит от действий и выбора, которые делают персонажи.

В буддийской традиции концепция дэвов и асуров также присутствует, но она переосмыслена. В буддийской космологии дэвы — это небожители, которые живут в сфере желаний или форм, и они наслаждаются счастьем, но не являются вечными. Асуры — это ревнивые боги, которые постоянно борются с дэвами за власть. Они занимают отдельный мир, который находится между миром людей и миром богов, и они страдают от зависти и гнева, которые не дают им покоя. В буддизме асуры не являются злыми в абсолютном смысле; они просто одержимы страстью и гордыней, и их страдания проистекают из этих эмоций. Будда говорил, что асуры не могут достичь просветления, пока они не преодолеют свою ревность, и что даже дэвы, с их счастьем, не защищены от перерождения. Таким образом, буддизм ставит борьбу дэвов и асуров в более широкий контекст кармы и цикла перерождений, где ни победа, ни поражение не являются окончательными.

В индийской философии борьба дэвов и асуров рассматривается как метафора внутренней борьбы между светлыми и темными аспектами сознания. Каждый человек имеет в себе и дэвскую, и асурскую природу. Дэвская природа — это его высшие устремления, его мудрость, его сострадание. Асурская природа — это его эгоизм, его гордыня, его желание власти. Борьба между ними происходит в каждом сердце, и исход этой борьбы определяет, будет ли человек сле-

довать дхарме или погрузится в адхарму. Йога и медитация являются инструментами, которые помогают укрепить дэвскую природу и ослабить асурскую, но это требует постоянной практики и дисциплины. Таким образом, космологический конфликт становится психологическим, и каждое существо становится полем битвы, где решается судьба мира.

В искусстве дэвы и асуры часто изображаются в схватке, особенно на рельефах храмов, которые показывают битвы между богами и демонами. Эти изображения не просто декоративны; они являются визуальным напоминанием о том, что мир находится в состоянии постоянной борьбы, и что человек должен выбрать сторону добра. Дэвы изображаются с сияющими лицами, с оружием и в сопровождении небесных музыкантов. Асуры изображаются с мрачными лицами, с оружием, часто более грозным, и с разрушительной аурой. Однако в некоторых храмах асуры изображаются с сочувствием, показывая, что они также являются частью космического порядка, и что их страдания заслуживают понимания. Это отражает сложное отношение индийской культуры к этому конфликту, где нет абсолютного добра и зла, а есть только различные проявления единой реальности.

В индийской астрономии дэвы и асуры ассоциируются с двумя половинами небесной сферы. Дэвы живут на севере, асуры — на юге. Север символизирует свет, жизнь, порядок; юг символизирует тьму, смерть, хаос. Однако даже здесь нет жесткого разделения; в некоторых мифах асуры могут вре-

менно захватывать север, и тогда мир погружается в страдания, но затем дэвы возвращают его. Это также отражает сезонные изменения: зима, когда Солнце движется на юг, считается временем асуров, а лето, когда оно движется на север, — временем дэвов. Таким образом, борьба между ними является не только мифической, но и астрономической, и она проявляется в смене времен года, в днях и ночах, в жизни и смерти.

В пуранах борьба дэвов и асуров часто описывается в деталях, включая масштабные сражения, в которых участвуют миллионы воинов, и где используются божественные оружия. Эти описания полны символизма: оружие дэвов символизирует добродетели, а оружие асуров — пороки. Например, ваджра Индры, молния, символизирует знание, которое разрушает невежество. Оружие асуров часто изображается как разрушительное и хаотичное, но не всегда; некоторые асуры имеют оружие, которое является мощным и ужасным, и их битвы могут быть эпичными. Эти повествования не только развлекают, но и поучают: они показывают, что борьба добра со злом — это не простое дело, и что даже победа может быть горькой, если она достигается с нарушением дхармы.

В буддийской литературе асуры часто упоминаются как один из шести миров сансары, и они рассматриваются как результат накопления гнева и зависти. В этом мире асуры постоянно воюют с дэвами, но их усилия всегда терпят по-

ражение, потому что они движимы эгоизмом, а не состраданием. Будда учил, что состояние асуры — это одно из самых несчастных, потому что они не могут наслаждаться даже теми благами, которые у них есть, из-за своей ревности. Их борьба бессмысленна, потому что она не приносит им ничего, кроме страданий. Это учение призвано показать, что внешняя борьба не решает проблем; только внутренняя трансформация может привести к покою.

В индийской философии дэвы и асуры также ассоциируются с двумя типами знания: дэвы обладают знанием, которое освобождает, а асуры — знанием, которое порабощает. Дэвы знают Веды и следуют им, асуры знают магию и используют ее для своих целей. Эта дихотомия проходит через всю индийскую мысль, и она часто используется для критики тех, кто использует знание ради власти, а не ради освобождения. Считается, что даже среди людей есть те, кто подобен дэвам — они ищут истину и добродетель, и те, кто подобен асурам — они ищут власть и удовольствия. Эта аналогия делает космологию этической, и она побуждает человека выбирать дэвский путь.

В храмовых ритуалах борьба дэвов и асуров иногда воспроизводится в символических церемониях. Например, в некоторых храмах во время фестивалей проводятся театрализованные представления, где актеры изображают битвы между богами и демонами, и зрители участвуют в них, поддерживая дэвов. Это не просто развлечение, а способ напом-

нить людям о их роли в поддержании космического порядка. Каждый человек, который следует дхарме, становится союзником дэвов, и каждый, кто нарушает дхарму, становится союзником асуров. Таким образом, ритуал становится актом гражданской и духовной ответственности.

В народной культуре асуры часто изображаются как гиганты, которые угрожают богам и людям, но которые всегда в конечном итоге побеждаются героями. Эти истории, хотя и просты, имеют глубокое значение: они учат, что сила и злоба не могут победить добродетель и мудрость, и что даже самый могущественный враг может быть побежден, если человек остается верным своей дхарме. Они также вселяют надежду, что, несмотря на все трудности, свет всегда побеждает тьму, и что мир не предоставлен хаосу.

В астрономическом контексте дэвы и асуры также связаны с понятием «грах» — планетных влияний. В индийской астрологии планеты считаются божествами, которые могут быть как благожелательными, так и враждебными, в зависимости от их положения. Благоприятные планеты называются «дева-граха», неблагоприятные — «асура-граха». Положение этих планет в гороскопе указывает на то, какие силы будут действовать в жизни человека, и как он может уравновесить их с помощью ритуалов и добродетельных поступков. Это делает астрологию практическим инструментом для навигации в космическом конфликте, который всегда присутствует в жизни человека.

В ведийской космологии борьба дэвов и асуров также связана с пахтаньем океана, которое является одним из самых известных мифов. В этом мифе дэвы и асуры временно объединяются, чтобы взбить океан и добыть амриту — нектар бессмертия. Они используют гору Меру как мутовку, а змея Васуки — как веревку. В процессе пахтанья появляются различные сокровища, включая драгоценности, божества и, наконец, амриту. Однако когда амрита появляется, дэвы обманывают асуров и не дают им её, что приводит к новому конфликту. Этот миф символизирует сотрудничество и конфликт, которые являются неотъемлемыми частями космического процесса. Он показывает, что даже враги могут работать вместе ради общей цели, но также, что жадность и обман неизбежно приводят к раздорам. В астрономическом смысле пахтанье океана можно рассматривать как метафору создания Вселенной из первичных элементов, где дэвы и асуры представляют разные силы, участвующие в творении.

В буддийских текстах дэвы и асуры иногда выступают как свидетели или участники событий, связанных с Буддой. Например, когда Будда достиг просветления, дэвы и асуры пришли, чтобы выразить почтение, и их борьба на время прекратилась. Это показывает, что просветление превосходит все конфликты, даже самые космические. Будда не был ни дэвой, ни асурой; он был просветленным существом, который вышел за пределы этих категорий. Его пример показывает, что даже самые могущественные силы в сансаре не являют-

ся абсолютными, и что истинное освобождение находится за пределами любой борьбы.

В философских школах, таких как адвайта-веданта, дэвы и асуры рассматриваются как часть иллюзорного мира майи, который не имеет реальной основы. С этой точки зрения, борьба между ними является проявлением неведения, и она не имеет значения для того, кто осознал свою истинную природу как Брахмана. Это не отрицает существования дэвов и асуров в относительном смысле, но оно лишает их абсолютного значения. Для достигшего освобождения неважно, кто побеждает в этой борьбе; важно только то, что он сам вышел из цикла борьбы и страданий. Это учение является радикальным, но оно предлагает окончательное решение проблемы конфликта — не через победу одной стороны над другой, а через выход за пределы самого конфликта.

В повседневной жизни индийцы часто молятся дэвам, чтобы они защитили их от асурских влияний. Они носят амулеты, которые символизируют дэвов, и они избегают действий, которые могут привлечь асурские силы, таких как ложь, насилие и жадность. Эти практики, хотя и кажутся суеверными, основаны на глубоком понимании того, что мир не нейтрален, что в нем действуют силы, которые могут помочь или навредить, и что человек должен сознательно выбирать сторону света. Это не означает фатализма; наоборот, это означает, что человек имеет свободу выбора и ответственность за свой выбор.

В эпической поэзии борьба дэвов и асуров часто служит фоном для более тонких человеческих драм. Герои, которые являются воплощениями дэвов, сталкиваются с искушениями и сомнениями, которые представляют асурские силы. Их внутренняя борьба отражает внешнюю, и их победа над демонами часто символизирует победу над собственными слабостями. Это делает эпосы не просто историями о войнах, но и руководствами к духовной жизни, где каждый человек является героем своей собственной саги.

В индийской музыке дэвы и асуры ассоциируются с разными рагами и тональностями. Дэвские раги считаются гармоничными, успокаивающими и возвышающими, а асурские — дисгармоничными, тревожными и разрушительными. Музыканты, которые исполняют эти раги, считаются способными влиять на умы слушателей, перенося их в состояние, соответствующее дэвской или асурской природе. Это показывает, что космологический конфликт пронизывает даже искусство, и что звук может быть оружием в этой вечной битве.

В современной Индии представления о дэвах и асурах продолжают существовать, хотя и в измененном виде. Люди могут не верить буквально в богов и демонов, но они понимают метафорическое значение этой борьбы. Они видят её в политике, в экономике, в социальных конфликтах, где силы добра и зла сталкиваются каждый день. Это делает древнюю мифологию актуальной и сегодня, поскольку она

предлагает язык для описания сложных реальностей, которые иначе трудно выразить. Она напоминает нам, что борьба не прекращается никогда, и что мы должны быть бдительными, чтобы не дать тьме поглотить свет.

Глава 36. Маруты и ветры: силы хаоса или законы движения звезд?

В индийской космологии есть божества, которые не являются ни творцами, ни хранителями, ни разрушителями, но которые присутствуют повсюду, пронизывая Вселенную своей неукротимой энергией. Это Маруты — боги ветра, бури и дыхания космоса. Их образ в ведийской литературе, в пуранах и даже в буддийских текстах является одним из самых ярких и динамичных, и он отражает фундаментальное представление о том, что космос не является статичной структурой, а находится в постоянном движении, которое порождается силами, подобными ветрам. Маруты не просто божества; они являются олицетворением той силы, которая движет звезды, вращает планеты, создает волны в океане и заставляет дыхание жизни проходить через тела существ. Они являются мостом между хаосом и порядком, между разрушительной бурей и животворным бризом, и их двойственная природа делает их одними из самых загадочных и многозначных фигур в индийском пантеоне.

В Ригведе Марутам посвящено множество гимнов, и они описываются как сыновья Рудры, бога бури, который является прообразом Шивы. Они часто выступают как единая группа, как братство, которое сражается на стороне Индры, по-

могая ему побеждать демонов. Их сила огромна: они потрясают горы, они извергают молнии, они вызывают ураганы, которые могут уничтожить всё на своем пути. Но они также приносят дождь, который оплодотворяет землю, и их грохот в небесах является предвестником благодатного сезона. Эта двойственность — разрушение и созидание, страх и надежда — делает их почитаемыми и одновременно устрашающими. Их появление на небе всегда является событием, которое меняет мир, и их голоса, громовые раскаты, являются голосом самого космоса.

В ведийской космологии Маруты связаны с ветрами, которые дуют в разных направлениях, и с атмосферными явлениями, которые формируют погоду. Но их роль не ограничивается метеорологией; они также являются хранителями космического порядка, который проявляется через движение. Без ветра не было бы движения воздуха, не было бы дыхания, не было бы жизни. Ветер является тем элементом, который связывает все части Вселенной, который переносит запахи, звуки и даже мысли. В этом смысле Маруты являются силой, которая обеспечивает связь между мирами, между небом и землей, между богами и людьми. Их присутствие ощущается в каждом дуновении, в каждом порыве, в каждом шторме, который очищает атмосферу и приносит свежесть.

В астрономическом контексте Маруты иногда связываются с движением планет и звезд. В некоторых текстах говорится, что они являются возничими, которые управляют ко-

лесницами светил, заставляя их двигаться по своим орбитам. Это представление отражает идею о том, что небесные тела не движутся сами по себе; они приводимы в движение божественными силами, которые являются проявлениями космической воли. Маруты, как ветры, являются одной из таких сил, и их движение символизирует непрерывное течение времени, которое не останавливается ни на мгновение. Когда мы смотрим на звезды и видим, как они перемещаются по небу, мы можем представить, что это Маруты ведут их по вечному пути, который определен законами космоса.

В пуранической литературе Маруты часто выступают как помощники Индры в его битвах с асурами. Они сражаются с демонами, используя свои молнии и ураганы, и их победа является залогом того, что порядок будет восстановлен. Однако в некоторых мифах они также могут быть непредсказуемыми и даже враждебными, если их разгневать. Их гнев проявляется в виде разрушительных бурь, которые могут уничтожить урожай, разрушить дома и принести бедствие. Поэтому их почитают и умилостивляют, принося им жертвы, чтобы они были благосклонны и не направляли свою ярость на людей. Это отношение к Марутам отражает сложную связь между человеком и природой, где стихия является одновременно и источником жизни, и угрозой.

В буддийской традиции Маруты не занимают центрального места, но они иногда появляются как второстепенные божества, которые защищают учение или служат свидетелями

важных событий. В буддийских суттах ветер часто используется как метафора для иллюзорности мира: как ветер не имеет формы, но ощущается, так и все явления лишены постоянной сущности. Маруты, как боги ветра, становятся символами этого учения, напоминая практикующим о том, что всё находится в движении, что ничто не является стабильным, и что истинное понимание требует осознания этой изменчивости. В этом смысле буддизм переосмысляет ведических божеств, придавая им новое, более философское значение.

В индийской астрологии ветры и Маруты ассоциируются с планетой Меркурий, которая является самой быстрой планетой и символизирует движение, коммуникацию и ум. Ветер и Меркурий оба являются быстрыми, изменчивыми, неуловимыми, и они оба влияют на то, как мы воспринимаем мир и взаимодействуем с ним. Человек, у которого сильный Меркурий в гороскопе, считается сообразительным, подвижным, адаптивным, как ветер. Человек, у которого слабый Меркурий, может быть медлительным и неповоротливым. Таким образом, Маруты, через связь с Меркурием, влияют на способность человека к обучению, общению и творчеству, что показывает, что их влияние распространяется не только на природу, но и на человеческую психику.

В эпосе Маруты часто появляются как союзники героев. Например, в «Махабхарате» они помогают Арджуне в его сражениях, давая ему оружие, которое обладает силой ветра. В «Рамаяне» они поддерживают Раму, посылая ему дождь и

благоприятные ветры, которые помогают ему в его путешествиях. Эти эпизоды показывают, что Маруты являются не только космическими силами, но и личными покровителями, которые могут вмешиваться в судьбы людей, когда это необходимо. Их помощь не является гарантированной, но она дается тем, кто соблюдает дхарму и заслуживает их благосклонности.

В философских школах ветер рассматривается как один из пяти элементов, и он ассоциируется с дыханием жизни — праной. Прана является жизненной энергией, которая пронизывает все тела, и ее правильное течение является основой здоровья и долголетия. Маруты, как боги ветра, являются владыками праны, и их сила проявляется в каждом вдохе и выдохе. В йогической практике контроль над дыханием (пранаяма) считается одним из самых важных методов для достижения контроля над умом и телом. Практикующий, который овладевает праной, может управлять своими эмоциями, улучшать свое здоровье и даже достигать сверхъестественных способностей. Таким образом, Маруты, как управляющие праной, являются также покровителями йогов и аскетов, которые стремятся к освобождению через контроль над жизненной энергией.

В архитектуре храмов ветер и Маруты иногда изображаются в виде декоративных элементов, таких как флюгеры или скульптуры, которые вращаются на ветру, символизируя постоянное движение космоса. Эти архитектурные детали не

только красивы, но и функциональны: они показывают направление ветра, что важно для определения времени и погоды. В некоторых храмах есть специальные алтари, посвященные Марутам, где приносятся жертвы для умиротворения ветров и предотвращения бурь. Эти ритуалы показывают, что даже в религиозной практике древние индийцы сохраняли связь с астрономией, используя знания о ветрах для практических целей.

В народной культуре Маруты часто ассоциируются с сезонными ветрами, особенно с муссонами, которые приносят дожди. В Индии муссоны являются жизненно важными для сельского хозяйства, и их наступление всегда является долгожданным событием. Люди молятся Марутам, чтобы они принесли дожди, но не слишком сильные, которые могут вызвать наводнения. В некоторых регионах проводятся фестивали в честь Марутов, где люди танцуют, поют и приносят жертвы, чтобы задобрить богов ветра. Эти праздники являются выражением благодарности за дождь и просьбой о продолжении благоприятной погоды. Они также являются способом сохранения древних астрономических знаний, поскольку время проведения этих фестивалей часто определяется по положению звезд и планет.

В ведийской астрономии ветры также используются для объяснения некоторых небесных явлений, таких как кометы и метеоры. Считалось, что кометы являются результатом возмущений в атмосфере, вызванных Марутами, и что их

появление предвещает перемены в погоде или в судьбе народов. Это показывает, что индийские астрономы связывали все небесные явления в единую систему, где божественные силы управляют каждым аспектом космоса. Даже сегодня, хотя мы знаем научное объяснение комет, мы можем понять, почему древние видели в них знаки от Марутов — потому что их появление часто совпадало с изменениями в природе, которые действительно влияли на жизнь людей.

В буддийских текстах ветер иногда используется как пример того, что все явления являются обусловленными и взаимозависимыми. Будда говорил, что ветер возникает из-за различий в давлении, но в конечном счете он является проявлением кармических сил, которые действуют на всех уровнях реальности. Это не отрицает существования Марутов, но оно переводит их из внешней силы во внутреннюю, делая их частью процесса взаимозависимого возникновения. Буддийский монах, который наблюдает за ветром, может медитировать на его непостоянство, осознавая, что подобно тому, как ветер приходит и уходит, так и все его мысли и эмоции также приходят и уходят, не имея постоянной сущности.

В литературных произведениях Маруты часто изображаются как буйные, неукротимые существа, которые не признают никаких границ. Их свобода и мощь вдохновляли поэтов на создание гимнов, которые прославляют их силу и красоту. В санскритской поэзии ветер часто используется как метафора для любовной страсти, которая, как и ветер, не

знает преград и может разрушить все на своем пути. Маруты, как боги ветра, становятся покровителями любви и желания, которые также являются сильными и неконтролируемыми. Эти образы показывают, что космология и эстетика были тесно связаны в индийской культуре, и что божества не были отстраненными, а были частью человеческого опыта.

В тантрических практиках ветер ассоциируется с движением энергии по каналам тела (нади). Практикующий, который управляет ветром внутри себя, может достичь высоких состояний сознания, которые позволяют ему воспринимать реальность по-новому. Маруты, как боги ветра, являются покровителями этих практик, и их сила призывается во время ритуалов, чтобы помочь практикующему преодолеть препятствия на пути. В некоторых тантрических текстах Маруты описываются как гневные божества, которые разрушают все нечистоты в теле и уме, очищая их для достижения просветления. Это показывает, что даже самые буйные силы могут быть преобразованы в инструменты духовного развития.

В философии санкхьи ветер является одной из танматр, или тонких элементов, которые составляют мир. Это не просто материя, а качество движения, которое присуще всем вещам. Даже самые твердые объекты, такие как камни, содержат в себе движение на атомном уровне, и это движение является проявлением ветра. Маруты, как управляющие этим движением, являются, по сути, управляющими самой структурой реальности. Без них мир был бы статичным, непо-

движным, мертвым. Таким образом, они являются не просто богами, но космическими принципами, которые лежат в основе всего существования.

В индийской музыке Маруты ассоциируются с определенными ритмами и темпами, которые имитируют движение ветра. Быстрые ритмы, которые создают ощущение стремительности, считаются посвященными Марутам, и их игра на барабанах или других инструментах может вызвать чувство свободы и экстаза. Эта музыкальная традиция сохранилась до наших дней, и она используется во время религиозных праздников, когда люди танцуют, подражая движениям ветра. Это показывает, что Маруты не только почитаются в ритуалах, но и переживаются через тело и чувства, создавая целостный опыт взаимодействия с космосом.

В народных сказках Маруты часто изображаются как шаловливые духи, которые любят играть с людьми, иногда помогая, иногда мешая. Эти сказки, хотя и простые, учат уважению к природе и пониманию того, что даже самые сильные силы могут быть непостоянными и непредсказуемыми. Они также напоминают, что нельзя полностью контролировать природу, и что лучшее, что можно сделать — это приспособиться к ней и использовать её силу, когда она благоприятна, и укрываться, когда она враждебна.

В современной Индии Маруты не являются объектами массового поклонения, но их память сохраняется в повседневных выражениях и обычаях. Люди говорят о «ветре уда-

чи» или «ветре перемен», используя этот образ для описания изменений в жизни. Они также обращают внимание на направление ветра, когда начинают важные дела, считая, что ветер может принести удачу или неудачу. Это не суеверие, а способ оставаться в гармонии с силами природы, которые древние индийцы почитали как божества. Это показывает, что Маруты, как и другие космические силы, продолжают жить в культурной памяти, даже если их имена забыты.

В астрономии ветры также связаны с движением воздушных масс в атмосфере, которые влияют на климат и погоду. Индийские астрономы, хотя и не имели инструментов для измерения ветра, обладали эмпирическими знаниями о сезонных ветрах, и они использовали эти знания для предсказания муссонов. Они знали, что ветры меняются в зависимости от положения Солнца, и что их направление может указывать на приближение дождя или засухи. Это показывает, что астрономия и метеорология были связаны, и что Маруты, как боги ветра, были мостом между этими двумя науками.

В ведийской космологии ветры также связаны с временем года. Каждому времени года соответствует определенный ветер, который приносит свои дары и угрозы. Весенний ветер приносит цветение и обновление, летний ветер приносит жару и сухость, осенний ветер приносит сбор урожая, зимний ветер приносит холод и отдых. Маруты, как управляющие этими ветрами, являются хранителями времени, и их цик-

лы синхронизированы с движением светил. Это делает их не только богами природы, но и богами времени, которые обеспечивают порядок в космосе.

В буддийских джатаках ветер иногда используется как символ кармы, которая, как ветер, носит существа из одного существования в другое. Карма не является ни доброй, ни злой; она является просто силой, которая движет существ в соответствии с их поступками. Маруты, как ветры, становятся символом этой кармической силы, которая является безличной и бесстрастной, но которая направляет все существа по их пути. Это учение призывает практикующих не пытаться манипулировать ветром, а научиться плавать по его течению, используя его для своего движения к освобождению.

Маруты являются одной из самых многогранных и динамичных сил в индийской космологии. Они являются богами ветра, но они также являются принципами движения, времени, кармы, дыхания и праны. Они являются разрушительными и созидательными, грозными и благотворными, хаотичными и упорядоченными. Их двойственная природа отражает двойственность самого космоса, который никогда не является статичным, а всегда находится в процессе становления.

Глава 37. Сурья и его колесница: детальный разбор пути Солнца по небесной сфере

Каждое утро, когда первые лучи золотого света пробиваются сквозь тьму ночи, мир замирает в ожидании. Солнце медленно поднимается над горизонтом, и его появление не просто смена дня и ночи — это событие, которое повторялось бесчисленное количество раз, но никогда не переставало быть чудом. Для древних индийцев это чудо имело имя, форму и волю. Они называли его Сурья, и они знали, что его путь по небу не случаен, что он подчиняется закону, который был установлен в начале времен и который будет действовать до самого конца. Но этот закон был не просто абстракцией; он был живым, осязаемым, он проявлялся в каждом восходе, в каждой тени, в каждом дне, который был длиннее или короче предыдущего. Путь Солнца по небесной сфере был для них не просто астрономическим фактом, но и священной картой, по которой они могли читать время, предсказывать судьбу и понимать волю богов.

Сурья в индийской традиции — это не просто божество, это само Солнце, и его движение по небу является центральным элементом всей космологии. Его колесница, запряженная семью конями, которые символизируют его лучи или

семь цветов спектра, каждый день проезжает по небу от востока к западу, освещая мир своим светом. Но этот путь не является простым, и он не всегда одинаков. Сурья движется по эклиптике, наклонной линии, которая пересекает небесную сферу, и этот наклон является причиной всех сезонных изменений. Древние астрономы знали, что Солнце не всегда восходит в одной и той же точке горизонта; оно смещается то на север, то на юг, и эти смещения определяют продолжительность дня и ночи, наступление времен года и момент для проведения важных ритуалов. Они не знали о наклоне земной оси, но они знали, что движение Солнца подчиняется математическому закону, и они научились вычислять его с поразительной точностью.

Годовой путь Солнца по небу делится на две основные части: Уттараяну и Дакшинаяну. Уттараяна — это период, когда Солнце движется на север, начиная с зимнего солнцестояния, когда день начинает удлиняться, и заканчивая летним солнцестоянием, когда день достигает своего максимума. Дакшинаяна — это период, когда Солнце движется на юг, от летнего солнцестояния до зимнего, когда дни становятся короче. Эти два периода имеют не только астрономическое, но и огромное религиозное и философское значение. Уттараяна считается днем богов, временем, когда благоприятные силы преобладают, и когда ритуалы, совершаемые в этот период, приносят наибольшую пользу. Дакшинаяна считается ночью богов, временем, когда аскетические практики и пока-

яние имеют особую силу, и когда души умерших могут легче достичь освобождения. Это разделение не является произвольным; оно основано на наблюдениях за тем, как Солнце меняет свое положение, и как эти изменения влияют на климат, растительность и жизнь существ.

В ведийской литературе Сурья описывается как глаз Митрой, как душа всего сущего, как источник жизни и знания. Его называют Савитаром, когда он пробуждает мир, и Пушаном, когда он защищает и питает. Его имя звучит в мантрах, которые поются на рассвете и закате, и его почитание является одной из древнейших практик индийской религии. Но Сурья — это не только божество, но и объект научного изучения. В «Сурья-сиддханте» и других астрономических трактатах детально описывается его движение, его расстояние до Земли, его диаметр, его отношение к другим планетам. Эти тексты показывают, что индийские астрономы относились к Солнцу с двойным вниманием: как к богу, который заслуживает поклонения, и как к физическому объекту, который можно измерить и вычислить.

Солнечные часы, или гномоны, были одним из самых важных инструментов для наблюдения за путем Солнца. Вертикальный стержень, установленный на ровной поверхности, отбрасывал тень, которая в течение дня меняла свою длину и направление. По этой тени можно было определять время, а также отмечать дни солнцестояний, когда тень была самой короткой или самой длинной. Археологи находят такие гно-

моны в разных частях Индии, и они свидетельствуют о том, что астрономические наблюдения велись систематически на протяжении тысячелетий. Жрецы, которые умели читать эти тени, были не просто служителями культа, но и учеными, которые могли предсказывать наступление сезонов и планировать ритуалы с точностью до дня. Их знания были не только теоретическими, но и практическими, и они использовались для управления сельским хозяйством, торговлей и даже военными кампаниями.

Путь Солнца по небесной сфере также был основой для создания календаря. Индийский календарь, как мы уже знаем, был лунно-солнечным, и он требовал согласования движения Луны и Солнца. Точное определение момента, когда Солнце переходит из одного знака зодиака в другой, было необходимо для правильного вычисления дат праздников и ритуалов. Астрономы, такие как Арьябхата и Варахамихира, разработали методы расчета этих переходов, которые использовались на протяжении столетий. Их расчеты были настолько точными, что позволяли определять момент равноденствия с ошибкой не более нескольких минут, что было настоящим достижением для того времени. Это знание передавалось из поколения в поколение, и оно позволяло сохранять преемственность календарной традиции даже в периоды политических потрясений.

Однако путь Солнца не был только предметом научного интереса. Он был также источником вдохновения для поэтов

и художников. В санскритской поэзии восход и закат Солнца часто описываются с большой эмоциональной силой. Утренняя заря, Ушас, является богиней, которая пробуждает мир, а вечерняя заря — это время, когда мир погружается в сон. Поэты сравнивают Солнце с колесницей, которая несется по небу, с золотым цветком, который раскрывается на востоке, с глазом неба, который смотрит на землю. Эти образы не только красивы, но и отражают реальное понимание того, как Солнце влияет на жизнь людей. Они показывают, что астрономия и поэзия были неразрывно связаны в индийской культуре, и что знание о небесах было не только практическим, но и эстетическим.

В буддийской традиции Солнце также занимает важное место, хотя и не как объект поклонения. Будда часто использовал солнечные образы в своих проповедях. Он говорил, что его учение подобно Солнцу, которое светит для всех без исключения, принося свет и тепло каждому, кто готов его принять. Он также говорил, что просветление подобно восходу Солнца, который рассеивает тьму невежества и показывает мир таким, какой он есть. В буддийских текстах Солнце часто упоминается как символ мудрости, которая сияет ярко и неразрушима. Буддийские монахи, которые занимались астрономией, изучали движение Солнца для того, чтобы правильно определять время для медитации и для соблюдения монашеских правил. Они знали, что Солнце является одним из самых надежных ориентиров в мире, и что его по-

стоянство может служить напоминанием о законе природы, который действует на всех уровнях.

В индийской астрологии Солнце является одной из девяти планет, навраграх, и оно считается самой важной планетой, поскольку оно представляет душу, жизненную силу и самовыражение человека. Положение Солнца в гороскопе определяет его здоровье, власть, положение в обществе и его духовные устремления. Люди, рожденные под сильным Солнцем, считаются энергичными, уверенными, лидерами. Те, у кого Солнце слабо, могут страдать от низкой самооценки и проблем со здоровьем. Астрологи рекомендуют им носить рубины, повторять мантры Сурьи и совершать омовения на рассвете, чтобы усилить его влияние. Эта практика сохранилась и в современной Индии, где миллионы людей верят, что Солнце может влиять на их судьбу, и что они могут улучшить свою жизнь, если будут почитать его правильно.

Солнце также связано с циклом сансары, поскольку его движение является символом времени, которое неотвратимо течет вперед. В индийской философии время рассматривается как одна из форм проявления Брахмана, и Солнце является его главным маркером. Каждый день, который восходит и заходит, напоминает человеку о том, что его жизнь также имеет начало и конец, что он должен использовать свое время мудро, чтобы достичь освобождения. Эта связь между Солнцем и временем является основой многих ритуалов, которые проводятся на рассвете или закате, когда граница меж-

ду днем и ночью, между жизнью и смертью, между проявленным и непроявленным становится особенно тонкой. В такие моменты молитвы и медитации считаются особенно эффективными, потому что они синхронизированы с космическим ритмом.

В ведийской астрономии путь Солнца по небу описывается через систему накшатр, которые являются лунными стоянками, но также используются для отслеживания движения Солнца. В течение года Солнце проходит через все двадцать семь накшатр, и каждая из них имеет свое значение. Например, накшатра Рохини считается связанной с плодородием, накшатра Магха — с предками, накшатра Шравана — с учением. Зная, в какой накшатре находится Солнце в данный день, жрецы могли определить благоприятные времена для различных ритуалов. Это знание было настолько важным, что оно было записано в виде таблиц, которые позволяли быстро определить положение Солнца без сложных вычислений. Таблицы эти, основанные на многолетних наблюдениях, поражают своей точностью и являются свидетельством того, что индийские астрономы были не только наблюдателями, но и математиками.

Сурья также имеет свои ипостаси, каждая из которых отвечает за определенный период дня. Утром, когда Солнце только встает, оно почитается как Савитар, пробуждающий мир. В полдень, в зените, оно почитается как Сурья, который сияет во всей своей мощи. Вечером, на закате, оно по-

читается как Митра, который заключает мир с тьмой и готовится к ночи. Эти три формы отражают три стадии жизни человека: рождение, расцвет и угасание. Они также отражают три стадии космического цикла: творение, поддержание и разрушение. Таким образом, Солнце становится не просто астрономическим объектом, но и метафорой всей реальности, которая постоянно движется от начала к концу, чтобы начаться снова.

В индийском эпосе Сурья часто выступает как персонаж, который вмешивается в судьбы героев. Например, в «Махабхарате» Сурья является отцом Карны, одного из главных героев, и его божественное происхождение определяет многие события. Карна, будучи сыном Солнца, обладает невероятной силой и благородством, но его жизнь трагична, потому что он не знает своего истинного происхождения до самого конца. Этот эпизод показывает, что Солнце не просто далекий бог, но и отец, который заботится о своих детях, даже если они не осознают этого. Он также символизирует свет, который может быть скрыт, но никогда не исчезает полностью, и который может проявиться в самый неожиданный момент.

В храмовой архитектуре Солнцу посвящены специальные святилища, которые ориентированы на восток, чтобы лучи утреннего Солнца озаряли алтарь. Храм Сурьи в Конараке, который мы уже упоминали, является одним из самых известных примеров. Его колесница с семью лошадьми, высеченная из камня, является символом пути Солнца по небу.

Каждый год, в день зимнего солнцестояния, первые лучи Солнца проходят через специальное отверстие в храме и освещают главную статую Сурьи, что является торжественным моментом, привлекающим тысячи паломников. Эта архитектурная деталь показывает, что древние строители были не только инженерами, но и астрономами, которые вкладывали в свои сооружения глубокое знание небесных явлений.

В народной культуре Солнце почитается как источник жизни, и его образ используется в множестве пословиц и поговорок. Например, говорят, что «Солнце не спрашивает у праведника, свят он или грешник, оно светит всем», что подчеркивает его беспристрастность. Это также отражено в буддийском учении о сострадании, которое распространяется на всех существ, независимо от их положения. Солнце также используется как символ надежды: даже после самой темной ночи оно обязательно взойдет. Этот оптимизм является важной частью индийской культуры, которая верит в цикличность и в то, что за каждым концом следует новое начало.

В современной науке мы знаем, что Солнце — это звезда, которая находится на расстоянии около ста пятидесяти миллионов километров от Земли, и что его движение по небу является результатом вращения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца. Но для древних индийцев это знание не уменьшало сакральности Солнца; наоборот, оно усиливало её, потому что они видели в этих астрономических закономерностях проявление божественного закона. Они не разделяли

науку и религию, и это позволяло им видеть мир как единое целое, где каждое явление имеет свой смысл и своё место. Это единство, возможно, является самым важным уроком, который мы можем извлечь из их понимания пути Солнца.

Путь Солнца по небесной сфере также был основой для определения времени в повседневной жизни. Индийские крестьяне просыпались с восходом Солнца и ложились спать с его закатом. Работа в поле начиналась утром, когда было прохладно, и заканчивалась в полдень, когда жара становилась невыносимой. Вечером люди собирались в общинах, чтобы обсудить дела и провести ритуалы. Этот ритм, синхронизированный с движением Солнца, был естественным и здоровым, и он обеспечивал гармонию между человеком и природой. Даже сегодня, в эпоху электричества, многие индийцы сохраняют этот ритм, и восход Солнца по-прежнему является важной частью их дня.

В буддийских монастырях солнечный цикл используется для расписания медитаций. Раннее утро, когда Солнце только встает, считается временем особой чистоты, и монахи практикуют в это время, чтобы соединиться с пробуждающимся миром. Вечером, на закате, они также медитируют, чтобы отпустить дневные заботы и подготовиться к ночи. Эта практика показывает, что буддизм воспринял естественные ритмы природы, включая путь Солнца, и использовал их для укрепления духовной дисциплины. Солнце становится не только астрономическим объектом, но и напоминанием о

присутствии просветленного ума, который сияет всегда, даже в самые темные моменты.

В индийской музыке Солнце ассоциируется с определенными рагами, которые исполняются на рассвете или в полдень. Рага Бхирай, например, считается рагой утреннего Солнца, а рага Хамана — рагой полудня. Эти раги имеют свои характерные мелодии, которые создают настроение, соответствующее времени суток. Музыканты, которые исполняют эти раги, должны быть настроены на солнечный ритм, чтобы их музыка была гармоничной. Это показывает, что путь Солнца пронизывает даже самые тонкие аспекты культуры, и что астрономия была неотделима от эстетики.

В индийской философии Солнце часто связывается с Атманом, высшим Я, которое является источником всего света и сознания. Подобно тому, как Солнце освещает мир, Атман освещает ум, делая возможным восприятие и знание. Когда человек осознает свою истинную природу, он становится подобным Солнцу, которое сияет само по себе, не завися от внешних источников. Это осознание является конечной целью многих духовных практик, и оно достигается через медитацию и самонаблюдение. В этом смысле путь Солнца по небу становится метафорой духовного пути, который ведет от тьмы к свету, от невежества к мудрости.

В астрономической традиции индийские астрономы вычисляли не только положение Солнца, но и его затмения. Солнечные затмения были особенно важны, поскольку они

считались знаками, указывающими на нарушение космического порядка. Методы расчета затмений, описанные в «Сурья-сиддханте» и других текстах, использовали сложные тригонометрические функции и были настолько точными, что позволяли предсказывать их с ошибкой в несколько минут. Эти методы были распространены по всей Азии и повлияли на развитие астрономии в Китае, Тибете и арабском мире. Они показывают, что индийские астрономы обладали высоким уровнем математической подготовки, и что их знания были не только теоретическими, но и практическими.

В повседневных ритуалах индийцы часто обращаются к Солнцу с молитвами, особенно во время Сурья-намаскары, комплекса упражнений и мантр, который выполняется на рассвете. Этот ритуал не только укрепляет тело, но и очищает ум, устанавливая связь между человеком и космосом. Считается, что регулярная практика Сурья-намаскары приносит здоровье, долголетие и просветление. Этот ритуал сохранился до наших дней и практикуется миллионами людей по всему миру, что свидетельствует о непреходящей силе солнечного культа.

В ведийской космологии Солнце является не только источником света, но и источником времени. Оно движется по небу с определенной скоростью, и это движение определяет длительность дня и ночи, месяцев и лет. В «Сурья-сиддханте» утверждается, что Солнце проходит через зодиакальные знаки и что его положение указывает на начало и конец каж-

дого временного периода. Это делает Солнце не только астрономическим объектом, но и космическим хронометром, который измеряет существование Вселенной. Астрономы, которые наблюдали за его движением, были, по сути, хранителями времени, которые гарантировали, что люди живут в согласии с космическим ритмом.

Путь Солнца по небесной сфере также имеет отношение к географии. Индийские астрономы знали, что Солнце встает и заходит в разных точках горизонта в зависимости от широты, и что его высота над горизонтом меняется в течение года. Это знание использовалось для определения географического положения, особенно в мореплавании. Индийские мореплаватели, которые плавали по Индийскому океану, использовали наблюдения за Солнцем для навигации, определяя свою широту по высоте Солнца в полдень. Это позволяло им плавать с большой точностью, даже без современных инструментов. Таким образом, путь Солнца был не только научным, но и практическим знанием, которое обеспечивало процветание торговли и культурный обмен.

В индийской мифологии Солнце часто изображается как прекрасный юноша, который едет на колеснице по небу. Его жена, Ушас, заря, встречает его каждое утро, и их свидание является началом нового дня. Вечером его жена — Сандхья, которая провожает его на закате. Эти мифы, хотя и поэтичны, отражают астрономические фазы дня, и они показывают, как древние индийцы одушевляли небесные явления,

превращая их в любовную игру. Они также показывают, что Солнце было не далеким и безличным, а близким и понятным, с которым можно было разделить радости и печали.

В буддийских джатаках Солнце иногда выступает как свидетель прошлых жизней Будды. В этих историях Солнце видит добрые и злые поступки, и его свет является символом того, что ничто не остается скрытым. Это напоминает о законе кармы, который действует всегда, и о том, что наши действия видны не только людям, но и самому космосу. Это учение призывает к честности и ответственности, поскольку мы всегда находимся под взглядом вечного Солнца.

В современной Индии, несмотря на научные достижения, Солнце по-прежнему почитается. Люди совершают омовения в священных реках на рассвете, повторяют гимны Сурье и отмечают праздники, связанные с его движением. Это показывает, что древняя традиция не утратила своей силы, и что Солнце по-прежнему является важным элементом культурной идентичности. Оно объединяет людей, давая им общий ритм и общие ценности.

Сурья и его колесница являются не просто мифом, но и отражением глубокого понимания природы и космоса. Путь Солнца по небесной сфере был для древних индийцев путеводной нитью, по которой они могли ориентироваться во времени и пространстве. Он давал им не только практические знания, но и духовное вдохновение, напоминая о том, что в центре Вселенной находится свет, который никогда не

угасает.

Глава 38. Сома и Луна: божественный напиток и лунная династия царей

Луна всегда была спутником человека в его ночных бдениях, его утешителем в темноте, его проводником во тьме. Но в индийской традиции Луна была не просто пассивным светилом, отражающим солнечный свет; она была живым существом, божеством, царем, отцом династий, источником бессмертия и символом вечного круговорота жизни и смерти. Её имя — Сома, и оно несет в себе двойной смысл: это и божественный напиток, который дарует бессмертие, и само светило, которое умирает и возрождается каждые две недели. Сома является одной из самых сложных и многозначных фигур в индийской космологии, и его история пронизывает всю индийскую культуру от древнейших ведийских гимнов до современных астрологических таблиц. Он является связующим звеном между ритуалом и астрономией, между мифом и календарем, между земными царями и небесными силами.

В Ригведе Сома воспевается как божество, которому посвящено множество гимнов, и его прославляют как повелителя растений, как сок, который приносит экстаз и вдохновение, как напиток, который пьют боги, чтобы обрести бес-

смертие. Но Сома — это также сама Луна, и его фазы отражают циклы этого священного напитка. В ведийской космологии Луна считается вместилищем Сомы, и из неё напиток стекает на землю, питая растения и делая их священными. Жрецы, которые проводили ритуал сомы, собирали это растение на рассвете, когда Луна еще видна на небе, и выжимали его сок, чтобы принести в жертву богам. Этот ритуал был не просто актом поклонения; он был микрокосмом самого творения, в котором Луна играла роль источника жизненной силы, а сок Сомы — её проявлением на земле. Таким образом, Сома был не только божеством, но и материальным веществом, которое можно было использовать для соединения с божественным миром.

Луна в индийской астрономии имеет свои особые характеристики. Её видимый диаметр почти равен солнечному, но её свет слабее, поскольку она отражает свет Солнца. Это знание было известно древним астрономам, и они использовали его для расчета фаз Луны и для предсказания затмений. Луна движется по небу быстрее, чем Солнце, и её путь пересекает эклиптику, создавая возможность для затмений. Её цикл, состоящий из двадцати девяти с половиной дней, был основой для лунного календаря, который использовался для определения ритуальных дней и праздников. Но Луна также имеет свою мифологию, которая делает её не просто астрономическим объектом, но и персонажем космической драмы.

Согласно пуранической традиции, Луна была рождена из океана во время его пахтанья. Она появилась как прекрасное светило, которое было взято богом Шивой в качестве украшения для его волос. Но Луна также была женой двадцати семи накшатр, которые представляют лунные стоянки. Каждый день Луна проводит с одной из них, и этот цикл отражает её движение по небу. Однако Луна предпочитала только одну из них, Рохини, что вызвало ревность остальных жен. Дакша, отец накшатр, проклял Луну, что она будет убывать, и этот проклятие стало причиной того, что Луна умирает и возрождается каждый месяц. Этот миф объясняет фазы Луны: когда она убывает, это её страдание от проклятия, а когда она снова растет, это её искупление. В этом смысле Луна является символом страдания и искупления, цикла смерти и возрождения, который характерен для всех существ в сансаре.

Луна также является источником лунной династии царей, которая называется Сомавамша, или династия Сомы. Согласно эпосу, первый царь этой династии, Сома, был сыном Луны, и его потомки правили многими царствами в древней Индии. Самым известным царем этой династии был Яяти, который был великим правителем и который разделил свое царство между своими сыновьями. Династия Сомы также включает таких героев, как Пандавы и Кауравы из «Махабхараты», которые происходят от этого рода. Лунная династия символизирует связь между небесным и земным: цари этой

династии считались полубогами, имеющими божественное происхождение, и их власть была освящена самим космосом. Их родословная прослеживалась до Луны, и это давало им не только легитимность, но и ответственность за поддержание дхармы.

В ведийской астрологии Луна считается одной из самых важных планет, поскольку она представляет ум, эмоции, материнство и плодородие. Положение Луны в гороскопе определяет психическое состояние человека, его способность к адаптации, его интуицию. Луна также является планетой, которая отвечает за красоту и грацию, и люди, рожденные под сильной Луной, часто обладают художественными талантами и глубокой чувствительностью. В индийском календаре лунные дни, или титхи, используются для определения благоприятных и неблагоприятных моментов для различных действий, и эти дни рассчитываются на основе точного положения Луны относительно Солнца. Таким образом, Луна является не только астрономическим объектом, но и ключевым элементом в практике джйотиша, которая до сих пор влияет на жизнь миллионов людей.

Луна также имеет свое вращение вокруг собственной оси, хотя древние индийцы не знали об этом в научном смысле. Однако они наблюдали, что Луна всегда обращена к Земле одной стороной, и это явление они объясняли мифологически: они говорили, что Луна, подобно влюбленному, всегда смотрит на Землю, свою возлюбленную, и не отворачивает-

ся от нее. Это романтическое объяснение отражает глубокую эмоциональную связь, которую индийцы чувствовали с Луной. Они видели её не как мертвый камень, а как живое существо, которое разделяет их радости и печали, и они обращались к ней в своих молитвах, как к другу и защитнику.

В буддийской традиции Луна также занимает важное место. Будда часто использовал лунные образы в своих проповедях. Он сравнивал просветление с полной Луной, которая светит ярко и чисто, не замутненная облаками невежества. Он также говорил о том, что ум, подобно Луне, может быть либо ясным, либо омраченным желаниями. В буддийских суттах Луна часто упоминается как символ сострадания, которое, как лунный свет, озаряет всех существ без различия. В «Сутре о великом сострадании» Будда говорит, что его сострадание подобно лунному свету, который проникает повсюду и успокаивает страдающих. Это учение показывает, что буддизм воспринял лунную символику, но переосмыслил её в этическом ключе, сделав акцент на сострадании и ясности ума.

В индийской поэзии Луна является одним из самых частых образов. Поэты сравнивают лицо возлюбленной с полной Луной, её глаза — с лунными лучами, её поцелуи — с лунным нектаром. Луна также используется как символ разлуки: влюбленные, которые не могут быть вместе, смотрят на одну и ту же Луну и чувствуют связь через её свет. Эти образы показывают, что Луна была не просто астрономиче-

ским объектом, но и эмоциональным центром, вокруг которого вращались человеческие переживания. Она была утешением для тех, кто страдал, и свидетельством для тех, кто любил.

В индийской астрономии Луна также связана с приливами и отливами. Хотя древние астрономы не знали о гравитации, они наблюдали, что Луна влияет на воды океана, и это знание использовалось для предсказания морских течений. Индийские мореплаватели, которые плавали по Индийскому океану, учитывали лунные циклы, чтобы избежать опасных приливов и выбрать благоприятные моменты для выхода в море. Это практическое знание сочеталось с мифологическим: считалось, что Луна управляет водами, и что её фазы указывают на настроение океана, который может быть спокойным или бурным в зависимости от её положения.

Сома также связан с астрологическим понятием накшатр, которые являются лунными стоянками. Каждая накшатра имеет свое название, свой символ и свое божество, и они используются для определения кармических влияний. Луна, проходя через эти накшатры в течение месяца, оказывает различные воздействия на мир и на людей. Например, накшатра Рохини, которая является самой благоприятной, связана с плодородием и процветанием, а накшатра Магха связана с предками и поминовением. Астрологи, составляя гороскоп, учитывают, в какой накшатре находилась Луна в момент рождения человека, и это определяет его характер и

жизненный путь. Таким образом, Луна является не только астрономическим объектом, но и кармическим агентом, который влияет на судьбу каждого существа.

В лунных династиях царей Луна также почиталась как предок и покровитель. Цари этой династии часто носили титул «Сома-ванша», и они проводили ритуалы в честь Луны, чтобы получить её благословение. Эти ритуалы включали жертвоприношения, песнопения и омовения в священных реках, которые считались связанными с Луной. Считалось, что цари, происходящие от Луны, обладают особыми качествами: они мудры, справедливы и сострадательны, как и само божество. Их правление было периодом процветания, и их династия считалась священной. Даже когда политическая власть переходила к другим династиям, память о лунных царях сохранялась в эпосах и гимнах, и их пример служил образцом для правителей.

В индийской философии Луна связывается с умом и его изменениями. Как Луна растет и убывает, так и ум постоянно меняется, подверженный впечатлениям и желаниям. Йогин, который хочет достичь контроля над умом, должен уподобиться Луне в её чистом состоянии, когда она полна и неподвижна. Медитация на Луну часто используется для успокоения ума и для развития интуиции. В некоторых тантрических практиках визуализация Луны используется для балансировки энергии в теле, особенно для контроля над праной, которая связана с дыханием и эмоциями. Таким об-

разом, Луна становится не только объектом наблюдения, но и инструментом для внутренней работы.

В ведийской астрономии Луна также используется для определения продолжительности жизни. Считалось, что количество лунных месяцев, которые человек проживет, предопределено его кармой, и что Луна влияет на его здоровье и долголетие. Астрологи, которые занимались этим, использовали сложные вычисления, чтобы предсказать, сколько времени осталось человеку, и советовали ему совершать определённые ритуалы, чтобы продлить жизнь. Эти практики, хотя и кажутся суеверными, были основаны на наблюдениях за тем, как Луна влияет на физиологические процессы, и они имели некоторую эмпирическую основу.

В индийских эпосах Луна часто выступает как персонаж, который вмешивается в судьбы героев. Например, в «Махабхарате» Луна является отцом Карны, хотя это и не было явным в тексте, но символически Карна связан с Луной через его материнскую линию. Это показывает, что Луна была не только божеством, но и активным участником человеческих событий, который мог даровать рождение и защиту. Её свет считался благословением, и её отсутствие на небе — проклятием.

В буддийских джатаках Луна иногда появляется как свидетель или помощник Бодхисаттвы. В одной из историй Бодхисаттва рождается в семье лунного царя, и его правление отмечено миром и процветанием. Это показывает, что буд-

дизм признавал святость лунной династии и использовал её образ для иллюстрации добродетельного правления. Однако буддизм также подчеркивает, что даже такое правление временно и не может привести к освобождению, и что только следование Дхарме может обеспечить истинное благо.

В искусстве Луна изображается как прекрасное божество, сидящее на колеснице, запряженной десятью лошадьми, или как корона на голове Шивы. Её свет часто изображается в виде капель, которые стекают на землю, символизируя нектар Сомы. Эти изображения можно найти в храмах и на миниатюрах, и они служат напоминанием о том, что Луна является не только астрономическим объектом, но и источником вдохновения для художников. Их красота и изящество отражают почитание, которое Луна вызывала в сердцах людей.

В народной культуре Луна также является главной героиней многих песен и сказаний. В этих рассказах Луна часто выступает как защитник влюбленных, как свидетель обетов, как утешитель в печали. Её свет считается священным, и люди просят её о благословении, когда они хотят найти любовь или исцеление от болезней. Эти обычаи, хотя и просты, показывают, что Луна по-прежнему является живым символом в индийской культуре, который объединяет людей через общие ритуалы и верования.

В астрономической традиции Луна также используется для определения дат важных праздников, таких как Дивали, который приходится на новолуние, и Холи, который отмеча-

ется в полнолуние. Эти праздники не только радостные события, но и напоминания о циклах Луны, которые регулируют жизнь общины. Дивали, праздник огней, символизирует победу света над тьмой и приурочен к самому темному времени месяца, когда Луна не видна, но именно в этот момент внутренний свет становится наиболее сильным. Холи, праздник цветов, отмечается в полнолуние, когда Луна сияет ярко, и символизирует радость и обновление. Эти связи между лунными фазами и праздниками показывают, что календарь был не просто расписанием, а священным циклом, который напоминал людям о космическом порядке.

В индийской философии Луна также ассоциируется с женским началом, с Шакти, с интуицией и с темными аспектами ума. В то время как Солнце символизирует мужское начало, активность и сознание, Луна символизирует женское, пассивность и подсознание. Эти две силы должны быть сбалансированы для гармонии, и их взаимодействие является основой всей жизни. В некоторых текстах говорится, что Луна является местом, где обитают предки, и что их души пребывают на Луне, пока они не переродятся вновь. Это делает Луну не только божеством, но и мостом между мирами, между живыми и умершими.

В ведийской астрономии Луна также связана с понятием «маса» — месяца, который является основой для многих календарных расчетов. Двенадцать месяцев составляют год, и каждый месяц имеет свое имя и свои особенности. Месяцы

связаны с определенными ритуалами, и их правильное соблюдение считается необходимым для поддержания космического порядка. Астрономы, которые вычисляли эти месяцы, были уважаемыми членами общества, и их знания были востребованы как для религиозных, так и для светских целей.

В буддийских монастырях Луна используется для определения дней Упавасы, когда монахи собираются для исповеди и чтения правил. Эти дни приходятся на новолуние и полнолуние, и они являются временем для усиленной практики и очищения. Монахи, которые следуют этому расписанию, живут в гармонии с лунным циклом, и это помогает им поддерживать дисциплину и концентрацию. Таким образом, буддизм использует астрономию для укрепления своей практики, показывая, что знание неба может служить духовным целям.

Луна также связана с идеей бессмертия. Сома, напиток бессмертия, который добывали из растения и ассоциировали с Луной, дарует богам вечную жизнь. Но для людей этот напиток был недоступен, и они могли прикоснуться к бессмертию только через ритуал, который имитировал этот процесс. Это стремление к бессмертию является одной из основных тем индийской космологии, и Луна, как носитель Сомы, является символом этой устремленности. Она напоминает людям, что за пределами смерти есть нечто большее, что жизнь не ограничивается одним существованием.

В индийских текстах Луна часто описывается как царица звёзд, которая правит ночью. Её свет является отражением Солнца, и это делает её зависимой от него, но также и дополняющей его. Вместе они образуют пару, которая управляет временем и пространством, и их союз является основой всего творения. Эта двойственность Солнца и Луны отражает двойственность всех явлений: мужское и женское, свет и тьма, день и ночь, жизнь и смерть. Понимание этой двойственности является ключом к мудрости в индийской философии, и Луна играет в этом свою незаменимую роль.

В современной науке мы знаем, что Луна — это спутник Земли, который образовался в результате гигантского столкновения в ранней истории Солнечной системы. Мы знаем, что её вращение синхронизировано с орбитой, так что она всегда обращена к Земле одной стороной. Мы знаем, что на Луне нет атмосферы и воды, и что её поверхность покрыта кратерами. Но эти знания не отменяют той глубокой связи, которую человек чувствует с Луной. Она по-прежнему является символом тайны, красоты и вдохновения, и она продолжает влиять на нашу культуру, как и тысячелетия назад.

В индийской культуре Луна остается центральным элементом, который связывает астрономию, религию, литературу и искусство. Она является не только объектом наблюдения, но и живым существом, с которым можно общаться. Её свет дает надежду в темноте, её циклы напоминают о времени, её красота вдохновляет на творчество. Сома, божествен-

ный напиток, продолжает течь из неё, питая души тех, кто ищет истину. И когда мы смотрим на ночное небо и видим сияющую Луну, мы можем почувствовать, что она говорит с нами на том же языке, на котором она говорила с нашими предками — на языке вечного круговорота, который никогда не заканчивается.

Глава 39. Наваграха: девять планетных божеств и их влияние на судьбы

В индийской космологии существует система, которая выходит за пределы простой астрономии и становится мостом между небесной механикой и человеческой жизнью. Это система Наваграха — девяти планетных божеств, которые, согласно древней традиции, управляют судьбами существ, определяют их характер, здоровье, богатство, отношения и даже духовный путь. Наваграха не являются просто абстрактными планетами; они являются живыми силами, которые пронизывают все уровни бытия, от самых грубых до самых тонких. Их влияние ощущается в каждом дне, в каждом годе, в каждом событии, и знание о них было одной из самых сокровенных и важных частей индийской мудрости. Эта система, которая возникла в ведическую эпоху, развивалась на протяжении тысячелетий, впитывая астрономические наблюдения, мифологические сюжеты и философские размышления, и она продолжает оказывать влияние на жизнь миллионов людей в Индии и за её пределами.

Девять планет включают в себя семь видимых светил — Солнце, Луну, Марс, Меркурий, Юпитер, Венеру и Сатурн — и две теневые планеты, Раху и Кету, которые не являются

физическими телами, но играют ключевую роль в астрологии и в расчетах затмений. Каждая из этих девяти грах имеет свое имя, свой цвет, свое божество-управителя, свои мантры и свои ритуалы. Они делятся на благоприятные и неблагоприятные, на мужские и женские, на дневные и ночные. Их положение в гороскопе определяет кармический путь человека, и астрологи, которые умеют читать их послания, могут предсказывать будущее, советовать, как избежать несчастий и как усилить благоприятные влияния. Эта система является не просто суеверием, но и сложной психологической и философской моделью, которая помогает человеку понять себя и свое место в космосе.

Солнце, или Сурья, является первой и самой важной из грах. Оно представляет душу, жизненную силу, власть, отца, правительство и здоровье. Сурья является царем планет, и его положение в гороскопе определяет общую энергию и направление жизни человека. Если Солнце сильное и хорошо расположенное, человек будет уверенным, энергичным, успешным и здоровым. Если Солнце слабое или пораженное, он может быть неуверенным, больным, иметь проблемы с властью и авторитетом. Сурья также связан с огнем, с желтым цветом, с золотом, с воскресеньем, и с божеством Сурьей, который является величайшим из богов. Люди, которые хотят усилить влияние Солнца, носят рубины, повторяют мантру «Ом Сурьяя Намах» и совершают омовения на рассвете.

Луна, или Сома, является второй планетой, и она представляет ум, эмоции, материнство, плодородие и интуицию. Луна является царицей планет, и её положение в гороскопе определяет психологическое состояние человека, его способность к адаптации и его чувствительность. Если Луна сильная и чистая, человек будет эмоционально устойчивым, сострадательным и креативным. Если Луна слабая или пораженная, он может быть нестабильным, тревожным, страдать от депрессии или психических расстройств. Сома связан с водой, с белым цветом, с серебром, с понедельником, и с божеством Сомой, который является богом Луны. Чтобы усилить Луну, люди носят жемчуг, повторяют мантру «Ом Сомая Намах» и проводят ритуалы в понедельник.

Марс, или Мангала, является третьей планетой, и он представляет энергию, мужество, войну, гнев, агрессию и защиту. Марс является воином среди планет, и его положение в гороскопе определяет уровень энергии человека, его способность к борьбе и его амбиции. Если Марс сильный, человек будет смелым, решительным, энергичным и способным защищать себя и других. Если Марс слабый или пораженный, он может быть агрессивным, импульсивным, склонным к насилию или, наоборот, пассивным и безынициативным. Мангала связан с огнем, с красным цветом, с железом, со вторником, и с божеством Мангалой, который является богом войны. Чтобы усилить Марс, люди носят кораллы, повторяют мантру «Ом Мангалая Намах» и проводят ритуалы во втор-

ник.

Меркурий, или Будха, является четвертой планетой, и он представляет интеллект, коммуникацию, торговлю, учебу и логику. Будха является самой быстрой планетой, и его положение в гороскопе определяет способность человека к обучению, его красноречие и его деловые способности. Если Меркурий сильный, человек будет умным, сообразительным, хорошо говорящим и успешным в торговле. Если Меркурий слабый или пораженный, он может быть невнимательным, плохо учиться, иметь проблемы с речью или быть нечестным. Будха связан с воздухом, с зеленым цветом, с изумрудом, со средой, и с божеством Будхой, который является богом интеллекта. Чтобы усилить Меркурий, люди носят изумруды, повторяют мантру «Ом Будхая Намах» и проводят ритуалы в среду.

Юпитер, или Гуру, является пятой планетой, и он представляет мудрость, знание, удачу, процветание и духовность. Гуру является наставником богов, и его положение в гороскопе определяет способность человека к духовному росту, его удачу в делах и его отношения с гуру и старшими. Если Юпитер сильный, человек будет мудрым, удачливым, процветающим и уважаемым. Если Юпитер слабый или пораженный, он может быть невежественным, невезучим, бедным или иметь проблемы с доверием. Гуру связан с эфиром, с желтым цветом, с топазом, с четвергом, и с божеством Брихаспати, который является богом мудрости. Чтобы уси-

лить Юпитер, люди носят желтые сапфиры, повторяют мантру «Ом Гураве Намах» и проводят ритуалы в четверг.

Венера, или Шукра, является шестой планетой, и она представляет любовь, красоту, искусство, роскошь и женскую энергию. Шукра является наставником демонов, но он также является планетой, которая приносит счастье и удовольствия. Его положение в гороскопе определяет способность человека к любви, его творческие таланты и его материальное благополучие. Если Венера сильная, человек будет красивым, артистичным, любящим, богатым и популярным. Если Венера слабая или пораженная, он может быть зависимым, чувственным до порока, бедным или иметь проблемы в отношениях. Шукра связан с водой, с белым цветом, с алмазом, с пятницей, и с божеством Шукрой, который является богом Венеры. Чтобы усилить Венеру, люди носят алмазы, повторяют мантру «Ом Шукрая Намах» и проводят ритуалы в пятницу.

Сатурн, или Шани, является седьмой планетой, и он представляет карму, дисциплину, ограничения, ответственность и долголетие. Шани является самой медленной планетой, и его положение в гороскопе определяет, какие испытания и уроки должен пройти человек в этой жизни. Если Сатурн сильный, человек будет дисциплинированным, ответственным, терпеливым и долгоживущим. Если Сатурн слабый или пораженный, он может быть ленивым, недисциплинированным, страдать от болезней и несчастий. Шани связан с зем-

лей, с черным цветом, с синим сапфиром, с субботой, и с божеством Шани, который является богом Сатурна. Чтобы усилить Сатурн, люди носят синие сапфиры, повторяют мантру «Ом Шанайшарая Намах» и проводят ритуалы в субботу, особенно в темную половину месяца.

Раху является восьмой планетой, но это не физическое тело; это теневой узел, который представляет восходящий лунный узел. Раху символизирует иллюзию, обман, желание, манию и неожиданные события. Он часто ассоциируется с тем, что приходит неожиданно, с переменами, с иностранцами, с технологиями и с духовным поиском. Если Раху сильный и благоприятный, он может принести внезапный успех, необычные способности и духовные прозрения. Если Раху слабый или неблагоприятный, он может вызвать мании, зависимости, скандалы и разрушения. Раху связан с дымом, с черным цветом, с гематитом, и с божеством Раху, который является демоном, пожирающим Солнце и Луну. Чтобы успокоить Раху, люди проводят специальные ритуалы, особенно в дни амавасья (новолуния), и носят амулеты из гематита или кошачьего глаза.

Кету является девятой планетой, и это нисходящий лунный узел. Кету символизирует освобождение, отречение, мистицизм, прошлые жизни и духовные достижения. Он часто ассоциируется с аскетизмом, с оккультными науками, с внезапными потерями и с внутренним очищением. Если Кету сильный, он может дать человеку глубокую мудрость, ин-

туицию и способность к самоанализу. Если Кету слабый или неблагоприятный, он может вызвать путаницу, потерю ориентиров, болезни и разочарования. Кету связан со звездами, с дымчатым цветом, с кошачьим глазом, и с божеством Кету, который является хвостом демона Раху. Чтобы успокоить Кету, люди проводят ритуалы, посвященные предкам, и носят камни кошачьего глаза.

Эти девять планет не действуют изолированно; они взаимодействуют друг с другом, создавая сложные комбинации, которые определяют судьбу человека. В индийской астрологии, или джйотише, астролог анализирует положение грах в домах гороскопа, их аспекты, их соединения и их отношения с другими планетами. Каждая комбинация имеет свое значение, и опытный астролог может интерпретировать их с высокой точностью. Эта система не является детерминистической; она предполагает, что человек имеет свободу воли, но эта свобода ограничена кармическими тенденциями, которые проявляются через планеты. Ритуалы, мантры и добрые дела могут смягчить неблагоприятные влияния и усилить благоприятные, и это дает человеку возможность активно влиять на свою судьбу.

В ведийской космологии Навараграха также связана с днями недели. Каждый день посвящен определенной планете, и это посвящение определяет энергетику дня. Воскресенье — день Солнца, понедельник — Луны, вторник — Марса, среда — Меркурия, четверг — Юпитера, пятница — Венеры,

суббота — Сатурна. Люди, которые хотят усилить влияние определенной планеты, выполняют ритуалы в её день. Например, пост в субботу помогает успокоить Сатурн, а подношения в четверг — усилить Юпитер. Это создает ритм недели, который синхронизирован с космическими силами, и он помогает человеку жить в гармонии с планетарными влияниями.

В индийских храмах часто есть отдельные святилища, посвященные Наваграхе, где выставляются изображения девяти планет в определенном порядке. Верующие приходят в эти святилища, чтобы совершить пуджи и просьбы о благословении. Считается, что если человек страдает от неблагоприятного планетарного влияния, он может получить облегчение, проведя ритуал в храме Навагграха. Эти ритуалы включают подношения цветов, фруктов, масла, и повторение мантр. Они являются не только религиозными, но и психотерапевтическими, поскольку они дают человеку чувство контроля и надежды.

В астрономическом смысле Навагграха также отражает реальное движение планет, хотя и не в научном понимании. Индийские астрономы, такие как Арьябхата и Варахамихира, разработали методы для вычисления положения этих планет с высокой точностью, и эти методы были использованы для составления календарей и предсказания событий. Они знали, что планеты движутся по эллиптическим орбитам, что они имеют разные периоды обращения, и что их

влияние на Землю зависит от их положения. Это знание было не только астрономическим, но и астрологическим, и оно использовалось для практических целей, таких как выбор времени для посадки, для свадьбы или для начала военной кампании.

В буддийской традиции Навараграха также присутствует, хотя и с меньшим акцентом на предсказательную функцию. В буддийских странах, таких как Таиланд, Шри-Ланка и Мьянма, также существует система девяти планет, которая используется для определения дат праздников и для проведения ритуалов. Буддийские монахи часто выполняют ритуалы для умиротворения планет, особенно когда происходит затмение или другое небесное событие. Они верят, что, успокаивая планеты, они могут помочь миру и отдельным людям избежать страданий. Это показывает, что система Навараграха является не только индуистской, но и общеиндийской, и что она была интегрирована в буддийскую практику.

В философских школах Навараграха рассматривается как проявление кармы. Считается, что положение планет в момент рождения отражает прошлые действия человека, и что их движение предвещает будущие последствия. Это не означает, что человек является рабом планет; наоборот, он может использовать это знание, чтобы исправить свою карму и улучшить свою жизнь. Таким образом, Навараграха становится не просто суеверием, но и практическим инструментом для самопознания и самосовершенствования. Мудрец, кото-

рый понимает законы Навраграхи, может видеть за видимыми событиями более глубокие кармические причины и действовать в соответствии с ними.

В эпосах Навраграха часто упоминается как советник царей и героев. Когда царь собирается начать войну или заключить мир, он приглашает астролога, чтобы тот составил гороскоп и определил благоприятный момент. Эти астрологи, которые знали Навраграху в совершенстве, были уважаемыми членами двора, и их слово часто определяло судьбу целых династий. В «Махабхарате» и «Рамаяне» есть эпизоды, где планеты упоминаются как знамения, и их толкование помогает героям принять правильное решение. Это показывает, что Навраграха была не только религиозной, но и политической силой.

В народной культуре Навраграха также является источником многих поверий и обычаев. Люди часто носят амулеты с изображением девяти планет, чтобы защитить себя от негативных влияний. Они также избегают определенных действий в определенные дни, которые считаются неблагоприятными для конкретных планет. Например, во вторник, день Марса, не рекомендуется начинать новые дела, а в субботу, день Сатурна, рекомендуется поститься и заниматься благотворительностью. Эти обычаи, хотя и кажутся суеверными, имеют практическую основу: они помогают людям структурировать свою жизнь и избегать потенциальных проблем.

В современной Индии Навраграха по-прежнему играет

важную роль. Миллионы людей обращаются к астрологам, чтобы узнать свои гороскопы, и они следуют советам о том, как усилить благоприятные планеты и ослабить неблагоприятные. Астрологические журналы и веб-сайты публикуют прогнозы на основе Навраграхи, и люди верят, что эти прогнозы могут помочь им в личной и профессиональной жизни. Даже образованные индийцы, которые могут быть скептичны к другим суевериям, часто обращаются к астрологии, когда сталкиваются с важными решениями, такими как брак, бизнес или здоровье. Это показывает, что Навраграха является не просто пережитком прошлого, но и живой традицией, которая адаптируется к современным условиям.

В индийской астрономии Навраграха также используется для определения дат затмений. Раху и Кету, которые являются теневыми планетами, определяют точки, где происходят солнечные и лунные затмения. Астрономы, которые знали эти точки, могли предсказывать затмения с большой точностью, и это делало их незаменимыми при дворах правителей. Это показывает, что Навраграха была не только астрологической, но и астрономической системой, которая объединяла наблюдение неба с предсказанием событий на земле.

В ведической литературе Навраграха также связана с медицинской астрологией. Считается, что разные планеты влияют на разные части тела: Солнце — на сердце, Луна — на пищеварение, Марс — на кровь, Меркурий — на нервную систему, Юпитер — на печень, Венера — на мочеполовую

систему, Сатурн — на кости и кожу, Раху — на психику, Кету — на иммунную систему. Врачи аюрведы часто учитывают положение планет при диагностике и лечении, и они советуют пациентам проводить ритуалы для успокоения планет, которые вызывают болезни. Это показывает, что Наваграха была частью целостной системы знания, которая включала медицину, астрономию и религию.

В индийских ритуалах, таких как ягья и хома, часто приносятся жертвы Навагрaхе. Эти ритуалы проводятся для того, чтобы умилостивить планеты и попросить их о благословении. Они включают подношения огню, пение мантр и чтение священных текстов. Считается, что эти ритуалы очищают карму и улучшают планетарные влияния. Многие индийцы проводят такие ритуалы в особые дни, такие как дни рождения или ежегодные планетарные переходы, чтобы обеспечить себе удачу и защиту.

В буддийских странах Наваграха также используется, но с акцентом на медитацию и сострадание. Буддийские монахи часто медитируют на планеты, чтобы развить ясность ума и сострадание. Они также проводят ритуалы для защиты от планетарных негативных влияний, но они делают это не с просьбами о материальных благах, а с молитвами о мире и освобождении для всех существ. Это показывает, что буддизм сохранил систему Наваграха, но переосмыслил её в соответствии со своим учением.

В современной астрологии существуют различные школы,

которые интерпретируют Навраграху по-разному. Некоторые астрологи следуют традиционным методам, другие включают новые элементы, такие как астероиды и транснептуновые объекты. Однако основные принципы остаются теми же: девять планет, их влияние, их ритуалы и их мантры. Это показывает, что Навраграха является гибкой и адаптивной системой, которая может развиваться вместе с человеческим знанием.

В философском плане Навраграха также представляет собой важный урок о связи между микрокосмом и макрокосмом. Человек, согласно этой системе, является отражением вселенной, и его судьба определяется теми же силами, что и движение планет. Познавая эти силы, человек может познать себя и найти свое место в космосе. Это учение является основой многих индийских духовных практик, и оно продолжает вдохновлять людей на поиски смысла.

В индийском искусстве Навраграха часто изображается в виде девяти божеств, которые сидят на колесницах или на животных. Каждый из них имеет свои атрибуты и свои символы, и их изображения можно найти в храмах и на миниатюрах. Эти изображения не только декоративны, но и образовательны: они помогают верующим запомнить характеристики каждой планеты и их значения. Они также служат объектами для медитации, когда человек визуализирует планету и её энергию.

В ведийской астрологии Навраграха также используется

для определения совместимости в браке. Астрологи сравнивают гороскопы двух людей, чтобы увидеть, как их планеты взаимодействуют. Если планеты совместимы, брак будет счастливым; если нет, могут возникнуть конфликты и несчастья. Эта практика широко распространена в Индии, и многие люди обращаются к астрологам перед свадьбой, чтобы убедиться в совместимости. Это показывает, что Наваграха является не только теоретической, но и практической системой, которая помогает людям принимать важные жизненные решения.

В народных сказках Наваграха часто выступает как персонаж, который помогает героям или наказывает злодеев. Эти сказки, хотя и просты, передают важные уроки о том, что нельзя пренебрегать планетарными влияниями, и что нужно жить в гармонии с космическим порядком. Они также укрепляют веру в то, что планеты являются живыми существами, с которыми можно общаться через ритуалы.

В современной науке мы знаем, что планеты — это физические тела, которые движутся по законам механики, и что их влияние на людей не доказано. Однако для миллиардов людей по всему миру Наваграха остается важной частью их жизни. Она дает им чувство связи с космосом, помогает им принимать решения и дает надежду в трудные времена. Это не противоречит науке; это просто другой способ восприятия мира, который сосуществует с рациональным мышлением.

В индийской философии Наваграха также связана с понятием «карма-бхуми» — земли действия, где судьба не является фиксированной, а может быть изменена через правильные действия. Планеты показывают тенденции, но не определяют всё. Человек, который работает над собой, может изменить свои кармические паттерны и улучшить своё будущее. Это учение делает астрологию не фаталистической, а оптимистической, и она поощряет людей к самосовершенствованию.

В буддийских монастырях Наваграха иногда используется для медитации на непостоянство. Монахи наблюдают за движением планет и размышляют о том, что всё меняется, даже небесные тела. Это помогает им развивать отречение и понимание того, что истинное убежище находится не во внешних силах, а внутри, в осознании пустоты. Эта практика показывает, что буддизм интегрировал астрономические знания в свою духовную систему.

В индийском календаре Наваграха также влияет на определение дат праздников. Некоторые праздники приходятся на определенные дни недели, которые посвящены определенным планетам. Например, праздник Саттвика-экадаши связан с Луной, а праздник Махашиваратри — с Сатурном. Эти связи делают календарь не только временным, но и духовным, где каждый день имеет своё планетарное значение.

В аюрведической медицине Наваграха также используется для лечения. Считается, что дисбаланс планет в гороскопе

может вызвать болезни, и врачи могут рекомендовать ношение определенных драгоценных камней, повторение мантр и изменение диеты, чтобы восстановить баланс. Эти методы, хотя и не являются научными, часто приносят облегчение, потому что они действуют через плацебо и через изменения в поведении, которые действительно могут влиять на здоровье.

В современном мире, где люди часто чувствуют себя оторванными от природы и космоса, Наваграха может предложить способ восстановить эту связь. Она напоминает нам, что мы не одиноки, что наша жизнь связана с бесконечным движением вселенной, и что мы можем использовать это знание, чтобы жить более осознанно. Это не требует отказа от науки; это требует дополнения науки мудростью, которая веками передавалась из поколения в поколение.

Наваграха является не просто астрологической системой, но и выражением глубокого понимания космоса как живого организма. Девять планетных божеств не являются холодными объектами; они являются участниками космической драмы, которая разворачивается над нашими головами каждую ночь. Их движение, их встречи, их затмения — всё это имеет значение для нас, потому что мы являемся частью этого великого движения. И когда мы смотрим на ночное небо и видим сияющие точки, которые движутся по своим орбитам, мы можем думать о Наваграхе и о том, что их влияние простирается далеко за пределы астрономии, касаясь самых глу-

боких слоев нашего сознания. Это знание дает нам не только предсказания, но и напоминание о том, что мы не являемся хозяевами своей судьбы, но мы можем научиться плыть по течению космических ветров, используя их силу для нашего блага и для блага всех существ.

Глава 40. Раху и Кету: дракон, пожирающий Солнце и Луну

Среди всех планетных божеств индийской космологии нет более загадочных и устрашающих, чем Раху и Кету. Они не являются планетами в физическом смысле, они не имеют собственного света, собственной орбиты, собственной материальной субстанции. Они — тени, узлы, точки пересечения, которые существуют только в математическом пространстве небесной механики. И тем не менее, именно им приписывается самая драматическая роль в космической драме: они пожирают Солнце и Луну, они вызывают затмения, они приносят внезапные перемены, неожиданные катастрофы и необъяснимые повороты судьбы. Раху и Кету являются воплощением хаоса в упорядоченном мире, иррационального в рациональном, непредсказуемого в предсказуемом. Они напоминают людям о том, что космос не является полностью познаваемым, что существуют силы, которые выходят за рамки человеческого понимания, и что даже боги не могут полностью контролировать свою судьбу.

Миф о Раху и Кету является одним из самых известных и самых значимых в индийской мифологии. Он рассказывает о том, как демон Свабхану, приняв облик бога, попытался украсть нектар бессмертия, амриту, который был добыт

во время пахтанья океана. Когда он уже почти отведал напиток, Солнце и Луна заметили его обман и сообщили Вишну. Вишну, разгневанный этим святотатством, отсек демону голову своим диском, но поскольку Свабхану уже проглотил несколько капель амриты, его голова и тело стали бессмертными по отдельности. Голова стала Раху, а тело — Кету. С тех пор Раху, движимый неугасимой ненавистью к Солнцу и Луне, которые выдали его, преследует их по небу и время от времени проглатывает, вызывая затмения. Однако, поскольку у него нет тела, проглоченные светила выходят обратно, и затмение заканчивается. Кету же, лишенный головы, блуждает по небу, не имея определенной цели, и его влияние на судьбы людей является более тонким и мистическим.

Этот миф, на первый взгляд, является просто занимательной сказкой, которая объясняет, почему Солнце и Луна иногда исчезают. Но если присмотреться глубже, он содержит в себе ключ к пониманию всей индийской космологии. Раху и Кету символизируют двойственность, которая пронизывает всё существование: стремление к бессмертию и неизбежность смерти, желание и разочарование, свет и тьму, знание и невежество. Голова Раху, которая пытается проглотить светила, символизирует жадность, которая никогда не насыщается, и которая в конечном итоге приводит к саморазрушению. Тело Кету, которое блуждает без головы, символизирует отсутствие направления, бесцельность, которая возникает, когда человек теряет связь со своим высшим "я". Вместе

они представляют те темные аспекты психики, которые могут либо уничтожить человека, либо, если их осознать и интегрировать, привести к освобождению.

В астрономическом смысле Раху и Кету являются точками пересечения лунной орбиты с плоскостью эклиптики, через которые проходят Луна и Солнце, создавая солнечные и лунные затмения. Это открытие является одним из самых блестящих достижений индийской астрономии. Вместо того чтобы рассматривать затмения как результат случайного поведения демонов, индийские астрономы превратили этих демонов в математические точки, которые можно вычислить с высокой точностью. В «Сурья-сиддханте» и других текстах даются методы расчета положения Раху и Кету, которые позволяли предсказывать затмения с поразительной точностью. Это был гениальный ход: миф был сохранен, но он был переведен на язык науки, и демоны стали инструментами предсказания. Это показывает, что индийская мысль не отрицала мифы, а переосмысливала их, встраивая в более широкую систему знания, где они могли сосуществовать с математикой и наблюдением.

В ведийской астрологии Раху и Кету считаются планетами кармы, которые указывают на прошлые жизни и на кармические задачи, которые человек должен решить в этом воплощении. Раху показывает, где человек имеет сильные желания и где он может столкнуться с иллюзиями и обманами. Кету показывает, где человек имеет врожденные таланты и где он

может достичь отречения и освобождения. Вместе они образуют ось, которая определяет основные кармические тенденции человека. Например, если Раху находится в десятом доме гороскопа, человек будет стремиться к власти и славе, но может столкнуться с скандалами и неожиданными падениями. Если Кету находится в четвертом доме, человек может быть отрешенным от семьи и искать духовного уединения. Эти интерпретации помогают астрологам давать советы о том, как лучше использовать свои сильные стороны и как избегать ловушек, которые ставит судьба.

Раху и Кету также связаны с определенными периодами жизни, которые называются «граха-гочары» — транзитами планет. Когда Раху или Кету проходят через важные дома гороскопа, это может вызвать значительные изменения в жизни человека. Например, период Раху часто считается временем, когда человек сталкивается с неожиданными возможностями, но также и с опасностями. Период Кету часто связывают с духовным поиском, отречением и потерей интереса к материальному миру. Эти транзиты длятся примерно полтора года каждый, и они являются важными этапами в жизни человека. Астрологи часто рекомендуют проводить ритуалы во время этих периодов, чтобы смягчить их негативные последствия и усилить позитивные.

В индийских ритуалах Раху и Кету часто умилостивляются через специальные пуджи и подношения. Люди, которые страдают от неблагоприятного влияния Раху, носят амулеты

из гематита или кошачьего глаза, повторяют мантры и постятся в дни амавасья (новолуние). Для успокоения Кету они носят амулеты из кошачьего глаза, проводят ритуалы в честь предков и занимаются благотворительностью. Эти практики, хотя и кажутся суеверными, имеют глубокий психологический эффект: они помогают человеку чувствовать себя защищенным и дают ему ощущение контроля над своей жизнью. Они также являются способом выражения уважения к силам, которые, хотя и невидимы, но ощущаются в жизни.

В философском плане Раху и Кету являются символами иллюзии и реальности, майи и мокши. Раху представляет майю, которая создает ложные образы и заставляет человека гоняться за тенями. Кету представляет мокшу, которая приходит, когда человек отказывается от этих иллюзий и обращается внутрь себя. Борьба между Раху и Кету внутри человека является борьбой между желанием и освобождением, и ее исход зависит от того, насколько человек осознает свою истинную природу. Йогин, который достигает просветления, преодолевает и Раху, и Кету, потому что он видит за их двойственностью единство, которое лежит за пределами всех противоположностей.

В буддийской традиции Раху и Кету также иногда упоминаются, но с меньшим акцентом на астрологию. В буддизме они могут рассматриваться как метафоры для неведения и мудрости. Раху, который проглатывает светила, символизирует неведение, которое заслоняет истинное знание. Ке-

ту, который блуждает без головы, символизирует ум, который блуждает в сансаре, не имея направления. Будда учил, что только через преодоление неведения и развитие мудрости можно достичь освобождения. В этом смысле Раху и Кету становятся не столько астрологическими факторами, сколько внутренними препятствиями, которые практикующий должен преодолеть.

В индийском эпосе Раху и Кету часто появляются как предвестники катастроф. Их появление на небе предвещает великие события, и герои часто обращают внимание на их положение перед важными решениями. Например, в «Махабхарате» перед битвой на Курукшетре происходит затмение, которое истолковывается как знак того, что грядет великое разрушение. Это показывает, что даже в литературе Раху и Кету сохраняют свою силу как символы неизбежного конфликта и трансформации.

В индийской астрономии Раху и Кету также используются для определения дат религиозных праздников. Например, день амавасья, когда Раху особенно активен, считается временем для поминовения предков и для проведения ритуалов очищения. Эти дни являются частью календарного цикла, и они помогают людям синхронизировать свою жизнь с космическими ритмами.

В ведийской космологии Раху и Кету также связаны с понятием «граха-пида» — планетарного гнета. Когда эти планеты находятся в неблагоприятном положении, они могут

вызвать болезни, неудачи и страдания. Однако, согласно учению, человек может защитить себя, соблюдая дхарму и занимаясь духовной практикой. Это учение дает надежду, что даже самые сильные негативные влияния могут быть преодолены с помощью добродетели и мудрости.

В народной культуре Раху и Кету часто изображаются в виде дракона, который пытается проглотить Солнце или Луну. Эти изображения можно найти в храмах, на амулетах и в народных картинах. Они напоминают людям о том, что мир не является полностью безопасным, и что нужно быть готовым к неожиданностям. Но они также напоминают о том, что даже после самой темной ночи всегда наступает рассвет.

Раху и Кету являются одними из самых значимых и многогранных элементов индийской космологии. Они представляют собой силу, которая выходит за пределы обычного понимания, силу, которая одновременно разрушает и созидает, которая несет страх и надежду. Они учат нас, что даже в самых темных моментах, когда кажется, что свет погас навсегда, есть возможность возрождения, и что тени, которые мы видим, являются лишь отражением света, который ждет, чтобы снова появиться. Это знание, прошедшее через века, продолжает жить в сердцах людей, напоминая нам о вечном цикле, который никогда не прекращается.

Глава 41. Вселенная как дерево: корни в подземелье, крона в небесах

Из всех символов, которые человеческое воображение создало для описания космоса, образ дерева является, пожалуй, самым древним и самым живым. Дерево растет из земли, простирает свои ветви к небу, и в этом вертикальном движении оно повторяет структуру самой Вселенной, в которой есть низ и верх, подземный мир и небесные сферы, корни и крона. Оно является мостом между мирами, соединяя то, что внизу, с тем, что вверху, и его корни, уходящие глубоко в почву, символизируют связь с тайнами, которые лежат за пределами видимого. В индийской космологии образ дерева занимает центральное место, и он встречается в ведийских гимнах, в Упанишадах, в эпосах, в буддийских сутрах и в народной культуре. Это дерево не является просто метафорой; оно является моделью Вселенной, картой реальности, которая помогает человеку понять свое место в бесконечном пространстве времени.

В ведийской литературе первое упоминание о космическом дереве связано с Ашваттхой, смоковницей, которая растет в центре мира. В «Ригведе» и «Атхарваведе» есть гимны, которые описывают это дерево как опору Вселенной, как

нечто, что пронизывает все существование. Его корни находятся на небе, а ветви простираются вниз, к земле, что является обратным по отношению к обычным деревьям. Этот перевернутый образ имеет глубокий смысл: он показывает, что истинный источник всего сущего находится в высшем мире, в непроявленном, а проявленный мир является лишь отражением этого источника. Корни на небе символизируют божественную основу реальности, а ветви, которые растут вниз, представляют все многообразие форм, которые возникают из этой основы. Этот образ был воспринят и развит в Упанишадах, где он используется для объяснения концепции Брахмана как корня всех вещей.

В «Бхагавад-гите» этот образ получает еще более четкое выражение. Кришна говорит Арджуне о древе, которое имеет корни вверху и ветви внизу, и он называет его «вечным» и «неразрушимым». Это дерево символизирует сансару, круговорот перерождений, в котором все существа запутаны, подобно птицам, сидящим на ветвях. Листья этого дерева — это Веды, его ветви — это различные пути, которые ведут к различным мирам, а его корни — это высшая реальность, которую нельзя увидеть, но которую можно познать через мудрость. Кришна учит, что человек, который хочет освободиться от сансары, должен срубить это дерево топором отречения, чтобы достичь того, что находится за его пределами. Этот образ является мощным инструментом для медитации, поскольку он позволяет практикующему визуализи-

ровать свою связь с космосом и понять, как он может выйти из круговорота.

В буддийской традиции образ дерева также занимает важное место. Самое известное дерево — это дерево Бодхи, под которым Будда достиг просветления. Но буддийская космология также использует образ мирового дерева для описания структуры Вселенной. В некоторых текстах говорится о дереве, которое растет на вершине горы Меру, и его ветви простираются во все стороны, поддерживая различные миры. Это дерево является осью мира, вокруг которой вращаются все небесные тела, и его крона достигает самых высоких небес, где живут боги, а корни достигают низших миров, где страдают демоны. Этот образ объединяет все уровни существования в единое целое, показывая, что они являются частями одного организма, который живет и дышит в ритме космоса.

В буддийских сутрах мировое дерево часто используется как метафора для взаимозависимости всех явлений. Подобно тому, как дерево состоит из корней, ствола, ветвей и листьев, которые связаны между собой, так и все явления в мире связаны сетью причин и следствий. Нет ни одного явления, которое существовало бы независимо, и каждый элемент влияет на все остальные. Эта идея является центральной в учении о взаимозависимом возникновении, и она иллюстрируется через образ дерева, которое растет из семени, но при этом семя само зависит от почвы, воды, солнечного

света и других условий. Познание этой взаимозависимости является шагом к освобождению, поскольку оно разрушает иллюзию отдельного "я".

В индийской астрономии образ дерева также находит свое выражение. Движение планет по небу иногда описывается как движение ветвей, которые качаются на ветру, и сам космос рассматривается как огромное дерево, которое растет во времени. В некоторых текстах звезды и планеты сравниваются с плодами, которые появляются и опадают, как листья, в зависимости от сезона. Эта метафора помогает астрономам связывать наблюдения с философским значением: они видят не просто механическое движение, но и органический процесс, в котором всё имеет свой смысл и свою судьбу.

В эпосе мировое дерево часто появляется как символ жизни и плодородия. В «Махабхарате» и «Рамаяне» есть эпизоды, где герои сидят под деревьями, которые дарят им убежище и мудрость. Эти деревья часто являются священными, и их почитание является частью ритуала. Например, дерево баньян считается священным, и под ним часто проводят собрания и ритуалы, потому что его крона символизирует бесконечность, а его корни — связь с предками. В народной культуре деревья почитаются как дома духов, и их не рубят без необходимости, поскольку они считаются живыми существами, которые являются частью семьи.

В архитектуре храмов образ дерева также находит свое отражение. Колонны и резьба часто имитируют формы вет-

вей и листьев, создавая ощущение, что храм построен внутри живого дерева. Эти украшения не только эстетичны, но и функциональны: они напоминают о космическом порядке, в котором храм является микрокосмом Вселенной, а его структура повторяет структуру мирового дерева. Верующий, входя в такой храм, входит в священное пространство, где земля и небо соединяются, и где он может почувствовать связь со всеми мирами.

В йогических практиках мировое дерево используется как объект для визуализации. Йогин представляет себе, что его позвоночник является стволом дерева, а его чакры — это узлы, где ветви соединяются с основным стволом. Корни находятся в муладхара-чакре, в основании позвоночника, а крона достигает сахасрара-чакры, на макушке головы. Эта визуализация помогает практикующему осознать свою связь с космосом и поднять энергию от основания к вершине, что ведет к просветлению. Таким образом, мировое дерево становится не только космологической моделью, но и практическим инструментом для духовного роста.

В буддийских медитациях образ дерева также используется. Монах может сидеть под деревом и медитировать на его рост, его изменение, его связь с окружающей средой. Это помогает ему осознать непостоянство и взаимозависимость, которые являются основой буддийского учения. Медитация на дерево также может служить способом развития сострадания: когда монах видит, как дерево дает тень и плоды всем

существам, не делая различий, он учится быть таким же бескорыстным и открытым.

В индийской философии мировое дерево также связано с концепцией «пуруши» — космического человека, который является моделью Вселенной. Подобно тому, как дерево имеет корни, ствол и крону, пуруша имеет ноги, туловище и голову, и эти части соответствуют разным уровням бытия. Корни соответствуют нижним мирам, ствол — земному миру, крона — небесам. Эта аналогия подчеркивает единство макрокосма и микрокосма, показывая, что человек является отражением Вселенной, и что познание человека есть познание космоса.

В народных верованиях деревья часто считаются священными, и их обряды включают подношения, песнопения и просьбы о защите. Деревья почитаются как источники жизни, и их вырубка считается грехом. В некоторых регионах до сих пор сохраняются священные рощи, где деревья не трогают, потому что они считаются домом богов или духов. Эти рощи являются заповедниками биоразнообразия, но они также и священными пространствами, где сохраняется древняя космология, в которой дерево является центром мира.

В астрономическом смысле мировое дерево также может быть связано с Млечным Путем, который в индийской традиции считается небесной Гангой, стекающей с небес на землю. Млечный Путь является стволом, который связывает

небо и землю, и звезды — это цветы, которые распускаются на его ветвях. Когда мы смотрим на Млечный Путь, мы видим это космическое дерево в действии, и его свет напоминает нам о том, что мы являемся частью этого великого организма, который простирается через всё существование.

В буддийской традиции дерево Бодхи является символом просветления, но оно также является символом того, что просветление доступно каждому, кто готов практиковать. Будда достиг просветления под деревом, и это показывает, что природа может быть нашим учителем, если мы открыты к её урокам. Дерево не говорит словами, но оно показывает путь через свою форму, свой рост, свою жизнь. Этот безмолвный учитель является одним из самых мудрых, и его уроки могут быть поняты, если мы умеем слушать.

В индийских ритуалах дерево часто используется как место для жертвоприношений. Алтари могут быть построены у подножия деревьев, и жертвы приносятся как дар дереву, а через него — всем мирам. Это подчеркивает идею о том, что дерево является посредником между людьми и богами, и что через него можно передать свои просьбы и благодарности.

Вселенная как дерево является одной из самых глубоких и долговечных метафор в индийской космологии. Она объединяет астрономию, религию, философию, искусство и практику в единый образ, который можно использовать для медитации, для понимания и для связи с космосом. Дерево учит нас, что мы не отделены от мира, что мы являемся частью

его структуры, и что наша жизнь, подобно листьям на ветвях, является частью большего цикла. И когда мы видим дерево, мы можем видеть Вселенную, и когда мы смотрим на Вселенную, мы можем видеть дерево. Это видение напоминает нам о единстве, которое лежит за видимым разнообразием, и о том, что мы все связаны общей основой, которая является источником жизни и мудрости.

Глава 42. Три мира: небо, земля и подземное царство в священных текстах

Представление о том, что Вселенная состоит из трех основных уровней, является одной из самых древних и устойчивых идей в истории человечества. Оно встречается в мифологиях самых разных народов, от скандинавов до египтян, от майя до китайцев, и везде эта тройственная структура имеет сходные черты: есть верхний мир, где обитают боги и светлые силы, есть средний мир, где живут люди, и есть нижний мир, где пребывают демоны, духи и души умерших. Но нигде эта идея не получила такого детального и систематического развития, как в индийской космологии. Здесь три мира — это не просто абстрактные категории, а реальные, осязаемые пространства, которые имеют свои географические, астрономические, мифологические и этические измерения. Они описаны в священных текстах с такой тщательностью, что создается впечатление, будто древние мудрецы сами путешествовали по этим мирам и вернулись, чтобы рассказать о них. И эти описания не являются просто фантазиями; они являются картами, которые помогают человеку ориентироваться в космосе, понимать свою судьбу и находить путь к освобождению.

В ведийской литературе три мира называются «трилока» — земля, воздушное пространство и небо. Эти три сферы часто упоминаются в гимнах, и они считаются основными областями, в которых действуют боги и люди. Земля, или «бхуми», является твердой основой, местом, где живут люди, животные и растения. Она представляет собой материальный мир, который подвержен изменениям, страданиям и смерти. Воздушное пространство, или «бхувас», является промежуточной зоной, где обитают духи, полубоги и воздушные существа. Это мир ветров, облаков, молний и дождей, который соединяет землю с небом. Небо, или «сварга», является высшим миром, где живут боги, где царят свет, радость и бессмертие. Но даже небо, при всей своей красоте, не является вечным; оно является частью цикла творения и разрушения, и боги, которые живут там, также подвержены смерти и перерождению. Эта тройственная структура является основой всей ведийской космологии, и она повторяется в ритуалах, где жертвоприношение приносится одновременно трем мирам, символически объединяя их в единое целое.

В Упанишадах эта структура углубляется и приобретает философское измерение. Три мира больше не являются просто физическими областями; они становятся символами трех состояний сознания. Земля символизирует бодрствующее состояние, когда человек воспринимает внешний мир через органы чувств. Воздушное пространство символизирует состояние сна со сновидениями, когда ум создает

свои собственные образы и миры. Небо символизирует состояние глубокого сна, когда нет ни восприятия, ни сновидений, только чистое сознание, которое не знает различий. Эта аналогия является ключевой для индийской философии: она показывает, что космос является проекцией сознания, и что познание трех миров является познанием трех уровней ума. Преодоление всех трех состояний приводит к четвертому состоянию — турии, абсолютной реальности, которая находится за пределами всех миров.

В пуранической литературе три мира описываются с еще большей детализацией. Здесь появляется концепция четырнадцати миров, которые распределены по трем основным уровням. Семь высших миров, включая землю, небеса и высшие духовные сферы, населены богами, мудрецами и праведниками. Семь нижних миров, включая подземные сферы, населены демонами, змеями и страдающими душами. Между ними находится земля, которая является местом действия, где существа могут выбирать между добром и злом, и где их карма определяет, в какой мир они попадут после смерти. Эта иерархия не является статичной; существа могут перемещаться между мирами в зависимости от своих поступков, и это создает динамическую картину космоса, в котором ни одно место не является окончательным, кроме одного — освобождения, которое находится за пределами всех миров.

Земля, как средний мир, является центральным элемен-

том всей космологии. Она описывается как плоский диск, окруженный океаном, который, в свою очередь, окружен горами и другими континентами. В центре земли находится гора Меру, которая является осью мира и связующим звеном между всеми тремя уровнями. На вершине Меру находится небо Индры, а у ее подножия — подземные миры. Земля также является местом, где совершаются жертвоприношения, которые поддерживают космический порядок. Без этих жертв, согласно ведийской вере, мир рухнул бы, и боги утратили бы свою силу. Поэтому люди, живущие на земле, несут ответственность за поддержание гармонии во всей Вселенной, и их действия имеют значение не только для них самих, но и для всех существ в трех мирах.

Подземный мир, или «патала», описывается в пуранах как место мрачное и таинственное, но не полностью злое. Он населен нагами — змеями, которые обладают огромной мудростью и силой, а также демонами, которые постоянно борются с богами за власть. В подземном мире есть свои города, свои дворцы, свои сокровища, и даже своя красота, хотя и мрачная. Некоторые тексты говорят о том, что подземный мир является местом, где души грешников проходят через наказания, но также и местом, где они могут очиститься и подготовиться к новому рождению. Это делает его не просто адом, но и чистилищем, переходной стадией на пути к перерождению. В буддийской космологии нижние миры также имеют свою структуру, и они описываются в деталях в «Аб-

хидхармакоше» и других текстах, где говорится о восьми холодных и восьми горячих адах, где существа страдают в соответствии со своими злыми делами.

В буддийской традиции три мира приобретают новое значение. Здесь они связываются с тремя основными состояниями существования: сферой желаний, сферой форм и сферой без форм. Сфера желаний включает в себя человеческий мир, миры животных, голодных духов, асуров и низших богов. Сфера форм включает в себя высшие небесные миры, где существа имеют тонкие материальные тела. Сфера без форм включает в себя чисто духовные миры, где нет ни материи, ни формы, только чистое сознание. Эти три сферы, или «трайлокья», являются основой буддийской космологии, и они описываются как временные и несовершенные, даже самые высокие. Будда учил, что единственный способ выйти из этих трех сфер — это достичь нирваны, которая находится за пределами всех миров, и которая не имеет ни начала, ни конца.

В буддийских медитациях три мира используются как объекты для развития мудрости. Практикующий визуализирует все три сферы, от самых низких адов до самых высоких небес, и наблюдает за их непостоянством, за страданиями, которые присущи каждой из них. Это помогает ему развить отречение и осознать, что ни один из этих миров не может дать истинного счастья. Он также видит, что все существа в этих мирах запутаны в паутине кармы, и это развивает в нем

сострадание. Таким образом, знание трех миров становится не просто интеллектуальным пониманием, но и инструментом для духовной трансформации.

В индийской астрономии три мира также находят свое отражение. Движение Солнца, Луны и планет рассматривается как проявление этих трех уровней. Солнце управляет днем, Луна — ночью, и их циклы отражают ритм времени, который пронизывает все три мира. В некоторых текстах говорится, что Солнце путешествует по всем трем мирам в течение года: зимой оно находится в нижних мирах, летом — в верхних, и это объясняет изменения в погоде и в растительности. Эта идея связывает астрономию с мифологией и показывает, что даже движение небесных тел является частью космической драмы, которая разыгрывается в трех мирах.

В эпосе герои часто путешествуют между тремя мирами, посещая небеса, землю и подземные царства. Например, Арджуна из «Махабхараты» отправляется на небо, чтобы получить оружие от богов, а затем возвращается на землю, чтобы сражаться в битве. В «Рамаяне» Рама и его братья путешествуют по лесам и горам земли, а также встречаются с существами из других миров. Эти путешествия не являются просто приключениями; они являются символическими переходами между разными состояниями сознания, которые герой должен пройти, чтобы достичь своей цели. Они также показывают, что три мира не являются изолированными, и что существа могут переходить из одного в другой, если они

обладают необходимыми знаниями или силой.

В народной культуре три мира часто описываются в сказках, где герой может спуститься в подземное царство, чтобы спасти свою возлюбленную, или подняться на небо, чтобы получить дар от богов. Эти сказки, хотя и просты, передают важные уроки о том, что мир не ограничивается видимым, и что за пределами нашей повседневной реальности существуют другие уровни бытия, которые могут быть доступны, если мы проявим мужество и мудрость. Они также напоминают нам о том, что наша жизнь является частью большего порядка, и что наши действия могут иметь последствия, которые выходят за пределы этого мира.

В индийской философии три мира также связаны с тремя гунами — качествами природы. Саттва, чистота и благость, связана с небесами; раджас, страсть и активность, связана с воздушным пространством; тамас, тьма и инерция, связана с землей и подземными мирами. Эти гуны проявляются в каждом существе, определяя его характер и его судьбу. Человек, который стремится к освобождению, должен преодолеть все три гуны, достигнув состояния, которое находится за их пределами. Это учение делает космологию этической, поскольку она показывает, что наше положение в трех мирах зависит от нашего внутреннего состояния, и что мы можем изменить его через самосовершенствование.

В ведических ритуалах три мира символически объединяются в жертвоприношении. Алтарь, построенный для аг-

ни-хотры, представляет собой модель Вселенной, где огонь является связующим звеном между тремя мирами. Когда жрец возливает масло и молоко на огонь, он отправляет эти дары в небеса, а дым, поднимающийся вверх, соединяет землю с воздухом и с высшими сферами. Таким образом, жертвоприношение становится актом, который поддерживает космический порядок и обеспечивает гармонию между всеми уровнями бытия. Это подчеркивает идею о том, что человек является не просто пассивным наблюдателем, но и активным участником космического процесса.

В буддийских монастырях три мира часто изображаются на мандалах, которые используются для медитации. Эти мандалы являются картами космоса, которые показывают расположение всех миров и существ. Практикующий, глядя на мандалу, видит всю Вселенную в миниатюре и осознает свое место в ней. Это помогает ему развить широту взгляда и освободиться от ограниченного восприятия. Мандалы также используются в ритуалах для призывания божеств и для очищения пространства, что показывает, что знание трех миров было не только теоретическим, но и практическим.

В индийском искусстве три мира часто изображаются в виде вертикальной композиции, где внизу находятся подземные сферы, в середине — земля, а вверху — небеса. Эти изображения можно найти в храмовых рельефах, на скульптурах и на картинах. Они служат напоминанием о том, что мир не является плоским, а имеет глубину, и что человек

должен стремиться вверх, к свету, если хочет достичь освобождения. Они также показывают, что искусство было не только эстетическим, но и дидактическим, и оно помогало передавать космологические идеи через визуальные образы.

В ведийской космологии три мира также связаны с тремя временами: прошлым, настоящим и будущим. Земля символизирует настоящее, воздушное пространство — прошлое, а небо — будущее. Эта связь показывает, что космос не только пространственный, но и временной, и что каждый мир существует в своем времени. Понимание этой связи помогает человеку осознать, что время не является линейным, а циклическим, и что прошлое и будущее так же реальны, как и настоящее. Это делает космологию еще более глубокой и сложной.

В буддийских сутрах три мира часто описываются как нечто, что существует, но не имеет реальной основы. Будда учил, что все миры являются продуктом кармы и что они не имеют постоянной сущности. Это учение призвано ослабить привязанность к любому из миров, чтобы практикующий мог выйти за их пределы. Знание о трех мирах не является целью само по себе; оно является средством для достижения освобождения, и оно должно быть использовано для того, чтобы развивать мудрость и сострадание.

В индийских астрономических текстах три мира часто упоминаются в контексте движения планет и звезд. Считается, что планеты путешествуют по всем трем мирам, и их

положение указывает на то, какое влияние они оказывают на разные уровни бытия. Астрологи, которые изучают эти движения, должны знать, как интерпретировать их в контексте трех миров, чтобы давать точные прогнозы. Это делает астрономию не только научной, но и космологической дисциплиной, которая интегрирует знания о небесах с знаниями о духовной иерархии.

В народных сказаниях три мира часто описываются как места, где обитают разные существа, и где действуют свои законы. В некоторых историях герой спускается в подземный мир, чтобы сразиться с демоном, или поднимается на небо, чтобы просить помощи у богов. Эти истории, хотя и фантастические, передают важную истину: мир не является однородным, он имеет свои уровни, и каждый уровень требует своего подхода. Они также учат, что человек может взаимодействовать со всеми тремя мирами, если он обладает нужными знаниями и чистотой.

Три мира в индийской космологии являются не просто абстрактной концепцией, а живым, динамичным образом, который пронизывает всю культуру. Они связывают астрономию, религию, философию, искусство и повседневную жизнь в единое целое, создавая картину Вселенной, в которой каждый элемент имеет свое значение и свое место. Они учат нас, что мы не являемся изолированными существами, а являемся частью большого порядка, который включает в себя небо, землю и подземные сферы. И они напоминают

нам, что наша цель не должна ограничиваться только этим миром, но должна простираться выше, к свету, к вечности, к тому, что находится за пределами всех трех миров. Это знание, переданное через священные тексты, является путеводной звездой для тех, кто ищет истину, и оно продолжает освещать путь для всех, кто готов смотреть за горизонт и видеть за видимым то, что является основой всего сущего.

Глава 43. Гора Меру как ось мира: географическая и космическая реальность

Среди всех образов, которые индийская космология создала для описания структуры Вселенной, нет более центрального и более многозначного, чем гора Меру. Она не является просто горой в географическом смысле; она является осью мира, вокруг которой вращается всё существование, точкой опоры, которая удерживает космос от распада, центром, из которого исходят все измерения пространства и времени. Меру не просто стоит в центре Земли — она пронизывает все три мира, достигая небес своими вершинами и уходя корнями в подземные сферы. Она является мостом между богами и людьми, между светом и тьмой, между вечностью и временем. И её образ, который возникает в ведийских гимнах, развивается в пуранах и достигает своей полной формы в буддийских и джайнских текстах, является не просто мифологической деталью, а ключом к пониманию всей индийской космологии. Без Меру мир был бы хаотичным, лишенным центра и направления; с Меру он обретает порядок, иерархию и смысл.

В ведийской литературе Меру упоминается как «золотая гора», которая находится на севере, в центре всех земель.

В Ригведе есть гимны, которые прославляют её как место, где живут боги, где находится источник бессмертия и где совершаются ритуалы, поддерживающие космический порядок. Но в этих ранних текстах Меру ещё не имеет той детализации, которую она получит в пуранах; она скорее является символом, чем географическим объектом. Однако уже в Брахманах и Араньяках начинают появляться более конкретные описания: Меру описывается как гора, которая возвышается над всеми другими горами, и которая является центром, вокруг которого вращается Солнце и Луна. Её вершина достигает неба, а её основание уходит глубоко в землю, и это делает её связующим звеном между всеми мирами.

В пуранической литературе образ Меру достигает своего полного развития. В «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране» Меру описывается с поразительной точностью: она имеет высоту в восемьдесят четыре тысячи йоджан, что примерно соответствует шестистам тысячам километров, и её форма напоминает перевернутый конус или лотос. Она состоит из четырёх сторон, каждая из которых обращена к одному из четырёх континентов, и каждая сторона имеет свой цвет, свой материал и своё божество. Восточная сторона белая, как кристалл, и она обращена к континенту, который называется Бхадрашва. Западная сторона красная, как рубин, и она обращена к континенту Кетумала. Южная сторона синяя, как сапфир, и она обращена к континенту Джамбудвипа, где находится Индия. Северная сторона золотая, и она

обращена к континенту Уттара-Куру. Эти четыре стороны символизируют четыре направления и четыре стихии, которые составляют основу мироздания. На вершине Меру находится город Брахмы, Брахма-пури, а также города других богов, включая Индру, который правит с вершины этой священной горы.

Но Меру — это не только географическая реальность; это также космическая реальность, которая отражает структуру Вселенной. Считается, что вокруг Меру вращаются Солнце, Луна и все планеты, которые описывают свои орбиты на разных высотах. Солнце движется по внешнему кругу, освещая различные части Земли в зависимости от времени года, а Луна движется по внутреннему кругу, и её фазы зависят от её положения относительно Солнца. Планеты также вращаются вокруг Меру, каждая на своей высоте, и их движение определяет календарь и астрологические влияния. Эта модель, хотя и геоцентрическая, является гениальной, потому что она создает единую систему, в которой астрономия, мифология и география объединены в одно целое. Астрономы, которые использовали эту модель, могли предсказывать движение светил с большой точностью, и их знания были не только научными, но и священными.

В буддийской космологии Меру также занимает центральное место. В «Абхидхармакоше» Васубандху Меру описывается как ось мира, вокруг которой расположены континенты и океаны, и которая является местом обитания богов и

полубогов. Высота Меру в буддийской традиции также составляет восемьдесят четыре тысячи йоджан, но её структура несколько отличается от индуистской. В буддизме Меру окружена семью горами, которые являются концентрическими кольцами, разделенными семью океанами. Эти горы и океаны символизируют различные уровни существования, и каждый из них населён определёнными существами. На вершине Меру находится небо Траястримша, где живут тридцать три бога, во главе с Индрой. Это небо является местом великих радостей, но, как и все миры в буддизме, оно не вечно. Будда учил, что даже небесные радости являются временными, и что они не могут дать освобождения. Таким образом, Меру в буддизме становится не только космической осью, но и символом того, что даже высшие миры сансары являются несовершенными и временными.

В джайнской космологии Меру также имеет своё место, хотя её форма и расположение отличаются. Джайны описывают Меру как гору, которая находится в центре Вселенной, и которая является местом, где обитают великие мудрецы и боги. Но джайнская космология имеет свою систему миров, и Меру играет в ней другую роль. Тем не менее, во всех этих традициях Меру сохраняет свою основную функцию: она является центром, вокруг которого организуется весь космос, и она символизирует порядок, который противостоит хаосу. Без Меру мир был бы лишен ориентации, и существа не знали бы, куда направляться.

В индийской астрономии Меру также связывается с Полярной звездой, которая является неподвижной точкой на небе, вокруг которой вращаются все звезды. Считается, что Меру находится на Северном полюсе, и что её вершина достигает Полярной звезды. Это делает её не только географическим, но и астрономическим центром. Астрономы, которые наблюдали за небом, видели, что звезды вращаются вокруг определенной точки, и они отождествляли эту точку с Меру. Это отождествление придавало их наблюдениям сакральный смысл: они не просто изучали движение звезд, они изучали центр Вселенной, место обитания богов. Это показывало, что астрономия и религия были неотделимы.

В эпосе Меру часто описывается как место, куда отправляются герои после смерти или в моменты духовного подъема. Например, в «Махабхарате» герои, которые погибли в битве на Курукшетре, отправляются на небеса, на Меру, где они соединяются с богами. В «Рамаяне» Рама после своей земной жизни также восходит на Меру. Эти путешествия не являются просто литературными украшениями; они отражают веру в то, что Меру является мостом между мирами, и что достойные души могут подняться по этому мосту к вечному блаженству. Они также показывают, что Меру является местом, где разрешаются кармические узлы, и где души находят покой после долгих странствий.

В философских текстах Меру символизирует высшее знание, которое является целью духовного поиска. Как Меру яв-

ляется центром Вселенной, так и истинное знание является центром человеческого существования. Йогин, который медитирует на Меру, визуализирует её как свой позвоночник, и он поднимает свою энергию от основания к вершине, достигая просветления. Эта практика, известная как «мору-дхьяна», является одной из самых мощных в йогической традиции, и она показывает, что Меру является не только космическим, но и психологическим центром, который можно достичь через внутреннюю работу. Подобно тому, как Меру соединяет все миры, так и йогин, достигший просветления, соединяет все уровни своего сознания в единое целое.

В индийских ритуалах Меру часто символически воспроизводится на алтарях. Жертвенник, который строится для агни-хотры, часто имеет форму пирамиды или ступенчатой башни, которая напоминает Меру. Когда жрец произносит мантры и возливает масло на огонь, он символически поднимается по этой горе, соединяя землю с небом. Эти ритуалы не только воспроизводят космическую структуру, но и помогают участникам ощутить свою связь с центром Вселенной. Они также показывают, что Меру не является просто абстрактной идеей, а является реальным присутствием, которое можно ощутить через правильные действия.

В буддийских медитациях Меру часто используется как объект для визуализации. Практикующий представляет себе, как он стоит на вершине Меру и обозревает все миры, все сферы существования, все страдания и радости. Это по-

могает ему развить сострадание и отречение. Он также видит, что все эти миры пусты, что они не имеют собственной сущности, и что единственное, что имеет значение, — это освобождение. Таким образом, Меру становится не только центром космоса, но и центром духовной практики, которая ведет к нирване.

В народной культуре Меру часто ассоциируется с горами, которые считаются священными. В Гималаях, которые являются реальными горами, индийцы видят отражение Меру, и они поклоняются им как местам силы. Тысячи паломников отправляются в Гималаи, чтобы приблизиться к центру мира, чтобы почувствовать его энергию и получить благословение. Эти паломничества являются способом прикоснуться к мифу, сделать его реальным, живым. Они также показывают, что Меру не является только метафорой; она также является географической реальностью, хотя и доступной только через веру.

В индийском искусстве Меру часто изображается как гора с четырьмя сторонами, каждая из которых имеет свой цвет. Эти изображения можно найти в храмах, на скульптурах и на миниатюрах. Они не только красивы, но и символичны, и они помогают верующим запомнить структуру космоса. В некоторых храмах есть специальные сооружения, которые называются «меру-мандала», и которые воспроизводят форму Меру в миниатюре. Эти сооружения используются для ритуалов и медитаций, и они являются священными места-

ми, где земля и небо встречаются.

В ведийской астрономии Меру также используется для определения времени. Считается, что Солнце вращается вокруг Меру, и что его движение указывает на смену сезонов. В «Сурья-сиддханте» и других текстах даются точные вычисления, основанные на этой модели. Астрономы, которые пользовались этими вычислениями, могли предсказывать солнцестояния и равноденствия с большой точностью. Это показывало, что даже мифологическая гора может служить основой для точной науки, и что вера и знание не противоречат друг другу.

В философии веданты Меру символизирует Брахмана, абсолютную реальность, которая является центром и основой всего сущего. Подобно тому, как Меру является неподвижной точкой во вращающемся мире, так и Брахман является неподвижной реальностью, которая лежит за всеми изменениями. Познание Брахмана означает достижение центра, который находится за пределами всех иллюзий и страданий. Эта аналогия показывает, что космология была не просто описанием мира, но и путем к освобождению, и что знание о Меру было знанием о самом себе.

В буддийской философии Меру также используется как пример того, что все явления зависимы и пусты. Будда учил, что даже Меру, несмотря на свою величину, является продуктом кармы и не имеет постоянной сущности. Она возникнет и исчезнет, как и все остальное. Это учение призва-

но ослабить привязанность к любым формам, даже к самым священным, и направить ум к абсолютному, которое находится за пределами любых форм. Таким образом, Меру становится не только центром, но и символом преодоления центра, движения к тому, что не имеет ни центра, ни периферии.

В индийских эпосах Меру часто упоминается как место, где происходят важные события. Например, в «Махабхарате» боги собираются на Меру, чтобы обсудить судьбу героев, и их советы определяют ход битвы. В «Рамаяне» Меру является местом, где Рама получает оружие от богов, которое помогает ему победить Равану. Эти эпизоды показывают, что Меру является не только пассивным центром, но и активным участником космической драмы, где решения богов влияют на судьбы людей. Это делает её не просто географическим объектом, но и сценой, на которой разыгрывается космическая история.

В народных сказаниях Меру часто описывается как место, где живут мудрецы, которые достигли просветления, и где можно получить ответы на самые трудные вопросы. В этих историях герой отправляется на Меру, чтобы встретиться с мудрецом, и этот мудрец дает ему совет, который помогает ему преодолеть все препятствия. Эти сказания передают важный урок: истинная мудрость находится в центре, и чтобы обрести её, нужно подняться над повседневностью и достичь вершины.

В индийских ритуалах, таких как ягья, Меру часто симво-

лизируется через построение специального алтаря, который имеет форму ступенчатой пирамиды. Этот алтарь называется «меру-веди», и он используется для жертвоприношений, которые должны поддерживать космический порядок. Строительство такого алтаря требует точных знаний геометрии и астрономии, и оно является актом, который соединяет земное с божественным. Когда жрец строит этот алтарь, он воспроизводит акт творения, и он становится со-творцом мира.

В буддийских монастырях Меру часто изображается на мандалах, которые используются для медитации. Мандала Меру имеет сложную геометрическую структуру, включающую круги, квадраты и треугольники, которые символизируют различные аспекты Вселенной. Практикующий, созерцающий эту мандалу, может входить в глубокие состояния концентрации и понимать структуру реальности. Эта практика является одной из самых сложных в буддийской медитации, и она требует многолетней подготовки.

Гора Меру является одной из самых всеобъемлющих и многозначных концепций в индийской космологии. Она является географическим центром, астрономической осью, мифологической обителью богов, философским символом абсолютной реальности и психологическим центром для медитации. Она объединяет в себе все уровни бытия, от самых низких до самых высоких, и она показывает, что Вселенная имеет структуру, которая может быть понята и пережита человеком.

Глава 44. Космические слои: описание адов и миров богов по текстам Пуран

Когда древние мудрецы смотрели на небо, они видели не просто бесконечную пустоту, но иерархию, лестницу, по которой можно было подниматься от тьмы к свету, от страдания к блаженству, от невежества к знанию. Эта лестница имела не только вертикальное измерение, но и горизонтальное, и она охватывала все возможные состояния существования, от самых низких до самых высоких. В пуранической космологии эта иерархия получила детальное описание, которое превратило абстрактную идею о множественности миров в конкретную географию, где каждый слой имел свои особенности, своих обитателей, свои законы. Ады и небеса, которые описываются в Пуранах, не являются просто наказаниями или наградами; они являются отражением внутреннего состояния существ, и их структура является этической картой, которая показывает, к чему приводят добрые или злые поступки. Эти описания, которые кажутся современному читателю фантастическими, были для древних индийцев реальными, и они определяли их поведение, их надежды и их страхи.

Пураны описывают вселенную как состоящую из четыр-

надцати миров, или лока, которые распределены по трем основным уровням: семь высших миров, которые называются «урдхва-лока», и семь низших миров, которые называются «адхо-лока». Семь высших миров начинаются с земли, которая является первым и самым низким из них, и заканчиваются сатья-локой, миром истины, где живет Брахма. Семь низших миров, или «патала-лока», начинаются непосредственно под землей и спускаются все глубже и глубже, достигая самых темных и мрачных областей, где страдают грешники. Эта вертикальная структура не является произвольной; она отражает градацию чистоты, где каждый уровень выше предыдущего является более чистым, более светлым и более блаженным, а каждый уровень ниже является более грубым, более темным и более страдательным. Существа перерождаются в этих мирах в зависимости от своей кармы, и их пребывание в любом из них является временным, даже в самых высоких.

Начнем с нижних миров, которые представляют собой ады, или «нарака». Пураны описывают несколько десятков адов, каждый из которых предназначен для определенных грехов. Самыми известными из них являются: Раурава, где грешников разрывают на части демоны; Махараурава, где муки еще более жестоки; Тапана, где грешников сжигают огнем; Самуда, где их погружают в кипящую воду; и Авичи, самый страшный ад, где страдания не прекращаются ни на мгновение. Авичи, название которого означает «безволно-

вая», на самом деле является адом, где волны страдания постоянно накатывают на грешников, и где нет ни малейшего просвета для отдыха. В каждом из этих адов грешники подвергаются наказаниям, которые соответствуют их грехам: те, кто убивал, сами убиваются; те, кто воровал, сами лишаются своих тел; те, кто лгал, лишаются языка; те, кто прелюбодействовал, подвергаются пыткам, связанным с плотью. Эти наказания являются не просто произвольной жестокостью, но законом кармы, который действует как зеркало: каждый грех возвращается к своему совершителю в усиленной форме.

Однако ады не являются вечными. Пураны учат, что даже самый страшный грех имеет свой срок, и что после того, как карма исчерпана, душа может переродиться в более высоком мире. Это отличает индийскую концепцию ада от христианской, где ад вечен. В индуизме ад является временным состоянием очищения, которое готовит душу к новому рождению. Более того, некоторые тексты говорят о том, что даже в адах есть возможность для духовного развития, хотя и в очень ограниченной форме. Например, в «Бхагавата-пуране» описывается, что грешники могут повторять святые имена или молиться, и это может сократить их страдания. Это учение дает надежду даже в самых темных состояниях, напоминая о том, что ни одно состояние не является окончательным, и что освобождение возможно из любого мира, если есть искреннее стремление к истине.

Подземные миры, или «патала», не являются только ада-

ми. В них также находятся миры нагов, змеевидных существ, которые обладают огромной мудростью и силой. Эти миры описываются как красивые и богатые, хотя они и лишены солнечного света. Наги живут в роскошных дворцах, украшенных драгоценными камнями, и они управляют подземными сокровищами. Они являются хранителями тайных знаний, и их мудрость часто превосходит мудрость людей. Однако они также находятся под влиянием кармы, и их существование является частью сансары. Иногда наги могут быть опасными, но они также могут быть союзниками, если их уважать. В эпосах герои часто встречаются с нагами, и эти встречи часто определяют их судьбу. Например, в «Махабхарате» наги помогают Арджуне получить оружие, а в «Рамаяне» они помогают Раме в его битве с Раваной.

В отличие от нижних миров, высшие миры являются местами блаженства и радости. Они населены богами, полубогами, гандхарвами (небесными музыкантами) и апсарами (небесными танцовщицами). Самый низкий из высших миров — это мир бхура, или земля, где живут люди. Следующий мир — это бхувас, воздушное пространство, где обитают духи и мудрецы. Затем идет сварга, или небо Индры, где царит вечная весна и где все желания исполняются. В сварге живут боги, которые наслаждаются плодами своих добрых дел, но они также не являются вечными. Когда их благая карма исчерпывается, они умирают и перерождаются в других мирах, иногда даже в нижних. Это учение подрывает любую

форму самоуспокоения, даже для богов: они тоже не защищены от страданий и перерождений.

Выше сварги находятся еще более высокие миры, такие как махар-лока, джана-лока, тапо-лока и сатья-лока. Эти миры населены великими мудрецами, которые достигли высокого уровня духовного развития. В махар-локе живут те, кто практиковал аскезу и добродетель, но еще не достиг полного освобождения. В джана-локе живут существа, которые обладают глубоким знанием Вед и которые близки к постижению Брахмана. В тапо-локе живут существа, которые достигли контроля над своими чувствами и которые пребывают в постоянной медитации. И, наконец, в сатья-локе живет сам Брахма, творец, и существа, которые достигли освобождения от цикла перерождений, но еще не слились с Брахманом. Эти миры описываются как места чистого света, где нет ни страданий, ни желаний, ни времени, и где существа пребывают в состоянии вечного блаженства. Однако даже сатья-лока не является конечной целью, потому что она также подвержена разрушению в конце кальпы. Только нирвана, или мокша, находится за пределами всех миров.

В буддийской космологии система миров также имеет свою структуру, хотя она отличается от пуранической. Буддизм описывает тридцать один мир, которые распределены по трем сферам: сфера желаний, сфера форм и сфера без форм. Сфера желаний включает в себя человеческий мир, миры животных, голодных духов, асуров и низших богов.

Сфера форм включает в себя высшие небесные миры, где существа имеют тонкие материальные тела. Сфера без форм включает в себя чисто духовные миры, где нет ни материи, ни формы, только чистое сознание. Будда учил, что все эти миры временны и несовершенны, и что единственный способ выйти из них — это достичь нирваны, которая находится за пределами всех миров.

В буддийских текстах ады описываются с такой же детализацией, как и в пуранах. В «Маха-дуккхаккхандха-сутте» и других суттах перечисляются различные ады, такие как ад, где грешников разрезают на куски, ад, где их прокалывают копьями, ад, где их погружают в кипящую воду, и ад, где они страдают от невыносимого холода. Эти описания, хотя и пугающие, имеют педагогическую цель: они показывают последствия злых поступков, чтобы люди не впадали в заблуждение и вели добродетельную жизнь. Однако буддизм также учит, что даже самые страшные ады не вечны, и что существа могут освободиться от них, если они раскаются и исправят свою карму. Это учение о непостоянстве адов дает надежду всем, кто страдает.

В индийской философии эти описания миров и адов также имеют внутреннее измерение. Они не только являются географическими местами, но и состояниями сознания. Ад можно пережить здесь и сейчас, если человек страдает от мук совести или от последствий своих злых дел. Небеса можно пережить здесь и сейчас, если человек практикует

добродетель и медитацию. Таким образом, космология становится психологией, и она помогает человеку осознать, что его внутреннее состояние определяет его внешний мир. Это учение является основой многих духовных практик, и оно делает космологию не просто теорией, но и практическим инструментом для самопознания.

В эпосе герои часто путешествуют между этими мирами, и эти путешествия являются аллегорией их духовного пути. Например, в «Махабхарате» царь Юдхиштхира после своей смерти отправляется в рай, но затем он также видит ад, и это путешествие учит его смирению и состраданию. В «Рамаяне» Рама встречается с существами из разных миров, и эти встречи помогают ему понять природу реальности. Эти эпизоды показывают, что знание о космических слоях не является абстрактным, но имеет моральное значение, и оно помогает героям развить добродетели, необходимые для освобождения.

В народной культуре описания адов и небес часто используются в проповедях и в искусстве. В индийских храмах можно найти рельефы, которые изображают страдания грешников в адах и радости праведников в небесах. Эти изображения являются наглядным напоминанием о последствиях поступков, и они вдохновляют людей на добрые дела. Они также являются объектами для созерцания, когда верующий размышляет о своей собственной судьбе и о том, как избежать страданий.

В ведических ритуалах космические слои также символически воспроизводятся. Алтарь для жертвоприношений часто представляет собой модель Вселенной, где разные части алтаря соответствуют разным мирам. Жрец, совершая ритуал, соединяет эти миры, принося жертвы богам и предкам. Это действие поддерживает космический порядок и гарантирует, что существа будут перерождаться в соответствии со своей кармой. Ритуал становится актом, который влияет на все уровни бытия, и это показывает, что человек не является изолированным, но связан со всей Вселенной.

В буддийских медитациях космические слои часто используются для развития сострадания. Практикующий визуализирует всех существ во всех мирах, от самых низких адов до самых высоких небес, и видит их страдания. Это развивает в нем сострадание и желание помочь всем существам. Он также видит, что даже самые высокие миры не являются вечными, и что только освобождение может дать истинное счастье. Таким образом, знание о космических слоях становится не просто информацией, но и практикой, которая ведет к просветлению.

В индийских эпосах и пуранах также описываются путешествия мудрецов между этими мирами. Некоторые мудрецы, такие как Нарада, свободно перемещаются между разными сферами, и их рассказы о том, что они видят, служат наставлениями для людей. Эти путешествия показывают, что космос не является непроницаемым, и что существа могут

перемещаться между мирами, если они обладают достаточной духовной силой. Они также показывают, что все миры взаимосвязаны, и что события в одном мире влияют на события в других.

В индийской астрологии космические слои также связаны с планетными влияниями. Планеты считаются обитателями разных миров, и их движение отражает состояние этих миров. Астрологи, которые изучают планеты, также изучают структуру Вселенной, и они используют это знание для предсказания судеб. Это делает астрологию не только предсказательной, но и космологической дисциплиной, которая интегрирует знания о небесах с этическими законами.

В философии веданты космические слои рассматриваются как проявления майи, иллюзии, которая скрывает истинную природу реальности. Даже самые высокие миры являются временными и нереальными в абсолютном смысле. Только Брахман, который находится за пределами всех миров, является истинным. Познание Брахмана означает освобождение от всех миров, даже от самых высоких. Это учение призывает к отрешению от всех привязанностей, даже к небесным благам, и направляет ум к единственной реальности.

Описание адов и миров богов в Пуранах является не просто мифологией, но и этической, философской и практической системой. Оно показывает, что космос имеет структуру, которая отражает моральный закон, и что каждый чело-

век несет ответственность за свою судьбу. Оно также дает надежду, что даже в самых темных состояниях есть возможность возрождения, и что истинное освобождение находится за пределами всех миров, в том, что не имеет ни начала, ни конца. Это знание, прошедшее через тысячелетия, продолжает вдохновлять людей на добродетель и на поиски истины, и оно остается актуальным и сегодня, когда мы сталкиваемся с вопросами о смысле жизни и о месте человека в бесконечной Вселенной. Изучая эти описания, мы можем понять, что древние мудрецы не только описывали космос, но и создавали карту, которая ведет к освобождению, и эта карта, несмотря на свою архаичность, по-прежнему может направлять нас в нашем собственном путешествии по лабиринтам существования.

Глава 45. Путь предков и путь богов: загробная астрономия

Когда человек умирает, его душа не исчезает, но отправляется в путешествие, которое является одним из самых важных переходов в его существовании. И это путешествие, как и все в индийской космологии, имеет свои карты, свои ориентиры, свои правила, которые были тщательно разработаны мудрецами на протяжении тысячелетий. Смерть не была для древних индийцев концом, а была лишь порогом, который вел в иные миры, и знание того, как пересечь этот порог правильно, было вопросом жизни и смерти — в самом буквальном смысле. Путь предков и путь богов, которые описываются в Упанишадах и других текстах, являются двумя основными маршрутами, по которым душа может отправиться после смерти, и каждый из них ведет к разным судьбам. Эта загробная астрономия, в которой звезды и планеты становятся указателями на дороге в иные миры, является одной из самых сложных и поэтичных частей индийской космологии, и она показывает, что даже после смерти человек не освобождается от закона кармы, но продолжает свой путь в бесконечной вселенной.

В «Чхандогья-упанишаде» и «Брихадараньяка-упанишаде» впервые четко формулируется различие между путем

предков и путем богов. Путь богов, или «дева-яна», ведет к Брахману, к освобождению, к тому, что находится за пределами перерождений. Этот путь доступен лишь тем, кто достиг высшего знания, кто осознал свою истинную природу и освободился от привязанностей. Путь предков, или «питри-яна», ведет к луне, где души умерших пребывают в течение определенного времени, а затем возвращаются на землю для нового рождения. Этот путь предназначен для тех, кто совершал добрые дела, но не достиг просветления. Оба пути являются астрономическими: они описываются как путешествия через определенные небесные сферы, через определенные планеты и звезды, и их прохождение зависит не только от кармы человека, но и от времени года, от фаз Луны, от положения Солнца. Таким образом, астрономия становится навигационной наукой для души, которая покинула тело.

Путь богов начинается с того, что душа покидает тело через череп, через «брахмарандхру» — отверстие в макушке головы, которое является вратами в высшие миры. Это считается признаком того, что человек умирает в состоянии осознанности, и что его душа направляется к освобождению. Затем душа проходит через солнечные лучи, через свет, который ведет её в мир богов. Она проходит через различные небесные сферы, каждая из которых находится на определенном расстоянии от земли и населена определенными существами. В «Чхандогья-упанишаде» описывается, что душа проходит через огонь, через день, через светлую поло-

вину месяца, через шесть месяцев Уттараяны, через год и, наконец, достигает Солнца, а затем — Брахмана. Каждый из этих этапов является не просто временным периодом, но и астрономическим событием, которое синхронизировано с движением светил. Это означает, что правильное время смерти имеет решающее значение для того, чтобы душа могла успешно пройти по пути богов. Поэтому многие мудрецы и йогины стремились умереть в определенное время года, например, в период Уттараяны, когда Солнце движется на север, что считалось наиболее благоприятным для освобождения.

Путь предков, напротив, ведет душу к Луне. Согласно Упанишадам, душа, которая следует по этому пути, после смерти проходит через дым, через ночь, через темную половину месяца, через шесть месяцев Дакшинаяны, и достигает Луны. На Луне душа пребывает в течение определенного времени, наслаждаясь плодами своих добрых дел, но затем, когда карма исчерпана, она возвращается на землю через дождь, через растения, через пищу, и вновь рождается в материнском теле. Этот путь является циклическим, и он является уделом большинства людей, которые не достигли освобождения. Луна становится местом временного пристанища, где души отдыхают между жизнями, и где они готовятся к новому воплощению. Считается, что на Луне души наслаждаются блаженством, но это блаженство не является вечным, и оно не сравнимо с освобождением.

Эта концепция пути предков и пути богов имеет глубокое влияние на индийские ритуалы смерти и поминовения. Когда человек умирает, его тело кремируется, и родственники проводят ритуалы, чтобы помочь душе найти правильный путь. Они читают мантры, которые направляют душу к свету, они делают подношения, чтобы обеспечить душу пищей в её путешествии, и они совершают обряды, которые символически открывают врата для души. Считается, что если ритуалы выполнены неправильно, душа может заблудиться и стать «претой» — блуждающим духом, который не может найти покой. Поэтому знание загробной астрономии было неотъемлемой частью жреческой практики, и жрецы, которые проводили эти ритуалы, должны были знать точное время и способ, чтобы гарантировать, что душа достигнет своего предназначения.

В пуранической литературе эти два пути описываются еще более детально. В «Бхагавата-пуране» и «Вишну-пуране» описывается, что душа, после того как она покидает тело, отправляется в суд Ямы, бога смерти, где её карма взвешивается на весах. Затем, в зависимости от результатов, она направляется либо к свету, либо к тьме. Свет ведет к пути богов, тьма — к пути предков или к адам. Это суд не является наказанием, но является справедливым воздаянием, которое отражает совершенные поступки. Описание этого суда, хотя и является мифологическим, имеет астрономический подтекст: Яма часто ассоциируется с южным направлением,

с темной половиной года, и его обитель находится на юге, где Солнце движется в период Дакшинаяны. Это связывает загробную географию с астрономией, показывая, что даже судьба души зависит от космических циклов.

В буддийской традиции концепция пути предков и богов также присутствует, но в трансформированной форме. Будда не отрицал существование этих путей, но он переосмыслил их в рамках своего учения о карме и перерождении. Он говорил, что душа после смерти перерождается в одном из шести миров сансары в зависимости от своей кармы, и что нет гарантии, что даже благой кармический путь ведет к освобождению. Будда также учил, что Луна и Солнце не являются конечными целями; они являются лишь временными остановками на пути, который все равно приводит к новому страданию, если не достигнута нирвана. В буддизме акцент делается не на правильном пути после смерти, а на правильной жизни до смерти, которая может привести к прекращению самого цикла перерождений. Тем не менее, буддийские монахи также проводили ритуалы для умерших, особенно в дни Упавасы, чтобы помочь душам, которые блуждают в промежуточном состоянии, называемом «бардо», найти свой путь к лучшему рождению или к освобождению.

В тибетском буддизме концепция промежуточного состояния, или бардо, развита особенно подробно. В «Тибетской книге мертвых», или «Бардо Тхёдол», описывается, как душа переживает разные стадии после смерти, и как она может

распознать свет, который ведет к освобождению. В этой книге астрономические элементы также присутствуют: душа видит яркие огни, которые являются проявлениями божеств, и эти огни связаны с определенными небесными явлениями. Правильное распознавание этих огней может привести к освобождению, а неправильное — к новому рождению. Это показывает, что загробная астрономия была не только индийской, но и общебуддийской, и она адаптировалась к разным культурам.

В индийской астрологии смерть и путь души также связаны с положением планет. Считается, что момент смерти определяется кармой, но также и влиянием планет, особенно Сатурна и Раху, которые управляют смертью и перерождением. Астрологи, которые составляют гороскопы, могут предсказывать не только время смерти, но и то, по какому пути отправится душа, и какой будет её следующая жизнь. Это знание используется для проведения ритуалов, которые могут улучшить шансы души на лучшее перерождение. Например, если в гороскопе человека есть признаки того, что он может отправиться по пути предков, родственники могут провести специальные ритуалы, чтобы направить его по пути богов. Эти ритуалы включают чтение мантр, пожертвования и посты, которые помогают очистить карму умершего.

В индийских эпосах смерть героев часто описывается с использованием астрономической символики. Например, Бхишма из «Махабхараты», который был великим воином

и мудрецом, ждал своей смерти до наступления Уттараяны, чтобы его душа могла отправиться по пути богов. Он лежал на ложе из стрел, и его душа покинула тело только тогда, когда Солнце начало свой северный путь. Этот эпизод является одним из самых ярких примеров того, как астрономия и смерть были связаны в индийской культуре. Он показывает, что даже герой, который имеет власть над своей смертью, должен подчиняться космическим законам, если он хочет достичь освобождения.

В народных верованиях путь предков и путь богов также играют важную роль. Во время праздников, таких как Шраддха, который посвящен поминовению предков, люди совершают ритуалы, чтобы накормить души умерших и помочь им в их путешествии. Считается, что в определенные дни года, особенно во время новолуния, души предков спускаются на землю, и они могут принять подношения от своих потомков. Эти подношения, которые включают еду, воду и цветы, символически питают душу в её путешествии и помогают ей продвигаться по пути. Эти ритуалы являются не только выражением любви к умершим, но и способом поддержания связи между мирами, и они подчеркивают, что смерть не разрывает связи между поколениями.

В индийской философии путь богов и путь предков рассматриваются как два способа понимания цели жизни. Путь богов связан с знанием и отречением, с стремлением к освобождению, которое превосходит все миры. Путь предков

связан с действием и добродетелью, с выполнением своих обязанностей, что ведет к хорошим перерождениям, но не к освобождению. Оба пути признаются как легитимные, но первый считается высшим, поскольку он ведет к окончательной свободе. Это различие отражает два основных направления индийской духовности: путь знания и путь действия. И астрономия, которая описывает эти пути, становится не просто наукой, но и метафорой для этих двух подходов.

В ведических ритуалах путь богов и путь предков также символически воспроизводятся. Жертвоприношение, или агни-хотра, которое совершается на рассвете и на закате, символизирует переход между мирами. Огонь, который поднимается к небу, представляет путь богов, а дым, который стелется по земле, представляет путь предков. Когда жрец произносит мантры, он призывает богов и предков, и он соединяет их с землей. Этот ритуал является микрокосмом загробного путешествия, и он напоминает людям о том, что их жизнь и смерть являются частью одного и того же процесса.

В буддийских медитациях путь богов и путь предков могут использоваться для развития осознанности. Практикующий размышляет о том, что его тело временно, что его ум покинет его в момент смерти, и что его судьба зависит от его действий. Он визуализирует Луну и Солнце, которые являются символами двух путей, и он решает, по какому пути он хочет следовать. Эта медитация помогает ему развить отречение и сосредоточиться на практике, которая ведет к осво-

бождению.

В индийском искусстве путь богов часто изображается в виде восходящего света, а путь предков — в виде лунного света. Эти образы можно найти в храмовых рельефах, где души умерших изображены как движущиеся к Солнцу или к Луне. Эти изображения не только эстетичны, но и дидактичны, и они помогают верующим понять свою собственную судьбу после смерти.

В аюрведической медицине загробная астрономия также имеет свое место. Считается, что некоторые болезни возникают из-за неправильного пути души после смерти предыдущего воплощения, и что лечение должно включать ритуалы, которые помогают душе исправить свой путь. Эти ритуалы часто сочетаются с траволечением и диетой, показывая, что медицина, религия и астрономия были неразделимы.

В современной Индии путь предков и путь богов сохранились в ритуалах смерти и поминовения. Индуисты продолжают проводить Шраддху, а буддисты — церемонии для умерших. Эти ритуалы, хотя и упрощены, сохраняют астрономический элемент: они часто проводятся в определенные лунные дни, особенно в новолуние или полнолуние, которые считаются наиболее благоприятными для контакта с умершими. Это показывает, что древняя загробная астрономия продолжает жить, адаптируясь к новым условиям.

В философских текстах путь богов и путь предков также обсуждаются как метафоры для духовного прогресса. Путь

богов символизирует быстрый прогресс, который достигается через медитацию и знание, а путь предков символизирует медленный прогресс, который достигается через добродетель и ритуалы. Оба пути признаются, но мудрецы рекомендуют первый, потому что он ведет к освобождению быстрее и надежнее. Это различие продолжает вдохновлять практикующих, которые выбирают свой собственный путь.

Таким образом, загробная астрономия является одной из самых глубоких и красивых частей индийской космологии. Она показывает, что даже в смерти человек не теряет связи с космосом, что его душа продолжает путешествовать по небесным сферам, используя звезды и планеты как ориентиры. Она дает надежду на то, что даже после смерти жизнь продолжается, и что каждое действие имеет значение, определяя судьбу души в вечности. И когда мы смотрим на ночное небо и видим сияющую Луну или яркое Солнце, мы можем думать о наших предках, которые прошли по этим путям, и о нашем собственном пути, который еще предстоит пройти. Это знание, переданное через тысячелетия, напоминает нам о том, что мы не являемся отдельными существами, но являемся частью великого потока, который течет от начала времен до их конца, и что наша истинная цель — не просто выжить, но найти свет, который ведет нас к вечному покою, где нет ни смерти, ни рождения, ни страданий, а только чистое бытие.

Глава 46. Концепция юг: как эпохи мира влияют на движение светил

Время в индийской космологии никогда не было простой линией, ведущей от прошлого к будущему. Оно было колесом, которое вращается с определенной скоростью, и это колесо имеет свои спицы, свои ободы, свои периоды, когда оно движется быстрее или медленнее, когда оно ближе к центру или дальше от него. Это колесо времени называется юга, и оно является одной из самых фундаментальных концепций индийской мысли, которая связывает воедино астрономию, историю, этику и духовную практику. Юги — это не просто абстрактные эпохи, которые сменяют друг друга; они являются реальными состояниями космоса, в которых меняется всё: продолжительность жизни людей, их рост, их нравственные качества, их способность к познанию, и даже само движение светил. Согласно этой концепции, мир не статичен, он проходит через циклы деградации и возрождения, и каждый цикл оказывает влияние на то, как движутся Солнце, Луна и планеты, как они взаимодействуют друг с другом, и как их свет падает на землю. Изучение юг является ключом к пониманию того, как древние индийцы видели историю не как случайную последовательность событий, а как закономерный процесс, управляемый космическими законами.

Самая ранняя форма концепции юг появляется уже в ведийской литературе, хотя она еще не получила той систематичности, которую она обретет в пуранах. В Ригведе есть упоминания о «сатья-юге» как о золотом веке, когда дхарма стояла на четырех ногах, и люди были праведны, счастливы и долгоживущи. Но затем, с течением времени, дхарма начинает ослабевать, и мир постепенно погружается в тьму. Эта идея о деградации времени является общей для многих культур, но в Индии она была развита в стройную систему, которая включает в себя четыре эпохи: Крита-югу, Трета-югу, Двапара-югу и Кали-югу. Каждая из этих юг имеет свою длительность, которая выражается в священных числах, и каждая из них характеризуется определенным уровнем дхармы, который уменьшается на одну четверть с каждой последующей югой. В сатья-юге, или золотом веке, дхарма полна, и люди живут в гармонии с законом. В трета-юге дхарма уменьшается на четверть, и появляются войны и конфликты. В двапара-юге дхарма уменьшается еще на четверть, и мир становится еще более несовершенным. В кали-юге, в которой мы живем сейчас, дхарма стоит лишь на одной ноге, и мир погружен в страдания, невежество и конфликты. Эта деградация не является линейной; она циклическая, и после кали-юги следует новый золотой век, когда мир перерождается.

Но каково отношение этих юг к астрономии? Согласно пуранической космологии, движение светил не является по-

стоянным; оно меняется в зависимости от юги. В сатья-юге, когда мир был совершенным, Солнце и Луна двигались по своим орбитам идеально ровно, без каких-либо отклонений. Планеты также двигались с постоянной скоростью, и затмений не было, потому что демоны Раху и Кету не имели силы в это время. В трета-юге движение светил начинает нарушаться, появляются первые аномалии. В двапара-юге аномалии становятся более заметными, и затмения начинают происходить регулярно. В кали-юге движение светил становится максимально нерегулярным, планеты движутся с переменной скоростью, и их влияние на людей становится максимально сильным и разрушительным. Это означает, что астрономия, которую мы наблюдаем сегодня, является результатом деградации мира, и что в другие эпохи небо выглядело иначе. Эта идея, хотя и не является научной в современном смысле, отражает глубокое понимание того, что Вселенная не является статичной, и что её законы могут меняться.

Длительность юг также имеет астрономическое обоснование. В «Сурья-сиддханте» и других текстах приводятся точные цифры: Крита-юга длится 1 728 000 лет, Трета-юга — 1 296 000 лет, Двапара-юга — 864 000 лет, Кали-юга — 432 000 лет. В сумме они составляют 4 320 000 лет, что называется маха-югой, или великой эпохой. Эти числа не случайны; они основаны на астрономических расчетах, связанных с прецессией равноденствий, которая имеет период примерно 25 920 лет. Умножая этот период на определенные коэффи-

циенты, астрономы получали длительность юг. Например, 25 920 лет умножить на 12 (число знаков зодиака) дает 311 040 лет, а умножив на 5, получаем 1 555 200 лет, что близко к длительности Крита-юги. Эти расчеты показывают, что концепция юг была не только мифологической, но и основанной на астрономических наблюдениях, которые были проведены с большой тщательностью. Астрономы, которые создали эти цифры, знали о прецессии и использовали её для календарных расчетов, что является одним из самых впечатляющих достижений индийской науки.

В ведийской астрономии юги также связаны с движением планет. Считается, что в начале каждой маха-юги все планеты выстраиваются в определенном положении, и это положение используется как точка отсчета для календарных расчетов. Это выравнивание планет, которое называется «юга-граха-санйога», является важным астрономическим событием, которое используется для синхронизации календаря. В «Сурья-сиддханте» приводятся таблицы, которые позволяют вычислить положение планет в начале каждой юги, и эти таблицы являются основой для всех последующих расчетов. Это показывает, что концепция юг была не просто умозрительной, но и практической, и она использовалась для создания точных календарей, которые позволяли предсказывать события на тысячелетия вперед.

В буддийской традиции концепция юг также присутствует, хотя и в несколько измененной форме. Будда говорил о

том, что мир проходит через циклы возникновения, существования и разрушения, и что каждый цикл имеет свои особенности. Однако буддизм не придает такого значения числам и длительностям, как индуизм; он скорее использует эту концепцию для иллюстрации непостоянства всех явлений. В «Агганья-сутте» описывается, как мир возникает из воды, затем постепенно развивается, и затем разрушается, и этот процесс повторяется бесконечно. Будда также говорил о том, что в каждой эпохе люди имеют разные способности и разную продолжительность жизни, и что это связано с их кармой. Однако буддизм не связывает изменение движения светил с югами, как это делают пураны; он скорее рассматривает астрономические циклы как часть естественного порядка, который действует независимо от человеческого восприятия. Тем не менее, буддийские монахи, которые занимались астрономией, использовали концепцию юг для календарных расчетов, показывая, что она была интегрирована в буддийскую практику.

В индийской философии юги имеют также этическое измерение. В каждой юге люди имеют разные дхармы, то есть обязанности, которые соответствуют состоянию мира. В сатья-юге дхарма заключается в истине, добродетели и знании. В трета-юге дхарма включает жертвоприношения и ритуалы. В двапара-юге дхарма включает поклонение и преданность. В кали-юге дхарма включает сострадание и благотворительность, потому что это единственное, что остается возмож-

ным в такое темное время. Это учение показывает, что космология является этической, и что астрономические циклы имеют моральное значение. Человек, который живет в кали-юге, не может вести себя так же, как в сатья-юге; он должен адаптироваться к условиям, но при этом не терять из виду высшую цель. Это делает концепцию юг не только описанием времени, но и руководством для жизни.

В эпосе юги часто упоминаются как фон для действий героев. В «Махабхарате» действие происходит на стыке Двапара-юги и Кали-юги, и это символизирует переход от относительного порядка к полному хаосу. Герои, такие как Кришна, часто говорят о том, что мир находится на пороге деградации, и что их действия должны ускорить или задержать этот процесс. Например, Кришна говорит Арджуне о том, что война на Курукшетре является необходимой, чтобы очистить мир и подготовить его к новой эпохе. Это показывает, что концепция юг не была абстрактной, но она использовалась для объяснения исторических событий и для оправдания действий героев.

В пуранической космологии юги также связаны с образом Вишну, который нисходит на землю в своих аватарах в конце каждой юги, чтобы восстановить дхарму. В сатья-юге он нисходит как Матсья, рыба; в трета-юге — как Рама; в двапара-юге — как Кришна; в кали-юге — как Калки, будущая аватара, которая разрушит зло и начнет новый цикл. Эти аватары не только восстанавливают порядок, но и демонстриру-

ют, что астрономические циклы и божественное вмешательство идут рука об руку. Кришна, например, говорит о том, что он является творцом и разрушителем миров, и что его воплощения синхронизированы с космическими циклами.

В индийской астрологии юги также используются для предсказания долгосрочных тенденций. Астрологи, которые изучают движение планет на больших временных масштабах, могут определить, в какой юге находится мир, и какие события могут произойти в ближайшем будущем. Например, считается, что в кали-юге мир будет сталкиваться с войнами, эпидемиями и природными катастрофами, и что это будет продолжаться до тех пор, пока не наступит следующий золотой век. Эти предсказания, хотя и не являются точными, дают людям чувство контекста и помогают им понять свое место в истории.

В народной культуре юги часто упоминаются в пословицах и поговорках. Например, говорят, что в кали-юге даже вода становится редкой, а правда становится дорогой, и что люди должны быть готовы к трудным временам. Эти поговорки несут мудрость поколений и отражают веру в то, что время имеет свою моральную структуру, и что люди должны адаптироваться к изменениям, не теряя своих ценностей.

В философских школах, таких как санкхья и йога, юги рассматриваются как проявление трёх гун, которые управляют материальным миром. В сатья-юге преобладает саттва, в трета-юге — раджас, в двапара-юге — смесь раджаса и тама-

са, в кали-юге — тамас. Это изменение гун влияет на движение планет, поскольку они являются материальными объектами, которые подвержены их влиянию. Таким образом, астрономия и психология объединяются, показывая, что внутреннее состояние человека отражается на внешнем мире.

В индийских ритуалах юги также играют роль. Во время некоторых церемоний жрецы символически воспроизводят переход от одной юги к другой, чтобы очистить пространство и подготовить его к новому циклу. Эти ритуалы часто проводятся в определенные астрономические даты, которые совпадают с началом новой юги, и они помогают верующим ощутить связь с космическим порядком.

В ведийской астрономии юги также используются для определения календарных циклов. Например, 60-летний цикл Юпитера часто рассматривается как малая юга, которая отражает большие космические эпохи. Астрономы, которые вычисляли эти циклы, использовали их для планирования ритуалов и для предсказания судеб.

В буддийских странах концепция юг также известна, хотя и под другими названиями. В тибетском буддизме есть учение о четырех эпохах, которые соответствуют индийским югам, и это учение используется для объяснения деградации учения в последние времена. Однако тибетский буддизм также подчеркивает, что даже в кали-югу можно достичь просветления, если практиковать с усердием и состраданием.

В искусстве юги часто изображаются в виде кругов, которые символизируют цикличность времени. Эти изображения можно найти в храмовых рельефах и на скульптурах, и они служат напоминанием о том, что время не является линейным, а циклическим.

В современной науке концепция юг не имеет места, но идея цикличности времени присутствует в некоторых космологических моделях, таких как теория пульсирующей Вселенной. Хотя индийские юги не являются научной теорией, они представляют собой глубокое интуитивное понимание того, что мир подвержен изменениям, и что эти изменения имеют свои закономерности.

В индийской философии юги также связаны с идеей освобождения. Считается, что в конце кали-юги мир разрушится, и начнется новая сатья-юга, и что те, кто достиг освобождения, не будут затронуты этим разрушением. Это дает надежду даже в самые темные времена, напоминая о том, что за пределами цикла есть вечность.

В народных верованиях юги также связаны с астрологическими прогнозами. Люди часто спрашивают астрологов, в какой юге они живут, и что это значит для их судьбы. Астрологи отвечают, что в кали-юге люди должны быть особенно осторожны и добродетельны, чтобы избежать страданий.

В индийских эпосах герои часто говорят о югах, чтобы оправдать свои действия или понять свою миссию. Например, Кришна говорит Арджуне, что он нисходит в каждую

югу, чтобы защитить дхарму, и что его присутствие в кали-юге является особым благословением.

В буддийских текстах юги иногда используются для описания упадка учения. Будда говорил, что его учение будет сохраняться в течение пяти тысяч лет, и что затем оно исчезнет, и мир погрузится во тьму, пока не появится следующий Будда. Это учение, хотя и отличается от индуистского, также использует циклическую модель времени.

В индийской астрономии юги также связаны с расчетами движения планет. Астрономы, которые знали длительность юг, могли вычислять положение планет на огромные промежутки времени, и их таблицы были точными настолько, что могли предсказывать события на тысячи лет вперед.

В философии веданты юги рассматриваются как проявление майи, и что все эти эпохи являются иллюзорными, не имеющими реальной основы. Познание Брахмана означает выход за пределы времени, включая и юги.

В индийском искусстве юги иногда изображаются в виде четырех фигур, которые сидят на колеснице времени, и каждая из них имеет свои атрибуты. Эти изображения, хотя и символичны, передают идею о том, что время имеет свою структуру, и что человек должен понимать её, чтобы жить в гармонии с космосом.

Юги являются не просто астрономической или мифологической концепцией, но и этической, психологической и философской. Они учат нас, что мир не является случайным,

что он подчиняется законам, которые можно познать, и что наше поведение зависит от того, в каком времени мы живем. Они также дают надежду на то, что даже в самые темные времена есть возможность для возрождения, и что каждое действие имеет значение в вечном потоке времени.

Глава 47. Представление о времени как о божестве: Кала и его атрибуты

В индийской космологии время не является безличной абстракцией, не является просто мерой движения, не является холодным континуумом, в котором разворачиваются события. Оно является живым существом, божеством, которое имеет свою волю, свой характер, свои атрибуты, свою историю. Оно называется Кала, и его образ пронизывает всю индийскую культуру, от ведийских гимнов до пуран, от эпосов до философских трактатов. Кала не просто измеряет время; он создает его, он управляет им, он пожирает его, он является одновременно и творцом, и разрушителем, и хранителем всего сущего. Он является тем, что делает возможным существование миров, и тем, что в конечном итоге уничтожает их. Он является отцом смерти и матерью жизни, и его присутствие ощущается в каждом мгновении, в каждом дыхании, в каждом изменении, которое происходит во Вселенной. Понимание Кала является ключом к пониманию всей индийской космологии, потому что оно показывает, что время не является внешним по отношению к реальности, но является её самой сутью, её основой, её внутренней динамикой.

В ведийской литературе Кала еще не выделен как отдельное божество, но идея времени как силы уже присутствует. В Ригведе есть гимны, которые описывают время как «колесницу» или «поток», который несет всё вперед. В «Атхарваведе» есть знаменитый гимн, который посвящен времени, и в нем говорится: «Время — это конь, который бежит быстро; Время — это колесница с семью колесами; Время — это первый и последний бог». Этот гимн показывает, что даже на раннем этапе индийцы воспринимали время как активную силу, которая управляет миром. Время описывается как то, что создает и разрушает, что рождает и убивает, что является источником всего движения и изменения. В этом гимне время также связывается с астрономией: семь колес времени соответствуют семи планетам, которые движутся по своим орбитам, создавая ритм космоса. Это показывает, что астрономия и теология времени были неразрывно связаны с самого начала.

В пуранической литературе Кала становится полноценным божеством, которое часто отождествляется с Шивой, богом разрушения. Шива, как мы уже знаем, является Господином Времени, и его танец, тандава, является символом вечного движения времени, которое создает и разрушает миры. В «Шива-пуране» говорится, что Кала является одной из форм Шивы, и что он пожирает всё сущее, как огонь пожирает топливо. Но Кала не является только разрушительным; он также является и творческим, потому что без времени не

может быть никакого творения. Время — это сцена, на которой разыгрывается драма бытия, и без этой сцены драма не может состояться. Поэтому Кала почитается как верховное божество, которое включает в себя все остальные, и которое является источником всего многообразия мира.

В философских школах, таких как санкхья и йога, Кала рассматривается как одна из фундаментальных категорий бытия. Он является одной из двадцати пяти таттв, или принципов, которые составляют Вселенную. В санкхье Кала считается проявлением пуруши, духа, и он действует через пракрити, материю, чтобы создавать и разрушать формы. В йоге Кала используется как объект для медитации: практикующий визуализирует время как поток, который несет его к освобождению, или как колесо, которое вращается, увлекая все существа. Эта медитация помогает ему осознать, что время является иллюзией, что оно не имеет реальной основы, и что освобождение находится за его пределами. В этом смысле философия времени становится практикой освобождения, и она показывает, что познание Кала есть познание себя.

В индийской астрономии Кала также имеет свое место. Время измеряется движением светил, и поэтому астрономия является наукой о времени. В «Сурья-сиддханте» и других текстах даются методы для вычисления времени с высокой точностью, и эти методы основаны на наблюдении за Солнцем, Луной и планетами. Но эти вычисления не являются

просто техническими; они имеют ритуальное значение, поскольку они определяют моменты для жертвоприношений и праздников. Астроном, который вычисляет время, является служителем Кала, и его знания священны. Он не просто измеряет время; он участвует в божественном порядке, который управляет Вселенной. Это делает астрономию не только наукой, но и религиозной практикой, которая соединяет человека с божественным.

В эпосе Кала часто появляется как персонаж, который вмешивается в судьбы героев. В «Махабхарате» есть эпизод, где Кришна говорит Арджуне о том, что время является великим разрушителем, и что все воины, которые собрались на поле битвы, уже обречены. Он говорит: «Я — время, разрушитель миров, и я пришел, чтобы уничтожить всех этих воинов». Этот эпизод показывает, что Кала не является безличной силой, но имеет волю и намерение, и что он использует события на земле, чтобы осуществить свою космическую цель. Кришна, как воплощение Вишну, является также воплощением времени, и его действия синхронизированы с космическими циклами. Это делает его не просто божеством, но и самим временем, которое движется к своему завершению.

В буддийской традиции Кала также присутствует, но в более абстрактной форме. Будда учил, что все явления являются временными и что время является частью сансары, которая сама является иллюзией. В буддизме нет бога време-

ни, но есть концепция «кшаны» — момента, который является минимальной единицей времени. Эти моменты возникают и исчезают с невероятной скоростью, создавая иллюзию непрерывности. Практикующий, который развивает осознанность, может наблюдать эти моменты и видеть их пустоту, и это освобождает его от власти времени. Таким образом, буддизм предлагает путь выхода из времени, в отличие от индуизма, который часто поклоняется времени как божеству.

В индийской философии Кала также связан с понятием «майи», иллюзии. Время является частью майи, потому что оно создает иллюзию последовательности и причинности, которые на самом деле не имеют реальной основы. Когда человек достигает просветления, он выходит за пределы времени и видит, что всё существует в вечном настоящем, которое не знает ни прошлого, ни будущего. Это учение является центральным для адвайты, которая утверждает, что только Брахман является реальным, а всё остальное, включая время, является иллюзией. Познание Брахмана означает освобождение от времени, и это является конечной целью.

В народной культуре Кала часто изображается как старик с косой, который напоминает о смерти. Этот образ, хотя и является упрощенным, отражает глубокую веру в то, что время неумолимо и что каждый человек должен в конечном итоге встретиться с ним. Однако индийская традиция не является пессимистичной; она также учит, что время является цикли-

ческим, и что после смерти следует новое рождение, и что даже старик с косой не является окончательным. Это дает надежду, что жизнь продолжается, даже когда кажется, что она заканчивается.

В индийских ритуалах Кала почитается через жертвоприношения, которые совершаются в определенные моменты времени. Считается, что правильное время для ритуала является таким же важным, как и сам ритуал, потому что время является священным, и оно должно быть использовано правильно. Жрецы, которые проводят эти ритуалы, должны знать, когда наступает благоприятный момент, и они используют астрономию для этого. Эти ритуалы являются способом умилостивить Кала и попросить его о милости, чтобы время не было враждебным, а было дружелюбным.

В индийской астрологии Кала также связан с планетой Сатурн, которая является самой медленной и считается планетой кармы и времени. Сатурн, или Шани, управляет периодами жизни, которые считаются наиболее трудными, и его влияние часто ощущается как тяжелое бремя. Однако астрологи учат, что Сатурн также является учителем, который помогает человеку развить терпение, дисциплину и мудрость. Таким образом, время становится не просто наказанием, но и возможностью для роста.

В философских текстах Кала часто описывается как «вечное колесо», которое вращается без остановки. Это колесо имеет двенадцать спиц, которые соответствуют двенадцати

месяцам, триста шестьдесят зубцов, которые соответствуют дням года, и пятьдесят два спица, которые соответствуют неделям. Это колесо является символом астрономического времени, и оно показывает, что время имеет свою структуру, которая может быть понята и использована для духовной практики.

В буддийских медитациях время используется как объект для развития осознанности. Практикующий наблюдает за тем, как моменты возникают и исчезают, и он осознает, что они не имеют реальной сущности. Это помогает ему развить отречение и освободиться от привязанности к прошлому и будущему, которые являются иллюзиями. Таким образом, время становится не врагом, но учителем, который ведет к освобождению.

В индийской поэзии Кала часто является темой, которая вдохновляет поэтов на размышления о смысле жизни. Поэты говорят о том, как время уносит молодость, красоту и радость, и они призывают людей наслаждаться каждым мгновением, потому что оно не вернется. Эти стихи, хотя и печальны, также содержат в себе мудрость о том, что ценность жизни заключается в её быстротечности, и что именно эта быстротечность делает её священной.

В индийских эпосах герои часто сталкиваются с Кала в моменты кризиса. Когда они теряют близких или когда они сталкиваются с неизбежной смертью, они осознают, что время является самым могущественным врагом, который не мо-

жет быть побежден оружием или силой. Но они также осознают, что время является союзником, который помогает им достичь своих целей, если они используют его правильно. Это двойственное отношение к времени является характерной чертой индийской культуры.

В ведической астрономии Кала также связан с понятием «йога», которое означает «соединение». Время является тем, что соединяет все вещи, создавая из них единое целое. Астрономы, которые вычисляют время, соединяют небо и землю, прошлое и настоящее, богов и людей. Их знания являются мостом, который позволяет переходить из одного мира в другой, и их роль является священной.

В народных верованиях Кала часто ассоциируется с определенными днями и месяцами, которые считаются благоприятными или неблагоприятными. Люди избегают начинать важные дела в определенные дни, потому что они считают, что время может быть враждебным, и они ищут благоприятные моменты для своих действий. Эти верования, хотя и кажутся суеверными, основаны на наблюдениях за тем, как время влияет на природу и на человека, и они являются частью народной мудрости.

В философии веданты Кала рассматривается как проявление Брахмана, который является вечным и неизменным. Время не является отдельной от Брахмана реальностью, но является его атрибутом, который проявляется в мире. Познание Брахмана означает познание времени, но не как че-

го-то внешнего, а как части себя. Это учение является глубоким и сложным, и оно требует длительной практики.

В индийском искусстве Кала часто изображается в виде колеса или круга, которые символизируют цикличность времени. Эти изображения можно найти в храмах и на скульптурах, и они служат напоминанием о том, что время не является линейным, но циклическим, и что каждый конец является началом.

В буддийских странах Кала также почитается, хотя и в других формах. В тибетском буддизме Калачакра, или Колесо Времени, является центральной тантрической системой, которая включает в себя сложные астрономические и астрологические расчеты. Эта система учит, что время является ключом к освобождению, и что практикующий может использовать знание времени для достижения просветления.

В индийской астрологии Кала также связан с определением продолжительности жизни. Астрологи вычисляют, сколько времени осталось человеку, и советуют ему использовать это время для добрых дел и духовной практики. Это учение, хотя и кажется мрачным, имеет оптимистический аспект: оно напоминает о том, что время ограничено, и что его нужно использовать мудро.

В эпосах герои часто говорят о времени как о великом уравнителе, который не делает различий между богатыми и бедными, между сильными и слабыми. Это учение призывает к смирению и к принятию своей судьбы, но также и к дей-

ствию, потому что время не ждет.

В индийских ритуалах время часто символизируется через песок или воду, которые текут, как время течет. Жрецы, которые проводят эти ритуалы, символически останавливают время, чтобы создать священное пространство, где люди могут соединиться с божественным.

В философских школах, таких как адвайта, время рассматривается как иллюзия, которая исчезает, когда человек достигает просветления. Это учение является радикальным, но оно также является освобождающим, потому что оно показывает, что страдания, которые приносит время, не являются реальными.

В народной культуре Кала часто упоминается в пословицах, которые говорят о том, что время лечит все раны, или что время — это деньги. Эти пословицы, хотя и просты, отражают глубокое понимание силы времени, которая влияет на все аспекты жизни.

В индийском искусстве время также изображается в виде старика с длинной бородой, который держит в руках песочные часы. Этот образ, хотя и является западным по происхождению, был адаптирован в индийской культуре и используется для обозначения неизбежности смерти.

В буддийских сутрах время часто используется как пример непостоянства. Будда говорит о том, что все явления, даже самые прочные, разрушаются временем, и что единственное, что вечно, — это пустота. Это учение призывает к от-

речению, но также и к состраданию, потому что оно показывает, что все существа страдают от времени.

В индийской астрономии время также связано с прецессией равноденствий, которая является медленным движением звезд. Это движение, которое длится 25 920 лет, является одним из самых долгих измеряемых циклов, и оно показывает, что время имеет свои ритмы, которые выходят за пределы человеческой жизни.

В философии санкхьи Кала рассматривается как один из двадцати пяти таттв, который является проявлением пуруши. Это делает время неотъемлемой частью реальности, которая существует на всех уровнях, от самого грубого до самого тонкого.

В народных верованиях время часто связывается с определенными животными, которые символизируют его быстроту или медлительность. Например, олень символизирует быстроту времени, а черепаха — его медлительность. Эти символы используются в искусстве и литературе, чтобы передать идеи о времени.

В индийских ритуалах время также используется для определения дат праздников, которые являются важными событиями в жизни общины. Эти праздники, которые часто приурочены к астрономическим событиям, объединяют людей и напоминают им о космическом порядке.

Кала является одной из самых центральных и многогранных концепций в индийской космологии. Он является бо-

жеством, философским принципом, астрономическим фактором, этическим законом и психологическим опытом. Он пронизывает все уровни бытия, от самых низких до самых высоких, и он показывает, что время не является внешним по отношению к реальности, но является её самой сутью.

Глава 48. Сотворение звезд: как космологические мифы объясняют скопления галактик

Когда ночное небо раскрывается над головой, оно кажется нам бесконечным покрывалом, усеянным бесчисленными огнями, которые мерцают в своем далеком танце. Для современного человека эти огни — это звезды, физические тела, состоящие из газа и плазмы, расположенные на огромных расстояниях друг от друга и от нашей планеты. Но для древнего индийца звезды были не просто физическими объектами; они были живыми существами, богами, героями, демонами, душами предков, знаками судьбы. Каждая звезда имела свою историю, свое имя, свою роль в великой космической драме, и эти истории были вплетены в мифы, которые объясняли не только происхождение отдельных светил, но и целых скоплений, которые мы сегодня называем галактиками, туманностями и звездными облаками. И хотя древние не знали о существовании галактик в научном смысле, их мифы о происхождении звездных скоплений поразительно точно отражают структуру Вселенной, как если бы они интуитивно понимали, что звезды не разбросаны хаотично, а собираются в группы, связанные невидимыми нитями силы и судьбы.

В ведийской литературе творение звезд часто связывает-

ся с жертвоприношением космического человека, Пуруши, который был принесен в жертву богами, чтобы создать Вселенную. В «Пуруша-сукте», знаменитом гимне Ригведы, говорится, что из тела Пуруши возникли все элементы мироздания: из его ума — Луна, из его глаз — Солнце, из его дыхания — ветер, а из его звезд, которые являются его глазами, — звезды на небе. Этот образ является одним из самых поэтичных и глубоких в индийской космологии: звезды — это не просто случайные огни, а взгляды космического существа, которые смотрят на нас с небес, напоминая о том, что мы являемся частью его тела. Но эта метафора также имеет астрономический смысл: она показывает, что звезды являются неотъемлемой частью мироздания, что они связаны с другими элементами и что их существование имеет цель. В этом гимне также говорится о том, что звезды — это «семена», которые падают на землю, чтобы порождать жизнь, что указывает на идею о том, что звезды являются источниками всего существования, а не просто украшениями на небе.

В пуранической космологии творение звезд описывается более детально. Согласно «Вишну-пуране», в начале каждой кальпы Брахма, пробуждаясь от сна, создает небесные тела, включая звезды. Он делает это из своего собственного тела, из своего света, из своей мысли. Звезды не являются отдельными от него; они являются его проявлениями. Брахма создает их для того, чтобы они освещали ночное небо, чтобы они служили ориентирами для навигации, чтобы они были

свидетелями кармы существ. Но он также создает их в определенном порядке, как он создает все в космосе: по иерархии, по группам, по созвездиям. Эти группы, которые мы сегодня называем скоплениями, имели для древних индийцев особое значение, поскольку они часто ассоциировались с семьями, кланами или армиями богов. Например, Плеяды, которые являются одним из самых ярких скоплений на небе, назывались «Криттика» и считались семью сестрами, которые были женами мудрецов или божеств. Их группировка в одном месте была не случайной; она отражала их семейные узы, их общую судьбу, их роль в космической истории.

Особое место в индийской мифологии занимает Млечный Путь, который в древней Индии назывался «Акаша-Ганга» или «Небесная Ганга». Считалось, что это река, которая течет по небу, и что она является отражением земной Ганги, которая стекает с небес на землю. В «Махабхарате» и «Рамаяне» есть эпизоды, где герои путешествуют по этой небесной реке, и она описывается как поток из молока или света, который пересекает небесную сферу. Но этот миф имеет не только религиозное, но и астрономическое значение: Млечный Путь является нашей галактикой, и древние индийцы, хотя и не знали этого, видели его как гигантское скопление звезд, которое образует реку света. Их интуиция была поразительно точна: они видели в нем не просто облако, а структуру, имеющую форму и направление, и они связывали его с божественными силами, которые управляют Вселенной. Ин-

тересно, что они также различали другие темные участки в Млечном Пути, которые они считали «черными реками» или местами, где демоны блокируют свет, и это напоминает современное понимание темных облаков пыли и газа, которые заслоняют свет звезд.

В буддийской космологии звезды также имеют свое место, хотя и с меньшим акцентом на их личные мифы. Будда говорил о том, что в каждой вселенной существуют бесчисленные звезды, и что они являются частью мира форм, который временен и несовершенен. Он также говорил, что звезды, как и все явления, подвержены возникновению и исчезновению, и что их свет не является вечным. Однако в буддийской медитации звезды часто используются как объекты для визуализации, особенно в тантрических практиках, где они символизируют пробужденный ум, который сияет во тьме невежества. В «Махавайручана-сутре» описывается, как Будда излучает свет из своего тела, и этот свет становится звездами, которые освещают бесчисленные миры. Этот миф, подобно индуистским, связывает творение звезд с актом просветления, показывая, что свет звезд является отражением божественного знания.

Но как же древние индийцы объясняли скопления галактик, которые мы сегодня знаем как огромные системы, содержащие миллиарды звезд? Конечно, они не имели телескопов, чтобы видеть отдельные звезды в галактиках, но они видели туманные пятна, такие как Большое и Малое Магел-

лановы Облака, которые доступны невооруженному глазу в Южном полушарии. Эти пятна они считали либо скоплениями звезд, которые были слишком далеки, чтобы быть видимыми по отдельности, либо небесными облаками, которые являлись обителями богов или демонов. В некоторых текстах, особенно в пуранах, упоминаются «острова» или «континенты» на небе, которые могут быть интерпретированы как галактики. Эти «острова» считались местами, где живут особые существа, и их свет был слабым, потому что они были удалены от нашего мира. Эта идея, хотя и не является научной в современном смысле, поразительно близка к пониманию того, что галактики являются отдельными «мирами» в космосе.

Мифы о звездных скоплениях также связаны с накшатрами, лунными стоянками, которые являются группами звезд, используемыми для календарных расчетов. Каждая накшатра имеет свое мифологическое происхождение: например, накшатра Рохини, которая является одной из самых ярких групп, считается женой Сомы, бога Луны, и её звезды символизируют плодородие и любовь. Накшатра Магха, которая связана с предками, состоит из звезд, которые считаются душами умерших, которые наблюдают за своими потомками. Накшатра Шравана, которая ассоциируется с учением, является местом, где, как говорят, находятся звезды, которые несут знания. Эти мифы превращают группы звезд в живые истории, которые можно рассказывать у костра, пе-

редавая знания о небе от поколения к поколению. Но они также имеют астрономическое содержание: положение накшатр использовалось для навигации, для предсказания погоды, для календарных расчетов, и их мифы служили мнемоническими инструментами для запоминания этих положений.

В индийской астрономии звездные скопления также использовались для определения времени и пространства. Астрономы, такие как Арьябхата и Варахамихира, знали, что звезды не являются статичными, но движутся, хотя и очень медленно, и что их положение меняется со временем. Они использовали наблюдения за звездными скоплениями, чтобы калибровать свои инструменты и уточнять календарные расчеты. Например, они знали, что некоторые звезды восходят в определенное время года, и что это указывает на наступление муссонов или сезонных изменений. Их знание о звездных скоплениях было не только мифологическим, но и практическим, и оно помогало им создавать точные прогнозы, которые были необходимы для выживания общин.

В эпосе звездные скопления часто появляются как места, куда отправляются герои после смерти или во время своих путешествий. В «Махабхарате» описан путь, который души проходят после смерти, и он включает в себя переход через различные звездные области, которые являются вратами в другие миры. В «Рамаяне» Рама, путешествуя по небу, проходит через различные звездные скопления, и каждое из них

имеет своего хранителя, который либо помогает, либо препятствует ему. Эти эпизоды показывают, что звездные скопления были не просто объектами для наблюдения, но и активными участниками космической драмы, которые влияли на судьбы героев. Они также показывают, что знание неба было необходимым для любого, кто хотел понять свою судьбу и найти свой путь в жизни.

В буддийской традиции звездные скопления иногда используются как метафоры для собраний бодхисаттв, которые собираются вокруг Будды, чтобы слушать его учение. В «Лотосовой сутре» описывается, как бесчисленные бодхисаттвы приходят из всех миров, и их сияние заполняет все пространство, как звезды на ночном небе. Эта метафора связывает звезды с состраданием и мудростью, показывая, что просветленные существа подобны звездам, которые светят во тьме, направляя всех, кто ищет истину. В этом смысле звездные скопления становятся символами буддийского сообщества, которое едино в своей цели, хотя и состоит из множества отдельных личностей.

В индийском искусстве звездные скопления часто изображаются в виде кругов или россыпей точек, которые украшают храмовые купола и фрески. Эти изображения не только красивы, но и образовательны: они показывают расположение созвездий и напоминают верующим о мифах, связанных с ними. В некоторых храмах есть специальные астрономические залы, где звездные скопления выложены на полу

или на потолке, и где жрецы проводят ритуалы, синхронизированные с их положением. Эти залы являются свидетельством того, что астрономия была неотъемлемой частью храмовой жизни, и что звездные скопления почитались как священные.

В народной культуре звездные скопления часто ассоциируются с повседневной жизнью. Например, Плеяды считаются временем, когда начинается сезон дождей, а Орион — когда начинается охота. Эти ассоциации, которые возникли из наблюдений, передавались из поколения в поколение, и они помогали людям адаптироваться к природным циклам. Даже сегодня в некоторых индийских деревнях крестьяне смотрят на Плеяды, чтобы определить, когда начинать посев, и они рассказывают мифы о семи сестрах, чтобы объяснить, почему эти звезды появляются в определенное время года.

В философских школах звездные скопления иногда рассматриваются как проявления гуны саттвы, которая является качеством чистоты и благости. Их свет символизирует знание, которое рассеивает тьму невежества. В этом смысле звездные скопления становятся не только физическими объектами, но и духовными символами, которые помогают практикующим развивать ясность и понимание. Медитация на звезды, особенно на их группы, может помочь успокоить ум и сосредоточиться на единстве, которое лежит за видимым разнообразием.

В ведийской астрономии звездные скопления также свя-

заны с движением времени. Считается, что определенные группы звезд управляют определенными периодами года, и что их восход и заход указывают на смену сезонов. Астрономы, которые наблюдали за этими скоплениями, могли предсказывать приход муссонов или наступление холодов, что было жизненно важно для сельского хозяйства. Это знание делало их незаменимыми в обществе, и их авторитет был основан на точности их предсказаний.

В эпосах звездные скопления часто являются местами, где происходят битвы между богами и демонами. Эти битвы, которые иногда описываются как космические войны, представляют собой борьбу между порядком и хаосом, светом и тьмой. Звездные скопления становятся полями сражений, и их расположение отражает исход этих битв. В «Махабхарате» есть описание того, как боги и демоны сражались в небесах, и их оружие создавало звезды, которые затем собирались в группы. Этот миф, хотя и фантастичен, отражает идею о том, что звезды являются результатом космического конфликта, и что их группы являются следами этого конфликта.

В буддийской медитации звездные скопления иногда используются для развития сострадания. Практикующий визуализирует бесчисленные звезды, каждая из которых представляет собой живое существо, и он посылает им свое сострадание, как свет, который озаряет все пространство. Эта практика помогает развить универсальную любовь, которая не делает различий между существами, и она показывает,

что звездные скопления являются метафорой для бесконечного множества существ, которые нуждаются в помощи.

В индийском календаре звездные скопления также используются для определения дат праздников. Некоторые праздники приходятся на дни, когда определенная группа звезд восходит на горизонте, и это считается благоприятным знаком. Например, праздник Дивали часто приходится на новолуние, но он также связан с определенными звездами, которые появляются в это время. Эти связи между звездными скоплениями и праздниками делают календарь не только временным, но и космическим, и они напоминают людям о том, что их праздники являются частью большого космического цикла.

В индийской философии звездные скопления рассматриваются как проявления майи, иллюзии, которая скрывает истинную природу реальности. Даже их красота является частью иллюзии, которая должна быть преодолена. Однако это не означает, что они не имеют значения; они являются средством для познания, которое может привести к более глубокому пониманию. Познавая структуру звездных скоплений, человек может осознать структуру своей собственной души, и это знание может вести к освобождению.

В искусстве звездные скопления часто изображаются в виде драгоценностей, которые украшают одежду богов или их короны. Эти изображения подчеркивают святость звезд, которые являются не просто объектами, но драгоценными кам-

нями в короне Вселенной. Они также напоминают о том, что звезды являются божественными дарами, которые были созданы для красоты и для навигации.

В народных сказаниях звездные скопления часто являются местами, где происходят чудеса. Герои могут найти путь, следуя за определенной группой звезд, или они могут встретить там божество, которое дарует им благословение. Эти истории передают важный урок: небо не является пустым, оно наполнено жизнью и смыслом, и каждый может найти в нем свое место, если он умеет смотреть.

В аюрведической медицине звездные скопления иногда используются для лечения. Считается, что определенные группы звезд связаны с определенными органами тела, и что их свет может влиять на здоровье. Врачи рекомендуют пациентам смотреть на звезды в определенное время, чтобы восстановить баланс, или проводить ритуалы, которые активируют звездную энергию. Эти методы, хотя и не являются научными, показывают, что звездные скопления были частью целостной системы знания, где астрономия и медицина были переплетены.

В буддийских странах звездные скопления также почитаются, хотя и с меньшим ритуализмом. Монахи часто наблюдают за звездами, чтобы развивать осознанность, и они используют их как напоминание о непостоянстве. Они также рассказывают мифы о звездах, чтобы вдохновлять мирян на добрые дела. Эти практики показывают, что звездные скоп-

ления являются универсальным символом, который находит отклик в разных культурах.

В современной астрономии мы знаем, что звездные скопления бывают разных типов: рассеянные скопления, которые являются группами молодых звезд, и шаровые скопления, которые являются плотными группами старых звезд. Мы также знаем, что галактики являются гигантскими скоплениями миллиардов звезд, которые вращаются вокруг центра. Но для древних индийцев все звездные скопления были частью космического порядка, который был создан богами для определенных целей. Их интуитивное понимание того, что звезды собираются в группы, было удивительно точным, и их мифы о происхождении этих групп до сих пор вдохновляют нас на размышления о том, как устроена Вселенная.

Изучая эти мифы, мы видим, что древние индийцы не просто смотрели на звезды, но и видели в них истории, которые помогали им понять свое место в космосе. Они видели в них не просто физические объекты, но и родственников, богов, предков, союзников и врагов. Это видение делало звезды живыми, близкими, понятными, и оно давало им силу и надежду. И сегодня, когда мы смотрим на ночное небо и видим знакомые Плеяды или Млечный Путь, мы можем почувствовать ту же связь с бесконечностью, которую чувствовали они. Мы можем представить, как древние мудрецы рассказывали у костра о том, как были созданы эти звезды, и как эти рассказы передавались из поколения в поколение,

сохраняя знание о небесах. Это знание, хотя и облеченное в мифы, является не только культурным наследием, но и мостом между нами и теми, кто жил тысячи лет назад, и оно напоминает нам, что мы все являемся частью одной великой семьи, связанной светом звезд, который путешествует через время и пространство, чтобы достичь наших глаз и коснуться наших сердец.

Глава 49. Вращение миров: представления о форме Земли и ее месте в пространстве

Из всех вопросов, которые древний человек задавал о космосе, ни один не был более насущным и более таинственным, чем вопрос о том, как устроена Земля, на которой он стоит. Он видел горизонт, он видел, как корабли исчезают за ним, он видел, как звезды поднимаются из-за него, и он видел, как Солнце каждый день совершает свой путь от одного края до другого. Но что лежит за горизонтом? Что находится под ногами? Имеет ли Земля форму, и если да, то какую? Является ли она плоской, как стол, или круглой, как шар? Вращается ли она сама по себе, или она неподвижна, а всё небо вращается вокруг неё? Эти вопросы не были для древних индийцев просто академическими; они имели глубокое практическое и ритуальное значение, поскольку определяли ориентацию храмов, направление жертвоприношений, и даже саму идею о том, что является верхом, а что — низом. Индийская космология, которая была неразрывно связана с наблюдениями за небом, предложила несколько моделей формы Земли и её места в пространстве, и эти модели, хотя и кажутся сегодня наивными, были результатом тщательных размышлений и наблюдений, которые поражают своей глу-

биной и логикой.

Наиболее ранние индийские представления о форме Земли были, по-видимому, основаны на непосредственном восприятии. Земля казалась плоской, простирающейся во все стороны до горизонта, который был краем видимого мира. Это восприятие отражено в ведийских гимнах, где Земля описывается как «широкая», «бесконечная», «устойчивая», и как «богиня», которая поддерживает все существа. В Ригведе есть упоминания о том, что Земля имеет четыре стороны света, которые соответствуют четырем направлениям, и что она является основой, на которой покоится всё остальное. Однако уже в этих ранних текстах есть намеки на то, что Земля не является просто плоским диском. Например, в некоторых гимнах говорится, что Земля поддерживается столпами или что она плавает в океане, что указывает на представление о том, что она имеет структуру и что она не является бездонной. Эти представления, хотя и рудиментарны, показывают, что древние индийцы уже начинали задумываться о том, что лежит за пределами видимого, и что они искали объяснения, которые выходили за рамки простого восприятия.

В брахманах и ранних упанишадах появляются более сложные представления. Здесь Земля описывается как диск, который разделен на семь континентов, или «двипа», которые окружают центр, где находится гора Меру. Каждый континент имеет свою форму, свой цвет, свои особенности, и

каждый из них населен определенными существами. Эта модель, которая стала классической в пуранической космологии, представляет Землю как плоскую, но не просто плоскую, а как структурированное пространство, которое имеет центр и периферию. Гора Меру в центре является осью мира, вокруг которой вращаются все небесные тела. Солнце, Луна и планеты движутся по кругу вокруг этой горы, и их движение определяет смену дня и ночи, времен года и других циклов. В этой модели Земля является неподвижной, а небо вращается вокруг неё, и это является геоцентрической системой, которая была характерна для многих древних культур.

Однако индийские астрономы не остановились на этой модели. Уже в классический период, в первых веках нашей эры, они начали разрабатывать более точные представления о форме Земли. Арьябхата, один из величайших индийских астрономов, в своем трактате «Арьябхатия» утверждал, что Земля является сферой и что она вращается вокруг своей оси. Это было революционное заявление для того времени, которое опережало европейскую науку на много веков. Арьябхата основывал свои выводы на наблюдениях: он заметил, что звезды на южном небе не видны из северных широт, и наоборот, и что это можно объяснить только сферичностью Земли. Он также заметил, что тень Земли, падающая на Луну во время лунного затмения, всегда круглая, что является еще одним доказательством сферичности. Кроме того, он

разработал модель вращения Земли, чтобы объяснить видимое движение звезд и планет по небу. Согласно Арьябхате, Земля вращается вокруг своей оси с постоянной скоростью, и это вращение создает иллюзию, что небо движется вокруг нас. Эта модель, хотя и не была полностью принята всеми астрономами, оказала большое влияние на развитие индийской астрономии и стала одной из самых значительных ее достижений.

Однако Арьябхата столкнулся с сопротивлением со стороны более традиционных астрономов, которые придерживались геоцентрической модели. Варахамихира, другой великий астроном, который жил в шестом веке, хотя и признавал сферичность Земли, все же придерживался модели, в которой Земля была неподвижна, а небо вращалось вокруг нее. Он утверждал, что вращение Земли невозможно, потому что тогда всё на ней было бы сброшено, и что все объекты упали бы с её поверхности. Этот аргумент, который был основан на здравом смысле, был распространен во многих культурах и долгое время препятствовал принятию гелиоцентрической модели. Однако Варахамихира также внес вклад в понимание формы Земли, разработав методы для измерения её окружности и для определения географической широты с помощью наблюдений за Солнцем и звездами.

В пуранической литературе, которая создавалась параллельно с научными трактатами, сохранилась традиционная модель плоской Земли с горой Меру. Однако эта модель не

была просто примитивной; она имела свою внутреннюю логику и была связана с ритуальными и философскими представлениями. В этой модели Земля описывается как состоящая из семи континентов, каждый из которых имеет свою форму: Джамбудвипа, где находится Индия, является самым южным и самым важным; Бхадрашва на востоке; Кетумала на западе; Уттара-Куру на севере; и другие континенты, которые расположены вокруг Меру. Эти континенты разделены океанами, каждый из которых имеет свой вкус: соленый, сладкий, кислый, и так далее. Эта модель, хотя и не является географически точной, является космической картой, которая отражает представление о том, что мир устроен по закону, который можно познать через мифологию. Она также показывает, что индийцы представляли себе Землю как часть большего космоса, в котором все элементы имеют свое место и свое значение.

В буддийской космологии форма Земли также описывается, хотя и с некоторыми отличиями. В «Абхидхармакоше» Васубандху описывается, что Земля является плоским диском, который находится в центре мира, и что она окружена горами, океанами и другими континентами. Однако буддийская модель также включает в себя представление о том, что Земля не является единственным миром, и что существуют бесчисленные другие миры, которые похожи на наш, но находятся в разных частях космоса. Эти миры могут быть как плоскими, так и сферическими, и они населены различными

существами в соответствии с их кармой. Будда не придавал большого значения форме Земли, поскольку он считал, что это не важно для освобождения, но он использовал астрономические наблюдения для иллюстрации своего учения о непостоянстве и взаимозависимости. Например, он говорил, что Земля не является вечной и что она будет разрушена в конце кальпы, и что это является примером того, как все явления подвержены изменению.

В индийской астрономии представления о форме Земли также были связаны с календарными расчетами. Чтобы определить точное время равноденствий и солнцестояний, астрономы должны были знать, как Солнце движется по отношению к Земле. Если Земля сферическая, то угол падения солнечных лучей меняется в зависимости от широты, и это влияет на продолжительность дня и ночи. Астрономы, такие как Арьябхата, использовали эти знания для создания таблиц, которые позволяли вычислять время восхода и захода Солнца для любой широты. Эти таблицы были не только научными, но и практическими, поскольку они использовались для определения времени ритуалов и для планирования сельскохозяйственных работ.

В философских школах форма Земли также обсуждалась в контексте более широких вопросов о природе реальности. В санкхье, одной из шести ортодоксальных школ индийской философии, Земля считается одним из пяти элементов, который имеет определенные качества: твердость, плотность и

т.д. Форма Земли рассматривается как проявление этих качеств, и она не имеет самостоятельного существования вне своей причины. В веданте, где акцент делается на иллюзорности мира, форма Земли является частью майи, которая скрывает истинную реальность Брахмана. Даже если Земля имеет определенную форму, эта форма является временной и нереальной в абсолютном смысле. Это учение, хотя и не является научным, показывает, что философия и космология были переплетены в индийской мысли, и что вопросы о форме Земли были связаны с вопросами о смысле жизни и о конечной реальности.

В индийских эпосах форма Земли часто описывается в поэтических образах. В «Махабхарате» Земля описывается как «бесконечная» и «неизмеримая», и она сравнивается с лотосом, который плавает на поверхности океана. В «Рамаяне» Земля описывается как плоская, но с горными хребтами, которые поднимаются до неба, и с океанами, которые окружают её. Эти описания, хотя и не являются научными, отражают эмоциональное отношение к Земле как к месту, где происходит жизнь, и как к объекту почитания. Они также показывают, что индийцы не разделяли строго научное и поэтическое восприятие мира, и что они использовали оба подхода для понимания своего места в космосе.

В народной культуре форма Земли часто связывалась с мифами о её происхождении. Считалось, что Земля была создана из тела Пуруши, или что она была поднята из вод Виш-

ну в образе вепря, который принес её на своих клыках. Эти мифы, которые рассказывались у костра, передавали знание о том, что Земля имеет священное происхождение, и что она является не просто физическим объектом, но и живым существом. Люди верили, что Земля чувствует, что она реагирует на их действия, и что она может быть обижена или обрадована. Это отношение к Земле как к матери, как к богине, было частью индийской культуры, и оно определяло их отношение к природе и к экологии.

В храмовой архитектуре форма Земли также находила свое отражение. Храмы часто строились в форме квадрата или круга, которые символизировали структуру мира. Квадрат символизировал Землю, а круг — небо, и их сочетание создавало космическую модель, которая объединяла все элементы бытия. Алтари, которые использовались для жертвоприношений, также имели определенную форму, которая была связана с космологическими представлениями. Например, алтарь для агни-хотры часто имел форму пирамиды, которая символизировала гору Меру, и его стороны были ориентированы на четыре стороны света. Эти архитектурные решения показывают, что представления о форме Земли были не только теорией, но и практикой, которая определяла, как люди строили свои священные пространства.

В буддийских монастырях форма Земли иногда использовалась как объект для медитации. Монахи визуализировали Землю как диск, который лежит на водах, и они размышляли

о её непостоянстве и о её зависимости от причины. Это помогало им развивать мудрость и отречение, потому что они видели, что даже Земля, которая кажется такой твердой и устойчивой, является временной и подвержена разрушению. Эта медитация также развивала сострадание, потому что они осознавали, что все существа, которые живут на Земле, подвержены страданиям и что они нуждаются в помощи.

В индийской астрологии форма Земли также имела значение. Планеты считались движущимися по небесной сфере, и их влияние на Землю зависело от их положения относительно горы Меру. Астрологи, которые составляли гороскопы, должны были учитывать, что Земля находится в центре, и что её форма влияет на то, как лучи планет падают на неё. Однако астрологи также использовали сферическую модель для более точных расчетов, особенно когда речь шла о затмениях, которые зависели от взаимного расположения Солнца, Луны и Земли. Это показывало, что даже в астрологии, которая была тесно связана с мифологией, существовало место для более точных астрономических моделей.

В ведийской космологии форма Земли была связана с идеей жертвоприношения. Земля рассматривалась как жертвенник, на котором совершаются все действия, и её форма определяла, как должны проводиться ритуалы. Жрецы, которые проводили эти ритуалы, должны были знать, где находится центр мира, где находятся стороны света, и как эти направления связаны с богами. Это знание было сакральным, и

оно передавалось из поколения в поколение через специальные тексты и устную традицию. Даже когда астрономы разработали более точные модели, жрецы продолжали использовать традиционные модели для ритуалов, потому что они имели ритуальное значение, которое выходило за пределы простой географии.

В индийских философских школах форма Земли также обсуждалась с точки зрения эпистемологии, то есть теории познания. Как мы можем знать, что Земля имеет определенную форму? Можем ли мы доверять своим чувствам, или они могут нас обманывать? Эти вопросы поднимались в текстах ньяи, школы логики, и их ответы были разными. Некоторые философы утверждали, что мы можем знать форму Земли через восприятие, а другие — что мы можем знать её только через вывод и умозаключение. Эта дискуссия показывала, что индийская мысль была не только космологической, но и методологической, и что она стремилась к ясности и обоснованности своих утверждений.

В индийских эпосах форма Земли также становилась предметом героических путешествий. В «Махабхарате» и «Рамаяне» герои отправляются в различные части света, и эти путешествия расширяют их представления о мире. Например, в «Рамаяне» Рама путешествует на юг, в Шри-Ланку, и он встречает там существ, которые живут в разных частях земли. Эти путешествия не только приключения, но и способы познания мира, которые показывают, что даже в

рамках мифологической модели существует место для исследования и открытия.

В буддийских джатаках, которые рассказывают о прошлых жизнях Будды, форма Земли часто используется как фон для моральных уроков. В одной из историй Бодхисаттва рождается как царь, который управляет землей, и он должен защищать её от врагов. В другой истории он путешествует по океану и открывает новые земли. Эти истории, хотя и являются вымышленными, отражают представления о том, что Земля имеет определенную форму и что она доступна для изучения.

В индийском искусстве форма Земли часто изображалась в виде мандалы, которая является символом космического порядка. Мандала состоит из круга и квадрата, которые представляют небо и землю, и она часто используется в медитации для визуализации Вселенной. В центре мандалы находится гора Меру, а вокруг нее — континенты и океаны. Эта мандала не только красива, но и функциональна: она помогает практикующему сконцентрироваться и понять структуру реальности.

В народной культуре форма Земли также связана с повседневными практиками. Например, ориентация домов по сторонам света была важна для благополучия семьи. Считалось, что если дом не правильно ориентирован, то в нем будут происходить болезни и несчастья. Поэтому строители всегда учитывали направление восхода и захода Солнца, чтобы пра-

вильно расположить вход и комнаты. Эта практика, которая основана на представлениях о форме Земли и о космическом порядке, сохранилась до наших дней в виде васту-шастры, которая является индийской наукой о строительстве.

В ведийской астрономии форма Земли также была связана с понятием «двипа» — континентов, которые отделены океанами. Эти континенты не только географические, но и ритуальные: каждый из них имеет свою дхарму, свои обычаи, свои божества. Знание о континентах было важно для тех, кто путешествовал, поскольку оно позволяло им ориентироваться в мире и уважать местные традиции. Даже когда астрономы разработали сферическую модель, эта традиционная модель продолжала существовать как культурный артефакт.

В индийских философских школах форма Земли также была связана с вопросом о том, что находится под землей. Согласно некоторым текстам, под землей находятся ады и другие миры, которые населены демонами и духами. Эти представления, хотя и не являются научными, отражают идею о том, что реальность не ограничивается видимым, но имеет глубину, которая может быть опасной или благословенной. Знание о том, что находится под землей, было важно для ритуалов, которые включали в себя спуск в подземные сферы, и для понимания того, что смерть не является концом.

В буддийских текстах форма Земли иногда описывается

как зависящая от кармы существ. Считается, что в золотые эпохи, когда люди были праведны, Земля была более ровной и красивой, а в темные эпохи она становилась неровной и полной препятствий. Это представление связывает форму Земли с моральным состоянием существ, показывая, что космология и этика неразрывно связаны.

В индийском искусстве форма Земли часто изображается как колесо, которое символизирует время и пространство. Колесо имеет центр, который соответствует горе Меру, и спицы, которые соответствуют различным направлениям и мирам. Эти изображения, которые можно найти в храмах и на скульптурах, являются визуальным напоминанием о том, что мир устроен по определенному плану, и что человек должен понимать этот план, чтобы жить в гармонии с космосом.

В ведической космологии форма Земли также была связана с жертвоприношениями, которые проводились для поддержания космического порядка. Считалось, что если ритуалы проводятся правильно, то Земля остается стабильной и плодородной. Если же ритуалы нарушаются, то Земля может задрожать, могут произойти землетрясения или другие катастрофы. Это представление показывает, что индийцы воспринимали Землю не как мертвый объект, а как живое существо, которое реагирует на действия людей.

Таким образом, представления о форме Земли в индийской космологии были разнообразны и многозначны. Они включали в себя как традиционные модели плоского диска с

горой Меру, так и более научные модели сферической Земли, которая вращается вокруг своей оси. Эти модели не были противоречивы в глазах древних индийцев; они сосуществовали, каждая выполняя свою функцию: одна для ритуалов и мифологии, другая для астрономических расчетов и наблюдений. И это сосуществование показывало, что индийская мысль была гибкой и открытой к разным подходам, и что она не боялась принимать новые идеи, даже если они противоречили старым. Когда мы сегодня смотрим на Землю из космоса, мы видим её как голубой шар, который вращается в черной бесконечности. Но для древнего индийца Земля была не просто шаром; она была матерью, богиней, жертвенником, местом действия кармы и домом для всех существ. Это видение, хотя и не является научным, имеет свою ценность, потому что оно напоминает нам о том, что наша планета не является просто физическим объектом, но является источником жизни, красоты и смысла. И это знание, переданное через тысячелетия, помогает нам сохранять уважение к Земле и понимание того, что мы являемся частью гораздо большего космического порядка, который включает в себя не только форму и движение, но и этику, ритуал и духовное устремление. Изучая эти представления, мы учимся не только истории, но и мудрости, которая может помочь нам жить в гармонии с нашей планетой, с нашим космосом и с нашей собственной душой.

Глава 50. Символика чисел в космогенезе: от нуля до бесконечности

Если Вселенная была создана из мысли, из слова, из желания, то она также была создана из числа. Число является тем фундаментальным языком, на котором говорит космос, той структурой, которая лежит в основе всего проявленного, от мельчайшей частицы до величайшей галактики. И в индийской космологии эта идея получает наиболее полное и систематическое выражение. Здесь числа не являются просто инструментами для счета; они являются активными принципами, которые участвуют в творении, которые определяют форму, длительность и качество всех явлений. От пустоты, которая предшествует творению, до бесконечности, которая охватывает все миры, числа прокладывают путь, по которому движется космос, и они являются ключом к пониманию его структуры и его судьбы. Символика чисел в космогенезе — это не просто нумерология, но и глубокая философия, которая показывает, что мир не случаен, что он имеет внутреннюю логику, и что эта логика может быть понята через созерцание священных чисел, которые управляют рождением, существованием и исчезновением всего сущего.

В индийской космологии космогенез начинается с нуля.

Ноль, или шунья, является не просто отсутствием числа, но и символом пустоты, из которой возникает всё. В буддийской философии шуньята, или пустота, является основой всех явлений, их истинной природой, которая не имеет собственного бытия, но содержит в себе все возможности. Эта пустота не является нигилизмом; она является потенциальностью, которая позволяет всему возникать и исчезать. В космогенезе ноль представляет собой состояние до творения, когда не было ни времени, ни пространства, ни материи, ни сознания, только чистая потенция, которая ожидала своего проявления. В ведийском гимне Насадия говорится, что в начале не было ни бытия, ни небытия, ни воздуха, ни неба, и это состояние описывается как пустота, которая дышит без дыхания. Из этой пустоты возникает первый импульс, первое желание, которое становится семенем творения. Ноль, таким образом, является началом и концом, альфой и омегой космоса, тем, из чего всё выходит и во что всё возвращается.

Из нуля возникает единица. Единица является символом Брахмана, абсолютной реальности, которая является единственной и неделимой. В ведической традиции это «то одно», которое существовало до всего и из которого произошло всё. Единица также символизирует Брахму как творца, который является источником всего сущего, но который сам не имеет источника. В космогенезе единица представляет собой первый акт дифференциации, когда из пустоты возникает нечто, когда появляется точка, которая становится цен-

тром Вселенной. Эта точка — это зародыш мира, который содержит в себе все остальные числа, все формы, все жизни. Без единицы не было бы множественности, не было бы мира, не было бы существ. Она является основой, на которой строится всё остальное, и она символизирует единство, которое лежит за видимым разнообразием.

Из единицы возникает двойка. Двойка символизирует полярность, которая является необходимым условием для творения. Без двойки не было бы различия между светом и тьмой, между небом и землей, между мужским и женским, между жизнью и смертью. В индийской космологии двойка часто ассоциируется с Пурушей и Пракрити, духом и материей, которые являются двумя аспектами реальности, которые взаимодействуют, чтобы создать мир. В космогенезе двойка возникает, когда единица разделяется на две половины, создавая оппозицию, которая порождает движение и изменение. Это разделение является актом творения, потому что без него не было бы ничего, кроме недифференцированного единства. В «Шатапатха-брахмане» описывается, как Брахма разделил себя на мужское и женское, чтобы создать потомство, и это разделение является архетипом всех полярностей в космосе.

Тройка является числом, которое символизирует три мира, три времени, три гуны, три основных божества. В космогенезе тройка появляется, когда из двойки возникает третье начало, которое объединяет противоположности. Это число

завершенности и целостности, потому что оно включает в себя начало, середину и конец. В ведийской космологии три мира — земля, воздух и небо — являются основными сферами, которые составляют Вселенную, и их взаимодействие создает всё разнообразие бытия. Тройка также символизирует три стадии творения: возникновение, существование и разрушение, которые являются неотъемлемыми частями любого космического цикла. Без тройки мир был бы неполным, и его эволюция не была бы возможна.

Четверка символизирует четыре направления, четыре Веды, четыре юги, четыре ашрамы. В космогенезе четверка представляет собой завершенность и устойчивость. Если тройка дает структуру, то четверка дает опору. Четыре стороны света создают пространство, в котором может существовать мир, и четыре юги создают время, в котором могут разворачиваться события. В пуранической космологии четыре континента окружают гору Меру, и каждый из них имеет свою форму и свои характеристики. Это число также символизирует четыре элемента — землю, воду, огонь и воздух, которые являются строительными блоками всей материи. Без четверки мир не имел бы устойчивости и был бы лишен формы.

Семерка является одним из самых священных чисел в индийской космологии. Она символизирует семь планет, семь риши, семь миров, семь подземных сфер, семь коней Солнца. В космогенезе семерка представляет собой полноту и со-

вершенство. Она объединяет тройку и четверку, небо и землю, духовное и материальное. Семь планет движутся по небу, управляя временем и судьбой, и семь риши являются хранителями знания, которое поддерживает космический порядок. В «Сурья-сиддханте» описывается, как семь планет вращаются вокруг горы Меру, и их движение определяет календарь и астрологические влияния. Семерка также связана с семью днями недели, которые создают ритм жизни, синхронизированный с космическими циклами. Это число является универсальным символом того, что мир устроен по законам, которые можно познать и использовать.

Двенадцать является числом, которое символизирует двенадцать знаков зодиака, двенадцать месяцев, двенадцать адитьев. В космогенезе двенадцать представляет собой завершенный цикл, который возвращается к своему началу. Двенадцать знаков зодиака образуют путь Солнца по небу, и этот путь определяет смену сезонов и время для ритуалов. Двенадцать месяцев составляют год, который является основной единицей времени для земледелия и для религиозных праздников. В буддийской космологии двенадцать звеньев взаимозависимого возникновения описывают процесс возникновения страдания, и их понимание является ключом к освобождению. Это число также связано с идеей полноты, потому что двенадцать является произведением трех и четырех, которые представляют духовное и материальное начала.

Сто восемь является числом, которое имеет особое зна-

чение в индийской культуре. Оно используется для количества четок, для повторения мантр, для числа упанишад, для деления накшатр (27, умноженное на 4). В космогенезе сто восемь символизирует бесконечность, заключенную в конечном, и гармонию между микрокосмом и макрокосмом. Это число также имеет астрономическое значение: расстояние от Земли до Солнца примерно в 108 раз больше диаметра Солнца, а расстояние от Земли до Луны примерно в 108 раз больше диаметра Луны. Знали ли древние индийцы об этом? Возможно, они интуитивно ощущали это соответствие, наблюдая за небом, и придали числу 108 сакральный смысл. В космогенезе это число представляет собой единство видимого и невидимого, того, что можно измерить, и того, что можно только почувствовать.

Тысяча является числом, которое символизирует бесконечность, полноту и божественность. В ведийской литературе тысяча часто используется для обозначения бесчисленного множества: тысячеглавый змей Шеша, тысячелетие как период времени, тысяча имен богов. В космогенезе тысяча представляет собой масштаб, который выходит за пределы человеческого понимания, и который указывает на величие Вселенной. Тысяча также используется в астрономии для выражения больших расстояний и больших периодов времени, что позволяет астрономам оперировать масштабами, которые невозможно представить. Это число также связано с жертвоприношением, потому что в некоторых ритуалах при-

носятся тысячи жертв, и это символизирует полную самоотдачу.

Следующим шагом являются огромные числа, которые описывают длительность юг и кальп. Четыре миллиона триста двадцать тысяч лет, которые составляют маха-югу, и четыре миллиарда триста двадцать миллионов лет, которые составляют кальпу, являются числами, которые почти невозможно охватить умом. Однако эти числа не являются произвольными; они основаны на астрономических расчетах и на философских принципах. Они показывают, что время имеет свою структуру, и что эта структура может быть выражена в числах. В космогенезе эти числа представляют собой масштаб Вселенной, который выходит за пределы человеческой жизни, и который напоминает о том, что мир не был создан вчера и не будет разрушен завтра, но существует в вечном цикле.

В индийской космологии числа также используются для описания структуры миров. Каждый мир имеет свою форму, свои размеры, свои расстояния, которые выражены в йоджанах, и эти числа определяют, как устроен космос. Например, высота горы Меру составляет восемьдесят четыре тысячи йоджан, что соответствует шестистам тысячам километров, и это число является не только географическим, но и ритуальным. Оно показывает, что мир имеет определенные пропорции, которые священны, и что их нарушение могло бы привести к катастрофе. Аналогично, расстояния между

планетами и звездами выражаются в числах, которые были рассчитаны с большой точностью, и эти расчеты использовались для календарных и астрологических целей.

В буддийской космологии числа также играют важную роль. Тридцать один мир, которые составляют вселенную, и шесть миров сансары, которые населены существами, являются структурами, которые можно понять через числа. Буддийские астрономы разработали сложные системы для вычисления длительности кальп и для предсказания движения светил, и эти системы основывались на точных математических моделях. В «Абхидхармакоше» описывается, как возникают и исчезают миры, и эти процессы описываются с помощью чисел, которые показывают, что космос не случаен, но подчиняется закону.

В философских школах числа также использовались для описания природы реальности. В санкхье двадцать пять таттв, или принципов, составляют всё мироздание, и их комбинации создают все разнообразие мира. Эти таттвы не являются просто абстракциями; они являются числами, которые имеют онтологический статус, и которые определяют, как устроено бытие. Аналогично, в адвайте числа рассматриваются как часть майи, которая скрывает истинную природу Брахмана, но они также являются инструментами для постижения этой реальности, потому что они могут быть использованы для очищения ума и для развития мудрости.

В эпосах числа часто используются для описания героиче-

ских подвигов. Армии насчитывают миллионы воинов, битвы длятся годы, и эти преувеличения не случайны; они отражают идею о том, что космические события имеют огромный масштаб, который не может быть выражен обычными числами. Однако эти преувеличения также имеют ритуальное значение: они показывают, что мир не является ограниченным, но бесконечным, и что человеческая жизнь является частью этого бесконечного порядка.

В индийском искусстве числа часто используются в архитектуре и в изобразительном искусстве. Храмы строятся по определенным пропорциям, которые основаны на священных числах, и эти пропорции создают гармонию, которая отражает космический порядок. Скульптуры и картины часто содержат определенное количество элементов, которое имеет символическое значение, и это делает искусство не только эстетическим, но и дидактическим. Верующие, которые смотрят на эти произведения, не только наслаждаются их красотой, но и изучают космологию через числа.

В народной культуре числа также имеют свое место. Люди часто используют определенные числа для выбора дат свадьбы, для закладки фундамента домов, для начала бизнеса, и эти числа считаются благоприятными или неблагоприятными в зависимости от их символического значения. Например, число 9 считается удачным, потому что оно является завершением цикла, а число 13 считается неблагоприятным, потому что оно связано с демонами. Эти верования, хотя и

не имеют научного обоснования, являются частью народной мудрости, которая передается из поколения в поколение.

В ведийской астрономии числа также используются для вычисления затмений и для предсказания положения планет. Астрономы, которые знали эти числа, могли предсказывать события с большой точностью, и их знания были востребованы при дворах правителей. Эти расчеты показывали, что астрономия является не только наукой, но и искусством, которое требует глубокого понимания числовых закономерностей.

В индийских ритуалах числа также играют важную роль. Количество повторений мантры, количество подношений, количество огней, которые зажигаются, — всё это определяется числами, которые имеют ритуальное значение. Например, повторение мантры 108 раз считается наиболее эффективным, потому что это число символизирует полноту и совершенство. Эти ритуалы помогают людям концентрироваться и устанавливать связь с божественным, и они показывают, что числа являются не просто символами, но и инструментами для духовной практики.

В буддийских монастырях числа также используются для организации жизни. Количество простираний, количество часов медитации, количество монахов, которые участвуют в ритуале, — всё это определяется числами, которые имеют символическое значение. Монахи, которые следуют этим правилам, живут в гармонии с космическим порядком, и их

практика становится более эффективной.

В философии веданты числа рассматриваются как проявления Брахмана, который является единым и неделимым, но который проявляется как множество через числа. Это проявление не является иллюзией, но является реальным, хотя и временным. Числа помогают человеку понять, как единое становится множественным, и как множественное возвращается к единству. Это понимание является ключом к освобождению.

В эпосе числа иногда становятся символами судьбы. Например, в «Махабхарате» количество воинов, которые погибли в битве, выражается в огромных числах, и эти числа показывают, что судьба не является случайной, но предопределена кармой. Герои, которые понимают это, могут принять свою судьбу и действовать в соответствии с дхармой.

В индийском календаре числа также имеют свое место. Каждый месяц, каждый день, каждый час имеет свои числовые характеристики, и эти характеристики используются для определения благоприятных и неблагоприятных моментов. Люди, которые следуют календарю, могут избегать неудач и усиливать удачу, и это помогает им жить в гармонии с космосом.

В ведической космологии числа также связаны с понятием «йога» — соединение. Йога чисел заключается в том, чтобы найти гармонию между разными элементами, чтобы создать единое целое. Астрономы, которые занимаются вычис-

лениями, занимаются йогой чисел, когда они пытаются найти закономерности в движении светил. Эта йога является не только интеллектуальной, но и духовной, потому что она помогает познать единство, которое лежит за видимым разнообразием.

В индийском искусстве числа также используются для создания пропорций, которые считаются священными. Эти пропорции, такие как золотое сечение, которые известны в западной культуре, также присутствуют в индийской архитектуре, и они создают гармонию, которая отражает космический порядок. Храмы, построенные по этим пропорциям, считаются особенно благоприятными для поклонения, потому что они являются микрокосмами Вселенной.

В буддийских медитациях числа также используются для развития осознанности. Практикующий может сосредоточиться на счете своих вдохов и выдохов, чтобы успокоить ум и войти в состояние концентрации. Этот простой метод, основанный на числах, является одним из самых эффективных способов достижения внутреннего покоя.

В индийской философии числа также связаны с понятием «граха» — планеты, которые являются агентами кармы. Планеты, которые движутся по своим орбитам, создают числовые паттерны, которые отражают кармические тенденции. Астрологи, которые изучают эти паттерны, могут предсказывать будущее и советовать, как исправить негативные влияния. Это делает числа не просто символами, но и инструмен-

тами для воздействия на реальность.

В народных сказаниях числа также часто являются сюжетообразующими элементами. Например, герой может должен пройти через три испытания, или он может быть спасен благодаря семи помощникам. Эти числа, хотя и являются фольклорными, отражают космологические принципы, которые были понятны каждому человеку.

В ведийской астрономии числа также используются для определения времени праздников. Например, Дивали празднуется в новолуние, которое является определенным числовым состоянием Луны, и это состояние считается наиболее благоприятным для победы света над тьмой. Аналогично, Холи празднуется в полнолуние, которое также имеет свое числовое значение. Эти связи показывают, что числа являются частью священного календаря.

В индийской архитектуре числа также используются для определения размеров и форм зданий. Например, высота храма может быть кратной определенному числу, и это число имеет символическое значение, которое связано с божеством, которому посвящен храм. Эти архитектурные решения показывают, что числа являются не только утилитарными, но и сакральными.

В буддийских странах числа также имеют свое значение, хотя и с некоторыми отличиями. Например, число 108 также священно в тибетском буддизме, и оно используется для четок и для повторения мантр. Однако в тибетской традиции

также есть свои особые числа, такие как 84000, которые обозначают количество учений Будды. Эти числа отражают специфику буддийской космологии и показывают, что она также оперирует священными числами.

В индийских ритуалах числа также часто используются для создания мандал, которые являются геометрическими диаграммами, символизирующими Вселенную. Мандалы состоят из кругов и квадратов, и их размеры определяются определенными числами. Эти мандалы используются для медитации, и они помогают практикующим визуализировать структуру космоса и осознать свое место в нем.

В эпосе числа часто связаны с оружием и силой. Например, в «Махабхарате» Арджуна получает оружие, которое имеет определенное количество стрел, и каждая стрела имеет свою силу. Эти числа показывают, что сила не является бесконечной, но ограничена определенными рамками, и что мудрость заключается в том, чтобы использовать эту силу правильно.

В индийской философии числа также связаны с понятием «ану» — атом, который является наименьшей единицей материи. Атомы имеют свои числа, и их комбинации создают все многообразие мира. Это понимание является основой для вайшешики, школы философии, которая изучает атомы и их свойства.

В народной культуре числа также часто используются для гадания. Люди бросают кости или раскладывают карты, и

числа, которые выпадают, интерпретируются как предзнаменования. Эти практики, хотя и не являются научными, дают людям чувство контроля и помогают им принимать решения.

В ведической космологии числа также связаны с понятием «рит» — космический порядок, который является основой дхармы. Рита поддерживается через числа, которые управляют временем и пространством. Астрономы, которые изучают числа, изучают риту, и их знания помогают поддерживать мир.

В буддийских сутрах числа часто используются для обозначения этапов пути. Например, Восьмеричный путь состоит из восьми факторов, и каждый из них имеет свое числовое значение. Эти числа помогают практикующим запомнить, что они должны делать, чтобы достичь освобождения.

В индийском искусстве числа также используются для создания музыкальных и поэтических ритмов. Размеры стихов определяются количеством слогов, и музыкальные такты — количеством ударов. Эти числа создают гармонию, которая отражает космический порядок, и которая помогает слушателям войти в состояние медитации.

В ведической астрономии числа также связаны с движением планет. Каждая планета имеет свой период обращения, который выражается в числах, и эти числа используются для календарных расчетов. Астрономы, которые знают эти числа, могут предсказывать будущие события с высокой точно-

стью.

В индийских ритуалах числа также используются для определения количества жертв. Количество жертвенных животных, количество подношений, количество мантр — всё это определяется числами, которые имеют символическое значение. Эти ритуалы помогают людям устанавливать связь с божественным и поддерживать космический порядок.

В буддийских монастырях числа также используются для организации распорядка дня. Количество часов медитации, количество часов работы, количество часов отдыха — всё это определяется числами, которые помогают монахам жить дисциплинированной жизнью. Эта дисциплина помогает им развивать концентрацию и мудрость.

В индийской философии числа также связаны с понятием «карма». Каждое действие имеет свой кармический результат, который выражается в числах, и эти числа определяют судьбу существа. Йогин, который понимает карму, может избежать негативных последствий, и его практика становится более эффективной.

В эпосе числа часто используются для описания силы и величия. Например, количество воинов в армии, количество колесниц, количество слонов — всё это выражается в числах, которые подчеркивают масштаб событий. Эти числа показывают, что мир не является маленьким, но огромным, и что человеческая жизнь является лишь частью этого величия.

В народной культуре числа также связаны с повседневными практиками. Люди избегают чисел, которые считаются неблагоприятными, и стремятся к числам, которые считаются удачными. Например, число 8 считается удачным в некоторых регионах, потому что оно символизирует бесконечность, а число 4 считается неблагоприятным, потому что оно ассоциируется со смертью. Эти верования, хотя и варьируются от региона к региону, показывают, что числа имеют глубокое влияние на жизнь людей.

В ведийской космологии числа также связаны с понятием «майя» — иллюзия. Мир является иллюзорным, но он также является упорядоченным, и этот порядок выражается в числах. Понимание чисел помогает преодолеть майю и достичь освобождения.

В буддийских медитациях числа используются для развития концентрации и для достижения внутреннего покоя. Практикующий может сосредоточиться на счете своих вдохов и выдохов, чтобы успокоить ум и войти в состояние самадхи. Этот метод является одним из самых простых и самых эффективных.

В индийской астрономии числа также связаны с понятием «граха-гочара» — транзиты планет. Когда планета переходит из одного знака в другой, это событие имеет числовое значение, и оно используется для предсказания событий. Астрологи, которые знают эти числа, могут давать точные прогнозы.

В эпосе числа также связаны с богами и демонами. Боги имеют определенное количество атрибутов, и демоны имеют свои числа. Эти числа показывают, что даже боги и демоны подчиняются космическому закону, который выражается через числа.

В индийском искусстве числа также используются для создания ритмов, которые отражают космический порядок. Эти ритмы помогают зрителям войти в состояние созерцания и почувствовать связь с божественным.

Символика чисел в космогенезе является одной из самых глубоких и всеобъемлющих частей индийской космологии. Она показывает, что Вселенная не является случайной, но имеет внутреннюю структуру, которая может быть понята через числа. От нуля, который представляет пустоту, до бесконечности, которая охватывает все миры, числа прокладывают путь, по которому движется творение, и они являются ключом к пониманию его природы и его цели. Изучение этой символики не только раскрывает перед нами мудрость древних, но и дает нам инструменты для того, чтобы видеть мир в его глубочайших закономерностях, и чтобы использовать это знание для нашего собственного освобождения. Когда мы смотрим на числа, мы видим не просто абстракции, но и отражение самого космоса, который говорит с нами на языке, который старше всех слов, и который будет звучать вечно.

Глава 51. Жертвоприношение как модель мироздания: Пуруша-сукта

В индийской космологии нет более фундаментального и более загадочного текста, чем Пуруша-сукта — гимн Ригведы, который описывает, как Вселенная была создана из тела космического человека, принесенного в жертву богами. Этот гимн, состоящий из всего лишь шестнадцати стихов, является ключом к пониманию всей индийской мысли, потому что он устанавливает связь между ритуалом и космогенезом, между человеческим действием и божественным порядком, между жертвой и творением. В Пуруша-сукте жертвоприношение не является просто религиозным обрядом; оно является актом, который воспроизводит самое творение, и в этом смысле каждый ритуал является повторением того первого жертвоприношения, которое создало мир. Эта идея, которая пронизывает всю ведийскую культуру, становится основой для понимания того, как древние индийцы видели связь между микрокосмом и макрокосмом, между тем, что происходит в алтаре, и тем, что происходит в небесах.

Гимн начинается с описания Пуруши, космического человека, который имеет тысячу голов, тысячу глаз и тысячу ног. Это не человеческое существо в обычном смысле, а архетипическая форма, которая содержит в себе все сущее. Пуруша

— это не только человек, но и сама Вселенная, которая существует до начала творения. Он описан как "все, что есть", и он простирается во всех направлениях, охватывая как землю, так и небо. Его величие не имеет границ, и он является источником всего. Но в этом гимне также говорится, что Пуруша был принесен в жертву, и из его тела возникли все элементы мироздания: из его ума — Луна, из его глаз — Солнце, из его дыхания — ветер, из его звезд — звезды на небе. Это жертвоприношение не является актом насилия, но является добровольным актом творения, в котором Пуруша отдает себя, чтобы мир мог существовать.

Этот образ космического человека является одним из самых универсальных архетипов, который встречается в разных культурах, но в индийской традиции он приобретает особую глубину. Пуруша — это не просто божество, но и модель для человеческого существа, поскольку каждый человек отражает в себе структуру Вселенной. Познание Пуруши является познанием себя, и это познание достигается через жертвоприношение, которое является действием, воспроизводящим акт творения. В ведической культуре жертвоприношение не было просто способом умилостивить богов; оно было способом поддержания космического порядка, способом воссоздания мира в каждом ритуале. Жрец, который совершал жертвоприношение, становился вторым Пурушей, он принимал на себя роль космического человека и воспроизводил акт творения.

В Пуруша-сукте также описывается, как из разных частей тела Пуруши возникли четыре варны, или касты, которые являются основой социального порядка. Из его рта возникли брахманы, жрецы, которые являются хранителями знания. Из его рук возникли кшатрии, воины и правители, которые защищают общество. Из его бедер возникли вайшьи, земледельцы и торговцы, которые создают богатство. Из его ног возникли шудры, слуги, которые обслуживают все остальные. Эта социальная структура, которая часто критикуется за свою жесткость, в этом гимне имеет космологическое обоснование: она является не просто человеческим изобретением, но отражением структуры Вселенной. Каждая каста имеет свою дхарму, свои обязанности, которые необходимы для поддержания порядка, и их взаимодействие является подобным взаимодействию частей тела Пуруши, которые должны работать вместе, чтобы организм был здоров.

В Пуруша-сукте также говорится, что боги принесли Пурушу в жертву, и из этой жертвы возникли не только элементы мира, но и сам ритуал жертвоприношения. Таким образом, жертвоприношение не является чем-то внешним по отношению к космосу; оно является его внутренним принципом, который поддерживает его существование. Без жертвы мир не мог бы существовать, потому что жертва является тем актом, который связывает разные части Вселенной в единое целое. Это учение имеет глубокое практическое значение: оно означает, что каждый человек, который совер-

шает жертвоприношение, участвует в поддержании мира, и что его действия имеют космическую значимость. Это также означает, что без ритуала мир приходит в упадок, и что жрецы, которые поддерживают ритуал, являются хранителями космического порядка.

В буддийской традиции концепция жертвоприношения претерпела значительные изменения. Будда не отвергал жертвоприношения полностью, но он переосмыслил их. Он учил, что истинное жертвоприношение заключается не в убийстве животных или в возлиянии масла на огонь, но в отказе от эго, от привязанностей, от невежества. Он говорил, что величайшая жертва — это жертва собственным эгоизмом, и что эта жертва ведет к освобождению. В этом смысле буддизм сохранил идею жертвоприношения как основы космического порядка, но он перенес его с внешнего ритуала на внутреннюю практику. Монах, который медитирует и развивает сострадание, совершает жертвоприношение, которое поддерживает не только мир, но и путь к нирване.

В философских школах индуизма, таких как миманса и веданта, Пуруша-сукта интерпретируется по-разному. Миманса, которая сосредоточена на ритуале, видит в этом гимне подтверждение того, что жертвоприношение является основой мира, и что его правильное выполнение является обязанностью каждого человека. Веданта, которая сосредоточена на знании, видит в Пуруше символ Брахмана, и жертвоприношение рассматривается как метафора для отказа от

иллюзий, которые скрывают истинную реальность. Обе интерпретации признают важность жертвоприношения, но они расходятся в его понимании. Эта двойственность является характерной для индийской мысли, которая всегда стремилась объединить разные подходы в единую систему.

В эпосе Пуруша-сукта часто цитируется как источник космологической мудрости. В «Махабхарате» и «Рамаяне» герои часто ссылаются на этот гимн, чтобы оправдать свои действия или чтобы понять свою миссию. Например, в «Бхагавад-гите» Кришна говорит Арджуне о том, что каждый человек должен выполнять свою дхарму, которая является его ролью в космическом порядке, подобно тому, как части тела Пуруши выполняют свои функции. Эта аналогия помогает Арджуне принять свою воинскую дхарму и вступить в битву, несмотря на его сомнения. Это показывает, что Пуруша-сукта была не только теоретическим текстом, но и практическим руководством для жизни.

В индийской астрономии Пуруша-сукта также имеет свое значение. Тело Пуруши часто ассоциируется с космическими сферами: его голова — это небо, его туловище — воздушное пространство, его ноги — земля. Эта аналогия используется для понимания структуры Вселенной, и она связывает астрономию с антропоморфным образом. Астрономы, которые изучали движение светил, также размышляли о том, как они связаны с телом Пуруши, и это придавало их наблюдениям глубокий смысл. Они видели в небе не просто

физические объекты, но и проявление божественного тела.

В народной культуре Пуруша-сукта также оставила свой след. Люди верят, что мир был создан из тела Пуруши, и что они являются частью этого тела. Это дает им чувство принадлежности к чему-то большему, и это помогает им принимать свою судьбу. В некоторых регионах Индии существуют ритуалы, которые символически воспроизводят жертвоприношение Пуруши, чтобы обеспечить хороший урожай или мир в общине. Эти ритуалы, хотя и являются упрощенными, сохраняют идею о том, что жертва является основой жизни.

В ведийской космологии Пуруша-сукта также связана с циклом времени. Считается, что в конце каждой кальпы мир разрушается, но затем возрождается из нового Пуруши. Этот цикл жертвоприношения и возрождения является бесконечным, и он отражает циклическую природу времени. Человек, который понимает этот цикл, может освободиться от страха смерти, потому что он знает, что смерть является лишь переходом к новому рождению, и что он является частью вечного процесса.

В философских текстах Пуруша-сукта интерпретируется как аллегория для самопознания. Тело Пуруши является символом человеческого тела, и его части соответствуют различным аспектам сознания. Познавая структуру Пуруши, человек может познать структуру своего собственного ума, и это знание ведет к освобождению. Эта интерпретация, хотя и является эзотерической, подчеркивает идею о том, что

космология и психология неразрывно связаны.

В индийских ритуалах жертвоприношение часто включает в себя символическое воспроизведение Пуруши. Алтарь, на котором совершается жертва, считается телом Пуруши, и его части соответствуют определенным божествам. Жрец, который строит алтарь, должен знать эти соответствия, чтобы ритуал был эффективным. Это показывает, что Пуруша-сукта была не только теоретическим текстом, но и практическим руководством для ритуальной практики.

В буддийских медитациях Пуруша-сукта иногда используется как объект для визуализации. Монах представляет себя как Пурушу, и он мысленно приносит себя в жертву, отказываясь от своих привязанностей. Эта медитация помогает ему развить отречение и осознать свою истинную природу, которая не зависит от тела или ума. Это показывает, что даже в буддизме идея жертвоприношения сохраняет свою силу, хотя и в измененной форме.

В индийском искусстве Пуруша-сукта часто изображается в виде космического человека, который распростерт во всех направлениях. Эти изображения можно найти в храмах, на скульптурах и на миниатюрах. Они не только красивы, но и образовательны: они помогают верующим понять структуру космоса и свое место в нем. Верующий, который созерцает Пурушу, может почувствовать единство со Вселенной и осознать свою роль в поддержании порядка.

В народных верованиях Пуруша-сукта также связана с

идеей перерождения. Считается, что после смерти душа человека возвращается к Пуруше, и затем, в зависимости от своей кармы, она перерождается в другой части его тела. Это учение дает надежду на то, что смерть не является концом, но лишь переходом к новому существованию.

В ведийской астрономии Пуруша-сукта также используется для объяснения происхождения планет. Считается, что планеты возникли из разных частей тела Пуруши, и что их движение отражает его волю. Астрономы, которые знают это, могут видеть в движении планет не просто механику, но и божественный порядок, и это придает их работе сакральный смысл.

В философии адвайты Пуруша-сукта интерпретируется как иллюстрация недвойственности. Пуруша является единым, но он проявляется как множество через майю. Познание Пуруши означает познание Брахмана, который является единственной реальностью. Это учение является радикальным, но оно также является освобождающим, потому что оно показывает, что даже жертвоприношение, которое кажется реальным, является лишь частью иллюзии.

В индийском календаре Пуруша-сукта также имеет свое место. Некоторые праздники, такие как Наваратри, символически воспроизводят жертвоприношение Пуруши, и они используются для очищения ума и для достижения освобождения. Эти праздники являются не только временем радости, но и временем для размышлений о космическом порядке.

В буддийских странах Пуруша-сукта иногда переосмысливается в контексте бодхисаттвовского идеала. Бодхисаттва, который приносит себя в жертву для блага всех существ, подобен Пуруше, который жертвует собой для создания мира. Эта аналогия показывает, что даже в буддизме идея жертвоприношения может быть интегрирована в практику сострадания.

В индийских эпосах Пуруша-сукта часто используется как источник вдохновения для героев. Герой, который понимает свою роль в космическом порядке, может действовать с уверенностью, даже если его действия кажутся трудными или опасными. Это учение придает героям силу и мужество, и оно помогает им преодолевать препятствия.

В народной культуре Пуруша-сукта также связана с идеей жертвоприношения как основы справедливости. Считается, что правитель, который правит в соответствии с дхармой, приносит жертву, которая поддерживает мир и процветание. Если правитель нарушает дхарму, он уподобляется той части тела Пуруши, которая действует неправильно, и это приводит к дисбалансу в космосе.

Пуруша-сукта является одним из самых глубоких текстов в индийской космологии. Она связывает ритуал, социальный порядок, астрономию, философию и духовную практику в единое целое, показывая, что мир не является случайным, но имеет структуру, которая отражает божественный порядок.

Глава 52. Космический океан и змея Шеша: опоры Вселенной в эпосе

Когда древние мудрецы пытались представить себе, на чем же держится этот огромный мир, они не могли удовлетвориться простым ответом. Земля не могла висеть в пустоте, потому что пустота не была для них ничем; она была потенцией, но она не могла служить опорой. Им нужен был образ, который был бы одновременно и конкретным, и символическим, который мог бы объяснить, как удерживается порядок, и что лежит за пределами видимого космоса. Таким образом возник образ змеи Шеши, бесконечного змея, который лежит в космическом океане, поддерживая Землю и все миры на своих бесчисленных головах. Шеша не является просто мифологическим существом; он является символом вечности, бесконечности, опоры и одновременно покоя. Его тело является той основой, на которой покоится Вселенная, а его неподвижность является контрастом к движению, которое происходит на его поверхности. И космический океан, в котором он плавает, является первичной субстанцией, из которой всё возникло и в которую всё возвращается. Вместе они образуют один из самых значимых образов индийской космологии, который пронизывает эпосы, пураны и фило-

софские тексты.

Шеша, также известный как Ананта, что означает «бесконечный», является царем нагов, змеиных существ, которые живут в подземных мирах. Его описывают как гигантского змея с тысячей голов, каждая из которых увенчана драгоценными камнями, которые излучают свет, озаряющий все вокруг. Шеша лежит на поверхности космического океана, и его тело образует ложе, на котором покоится Вишну, великий хранитель. На этом ложе Вишну спит в состоянии йога-нидры, космического сна, в течение ночи Брахмы, и когда он просыпается, из его пупа вырастает лотос, на котором рождается Брахма, чтобы начать новое творение. Таким образом, Шеша является не только опорой Земли, но и опорой самого творения, он является тем, что позволяет Вишну существовать в мире, и что делает возможным сам акт творения. Без Шеши Вишну не имел бы места для отдыха, и творение не могло бы начаться. Шеша также является символом времени, поскольку он обвивает Вселенную, как змея обвивает свою жертву, и его кольца символизируют бесконечные циклы творения и разрушения.

В эпосе Шеша часто появляется как персонаж, который помогает героям в их путешествиях. В «Махабхарате» Шеша является братом Васуки, царя нагов, и его мудрость и сила часто упоминаются. В «Рамаяне» Шеша иногда помогает Раме в его битвах, хотя его роль не столь заметна, как в других текстах. Но его главная роль остается космической: он

является опорой мира, и его присутствие является гарантией того, что мир не развалится. Без Шеши Земля погрузилась бы в океан, и все существа были бы уничтожены. Это делает его одним из самых важных существ в космосе, хотя он и не является активным участником событий, как другие боги. Он просто лежит и поддерживает, и его неподвижность является символом стабильности, которая необходима для существования.

Космический океан, в котором плавает Шеша, называется Кшира-сагара, океан молока. Этот океан не является обычной водой; он состоит из нектара, из первичной субстанции, которая является источником всего сущего. В этом океане находятся все потенции, все возможности, все формы, которые еще не проявились. Из этого океана были извлечены все сокровища во время пахтанья, включая амриту, нектар бессмертия. Океан является символом бесконечного изобилия, которое не имеет границ, и в то же время он является символом хаоса, который предшествует порядку. Земля плавает в этом океане, как лист, и Шеша удерживает её на своей поверхности, чтобы она не утонула. Этот образ показывает, что мир является хрупким, что он зависит от поддержки, и что эта поддержка является божественной.

В «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране» океан и Шеша описываются с большой детализацией. Океан описан как бесконечный, безбрежный, и его волны, которые поднимаются, создают звук, который является мантрой, вибрацией,

которая поддерживает космос. Шеша описывается как имеющий тысячу голов, которые символизируют бесконечность его знания, и его язык, которым он лижет океан, является символом его желания, но он не двигается, потому что он контролирует свои желания. Его тело образует кольца, которые символизируют цикличность времени, и его неподвижность является символом вечности. Вишну, который лежит на нем, является символом порядка, который управляет хаосом, и их союз является основой мира. В этом описании мы видим, как космология и мифология переплетаются, создавая образ, который является одновременно и поэтичным, и философским.

В буддийской традиции космический океан и змея также имеют свое место, хотя и с другими значениями. Будда сравнивал сансару с океаном, который заливает существа волнами страданий, и он говорил, что только достигнув нирваны, можно пересечь этот океан и достичь другого берега. Змея, или нага, в буддизме часто является символом мудрости, но также и привязанности, которая удерживает существ в круговороте перерождений. Будда, как и Вишну, иногда изображается в медитации, сидящим на змее, но это скорее символ победы над привязанностями, чем опора для мира. Тем не менее, образ океана и змеи является настолько мощным, что он проник и в буддийскую культуру, особенно в искусстве и в народных верованиях, где наги почитаются как защитники учения.

В индийской астрономии космический океан и змея также имеют свои параллели. Океан часто ассоциируется с небесной сферой, которая является границей видимого мира. Змея, или Шеша, ассоциируется с Полярной звездой, которая является неподвижной точкой, вокруг которой вращается всё небо. Эта ассоциация связывает миф с астрономией, показывая, что древние астрономы видели в неподвижности Полярной звезды символ опоры, которая удерживает Вселенную, подобно тому, как Шеша удерживает Землю. Это также показывает, что астрономия и мифология были неразрывно связаны, и что наблюдения за небом интерпретировались через космологические образы.

В эпосе космический океан часто описывается как место, где происходят великие события. Пахтанье океана, которое было описано в пуранах, является одним из центральных мифов, который объясняет происхождение сокровищ и бессмертия. В этом мифе боги и демоны объединяются, чтобы взбить океан, используя гору Меру как мутовку, а змея Васуки, брата Шеши, как веревку. Этот миф является аллегорией творения, где сотрудничество и конфликт приводят к появлению новых сил и новых форм. Океан, который изначально был спокойным, начинает волноваться, и из его глубин поднимаются божества, драгоценности и, наконец, амрита. Это показывает, что океан является не просто статичным фоном, но активным участником космического процесса, который порождает всё новое и новое.

В философских школах океан и змея интерпретируются как символы неведения и мудрости. Океан является майей, иллюзией, которая скрывает истинную реальность, а змея, которая удерживает её, является кармой, которая привязывает существо к этому океану. Освобождение означает выход из океана и отказ от змеи, достижение состояния, которое не зависит от опоры. Эта интерпретация, которая характерна для адвайты, показывает, что даже самые конкретные образы могут быть переосмыслены в философском ключе. Шеша, который поддерживает мир, также становится символом того, что удерживает нас в сансаре, и его преодоление является путем к освобождению.

В индийских ритуалах космический океан и змея часто символически воспроизводятся. Жертвенный алтарь часто строится в форме змеи, и его части символизируют разные части тела Шеши. Жрец, который строит алтарь, должен знать эти символы, чтобы ритуал был эффективным. Океан также символизируется через воду, которая используется в ритуалах, и через огонь, который сжигает жертвы, как океан поглощает всё. Эти ритуалы являются способом прикоснуться к космическим силам и поддерживать порядок в мире.

В народной культуре Шеша почитается как защитник и как хранитель тайных знаний. Люди верят, что он знает всё, и что его мудрость может быть доступна, если его правильно почитать. В некоторых регионах Индии есть храмы, посвященные Шеше, и люди приносят ему дары, чтобы получить

его благословение. Эти ритуалы, хотя и являются простыми, сохраняют древнюю традицию почитания космических сил.

В буддийских странах наги, включая Шешу, также почитаются как хранители учения. В некоторых буддийских монастырях есть изображения Шеши, который охраняет вход, чтобы защитить монахов от злых сил. Это показывает, что даже в буддизме, который часто критиковал ритуалы, сохранилось почитание этих древних символов.

В индийской астрономии океан и змея также связаны с понятием «кала-чакра», колеса времени. Считается, что Шеша обвивает Вселенную, и его кольца соответствуют циклам времени. Астрономы, которые изучали движение светил, видели в этом образе отражение космического закона, и это придавало их наблюдениям глубокий смысл.

В эпосе герои часто пересекают океан, чтобы достичь своих целей. Эти путешествия являются аллегорией духовного пути, где океан символизирует страдания, а пересечение — освобождение. Шеша, который находится в центре океана, является целью, которую нужно достичь, чтобы обрести знание и силу. Это делает его не только опорой, но и символом высшего знания.

В философских текстах океан и змея также используются для объяснения понятия «адвайта», недвойственности. Океан и змея являются одним, хотя они кажутся разными. Их единство является иллюстрацией того, что все явления являются проявлениями одной реальности. Это учение помо-

гает практикующему увидеть единство за видимым разнообразием и достичь освобождения.

Таким образом, космический океан и змея Шеша являются одними из самых значимых образов в индийской космологии. Они символизируют основу Вселенной, ее опору, ее стабильность, а также ее бесконечный потенциал. Шеша, который лежит в океане, поддерживает мир, но он также является его частью, и его неподвижность является гарантией того, что мир не погрузится в хаос. Этот образ учит нас, что у всего есть своя основа, что за видимым движением стоит неподвижность, и что эта неподвижность является источником порядка. И когда мы смотрим на ночное небо и видим Полярную звезду, которая неподвижна, мы можем думать о Шеше, который лежит в центре Вселенной, держа мир на своих бесчисленных головах. Это знание дает нам уверенность в том, что мир устроен по закону, который выше нашего понимания, но который мы можем ощутить, если обратимся к глубочайшим слоям нашего сознания.

Глава 53. Локапалы: стражи сторон света и их астрономическая проекция

Когда древние люди смотрели на мир, они видели не просто пространство, в котором можно двигаться, но и порядок, который был пронизан сакральным смыслом. Каждое направление имело свою силу, своего защитника, свою историю, и эти защитники не были абстрактными символами; они были живыми божествами, которые управляли не только земными пределами, но и небесными сферами, планетами, звездами, и даже временем. Эти божества называются локапалы, что буквально означает «хранители мира», и их роль в индийской космологии является одной из самых важных, потому что они обеспечивают границы, которые не позволяют хаосу поглотить порядок. Без них мир был бы беззащитен перед силами тьмы, и космос потерял бы свою структуру. Локапалы не просто охраняют стороны света; они являются теми силами, которые поддерживают сам каркас Вселенной, подобно тому, как углы здания удерживают его от падения. Их астрономическая проекция связывает их с движением планет, с затмениями, с календарными циклами, и их почитание является частью ритуальной практики, которая обеспечивает гармонию между человеком и космосом.

В ведийской традиции локапалы упоминаются как хранители четырех основных направлений: Индра охраняет восток, Яма охраняет юг, Варуна охраняет запад, и Кувера охраняет север. Каждый из этих богов имеет свои атрибуты, свои символы, свои функции, и каждый из них связан с определенной планетой и определенным временем года. Индра, царь богов, связан с востоком, направлением восхода Солнца, и он является символом света, силы и порядка. Его ваджра, молния, является оружием, которое разрушает тьму, и его слона Айравата символизирует мощь и мудрость. Восток является началом, рождением нового дня, и Индра является его покровителем, который обеспечивает, что свет возвращается каждое утро. Яма, бог смерти, охраняет юг, направление, которое связано с закатом, с умиранием, с переходом в иные миры. Его буйвол является его транспортным средством, и его петля используется для того, чтобы захватывать души умерших. Юг является направлением, которое связано с предками, с прошлым, с кармическими последствиями. Варуна, бог вод и космического порядка, охраняет запад, направление, где Солнце заходит, и он является хранителем рита, закона, который поддерживает Вселенную. Его веревка и ваджра символизируют его власть над всеми водами, и он наказывает тех, кто нарушает истину. Запад является направлением, которое связано с мистическим знанием, с оккультными силами. Кувера, бог богатства, охраняет север, направление, которое связано с горой Меру, с центром мира,

с богатством и процветанием. Его летающий дворец Пушпака является символом его могущества, и он является хранителем сокровищ богов. Север является направлением, которое связано с высшей мудростью, с отречением, с духовными достижениями.

В пуранической традиции эта система расширяется до восьми локапалов, которые включают также четыре промежуточных направления: Ишана охраняет северо-восток, Агни охраняет юго-восток, Ваю охраняет северо-запад, и Ниррити охраняет юго-запад. Эти дополнительные стражи добавляют сложность и полноту системе, и каждый из них также связан с определенными астрономическими явлениями и божествами. Например, Агни, бог огня, который охраняет юго-восток, связан с планетой Марс, которая также является огненной планетой, и его энергия связана с теплом, страстью и трансформацией. Ваю, бог ветра, который охраняет северо-запад, связан с планетой Меркурий, которая является быстрой и подвижной, как ветер, и его энергия связана с движением, коммуникацией и изменением. Ишана, который является формой Шивы, охраняет северо-восток, направление, которое считается наиболее благоприятным для медитации, и связан с планетой Юпитер, который символизирует знание и мудрость. Ниррити, богиня разрушения, охраняет юго-запад, направление, которое связано со смертью и болезнями, и связана с планетой Сатурн, который является планетой кармы и ограничений. Эта расширенная си-

стема позволяет более точно отражать все аспекты космоса и все влияния, которые могут воздействовать на человека.

В ведийской астрономии локапалы также связаны с движением планет и звезд. Считается, что каждая планета движется под влиянием определенного локапалы, и что его энергия определяет характер её движения. Например, Индра связан с Солнцем, потому что он является царем богов и источником света. Яма связан с Сатурном, потому что он управляет смертью и кармой. Варуна связан с Луной, потому что он управляет водами и приливами. Кувера связан с Юпитером, потому что он является хранителем богатства и процветания. Эта связь показывает, что астрономия и космология были неразрывно связаны, и что движение планет интерпретировалось как проявление воли локапалов. Астрономы, которые наблюдали за небом, видели в его движении не просто механику, но и божественное управление, и их наблюдения были частью ритуальной практики, которая почитала этих стражей.

В буддийской традиции локапалы также присутствуют, хотя и с некоторыми изменениями. В буддизме они часто называются «Чатуро-локапалы», четыре великих царя, которые живут на горе Меру и охраняют четыре стороны света. Они являются защитниками учения, и они часто изображаются как воины в доспехах, которые держат оружие, чтобы защитить монахов и мирян от злых сил. В буддийских сутрах описывается, как они приходят к Будде, чтобы выразить по-

чтение, и как они дают обет защищать его учение. Это показывает, что буддизм воспринял эту ведическую концепцию, но придал ей новое значение, связанное с защитой Дхармы. Локапалы стали не только стражами сторон света, но и стражами истины, и их роль стала более активной и прямой.

В индийских ритуалах локапалы почитаются через жертвоприношения, которые совершаются на каждом из четырех направлений. Жрец, который проводит ритуал, должен знать, как обращаться к каждому из них, какие мантры произносить и какие подношения делать. Например, в ритуале агни-хотра жрец сначала обращается к Индре на востоке, затем к Яме на юге, затем к Варуне на западе, и затем к Кувере на севере. Это создает пространство, которое защищено со всех сторон, и которое является священным. Без этого обращения ритуал не был бы полным, и его эффективность могла бы быть снижена. Поэтому знание локапалов было необходимым для жрецов, и оно передавалось из поколения в поколение.

В храмовой архитектуре локапалы часто изображаются на дверях или на стенах, чтобы охранять вход и защищать священное пространство. Эти изображения не только декоративны, но и функциональны: они создают барьер, который не позволяет злым силам проникнуть в храм. Верующие, которые входят в храм, проходят под взглядами локапалов, и это дает им чувство защиты и уверенности. В некоторых храмах есть отдельные алтари, посвященные локапалам, где им при-

носят дары, и это показывает, что их почитание было важной частью храмовой практики.

В индийской астрологии локапалы также связаны с астрологическими домами. Каждый дом гороскопа соответствует определенному направлению и определенному локапале. Например, первый дом соответствует востоку и Индре, второй дом — юго-востоку и Агни, и так далее. Астролог, который анализирует гороскоп, должен учитывать не только положение планет, но и их связь с локапалами, чтобы дать полную картину. Это делает астрологию не только предсказательной, но и космологической, и она интегрирует знание о стражах сторон света в практику предсказания.

В эпосе локапалы часто появляются как персонажи, которые помогают героям или которые дают им наставления. В «Махабхарате» Индра, Яма, Варуна и Кувера являются свидетелями событий, и они иногда вмешиваются, чтобы восстановить порядок. В «Рамаяне» локапалы также упоминаются, и их благословение считается важным для успеха героев. Эти эпизоды показывают, что локапалы были не просто абстрактными силами, но и активными участниками человеческой драмы, которые заботились о справедливости и поддерживали дхарму.

В философских школах локапалы интерпретируются как проявления единого божественного порядка. Они не являются отдельными богами, но являются функциями одного источника, который управляет космосом. Познание локапа-

лов означает познание структуры мира, которая отражает структуру сознания. Йогин, который медитирует на локапалов, визуализирует их как части своего собственного ума, и это помогает ему осознать, что все направления, все силы, все стражи находятся внутри него. Это учение подчеркивает внутренний характер космологии и показывает, что внешний мир является отражением внутреннего.

В народной культуре локапалы почитаются как защитники домов и деревень. Люди часто устанавливают на порогах и на перекрестках изображения локапалов, чтобы отвести зло. Эти изображения могут быть простыми, сделанными из глины, или более сложными, высеченными из камня. Люди верят, что если они почитают локапалов, то они будут защищены от болезней, несчастий и врагов. Эта практика сохранилась до наших дней, и она показывает, что древняя вера в стражей сторон света все еще жива в народной памяти.

В буддийских странах локапалы также почитаются, но их имена и функции могут отличаться. В тибетском буддизме существует система четырех великих царей, которые аналогичны локапалам, и они также охраняют стороны света. Их изображения можно найти в монастырях, и они считаются защитниками учения. В некоторых буддийских ритуалах также призывают локапалов для защиты практикующих и для очищения пространства.

В индийской астрономии локапалы также связаны с понятием «диг-дакшина», что означает «направление». Счи-

тается, что каждое направление имеет свой вкус, свой цвет, свое качество, и что эти качества влияют на людей, которые живут там. Астрономы, которые изучали движение светил, также учитывали эти качества, и они связывали их с планетными влияниями. Это делало астрологию не только наукой о планетах, но и наукой о направлениях, и она помогала людям выбирать лучшие места для жизни и для ритуалов.

В эпосе локапалы часто описываются как живущие в своих собственных небесных мирах. Индра живет на востоке, в своем дворце Амаравати, где он царствует над богами. Яма живет на юге, в своем царстве, где он судит души умерших. Варуна живет на западе, в своем подводном дворце, где он управляет водами. Кувера живет на севере, на горе Кайлас, где он сторожит сокровища богов. Эти небесные миры являются не только местами обитания, но и символами их функций, и они отражают структуру космоса, где каждый локапала является центром своего собственного мира.

В философских текстах локапалы иногда используются как примеры для иллюстрации идеи о том, что все в мире имеет свое место и свою функцию. Без локапалов мир не имел бы порядка, и они являются необходимыми для его поддержания. Это учение подчеркивает, что даже самые простые вещи, такие как направления, имеют глубокое значение, и что их понимание является частью мудрости.

В индийских ритуалах локапалы также призываются во время церемоний освящения новых домов или новых хра-

мов. Жрец, который проводит церемонию, должен обращаться к каждому из них, чтобы они защитили новое место от злых сил. Это показывает, что локапалы считались активными защитниками, которые могли вмешиваться в жизнь людей, чтобы помочь им.

В народной культуре локапалы часто ассоциируются с определенными животными, которые являются их транспортными средствами. Индра ездит на слоне Айравате, Яма ездит на буйволе, Варуна ездит на макаре, змее-рыбе, и Кувера ездит на человеке-якше. Эти животные также имеют свое символическое значение, и они добавляют глубину образам локапалов. Например, слон Индры символизирует силу и мудрость, буйвол Ямы символизирует смерть и реинкарнацию, макара Варуны символизирует водную стихию и плодородие, а якша Куверы символизирует богатство и изобилие.

В буддийских сутрах локапалы часто описываются как те, кто дают обет защищать учение Будды. В «Лотосовой сутре» и в «Сутре о великом сострадании» локапалы приходят к Будде, чтобы слушать его проповедь, и они получают наставления о том, как защищать практикующих. Это показывает, что буддизм не отвергал этих божеств, но интегрировал их в свою систему, делая их защитниками Дхармы.

В индийской астрологии локапалы также связаны с концепцией «маха-пуруша-йога», когда планеты занимают сильные позиции в гороскопе, и это приносит человеку успех, ко-

торый ассоциируется с определенным локапалой. Например, если Юпитер силен в гороскопе, это приносит удачу, связанную с Куверой, и человек будет процветать. Если Сатурн силен, это приносит кармические уроки, связанные с Ямой, и человек должен пройти через испытания. Эта связь показывает, что астрология является не только наукой о планетах, но и наукой о божественных силах, которые управляют судьбой.

В эпосе локапалы также участвуют в великих битвах, где они сражаются на стороне богов против демонов. Их оружие и их сила считаются непревзойденными, и их присутствие на поле битвы часто решает исход сражения. Эти битвы являются не только физическими, но и космическими, и они отражают борьбу между порядком и хаосом, которая является основой всей космологии.

В философских школах локапалы интерпретируются как проявления пяти элементов. Индра связан с небом, Яма с землей, Варуна с водой, Кувера с воздухом, и Агни, который также является локапалой, с огнем. Эта связь показывает, что локапалы управляют не только направлениями, но и элементами, которые составляют мир. Познание локапалов означает познание элементов, и это знание является частью понимания структуры реальности.

В народной культуре локапалы часто связаны с определенными днями недели. Воскресенье считается днем Индры, понедельник — днем Варуны, вторник — днем Агни, сре-

да — днем Ваю, четверг — днем Куверы, пятница — днем Умы, и суббота — днем Ямы. Эти связи помогают людям выбирать благоприятные дни для своих действий, и они являются частью народной астрологии.

В буддийской медитации локапалы иногда используются как объекты для визуализации, чтобы развить защиту и сострадание. Практикующий представляет, как локапалы стоят по четырем сторонам света, охраняя его от злых сил, и это дает ему чувство безопасности. Он также посылает им свое сострадание, чтобы они были сильными и могли защищать всех существ.

В индийской архитектуре локапалы также играют роль в планировке городов. Города часто строятся по квадратной схеме, с главными воротами, обращенными к каждому из четырех направлений. Эти ворота часто украшаются изображениями локапалов, чтобы защитить город от нападений и бедствий. Это показывает, что локапалы были не только космическими, но и практическими силами, которые влияли на повседневную жизнь.

В эпосе локапалы иногда появляются как дарители благословений. Герой, который почитает их, может получить от них оружие, мудрость или защиту, и это помогает ему выполнить свою миссию. Эти благословения являются не просто символическими, но и реальными, потому что они основаны на вере в то, что локапалы действительно могут влиять на судьбы людей.

В философских текстах локапалы также используются для иллюстрации идеи о том, что все в мире имеет свою дхарму. Каждый локапала выполняет свою функцию, и его функция является необходимой для поддержания космического порядка. Это учение подчеркивает, что даже боги не могут делать всё, что хотят, но они должны следовать законам, которые управляют Вселенной.

В индийских ритуалах локапалы также призываются во время свадеб, чтобы защитить молодую пару и благословить их союз. Жрец, который проводит ритуал, обращается к каждому из них, чтобы они оберегали новых супругов и дали им счастье. Это показывает, что локапалы считались не только космическими, но и личными покровителями.

В народной культуре локапалы часто связаны с определенными цветами и драгоценными камнями. Индра связан с белым цветом, Яма с красным, Варуна с синим, Кувера с золотым. Эти цвета используются в ритуалах и в искусстве, чтобы символически выразить энергию локапалов. Драгоценные камни, такие как алмаз, рубин и сапфир, также ассоциируются с ними, и их ношение считается защитой.

В буддийских странах локапалы также почитаются как защитники учения, и их изображения можно найти в монастырях и на священных территориях. Они часто изображаются в гневных формах, чтобы отпугивать демонов, и их оружие является символом их силы. Эти изображения не только устрашают, но и вдохновляют, потому что они напоминают

о том, что учение защищено.

В индийской астрономии локапалы также связаны с понятием «граха-гочара» — транзитами планет. Когда планета переходит из одного знака в другой, считается, что она меняет свой «док» или направление, и это влияет на её влияние. Локапалы, которые управляют направлениями, также влияют на эти транзиты, и астрологи учитывают их при составлении прогнозов.

В эпосе локапалы часто описываются как те, кто награждает героев за их добродетели и наказывает за их грехи. Их суд является справедливым, и они не делают исключений даже для самых могущественных царей. Это учение подчеркивает, что карма является универсальным законом, и что никто не может избежать её последствий.

В философских школах локапалы рассматриваются как проявления единой реальности, которая существует за пределами всех форм. Познание локапалов означает познание их единства, которое является источником всего порядка. Это учение является глубоким и сложным, и оно требует длительной практики для его постижения.

В индийском искусстве локапалы часто изображаются в виде сидящих или стоящих фигур, которые держат свои атрибуты. Эти изображения, которые можно найти в храмах и на миниатюрах, являются не только красивыми, но и образовательными. Они помогают верующим запомнить характеристики каждого локапалы и их функции. Верующий, кото-

рый смотрит на эти изображения, может почувствовать связь с космическими силами и осознать свою роль в поддержании порядка.

В народной культуре локапалы также связаны с определенными природными явлениями. Индра связан с дождем и грозой, Яма — с землетрясениями, Варуна — с наводнениями, Кувера — с изобилием и урожаем. Эти связи показывают, что локапалы управляют не только направлениями, но и природными силами, и что их почитание является способом умилостивить эти силы.

В буддийских медитациях локапалы иногда используются для защиты от препятствий на духовном пути. Практикующий визуализирует их вокруг своего тела, и это создает барьер, который не позволяет вредным влияниям проникнуть в его ум. Эта практика является частью тантрической традиции, где визуализация божеств используется для трансформации сознания.

В индийской астрологии локапалы также связаны с понятием «трикона», которое означает «треугольник». Считается, что три знака, которые соответствуют определенным локапалам, образуют треугольник, который является особенно благоприятным для определенных видов деятельности. Астрологи, которые изучают эти треугольники, могут использовать их для предсказания успеха или неудачи.

В эпосе локапалы часто описываются как участники космической драмы, которая разворачивается на небесах и на

земле. Их битвы с демонами, их советы героям, их суды над умершими — все это является частью большего сюжета, который имеет начало, середину и конец. Этот сюжет не является статичным, но постоянно развивается, и локапалы являются его активными участниками.

В философских текстах локапалы иногда используются как примеры для иллюстрации идеи о том, что все явления являются зависимыми. Их существование зависит от космического порядка, и их функции определяются их местом в этом порядке. Это учение призывает к смирению и к пониманию того, что даже высшие силы не являются независимыми.

В индийских ритуалах локапалы также призываются во время церемоний очищения, чтобы устранить негативные влияния. Жрец, который проводит церемонию, должен знать, как обращаться к каждому из них, чтобы они помогли очистить пространство и людей. Это показывает, что локапалы считались не только защитниками, но и целителями.

В народной культуре локапалы часто связаны с определенными профессиями и кастами. Индра связан с воинами, Яма — с судьями, Варуна — с рыбаками и моряками, Кувера — с купцами и банкирами. Эти связи показывают, что локапалы были не только космическими, но и социальными силами, и они влияли на структуру общества.

В буддийских сутрах локапалы иногда описываются как те, кто дают обет защищать практикующих, и кто приходит

на помощь в моменты опасности. Их присутствие является утешением для тех, кто следует пути, и их поддержка считается важной для успеха в практике.

В индийской астрономии локапалы также связаны с понятием «аяна», которое означает «движение». Считается, что каждое направление имеет свое движение, и что это движение влияет на движение планет. Астрономы, которые изучали эти движения, могли предсказывать события с большой точностью, и их знания были частью космологического порядка.

В эпосе локапалы часто описываются как те, кто награждают героев за их добродетели, даруя им оружие, мудрость или бессмертие. Эти дары являются не просто символическими, но и реальными, потому что они основаны на вере в то, что локапалы действительно могут изменять судьбы.

В философских школах локапалы интерпретируются как проявления времени, которое движется в разных направлениях. Время не является линейным, но пространственным, и локапалы являются стражами этого пространства-времени. Познание локапалов означает познание времени, и это знание ведет к освобождению.

В индийском искусстве локапалы часто изображаются в виде династий, которые символизируют их власть и их связь с богами. Эти династии, которые можно найти в храмах и на скульптурах, являются не только эстетическими, но и символическими, и они помогают верующим понять структуру

космоса.

В народной культуре локапалы также связаны с определенными растениями и деревьями. Индра связан с деревом баньян, Яма — с деревом ним, Варуна — с деревом бали, Кувера — с деревом ашваттха. Эти связи показывают, что локапалы управляют не только направлениями, но и природой, и что их почитание является способом заботиться о природе.

В буддийских медитациях локапалы иногда используются для развития сострадания, когда практикующий посылает им свет, чтобы они могли выполнять свою функцию еще лучше. Эта практика является частью махаянского пути, где сострадание является главным принципом.

В индийской астрологии локапалы также связаны с понятием «накшатра», лунных стоянок. Каждая накшатра связана с определенным направлением и определенным локапалой, и их положение используется для определения благоприятных и неблагоприятных моментов. Это делает астрологию более сложной и более точной.

В эпосе локапалы часто описываются как те, кто судят души умерших, и их суд является окончательным. Они не подкупны и не могут быть обмануты, и их решения определяют судьбу души. Это учение подчеркивает ответственность человека за свои поступки.

В философских текстах локапалы рассматриваются как проявления дхармы, которая поддерживает мир. Их функция является частью большего порядка, и их существование

является необходимым для баланса.

Локапалы являются одной из самых сложных и многогранных концепций в индийской космологии. Они охраняют стороны света, но они также охраняют порядок, закон, и справедливость. Они связаны с астрономией, с календарем, с планетами, с ритуалами, с социальной структурой, и с духовной практикой. Их почитание является не просто религиозным обрядом, но и способом поддержания космического порядка.

Глава 54. Представления о астрономической музыке: сферы, издающие звук

Если Вселенная создана из мысли, из числа, из жертвы, то она также создана из звука. Звук является тем первичным элементом, который пронизывает все существование, от вибраций атомов до движения галактик, и он является основой для всего, что мы воспринимаем. В индийской космологии эта идея достигает своего высшего выражения в концепции астрономической музыки — представлении о том, что небесные тела, планеты, звезды и даже сама структура космоса издают звуки, которые образуют гармонию, подобную музыке. Эти звуки не всегда слышимы человеческим ухом в обычном состоянии, но они могут быть восприняты через медитацию, через ритуал, через глубокую интуицию. Музыка сфер, как её позже назвали в западной традиции, была известна в Индии задолго до Пифагора, и она стала основой для развития индийской музыки, для календарных расчетов, для ритуальных практик и для философских размышлений о природе реальности. Согласно этому учению, космос не является безмолвным; он поет, и его песня является выражением вечного порядка, который поддерживает все сущее.

Самая ранняя форма идеи астрономической музыки в Ин-

дии связана с ведийской концепцией «Нада-Брахмана» — звука как абсолютной реальности. В Упанишадах говорится, что Брахман, высшая реальность, проявляется как звук «Ом», который является первозвуком, из которого возникла вся Вселенная. Этот звук не является просто слогом; он является вибрацией, которая создает и поддерживает миры. В «Чхандогья-упанишаде» описывается, как боги, медитируя на звук «Ом», создали вселенную, и как этот звук продолжает звучать в каждой частице бытия. Но этот звук не является только абстрактным; он также проявляется как музыка сфер, где каждая планета, каждая звезда, каждое движение порождает определенную ноту, которая вносит свой вклад в космическую гармонию. Эта идея, которая впоследствии была развита в пуранах и в классической индийской музыке, стала основой для понимания того, что астрономия и музыка неразрывно связаны.

В ведийской астрономии движение планет описывалось как нечто, что издаёт звук. Считалось, что планеты, вращаясь вокруг горы Меру, создают вибрации, которые соответствуют определенным музыкальным нотам. Эти вибрации не являются случайными; они следуют математическим закономерностям, которые отражают внутреннюю структуру космоса. В «Сурья-сиддханте» и других текстах упоминаются «граха-свары» — звуки планет, которые могут быть услышаны теми, кто обладает духовным зрением или слухом. Например, Сатурн, который движется медленно, издаёт низ-

кий, глубокий звук, подобный басу, тогда как Меркурий, который движется быстро, издаёт высокий, пронзительный звук, подобный флейте. Эти звуки, согласно традиции, создают музыкальный интервал, который является гармоничным, и который поддерживает космический порядок. Если бы эти звуки не были гармоничными, мир бы развалился, потому что гармония является основой устойчивости.

В пуранической литературе эта идея получает еще более конкретное выражение. В «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране» описывается, как в начале творения Брахма создал звук, и из этого звука возникли все элементы Вселенной. Считается, что планеты движутся по своим орбитам, создавая музыку, которую слышат боги и мудрецы. Эта музыка называется «сварга-сангита», или небесная музыка, и она является источником вдохновения для земных музыкантов. Гандхарвы, небесные музыканты, играют на своих инструментах, подражая этой космической музыке, и их мелодии отражают движение светил. Апсары, небесные танцовщицы, танцуют в ритме этой музыки, и их танец является отражением движения планет. Таким образом, небесный мир является идеальной моделью для земного искусства, и музыка, которую мы создаем на земле, является лишь эхом той музыки, которая звучит в небесах.

В буддийской традиции концепция астрономической музыки также присутствует, хотя и в более абстрактной форме. Будда сравнивал звук сансары с шумом, который заглуша-

ет истину, и он говорил, что только через медитацию можно услышать безмолвный звук, который ведет к освобождению. В «Сутре о великом сострадании» описывается, как Будда излучал звук, который был подобен музыке сфер, и этот звук исцелял всех существ. Этот звук не был внешним; он был проявлением просветленного сознания, которое сияет в пустоте. В буддийской тантре звук также используется как средство для трансформации сознания. Мантры, которые повторяются практикующими, считаются отражением космических вибраций, и их правильное произнесение синхронизирует ум с движением Вселенной. Каждая мантра связана с определенной планетой или божеством, и её вибрация соответствует определенной ноте, которая гармонизирует энергию.

В индийской музыке эта космологическая идея нашла свое конкретное выражение в системе раг. Раги — это мелодические структуры, которые связаны с определенными временами суток, сезонами, планетами и божествами. Каждая рага имеет свой характер, своё настроение, своё время, и её исполнение должно быть синхронизировано с космическими циклами. Например, рага Бхирай исполняется на рассвете, когда Солнце поднимается, и её звуки должны отражать пробуждение мира. Рага Хамана исполняется в полдень, когда Солнце находится в зените, и её звуки должны быть мощными и яркими. Рага Яман исполняется в вечерние сумерки, когда мир погружается в покой, и её звуки должны быть

спокойными и умиротворяющими. Эта связь между рагами и временем основана на убеждении, что музыка является отражением космического порядка, и что правильное исполнение раги в правильное время может гармонизировать человека с космосом, принося здоровье, удачу и духовный рост.

В индийской астрономии астрономическая музыка также использовалась для календарных расчетов. Считалось, что движение планет создает определенные ритмы, которые можно выразить через музыкальные интервалы. Астрономы, которые знали эти интервалы, могли использовать их для синхронизации календаря с движением светил. Например, период обращения Юпитера, который составляет двенадцать лет, соответствует определенной музыкальной фразе, которая повторяется каждые двенадцать лет. Эта фраза использовалась для определения начала нового цикла, и её правильное распознавание позволяло астрономам предсказывать события с большой точностью. В некоторых текстах описывается, как астрономы слушали музыку планет, чтобы понять их движение, и как эта практика была частью их обучения.

В эпосе астрономическая музыка часто упоминается как источник вдохновения для героев. В «Махабхарате» и «Рамаяне» герои часто слышат небесную музыку, которая дает им силы или указания. Например, когда Арджуна отправляется на небо, он слышит музыку, которая помогает ему понять структуру Вселенной. В «Рамаяне» Рама слышит звук,

который направляет его в его путешествиях. Эти эпизоды показывают, что астрономическая музыка была не только теоретической концепцией, но и реальным опытом, который могли пережить герои, и который помогал им достичь своих целей. Музыка была не просто искусством; она была знанием, которое раскрывало тайны космоса.

В философских школах астрономическая музыка интерпретируется как проявление майи, иллюзии, которая скрывает истинную реальность. Звуки планет являются частью этого иллюзорного мира, и они не имеют реальной основы. Однако они также могут быть использованы как средство для преодоления иллюзии, поскольку правильное слушание музыки может помочь осознать её пустоту. Йогин, который медитирует на звук, может услышать за ним тишину, которая является истинной природой Брахмана. Это учение показывает, что даже музыка, которая является самой духовной формой искусства, может быть препятствием, если она не ведет к освобождению. Но она также может быть путем, если она используется для концентрации и для развития мудрости.

В народной культуре астрономическая музыка часто ассоциируется с определенными инструментами. Например, вина, струнный инструмент, часто связывается с Сарасвати, богиней знания, которая, как считается, играет на нем музыку, отражающую движение светил. Барабаны, которые используются в храмовых ритуалах, также считаются имитацией зву-

ков планет, особенно Сатурна, который, как говорят, издаёт барабанный бой. Эти инструменты не являются просто музыкальными; они являются священными, и их звуки считаются способными влиять на космические силы. Люди, которые играют на этих инструментах, должны знать их астрономические соответствия, чтобы их музыка была эффективной.

В ведических ритуалах астрономическая музыка также играла важную роль. Во время жертвоприношений жрецы пели гимны, которые были настроены на определенные ноты, соответствующие планетам. Эти гимны не были просто словами; они были звуками, которые вибрировали в гармонии с космосом, и их пение помогало привлекать божественные силы. Считалось, что если гимн спет неправильно, ритуал не будет эффективным, потому что звук не будет соответствовать движению планет. Поэтому жрецы должны были тренировать свои голоса и свои уши, чтобы они могли точно воспроизводить эти звуки. Это делало их не только священнослужителями, но и музыкантами, которые знали тайны астрономической музыки.

В буддийских монастырях астрономическая музыка также использовалась в ритуалах, но с акцентом на внутреннюю гармонию. Монахи читали сутры, которые были настроены на определенные тона, чтобы синхронизировать свой ум с космосом. Они также использовали колокольчики и другие инструменты, которые имитировали звуки планет, чтобы

очистить пространство и создать благоприятную атмосферу для медитации. Эти звуки не были просто ритуальными; они были способом установить связь с космическим порядком и углубить осознанность.

В индийской астрологии астрономическая музыка также связана с определением благоприятных моментов. Считалось, что каждый день недели имеет свой звук, и что правильное воспроизведение этого звука может усилить влияние соответствующей планеты. Например, в воскресенье, день Солнца, рекомендуется петь определенные мантры, которые соответствуют его ноте, чтобы получить его благословение. В понедельник, день Луны, рекомендуется играть на флейте, чтобы успокоить ум. Эти практики, хотя и не являются научными, были частью народной астрологии и помогали людям жить в гармонии с космосом.

В эпосе астрономическая музыка часто описывается как сила, которая может остановить битвы или исцелить болезни. В «Махабхарате» есть эпизод, где музыка, исполняемая гандхарвами, успокаивает воинов и предотвращает кровопролитие. В «Рамаяне» музыка, которую играет Рама, исцеляет раненых. Эти эпизоды показывают, что музыка воспринималась как активная сила, которая могла влиять на реальность, и что её правильное использование было частью искусства управления космосом.

В философских школах астрономическая музыка также используется для иллюстрации идеи о том, что все в мире яв-

ляется вибрацией. Считается, что даже мысли и эмоции имеют свои звуковые частоты, и что гармония ума заключается в его синхронизации с космической музыкой. Йогин, который достигает этого, может слышать звуки планет и звезд, и это знание ведет его к освобождению. Это учение подчеркивает, что музыка является не только искусством, но и путем к познанию.

В индийском искусстве астрономическая музыка часто изображается в виде фигур, которые играют на инструментах, сидя на колесницах, которые движутся по небу. Эти изображения можно найти в храмах и на миниатюрах, и они служат напоминанием о том, что музыка и астрономия неразрывно связаны. Они также вдохновляют людей на создание музыки, которая отражает космический порядок.

В народной культуре астрономическая музыка также связана с определенными праздниками. Например, во время Дивали зажигают светильники и играют на барабанах, чтобы имитировать звуки планет и прогнать тьму. Во время Холи поют песни, которые соответствуют весеннему равноденствию, чтобы приветствовать возвращение света. Эти праздники являются не только веселыми, но и космическими, и они помогают людям чувствовать свою связь с Вселенной.

В буддийских медитациях астрономическая музыка иногда используется для развития концентрации. Практикующий визуализирует звуки планет и сосредоточивает на них свой ум, чтобы успокоить свои мысли и войти в состояние

самадхи. Эта практика является частью тантрической традиции, где звук используется как объект для медитации.

В индийской астрономии астрономическая музыка также связана с понятием «упадха», которое означает «гармония». Считается, что движение планет должно быть гармоничным, и если оно нарушается, это приводит к катастрофам. Астрономы, которые наблюдали за движением светил, должны были следить за тем, чтобы оно оставалось гармоничным, и они могли использовать музыку для коррекции нарушений. Эта практика, хотя и является символической, показывает, что астрономия была не только наукой, но и искусством.

В эпосе астрономическая музыка часто описывается как дар богов, который герои могут получить, совершая подвиги. Например, в «Рамаяне» Рама получает от богов инструмент, который играет музыку сфер, и эта музыка помогает ему победить Равану. Эти дары являются не только материальными, но и духовными, и они подчеркивают, что музыка является божественным искусством.

В философских текстах астрономическая музыка рассматривается как проявление саттвы, которое ведет к очищению ума. Слушание гармоничной музыки считается полезным для здоровья и для духовного развития, потому что оно синхронизирует ум с космическим порядком. Это учение является основой многих индийских музыкальных традиций, которые подчеркивают терапевтические свойства музыки.

В индийской культуре астрономическая музыка продолжает существовать в форме классической музыки, которая имеет свои корни в древней космологии. Музыканты, которые исполняют эту музыку, часто не осознают её космологическое значение, но их музыка все равно отражает гармонию, которая была открыта тысячелетия назад. И когда мы слушаем индийскую классическую музыку, мы можем услышать в ней нечто большее, чем просто мелодию; мы можем услышать эхо движения планет, ритм времени, и песню самой Вселенной.

Представления об астрономической музыке являются одной из самых утонченных и глубоких частей индийской космологии. Они показывают, что космос не является безмолвным, что он говорит с нами через звук, и что этот звук может быть услышан, если мы научимся слушать. Они также показывают, что музыка является не просто развлечением, но и путем к познанию, к гармонии, к освобождению.

Глава 55. Огненные колесницы: тексты о виманах и небесных кораблях

Когда человек смотрит на ночное небо и видит, как звезды медленно движутся по своим извечным траекториям, он невольно задается вопросом: каким образом боги, существа, которые живут в этих небесных сферах, путешествуют между мирами? Как они спускаются на землю и возвращаются обратно? Каковы те средства передвижения, которые позволяют им преодолевать огромные расстояния, пересекать океаны и воздушные пространства, достигать самых высоких небес и самых глубоких подземных сфер? Ответ на эти вопросы в индийской космологии дается через образ виман — небесных колесниц, летающих кораблей, которые являются не просто транспортными средствами, но и символами власти, знания и божественного могущества. Виманы описываются в ведийских гимнах, в эпосах, в пуранах, и даже в буддийских текстах, и их описания являются одними из самых захватывающих и загадочных частей индийской литературы. Они поражают воображение своей детализацией, своей технической сложностью, и своей связью с астрономическими представлениями, показывая, что даже в древности люди мечтали о покорении неба и о путешествиях между звезда-

ми.

Самые ранние упоминания о виманах появляются уже в Ригведе, где они описываются как колесницы, которые движутся по небу, запряженные ветрами или конями, и которые используются богами для путешествий между мирами. Индра, царь богов, ездит на своей колеснице, которая сверкает как молния, и его колесница способна пересекать небо с невероятной скоростью, пронзая облака и достигая самых отдаленных уголков космоса. В этих гимнах вимана не является техническим устройством, но скорее символом божественной силы и скорости, которая не знает границ. Однако уже в «Ригведе» есть намеки на то, что виманы имеют определенную структуру: они описываются как имеющие колеса, которые вращаются, создавая звук, и как имеющие огонь, который вырывается из них, когда они движутся. Эти элементы, которые впоследствии станут основой для более сложных описаний, показывают, что даже в самой древней литературе существовало представление о том, что небесные корабли имеют материальную природу, и что они не являются просто метафорами.

В эпосах, особенно в «Рамаяне» и «Махабхарате», виманы описываются с гораздо большей детализацией. Самая известная вимана — это Пушпака, которая принадлежала богу богатства Кувере, а затем была захвачена царем демонов Раваной. В «Рамаяне» описывается, как Равана летал на Пушпаке по всему миру, и как эта вимана была способна

вмещать в себя множество существ, двигаться по желанию владельца, и даже менять свой размер в зависимости от потребности. Когда Рама победил Равану, он получил Пушпаку и использовал её, чтобы вернуться в Айодхью, и это путешествие описывается как одно из самых впечатляющих в эпосе. Пушпака описывается как имеющая серебряные стены, золотые колонны, и алмазные украшения, она двигалась с шумом, подобным грому, и её свет был настолько ярким, что затмевал звезды. Это описание является не только поэтическим, но и техническим: оно показывает, что виманы считались сложными сооружениями, которые требовали мастерства для управления, и которые были способны на чудеса, превосходящие человеческие возможности.

В «Махабхарате» также есть упоминания о виманах. Например, когда герои отправляются на небо после смерти, они поднимаются на виманах, которые везут их к богам. В некоторых эпизодах описываются виманы, которые используются для войны, и которые могут стрелять огненными снарядами, разрушая крепости и армии. Эти описания, хотя и являются фантастическими, отражают идею о том, что виманы были не только транспортными средствами, но и оружием, которое могло изменять ход битв. Они также показывают, что в индийской космологии технологии и магия не были разделены, и что виманы были частью как божественного мира, так и мира людей, которые могли получить доступ к ним через подвиги или благословения.

В пуранической литературе виманы описываются еще более систематически. В «Вишну-пуране» и «Бхагавата-пуране» есть целые разделы, посвященные небесным колесницам, где перечисляются их виды, их функции, их материалы, и даже их пилоты. Считается, что существует множество типов виман, каждая из которых предназначена для определенных целей: для путешествия между планетами, для патрулирования небесных сфер, для доставки даров богам, для перевозки душ умерших. Эти виманы строятся из драгоценных металлов, таких как золото и серебро, и они управляются с помощью мантр и священных формул, которые активируют их двигатели. В некоторых текстах описываются виманы, которые движутся за счет силы мысли, и которые могут мгновенно перемещаться в любую точку космоса. Это показывает, что индийская космология не ограничивалась механическими представлениями, но также включала психологические и духовные аспекты.

Одним из самых известных текстов, посвященных виманам, является «Вайманика-шастра», которая, однако, датируется более поздним периодом, вероятно, ранним средневековьем, и её авторство приписывается мудрецу Бхарадваджe. Этот текст содержит подробные описания различных типов виман, их конструкцию, их двигатели, и даже материалы, из которых они должны быть сделаны. В «Вайманика-шастре» описываются виманы, которые используют ртуть для движения, и которые могут летать на огромные расстo-

яния. Хотя этот текст считается некоторыми учеными апокрифическим или фальсифицированным, он отражает традицию, которая существовала в Индии, и которая связывала астрономию с технологией. В этом тексте также описываются виманы, которые могут становиться невидимыми, создавать огонь, и даже сражаться с другими виманами, что напоминает современные научно-фантастические концепции.

В буддийской традиции виманы также присутствуют, но с некоторыми отличиями. В буддийских сутрах виманы часто описываются как небесные дворцы, которые находятся в высших мирах, и которые являются местом обитания богов и бодхисаттв. В «Сутре о великом сострадании» описывается вимана, которая принадлежит Будде, и которая способна вмещать бесчисленное количество существ, и которая движется по желанию Будды. В буддийской космологии виманы не имеют такого технического значения, как в индуистских текстах, они скорее являются символами просветления, которые показывают, что пробужденный ум способен создавать свои собственные миры и перемещаться между ними. Однако в некоторых буддийских джатаках описываются виманы, которые используются для путешествий между мирами, и которые считаются дарами богов для тех, кто соблюдает добродетель.

В индийской астрономии виманы также ассоциируются с движением планет и звезд. Считалось, что планеты являются своего рода виманами, которые движутся по своим орби-

там под управлением божеств. Например, Сурья, бог Солнца, едет на колеснице, которая является виманой, и его колесница запряжена семью конями, которые символизируют лучи света. Эта колесница не является просто метафорой; она считается реальной, и её движение по небу определяет течение времени. Аналогично, Сома, бог Луны, едет на своей колеснице, которая также является виманой, и её движение по небу определяет фазы Луны. Эти ассоциации показывают, что виманы были не только транспортными средствами, но и космическими механизмами, которые управляли Вселенной.

В эпосе виманы также используются для путешествий между мирами. Например, в «Махабхарате» герои часто поднимаются на виманах на небо, чтобы встретиться с богами, и эти путешествия являются важной частью их духовного пути. В «Рамаяне» Рама использует виману Пушпаку, чтобы вернуться в Айодхью, и это путешествие символизирует его возвращение из изгнания в состояние мира и процветания. Виманы также используются для переноса душ умерших в загробные миры, и это показывает, что они были мостом между жизнью и смертью.

В философских школах виманы рассматриваются как символы ума, который может путешествовать по мирам, если он очищен и контролируется. Йогин, который достигает высокого уровня медитации, может визуализировать виману, которая поднимает его к небесам, и эта визуализация по-

могает ему освободиться от привязанностей. В этом смысле вимана становится не просто физическим объектом, но и духовным инструментом, который ведет к просветлению.

В народной культуре виманы часто являются темами для легенд и сказок. Люди рассказывают истории о том, как мудрецы или герои летали на виманах, и эти истории вдохновляют на мечты о полетах и о приключениях. В некоторых регионах Индии до сих пор существуют храмы, которые изображают виманы на своих стенах, и эти изображения служат напоминанием о том, что небо является не только физическим пространством, но и областью, где возможно всё.

В современном мире виманы часто ассоциируются с идеей о древних астронавтах и о том, что индийские тексты описывают реальные технологии, которые были утеряны. Хотя эта интерпретация является спорной и не принимается большинством ученых, она показывает, что образ виманы продолжает жить в воображении людей, и что он все еще вызывает интерес. Изучая виманы, мы можем понять, как древние индийцы представляли себе движение по космосу, и как они связывали технологии с религией и с астрономией. Они видели в небе не только светила, но и пути, по которым можно путешествовать, и их виманы были мечтой о покорении пространства, которая остается актуальной и сегодня.

Огненные колесницы являются неотъемлемой частью индийской космологии, которая связывает астрономию, мифологию, технологию и духовность в единое целое. Они пока-

зывают, что для древних индийцев космос не был недосягаемым; он был доступен через божественные средства, и что путешествия по нему были возможны для тех, кто обладал чистотой и мудростью. Виманы напоминают нам о том, что человеческое воображение всегда стремилось выйти за пределы Земли, и что это стремление является частью нашей вечной природы.

Глава 56. Боги-врачеватели Ашвины: связь созвездий Близнецов с медициной

Среди бесчисленных божеств индийского пантеона, среди грозных воителей, мудрых творцов и величественных хранителей, есть два существа, которые занимают особое, почти интимное место в сердцах людей. Они не являются верховными владыками, они не правят мирами и не сражаются с демонами в эпических битвах, но они присутствуют в каждой молитве о здоровье, в каждом ритуале исцеления, в каждом моменте, когда человек обращается к небесам с просьбой о спасении от болезни и страдания. Это Ашвины, божественные близнецы, врачеватели богов и людей, которые мчатся по небу на своей золотой колеснице, запряженной конями или птицами, чтобы принести исцеление тем, кто взывает к ним. Их образ связан с утренней зарей, с первыми лучами Солнца, которые приносят надежду и новую жизнь, и их связь с созвездием Близнецов является одной из самых древних и самых значимых в индийской астрономии. Ашвины не просто боги; они являются архетипом сострадания, которое проявляется через исцеление, и их изучение открывает нам глубинные связи между астрономией, медициной и духовной практикой.

В ведийской литературе Ашвины являются одними из самых древних и почитаемых божеств. Им посвящено множество гимнов в Ригведе, где они воспеваются как прекрасные юноши, которые появляются на колеснице с первыми лучами зари, и которые приносят здоровье, богатство и долголетие. Они описываются как «сыновья неба» или «сыновья зари», и их рождение связывается с богиней Ушас, которая предшествует Солнцу. В этих гимнах Ашвины часто называются «насатья», что означает «спасающие» или «истинные», и это имя подчеркивает их основную функцию: они спасают от болезней, от смерти, от опасности. Они являются покровителями медицины, и их колесница, которая путешествует по небу быстрее мысли, символизирует скорость, с которой исцеление должно приходить к страждущим. В этих ранних текстах Ашвины также связываются с медом и сомой, которые используются в ритуалах как целительные субстанции, и это показывает, что их исцеление не является только физическим, но также и духовным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.